

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

В номере:

Из истории Великой Отечественной войны

«Стратегия сокрушения»: Стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны

«Гнать немцев на мороз!»: Приказ Ставки № 0428

Деятельность правоохранительных, судебных и юридических органов на оккупированной территории РСФСР

Деревня и государственная заготовительная политика в 1941–1945 гг. (на материалах Марийской АССР)

Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии
Победный 1945 год во фронтовом фольклоре

Российское зарубежье

Российская эмиграция 1917–1939 гг.: Структура, география, сравнительный анализ

Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х гг.

Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.

К юбилею А.Н. Сахарова

Источниковедческие проблемы исторической информатики

МОСКВА
НАУКА

3
май
июнь
2010

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (главный редактор),
А.В. ГОЛУБЕВ (зам. главного редактора), Д. ДАЛЬМАНН (Германия),
А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ, А.П. КОРЕЛИН, В.А. КУЧКИН,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Е.И. ПИВОВАР, Ю.С. ПИВОВАРОВ,
В.Н. ПЛЕШКОВ, Н.М. РОГОЖИН, А.Н. САХАРОВ,
Д. СВАК (Венгрия), С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.А. ТИШКОВ, В.В. ТРЕПАВЛОВ,
ДЖ. ХОСКИНГ (Великобритания), В.В. ШЕЛОХАЕВ

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Наша электронная почта:

otech_ist@mail.ru

otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

А.Н. MEDUSHEVSKY (*Editor-in Chief*),
А.В. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), DITTMAR DAHLMANN (*Germany*), А.Е. IVANOV,
А.В. IGNATIEV, А.П. KORELIN, В.А. KUCHKIN, Л.Н. NEZHINSKY,
Е.И. PIVOVAR, Yu.S. PIVOVAROV, V.N. PLESHKOV, N.M. ROGOZHIN,
A.N. SAKHAROV, GYULA SZVÁK (*Hungary*), S.S. SEKIRINSKY,
V.A. TISHKOV, V.V. TREPAVLOV, GEOFFREY HOSKING (*United Kingdom*),
V.V. SHELOKHAEV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Tel. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

Из истории Великой Отечественной войны

© 2010 г. М.М. МИНЦ*

«СТРАТЕГИЯ СОКРУШЕНИЯ»: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ И ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В СТРУКТУРЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ 1930-х – НАЧАЛА 1940-х годов

Обстоятельства начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. до сих пор остаются предметом самого пристального внимания исследователей, однако в современной историографии, к сожалению, по-прежнему преобладают работы, посвященные лишь относительно короткому периоду, непосредственно предшествующему началу войны (1939–1941 гг.). По-видимому, здесь сохраняется влияние разгоревшейся еще в 1990-х гг. «незапланированной дискуссии» вокруг книг В.А. Суворова, основным предметом которой с самого начала стал его ключевой тезис о том, что в 1941 г. СССР готовился к нападению на Германию. Между тем, как представляется, более глубокое понимание предыстории и истории Великой Отечественной войны возможно лишь в том случае, если рассмотреть эти проблемы в более широком контексте, причем не только событийном. В конце концов, к будущему противоборству с «мировым империализмом» СССР начал готовиться задолго до Второй мировой. Война с Германией, разразившаяся в июне 1941 г., по своим масштабам вполне соответствовала ожиданиям тех лет и в этом отношении стала для советского государства и его вооруженных сил своеобразным экзаменом, подведя итоги работе, проделанной в течение межвоенного периода. Поэтому изучение мероприятий по совершенствованию вооруженных сил и подготовке к будущей войне, проводившихся в нашей стране в 1920–1930-х гг., ничуть не менее важно, чем изучение событий 1939–1941 гг. Не меньшее значение имеет и исследование тех представленческих моделей, которые лежали в основе важнейших политических и стратегических решений, принимавшихся в указанный период.

Активное изучение такой проблемы, как представления советского руководства и военной элиты о будущей войне в 1929–1941 гг., т.е. в период первых пятилеток, началось относительно недавно¹ и до сих пор находится в известной мере на начальной стадии. Между тем значение данного вопроса нельзя недооценивать, ведь именно представлениями о будущей войне, вкупе с конкретной складывающейся обстановкой, определялись направление и содержание подготовки к предстоящим сражениям. Поступки человека зависят не столько от объективных условий как таковых, сколько от результатов их осмыслиения, причем, как показывает опыт (в том числе и опыт Второй мировой войны), представления о сложившейся обстановке могут сильно расходиться с действительностью. Именно поэтому так важно выяснить, какой представлялась грядущая война руководителям СССР на протяжении 1920-х и, особенно, 1930-х гг., когда происходила масштабная реконструкция вооруженных сил. Это позволило бы выстроить факты событийной истории в целостную картину, уточнить логику принимавшихся решений и в конечном итоге значительно глубже понять истоки поражений РККА летом – осенью 1941 г.

---

* Минц Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Фактически речь идет о военно-доктринальных установках советского руководства, сформировавшихся на протяжении межвоенного периода, но так и не оформленных в виде официального документа. Кроме того, представляют интерес и такие основанные на военной доктрине практические представления как оценки технической оснащенности своей армии в сравнении с армиями вероятных противников и предполагаемыми требованиями будущей войны, а также оценки уровня подготовки личного состава собственных вооруженных сил. Особый предмет для изучения составляют материалы стратегического планирования в мирное время: в определенном смысле они являются попыткой нарисовать более конкретный и детализированный образ предстоящей войны.

В структуре военной доктрины традиционно принято выделять политическую составляющую и собственно военную² (в прежней советской терминологии – военно-техническую³). Именно последней, содержащей представления о способах ведения будущей войны и использования различных видов вооружения и военной техники, а также сделанным на основе этих представлений практическим выводам посвящена настоящая статья.

Важно, однако, учитывать то обстоятельство, что выработка военной доктрины происходит на фоне и в значительной степени под влиянием исследований военных теоретиков, нацеленных на предвидение характера будущих войн. Кроме того, отдельные, хотя и немногие, советские военные теоретики сами имели непосредственное отношение к военно-политическому руководству. С учетом всего этого представляется необходимым перед тем, как переходить собственно к военно-доктринальным установкам советского руководства, рассмотреть бытовавшие в Советском Союзе теоретические представления о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны.

Теоретические дискуссии и их результаты

Характер будущей войны – вопрос неоднозначный, и это осознавалось на протяжении рассматриваемого периода. Так, еще в 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский в своем докладе «Вопросы современной стратегии» отмечал по опыту Первой мировой войны, что характер будущей войны можно спрогнозировать лишь в самом общем виде, поскольку на протяжении многолетнего противостояния он неизбежно претерпит радикальные изменения (как это уже произошло в течение 1914–1918 гг.), предвидеть которые практически невозможно⁴. Аналогичные идеи высказывал и В.К. Триандафиллов⁵. В советской военной теории и военном планировании весьма обстоятельно разрабатывались проблемы первого периода войны, однако делались и попытки представить, хотя бы в общих чертах, характерные черты будущей войны в целом. Попробуем подытожить результаты этой работы.

В 1933 г. безымянный автор брошюры «Опасность империалистической войны и интервенции в Европе» (пособие для пропагандистов, подготовленное в Коммунистической академии по заказу культпропотдела Политуправления РККА) утверждал: «Интервенция против Советского Союза во второй пятилетке должна принять характер “большой войны”»⁶. Описания того, какой смысл вкладывался в эти слова, можно найти в самых разных источниках. Предполагалось, прежде всего, что война неизбежно примет затяжной характер, а исход ее во многом будет зависеть от наличия необходимых ресурсов и способности государства целесообразно их использовать. Война потребует максимального напряжения всех сил страны, тотальной экономической мобилизации, полного перевода всей экономики на военные рельсы. Триандафиллов даже допускал, что ряд отраслей промышленности, не имеющих военного значения, может прекратить работу⁷. В водоворот войны будет вовлечено буквально все население враждующих стран, тем более что по мере развития современных средств борьбы граница между фронтом и тылом в значительной степени будет размыта.

На эти представления о характере грядущих сражений, несомненно, оказал значительное влияние опыт Первой мировой войны, осмысление которого продолжалось

в послевоенные годы. Сыграло свою роль и дальнейшее развитие современных вооружений. Поэтому доминирующим на всем протяжении рассматриваемого периода был также образ предстоящей войны как «войны моторов», в которой ключевая роль будет принадлежать техническим родам войск (авиация, танки, мотопехота). Разработанная на рубеже 1920–1930-х гг. теория глубокого боя и глубокой операции намечала новые способы ведения боевых действий в этих условиях. Менялись представления о задачах, которые предстоит решать различным родам оружия в будущей войне.

Так, в начале 1930-х гг. еще предполагалось, что танковые войска должны применяться только в тесном взаимодействии с другими родами войск⁸. Позже появилась и была осознана возможность применять танковые соединения для решения самостоятельных задач оперативного масштаба. Триандафиллов (в то время заместитель начальника Штаба РККА) в 1929 г. отмечал возросшую огневую мощь конницы, но, тем не менее, склонялся к тому, что в предстоящей войне она будет применяться лишь как мощный, чрезвычайно подвижный огневой резерв. Ведение боя в конном строю, по его мнению, отошло в прошлое⁹. К.Е. Ворошилов в заключительном слове на заседании Военного совета при наркому обороны 21–27 ноября 1937 г. также отмечал, что численность конницы необходимо сократить, уделив больше внимания ее подготовке к действиям в пешем строю, к защите от ударов авиации. В современной войне на западном театре, считал нарком, конница будет играть второстепенную, если не третьюстепенную, роль. Условия, которые существовали в Гражданскую войну, больше не повторятся. Разве что на Ближнем Востоке или в Средней Азии еще, может быть, удастся применять конницу в прежних масштабах¹⁰. Двумя годами ранее в телеграмме Сталину в Москву из Киева о результатах маневров в Киевском военном округе он специально остановился на проблемах, возникших при использовании конницы, обратив, в частности, особое внимание на ее уязвимость от действий вражеской авиации (Ворошилов предлагал даже ввести в состав кавалерийских соединений авиационные части)¹¹. Наконец, на известном совещании высшего командного состава 23–31 декабря 1940 г. ведущая роль уже безусловно отводилась танковым войскам¹². В то же время концепция малочисленных, сверхмеханизированных армий не получила широкого распространения, и преобладающим осталось представление о том, что массовые армии сохранятся и в техническую эпоху.

Значительная роль в будущей войне отводилась и авиации. Здесь сказались не только общие представления о возрастающем значении военной техники, но и попытки учесть в расчетах особенности театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии. «В строительстве вооруженных сил страны, – писал командующий войсками Белорусского военного округа И.П. Уборевич Г.К. Орджоникидзе 17 августа 1936 г. – при нынешней военно-политической ситуации и учитывая слабость наших железных дорог (с точки зрения маневра военными силами и снабжения на Западе и Востоке) и морского флота, – авиация является самым острым, самым важным средством обороны и в то же время сложным и трудным для создания в мирное время и поддержания на высоте в военное время»¹³.

Некоторые попытки составить более точные прогнозы приводили к результатам, которые с высоты последующих десятилетий могут показаться курьезными. Так, например, Тухачевский в статье «Новые вопросы войны», написанной в 1931–1932 гг. (он тогда был начальником вооружений РККА) и опубликованной впервые в 1962 г., рассуждает, в частности, о том, какие типы танков потребуются армии в современной войне. Примечательно, что при этом гусеничному танку Тухачевский при прочих равных условиях предпочтает колесно-гусеничный, а танк с артиллерийским вооружением еще считает машиной специального назначения (подавление артиллерии противника в глубине обороны, борьба с вражескими танками в составе механизированного соединения). В то же время предлагается для действий в глубине обороны противника создавать телеуправляемые танки, поскольку при современном уровне развития артиллерии обычные машины могут оказаться недостаточно живучими¹⁴. С описанными идеями перекликаются и знаменитые предложения Тухачевского о реконструкции

армии, высказанные им в 1930 г. В своей записке на имя Ворошилова за № 08/сс от 11 января 1930 г. он предположил, что численность армии в военное время должна определяться транспортными возможностями страны, а количество военной техники в строю – производственными возможностями, причем не только и даже не столько военной, сколько гражданской промышленности (в записке, к примеру, предлагается исходить из расчета один танк на 1–2 производимых трактора). Следовательно, Красная армия в военное время должна насчитывать 260 дивизий и иметь в строю 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков¹⁵. Позже, в своих записках на имя Сталина от 19 июня и 30 декабря того же года, Тухачевский подробно обосновал свои предложения. Так, говоря о танковых войсках, он отверг как устаревшее представление о том, что все танки должны быть «специального военного образца». Такие машины, по его мнению, опять-таки должны иметь лишь узко специальное назначение – прежде всего подавление противотанковой артиллерии противника; их доля в общей численности танковых войск должна составлять около трети, в то время как остальная часть танкового парка, предназначенная главным образом для использования во втором и третьем эшелонах уже после прорыва вражеской обороны, должна состоять даже не из танков как таковых, а из бронированных тракторов¹⁶. Именно такой подход и позволил Тухачевскому напрямую связать возможные темпы производства танков в будущем с мощностью тракторной промышленности, на чем, в свою очередь, были основаны его предложения о развертывании производства танков в военное время. Аналогичные предложения он высказывал и об авиации¹⁷. Как показали дальнейшие события, более адекватным было мнение начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, который в своей записке на имя Ворошилова от 13 февраля 1930 г. за № 017086сс по поводу предложений Тухачевского обратил внимание на то, что «танки для своего изготовления требуют особых цехов и приравнивать их производство в эквивалентном отношении к тракторному не приходится», что, по его словам, подтверждалось и данными разведки¹⁸.

Впрочем, тогдашним прогнозам будущей войны, видимо, вообще был свойственен некоторый элемент фантастичности. Еще одно интересное наблюдение приводит Л. Самуэльсон в своей книге «Красный колосс». Анализируя советские планы производства боеприпасов на случай войны, составленные в период III пятилетки, он пишет, что принятые тогда методы расчетов «вели к установлению уровня потребностей в несколько сот миллионов снарядов на год войны. В настоящее время хорошо известно, что фактическое производство снарядов за все годы Великой Отечественной войны не превысило ста миллионов штук. Следовательно, в предвоенные годы, в особенностях, в 1939–1941 гг., советское руководство, военные и плановые работники пытались достичь уровня производства боеприпасов, который значительно превышал реальные потребности военного времени»¹⁹. Невольно напрашиваются параллели с ситуацией лета 1941 г., когда Красная армия по количеству танков в строю, по крайней мере, в 5 раз превосходила Вермахт, в то время как сильнейший дефицит радиостанций делал огромные советские межкорпуса неповоротливыми и трудноуправляемыми. В свойственной советскому руководству гигантомании, которая привела к подобному дисбалансу в снабжении армии, могли оказаться и преувеличенные представления о масштабах будущей войны.

Непростым оказался вопрос о том, будет ли предстоящая война маневренной или позиционной. В 1923 г. Тухачевский в статье «Об обороне» прогнозировал маневренный характер будущей войны. Первая мировая война, писал автор, была в основном позиционной (за исключением первых месяцев) не потому, что наступательные вооружения были хуже оборонительных, а потому, что их производство в нужном объеме сумели наладить лишь к концу войны. Произойди это раньше – и война снова стала бы маневренной²⁰. К тому же Тухачевский предполагал, что в новой войне, по крайней мере в начальный ее период, плотность артиллерийского и пулеметного огня обороняющейся стороны будет ниже, чем в конце Первой мировой войны²¹. Впоследствии он несколько изменил свое мнение. В уже упоминавшейся статье «Война как

проблема вооруженной борьбы» он склоняется к тому, что «с возможностью затяжной позиционной войны нельзя не считаться и в будущем», ссылаясь на дальнейшее развитие средств обороны (прежде всего, пулеметного вооружения), а также на значительные сроки промышленной мобилизации²². Впрочем, полностью от первоначальных своих прогнозов он так и не отказался, по-прежнему связывая позиционный характер Первой мировой войны с ошибками ее участников в предвоенный период, а превращение будущей войны в позиционную считал возможным предотвратить за благовременной заботой о создании необходимых средств борьбы и обучения войск искусству современного наступательного боя²³.

Несколько иную точку зрения высказывал Триандафиллов. Он не отрицал возможность маневренной войны, однако прогнозировал относительно низкие темпы продвижения наступающих войск: до столкновения с главными силами противника – не более 8–10 км в сутки, в зоне фронтального столкновения – и того меньше, 5–6 км в сутки, и даже при использовании большого количества танков – 10 км в сутки. Ближайшая задача, по его мнению, состояла в том, чтобы путем создания механизированных частей повысить темпы наступления до 20–25 или даже 35–50 км в сутки²⁴.

В дальнейшем развитие военной техники, а также продолжающееся организационное совершенствование вооруженных сил (в том числе создание крупных механизированных частей и соединений), казалось, должны были создать благоприятные условия для развития маневренных форм борьбы. Однако сомнения оставались. На определенном этапе сказался и своеобразно истолкованный опыт Гражданской войны в Испании, позиционной по своему характеру. Не сложилось единого мнения в отношении опыта начавшейся Второй мировой войны. Хотя и германо-польская война, и боевые действия в Западной Европе в 1939–1940 гг. имели ярко выраженный маневренный характер, не все представители советского руководства и военной элиты были согласны с тем, что столкновение таких исполинов, как Германия и СССР, будет развиваться аналогичным образом.

Своеобразно был воспринят и опыт войны 1939–1940 гг. с Финляндией. Одной из отличительных черт советской военной мысли 1940 г. стало представление о том, что не только Финляндия или Франция, но и другие страны строят по периметру своих границ линии долговременных укреплений, и поэтому в будущей войне маневренным действиям будет предшествовать продолжительный период «прогрызания» этих укреплений с целью вырваться на оперативный простор²⁵. По-видимому, было даже принято решение скорректировать соответствующим образом пропаганду. Начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис в своем докладе «О военной идеологии», сделанном 13 мая 1940 г. на совещании, созванном наркомом обороны, призвал к преодолению характерного, по его мнению, для советских вооруженных сил «увлечение примата маневренной войны и недопонимания борьбы за прорыв (так в тексте. – М.М.) современных оборонительных сооружений типа линии Мажино, Зигфрида и им подобных». «Если говорить сегодня о главной опасности в вопросах военной доктрины, – продолжал Мехлис, – то главной нашей опасностью является недооценка трудностей маневренной войны. Проявляется также и недооценка трудностей прорыва укрепленной полосы»²⁶. Он подверг резкой критике пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, отметив, что это вполне естественные и часто необходимые виды боевых действий²⁷. Критике подвергся и лозунг о непобедимости РККА. Непобедимых армий не бывает, подчеркивал Мехлис, на войне возможны любые неожиданности: «Армии надо прививать дух уверенности в свою мощь (так в тексте. – М.М.) но не в смысле хвастовства. Хвастовство о непобедимости приносит вред армии»²⁸. Как покажут события лета 1941 г., эти благие пожелания, по-видимому, по большей части остались лишь на бумаге.

Какие же практические выводы были сделаны военно-политическим руководством страны по результатам описанных выше исследований и как они повлияли на содержание советской военной доктрины тех лет?

«Стратегия сокрушения» и доктрина «ответного удара»

Прежде всего необходимо было определиться с базовыми принципами военной доктрины. Еще в 1920-х гг. развернулась оживленная дискуссия о том, нужен ли Советскому Союзу мощный флот. Со времен Петра I Российская империя стремилась стать великой морской державой. Бытовало мнение, что и молодому большевистскому государству необходимо наращивать свои военно-морские силы, чтобы снова получить возможность бороться за господство на море. Тухачевский решительно возражал против этого. Опираясь на опыт Первой мировой войны, он настаивал, что СССР, в силу своего географического положения, должен придерживаться «континентальной» стратегической концепции, т.е. строить мощные сухопутные силы и ВВС, тогда как флот должен выполнять лишь вспомогательные задачи; прежнее стремление Германии и России к господству на море, по его мнению, приводило лишь к неоправданным затратам сил и средств и в этом отношении стало одной из причин их поражения в 1914–1918 гг.²⁹ В 1928 г. «континентальная» концепция Тухачевского была принята военно-политическим руководством страны³⁰. Однако еще до этого, в 1925–1927 гг., среди самих сторонников этой концепции обнаружились серьезные разногласия. Камнем преткновения стал выбор между так называемой стратегией сокрушения, предлагающей активные действия с целью скорейшего разгрома противника, и «стратегией измора», ключевой идеей которой было «занятие важной промышленной или производящей области неприятеля, или даже только оборона своих наиболее географически ценных районов с переносом центра тяжести на экономический фронт (любимый способ действия англосаксов) и политическую агитацию»³¹. Начало этой дискуссии было положено еще до революции. Сторонниками «стратегии сокрушения», к примеру, были практически все крупные русские военачальники периода Первой мировой войны: А.А. Брусилов, М.В. Алексеев и другие³². В СССР 1920-х гг. концепцию «сокрушения», которая впоследствии и была принята военно-политическим руководством страны, среди военных теоретиков представляли, в частности, Тухачевский и Триандафиллов. Наиболее известным сторонником «стратегии измора» был А.А. Свечин.

Претензии Тухачевского к теории Свечина состояли в следующем. Во-первых, непонятно, как можно достичь уничтожения противника, не обрушившись на него вооруженной силой – следовательно, «стратегия измора» делает бессмысленной саму вооруженную борьбу. Далее, непонятно также, почему стратег-«изморист» (выражение Тухачевского) обладает большей свободой выбора, нежели «сокрушитель» (такого термина мне у Тухачевского не попадалось, но думаю, что в сочетании с предыдущим он был бы уместен). Свечин, по мнению Тухачевского, не учитывает прочность союза между советским пролетариатом и крестьянством, международную пролетарскую солидарность, не принимает во внимание тот факт, что советское наступление, несомненно, будет поддержано местным населением, переоценивает силу капиталистических государств и армий. Таким образом, теория Свечина является упадочной, ее автор не умеет применять положения марксизма, не понимает характер будущих революционных войн³³.

Сходную точку зрения высказывал и Триандафиллов. В своем труде «Характер операций современных армий» он, не называя прямо имени Свечина, также критикует теорию «измора» как упадочную. По мнению Триандафиллова, трудности, с которыми сталкивается современное оперативное искусство, не могут быть основанием к тому, чтобы отказываться от сокрушительных ударов по врагу. Он предлагает и политический аргумент: нанесение глубоких ударов по войскам противника не только расстраивает его армию, но и приводит к росту социальной напряженности в тылу, облегчая перерастание войны в гражданскую; даже во время войны с Польшей в 1920 г., хотя она и окончилась неудачно для Красной армии, советским войскам все же удалось на какое-то время поставить польское государство на грань краха и гражданской войны³⁴.

На рубеже 1920-х и 1930-х гг. споры между «измористами» и «сокрушителями» завершились окончательной победой последних. Свечин в 1931 г. был арестован.

В феврале 1932 г. он был освобожден и вернулся на службу в РККА, но был отстранен от активной деятельности в области военной теории. Концепция «сокрушения» оставалась преобладающей в представлениях советского руководства вплоть до начала Отечественной войны. Она была закреплена и во Временном полевом уставе Красной армии 1936 г. (ст. 1–2); подчеркивалось также, что в случае войны боевые действия будут вестись на уничтожение, с переносом их на территорию противника, вплоть до полного его разгрома³⁵. В статье 5 устава отмечалось, что боевые действия могут принимать как маневренный, так и позиционный характер.

В это же время утвердилась новая концепция начального периода войны. Во второй половине 1920-х гг. еще считалось, что началу войны будет предшествовать ее официальное объявление (или же объявление мобилизации, которое теперь фактически приравнивалось к объявлению войны), а отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил на театре военных действий будет происходить уже после ее фактического начала³⁶. После вторжения японцев в Маньчжурию в 1931 г. в среде советских военных, равно как и среди политических руководителей страны, утвердилась новая концепция начального периода войны – так называемое «вползание в войну». Она предполагала, что боевые действия будут начинаться без формального объявления войны, внезапным вторжением на территорию противника заблаговременно отмобилизованных специальных войск вторжения. Поэтому предлагалось еще в мирное время создать на приграничных территориях «армии прикрытия», содержащиеся по штатам, близким к штатам военного времени, с большим количеством подвижных частей. В случае начала войны перед ними ставилась задача немедленно начать наступление на территорию противника с целью сорвать мобилизацию, сосредоточение и развертывание его армии, тем самым прикрывая аналогичные мероприятия на своей территории. Отмобилизование армий прикрытия должно было производиться скрытно, еще до начала войны. Таким образом, ставился знак равенства между армиями вторжения и армиями прикрытия³⁷.

Теория «сокрушения» и концепция «вползания в войну» в совокупности составили сценарий вероятной войны в целом, известный как «стратегия ответного удара» и лежавший в основе советского военного планирования вплоть до весны 1941 г.: в начальный период войны под прикрытием армий вторжения происходит отмобилизование, сосредоточение и развертывание главных сил, которые в дальнейшем переходят в наступление. Симптоматично, что при таком подходе действия обороняющейся стороны практически ничем не отличались от действий агрессора, поскольку перед нею ставились, в сущности, такие же активные наступательные задачи, как и перед стороной нападающей. При этом, разумеется, отмечалось, что хотя, с одной стороны, успешные действия армий вторжения могут не просто затруднить, но и полностью сорвать мобилизацию противника, с другой стороны, их возможности не следует переоценивать, поскольку противник, скорее всего, будет действовать аналогичным образом. Однако при переходе от общих рассуждений к характеристике конкретных театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии, прогнозы становились более оптимистичными. Так, например, начальник Штаба РККА А.И. Егоров в своих тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе», подготовленных по поручению РВС СССР в первой половине 1932 г., предполагает, что имеющиеся на советских границах водные преграды и укрепленные районы способны в значительной степени гарантировать от срыва сосредоточения главных сил РККА наземными силами противника³⁸. Понятие «ответного удара», таким образом, носило не более чем условный характер. Как следствие, стратегическая оборона и тем более стратегическое отступление изначально исключались из расчетов, что делало советское планирование заведомо безальтернативным.

Боевые действия в Западной Европе в 1939–1940 гг. продемонстрировали новый сценарий начала войны. Опыт вторжения германских войск в Польшу показывал, что современные войны начинаются не действиями армий прикрытия, пусть даже наступательными, а внезапным вторжением на неприятельскую территорию главных сил

нападающей армии, целиком отмобилизованных, сосредоточенных и развернутых на границе еще в мирное время, причем их отмобилизование, сосредоточение и развертывание производятся постепенно, на протяжении нескольких месяцев. Это крайне затрудняет работу разведки, которой приходится пристально следить буквально за каждым перемещением войск на территории соседней страны, и не дает военно-политическому руководству государства, на которое планируется нападение, возможности с уверенностью судить о том, действительно ли идет подготовка к агрессии, или это лишь угроза. Наоборот, нападающая сторона с самого начала войны получает колоссальное преимущество перед противником, что может повлиять на исход всей войны в целом. Сходным образом рассматривался и опыт кампании 1940 г. во Франции³⁹.

В СССР, однако, так и не сложилось единого мнения по поводу того, как следует оценивать опыт последних войн. В то время как Г.С. Иссерсон и ряд других военных деятелей предполагали, что новый способ начала войны является универсальным, и Советскому Союзу следует с этим считаться, их оппоненты настаивали на том, что из опыта германо-польской войны и боевых действий в Западной Европе в 1940 г. не следует делать поспешных выводов, поскольку в обоих случаях Вермахт имел дело с заведомо более слабым врагом, который к тому же явно зазнался и потерял всякую бдительность. По-настоящему большая война между равнозначными противниками (в том числе между Германией и СССР), скорее всего, будет начинаться в соответствии с прежней теорией «вползания в войну». Лишь в мае 1941 г. советское военное планирование было перестроено на основе новой теории начального периода войны, предполагавшей нанесение внезапного удара по неприятельским войскам главными силами собственной армии с целью не дать противнику возможности завершить развертывание.

Задачи технических родов войск

В военно-доктринальных установках советского руководства нашли свое отражение также постепенно уточнявшиеся представления о роли военной техники в будущей войне и ее влиянии на методы ведения боевых действий. В Полевом уставе РККА 1929 г. «бронесилы» рассматриваются пока лишь как средство поддержки пехоты и конницы. Статья 206 устава допускает использование танков для совместной атаки с пехотными частями, для выполнения самостоятельных задач в глубине оборонительной полосы в связи с действиями пехоты и артиллерии, для совместных действий с конницей на флангах противника и, наконец, в составе моторизованных частей на флангах и в прорывах⁴⁰. В ст. 210 специально подчеркивается, что танки являются не более чем дополнительным средством поддержки пехоты, «которая и без танков должна быть способна осуществить прорыв». Способность к самостоятельным действиям признается пока только за стратегической конницей (ст. 9, абз. 4–6). Устав построен на основе традиционной на тот момент тактики; предполагается, что успех в бою будет достигаться путем последовательного подавления расчленений боевого порядка противника (ст. 8, абз. 2). Однако сделан и первый шаг к будущей тактике глубокого боя: ст. 207 (абз. 1–2) позволяет командиру дивизии выделить часть приданых ей танков в эшелон дальнего действия, предназначенный «для борьбы с артиллерией противника, а при большом количестве танков и для дезорганизации работы его тыла», но «только при наличии мощных артиллерийских средств, способных подавить огонь основных очагов противника, или при придаче танков больше батальона».

Во Временном полевом уставе 1936 г. описанные установки получили свое дальнейшее развитие. Устав по-прежнему признает значительную роль кавалерии, но налагает ряд ограничений, отсутствовавших в предыдущей редакции. Подчеркивается, в частности (ст. 7, абз. 11–15), что действия конных частей должны надежно прикрываться с воздуха, поддерживаться во всех случаях мощным артиллерийским и пулеметным огнем и при каждой возможности действиями танков. Отмечается, что в новых условиях коннице часто придется действовать в пешем строю, к чему она должна быть подготовлена. В уставе 1936 г. появляются механизированные соедине-

ния, предназначенные для выполнения самостоятельных задач как во взаимодействии с прочими родами войск, так и в отрыве от них (ст. 7, абз. 16). Способность к самостоятельным действиям признается и за авиационными соединениями (ст. 7, абз. 17). В уставе закреплена новая тактика глубокого боя. Подчеркивается, что «современные технические средства борьбы позволяют достигнуть одновременного поражения боевого порядка противника на всю глубину его расположения» (ст. 9). Соответственно в наступательном бою предусматривается применение наряду с танками поддержки пехоты также танков дальнего действия с целью уничтожения резервов, артиллерии, штабов и парков противника, а также выхода на пути его отхода. Оборона, в свою очередь, должна быть прежде всего противотанковой, с активнейшим использованием естественных и искусственных препятствий, с созданием в глубине расположения противотанковых районов, приспособленных для круговой обороны, в которых должны располагаться подвижные резервы.

Наступление – «основной вид боевых действий Красной армии»

Еще одна характерная для описываемого времени тенденция состояла в противопоставлении наступательных действий оборонительным, причем наступление рассматривалось как «основной вид боевых действий Красной армии», а оборона – как второстепенный, вынужденный, и отрабатывалась зачастую по остаточному принципу. Эта концепция возникла в самом начале 1920-х гг., во время первых дискуссий о военной доктрине. Еще в июле 1921 г. М.В. Фрунзе, в то время командующий вооруженными силами Украины и Крыма, в своей статье «Единая военная доктрина и Красная армия» утверждал, что РККА должна руководствоваться своей собственной стратегией, ориентированной на решительное наступление, даже несмотря на тяжелое экономическое положение СССР. Он ссылался на опыт Гражданской войны, имевшей маневренный характер; на марксистские построения об особых свойствах рабочего класса, его особой активности, инициативности и изобретательности, из которых, по его мнению, вытекала необходимость разработки новой, пролетарской, особо активной и подвижной, наступательной, стратегии и тактики; на взгляды Ленина (а также Маркса) на стратегию и тактику пролетариата в период завоевания власти, требовавшие активных наступательных действий (тем самым Фрунзе фактически переносил взгляды, относящиеся к вооруженному восстанию, на действия армии в войне между государствами); на особый характер будущих войн (вторжение советских войск приведет к революционному восстанию рабочих). Фрунзе возражал Л.Д. Троцкому. Предостерегая от любых попыток построить особую, «марксистско-ленинскую», стратегию и тактику, он предлагал ориентироваться на реальные возможности страны и готовить армию к различным видам боевых действий, включая маневренные и позиционные, наступление, стратегическую оборону и стратегическое отступление с целью выиграть время и перейти в наступление, когда настанет подходящий момент, в том числе, если придется, с рубежей в глубине страны. В ходе дискуссии, развернувшейся в 1921–1922 гг. и завершившейся на XI съезде РКП(б), теория Фрунзе была отвергнута. Тем не менее сам он придерживался ее вплоть до смерти, считая оборонительную стратегию не более чем временным решением⁴¹.

По-видимому, аналогичных взглядов придерживались Сталин и Ворошилов, а также Тухачевский и Триандафиллов. Во всяком случае, нечто подобное можно встретить в статье Тухачевского 1923 г. «Об обороне» и в книге Триандафиллова «Характер операций современных армий». Следует, правда, отметить, что Триандафиллов при этом рассматривал современную оборону как более сложный вид боевых действий: «Вообще же в современной обороне требуются более сильные войска, более сильные кадры, чем в наступлении. Предпосылок для паники, для разложения, для бегства (так в оригинале.– М.М.) сейчас больше, чем было раньше»⁴².

Представление о приоритете наступательных действий по сравнению с оборонительными было закреплено и в Полевом уставе РККА 1929 г. (ст. 3, абз. 2–3). В течение

1930-х гг. оно постепенно стало преобладающим. Если в докладе начальника боевой подготовки РККА А.Я. Лапина на расширенном заседании РВС СССР 22–26 октября 1931 г. вопросы наступательной и оборонительной подготовки рассматриваются еще как одинаково важные⁴³, то в докладе А.И. Егорова на заседании Военного совета при наркому обороны 8–14 декабря 1935 г. среди задач по оперативной подготовке на 1936 год оборонительные задачи просто не названы; в тексте доклада перечислены только наступательные задачи (операция вторжения, действия подвижных соединений в оперативной глубине, марш-маневр армии, прорыв укрепленной полосы и его развитие, завоевание господства в воздухе, действия флота по разгрому противника). Приоритет наступательных действий был подтвержден и во Временном полевом уставе 1936 г. (ст. 2, абз. 5). Призыв Свечина пересмотреть господствующее отношение к обороне и всячески «культивировать» умение обороняться, поскольку «неумение обороняться, естественно, приводит к неумению вовремя поставить точку в наступательной операции»⁴⁴, так и не был услышан.

Недооценка роли обороны оставалась господствующей тенденцией и в канун Великой Отечественной войны. К этому добавилась идеологическая установка о будущей войне как о войне на чужой территории, победа в которой будет достигнута быстро и малой кровью. Во второй половине 1930-х гг. этот мотив стал преобладающим в советской пропаганде⁴⁵. Некоторое отрезвление пришло после войны с Финляндией, но и оно было далеко не полным. Очень показателен в этом отношении уже упоминавшийся доклад Л.З. Мехлиса «О военной идеологии» (13 мая 1940 г.). В своем выступлении Мехлис резко критикует пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, которые, по его мнению, в действительности являются вполне естественными и часто необходимыми видами боевых действий. Симптоматично, однако, что главным видом боевых действий начальник Политического управления РККА считал все-таки наступление во всех его формах. Что же касается обороны и отступления, то о них Мехлис говорит лишь как о вынужденных шагах в случае неожиданных кризисов на отдельных участках фронта⁴⁶. В сущности, Мехлис не сказал ничего принципиально нового, поскольку еще 20 января 1938 г. Stalin в разговоре на приеме депутатов Верховного совета в Большом Кремлевском дворце упомянул о том, что «плоха та армия, которая научилась наступать и не научилась отступать... Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена»⁴⁷. Вряд ли, произнося эти слова, генсек мог представить себе, насколько близким к реальности окажется впоследствии его прогноз. Однако принципиальных изменений в понимании истинной роли обороны, по-видимому, так и не произошло ни в 1938 г., ни в 1940-м. Уже осенью 1940 г. начавшаяся, было, кампания по борьбе с «шапкозакидательскими» настроениями стала сходить на нет. Неудачи в Зимней войне начали связывать исключительно с тяжелыми природными условиями, в которых приходилось действовать Красной армии. Стойкость финских солдат стала рассматриваться как своеобразная аномалия⁴⁸. По-видимому, такая пропаганда сказалась не только на настроениях солдатских масс.

Есть свидетельства того, что на совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 г. как основной воспринимался именно доклад Г.К. Жукова (в то время командующего войсками Киевского особого военного округа) «Характер современной наступательной операции»⁴⁹; по-видимому, так воспринимал его и сам Жуков⁵⁰. В своем докладе он в числе прочего подчеркнул, что до сих пор «главные усилия *передовых* армий шли по линии содания *наступательных* средств ведения войны»⁵¹ (курсив мой. – *M.M.*). Упомянул он и о том, что оборонительные действия – менее сложные, чем наступательные: французская и английская армии, по его словам, в силу разных причин «оказались неподготовленными к ведению современной войны, не *готовыми* не только для *активных наступательных операций*, но оказались даже не *готовыми* успешно вести оборонительную войну»⁵² (курсив мой. – *M.M.*).

«Наступательный порыв» докладчика был столь высок, что сроки для подготовки к наступательной операции определялись всего в несколько дней, причем по завершении очередной операции предлагалось немедленно начинать следующую. В сущно-

сти, именно такой подход был использован позднее в печально известной директиве Главного военного совета № 3 от 22 июня 1941 г., которая предписывала мощными концентрическими ударами силами нескольких фронтов окружить и уничтожить основные наступающие группировки противника и к исходу 24 июня овладеть районами Люблина и Сувалок (sic!)⁵³. Результатом этого решения, как известно, стал разгром советских войск в приграничных боях в июне–июле 1941 г.⁵⁴

О том, что оборонительные действия проще наступательных, а передовой стратегией является наступательная, говорил и Сталин на совещании 14–17 апреля 1940 г. при ЦК ВКП(б) по «сбору» опыта боевых действий против Финляндии. Финская армия, по мнению генсека, характеризовалась отсталостью стратегического мышления, выражавшейся в абсолютизации пассивной обороны в укрепленных районах при неумении вести более сложные наступательные действия. Сталин особо отметил, что финны за все время войны не предприняли ни одного серьезного наступления или даже контратаки против РККА, ограничившись лишь мелкими диверсиями. По его мнению, они переняли это отсталое мышление у своих «учителей»: англичан, французов, еще раньше – немцев. Таким образом, заключал он, Красная армия в Финляндии победила не только финнов, но и устаревшую оборонительную стратегию передовых стран Западной Европы⁵⁵.

Ход военных приготовлений СССР в последние предвоенные месяцы (выдвижение главных сил приграничных военных округов на вновь присоединенные территории, консервация укрепленных районов на линии старой границы, создание таких соединений, как Пинская и Дунайская военные флотилии и т.д.) также говорит о том, что далеко отступать не планировалось ни при каком раскладе. Представление, будто отступление будет недолгим, сохранялось и в начале Великой Отечественной войны⁵⁶. Более того, по крайней мере, части советских полководцев не удалось избавиться от прежнего увлечения наступательными действиями даже после ее окончания⁵⁷. Инерцию довоенных представлений не пересилил даже опыт неудачных операций 1941–1942 гг.

Интересно проследить также, как описанные выше теоретические представления и доктринальные установки влияли на содержание советских стратегических планов, которые разрабатывались Генеральным штабом в 1940–1941 гг. на случай войны с Германией.

Советские стратегические планы 1940–1941 гг.

Первый вариант стратегического плана был подготовлен приблизительно к середине августа 1940 г.⁵⁸ Проект не получил одобрения, и 18 сентября на рассмотрение Сталина и Молотова был представлен новый вариант⁵⁹; его немного исправленная редакция была утверждена 15 октября. Принципиальное различие между этими двумя планами состояло в распределении сил на Западном театре. Если августовский проект предусматривал развертывание главных сил к северу от Полесья, то в сентябрьском рассматривались уже 2 варианта развертывания: к северу от Полесья и к югу от него; выбор в пользу одного из них предлагалось сделать уже во время войны, исходя из обстановки. «Северный» вариант развертывания в целом воспроизводил августовский проект стратегического плана, «южный» предусматривал нанесение главного удара силами Юго-Западного фронта с целью во взаимодействии с войсками левого крыла Западного фронта разгромить люблинско-сандомирскую группировку противника и в дальнейшем развивать наступление в направлении на Кельце, Краков и далее на Бреслау (Братислава). Как августовский, так и сентябрьский проекты стратегического плана были построены в соответствии с концепцией «ответного удара» и предусматривали переход советских войск в решительное наступление по завершении развертывания. Вариант перехода к стратегической обороне не предусматривался. Задачи войскам на оборонительный период войны ставились лишь в самом общем виде и не были увязаны с предполагаемыми действиями противника (в отличие, например, от подготовленного тогда же стратегического плана на случай новой войны с Финляндией без участия Гер-

мании⁶⁰). Считалось само собой разумеющимся, что к моменту окончания стратегического развертывания начертание линии фронта будет благоприятствовать дальнейшим операциям советских войск. Более того, в обоих проектах германские войска на момент начала советского наступления охарактеризованы как сосредотачивающиеся, что, вообще говоря, не только не исключает, но и предполагает начало войны по инициативе СССР, несмотря на то что формально речь шла об отражении агрессии. Предпочтительным для Красной армии в сентябрьском проекте стратегического плана назван «южный» вариант развертывания как более подходящий для наступления.

С описанными проектами стратегического плана перекликаются и проведенные в январе 1941 г. в Москве 2 оперативно-стратегические игры на картах (2–6 января – на северо-западном направлении, 8–11 января – на юго-западном). Хотя эти игры, по-видимому, проводились с целью дать высшему руководящему составу дополнительную практику управления войсками в современной войне и не предназначались для отработки и корректировки принятого стратегического плана в чистом виде⁶¹, они все же позволяли оценить вероятные перспективы ведения боевых действий на северо-западном и юго-западном стратегических направлениях. На первой игре наступление «восточных» под руководством командующего войсками Западного особого военного округа генерал-полковника танковых войск Д.Г. Павлова захлебнулось. Напротив, на второй игре «восточным» под руководством Г.К. Жукова удалось добиться значительных успехов. По-видимому, именно в связи с этим обстоятельством от «северного» варианта стратегического развертывания было решено отказаться окончательно, и из уточненного плана развертывания вооруженных сил на Западе и на Востоке этот сценарий был исключен⁶².

Наконец, не позднее 15 мая 1941 г. был подготовлен последний проект стратегического плана⁶³. В отличие от предыдущих, он предполагает уже не ответный удар, а нападение на германские войска главными силами Красной армии, скрытно отмобилизованными и развернутыми еще в мирное время. Подобное решение обосновывается тем, что «Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами» и, таким образом, «имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Замысел первой операции основан на прежнем «южном» варианте развертывания, с определенными корректировками. Иными словами, весной 1941 г. советские генералы отказались, наконец, от устаревшей теории «вползания в войну» и приняли новую концепцию начального периода войны, предлагающую внезапное вторжение на территорию противника главных сил нападающей армии. Симптоматично, однако, что и в этих условиях единственно приемлемое для них решение состояло в том, чтобы самим напасть на Германию; о стратегической обороне речи по-прежнему не шло. Вопрос, был ли майский проект стратегического плана утвержден Сталиным, остается предметом острых дискуссий, однако анализ его текста⁶⁴ наталкивает на мысль, что данный документ по всем признакам является вполне естественным явлением для своего времени и его авторы, скорее всего, рассчитывали на его утверждение Сталиным, которое могло быть и устным. Во всяком случае, отсутствие подписи генсека под документом не может считаться достаточным аргументом в пользу гипотезы о том, что план был им отклонен⁶⁵. К тому же в мае–июне 1941 г. советская сторона приступила к осуществлению предусмотренных майским планом мероприятий по скрытному отмобилизованию и развертыванию, что также заставляет рассматривать указанный план как действующий документ⁶⁶. Более того, в ходе начавшегося стратегического развертывания в состав первого стратегического эшелона были включены не войска прикрытия, а главные силы Красной армии; роль второго стратегического эшелона отводилась стратегическим резервам. Это тоже свидетельствует об отказе от прежней концепции «вползания в войну»⁶⁷. Да и маловероятно, чтобы в условиях советской действительности последних предвоенных лет документ, подобный майскому проекту стратегического плана, мог быть подготовлен военными иначе как по поручению Сталина. В противном случае его авторы за свою инициативу могли поплатиться жизнью⁶⁸.

Как бы то ни было, нападение Германии 22 июня 1941 г. сделало майский стратегический план невыполнимым, поскольку советские войска не успели завершить развертывание на Западном театре. Интересно, однако, что с началом немецкой агрессии советской стороной были отвергнуты и планы прикрытия границы⁶⁹. Вместо того, чтобы ввести их в действие еще 21 июня короткой шифрованной телеграммой (по сути дела, просто кодовым сигналом), как было оговорено в самих планах, в войска была направлена длинная и несколько невразумительная директива Главного военного совета за № 1, в которой содержался перечень конкретных мероприятий по переходу в боевую готовность, но ключевые фразы о введении в действие планов прикрытия отсутствовали. Не было их и в изданной утром 22 июня директиве № 2 об отражении агрессии. Наконец, вечером 22 июня появилась директива № 3, но в ней говорилось уже о немедленном переходе в контрнаступление⁷⁰. Это не соответствовало как тем теоретическим представлениям, на которых был основан майский проект стратегического плана, так и прежней концепции «ответного удара», в соответствии с которой наступление должно было начаться только после того, как завершится сосредоточение главных сил. К тому же войска получили лишь ограниченные задачи (захват Люблина и Сувалок), что тоже не соответствовало не только майскому, но и более ранним проектам стратегического плана. Описание дальнейших задач в директиве отсутствует. Поражает и сам текст документа, составленный с нарушением едва ли не всех мыслимых и немыслимых законов и принципов оперативного искусства и штабного дела⁷¹. Таким образом, с началом войны советское руководство практически сразу же перешло к импровизации, причем даже планы прикрытия границы, разработанные, казалось бы, специально на этот случай, были признаны не подходящими для сложившейся ситуации. Симптоматично, однако, что и в данном случае советская сторона не отказалась от довоенной доктрины «сокрушения». Решение о переходе к стратегической обороне было принято лишь спустя несколько дней, когда приграничное сражение уже было проиграно.

Подведем итоги. На всем протяжении межвоенного периода доминирующими оставалось представление о грядущей войне как о войне затяжной, которая потребует всеобщей мобилизации и полной перестройки всей жизни страны на военный ритм. В этом сыграл свою роль опыт Первой мировой войны, к которому впоследствии добавилось продолжающееся интенсивное развитие военной техники. Таким же устойчивым было и представление об исключительной роли технических родов войск в будущей войне. Концепция малочисленных, сверхмеханизированных армий не получила широкого распространения, и преобладающей осталась убежденность, что массовые армии сохранятся и в техническую эпоху. Все эти представления, выработанные военно-теоретической мыслью, были приняты военно-политическим руководством как составная часть военной доктрины. Не сложилось единого мнения по вопросу о том, будет ли предстоящая война маневренной или позиционной. Наблюдения за дальнейшим совершенствованием вооружений и анализ опыта новых войн и военных конфликтов так и не позволили определить с достаточной степенью уверенности, какая из этих тенденций является преобладающей. В результате было выбрано компромиссное решение о том, что армию необходимо готовить и к маневренным действиям, и к действиям в условиях позиционной войны.

Серьезные изменения на протяжении изучаемого периода претерпели по сути лишь те представления, содержание которых было в наибольшей степени детерминировано конкретным эмпирическим опытом. Так, по мере развития военной техники возрастила и роль, отводившаяся техническим родам войск в будущей войне. Если еще в конце 1920-х гг. танки рассматривались лишь как новое мощное средство поддержки пехоты, то в 1930-х гг. появились бронетанковые части, а затем и соединения, предназначенные для самостоятельных действий, что, в свою очередь, позволило радикально модернизировать тактику и оперативное искусство, разработав теорию глубокого боя и глубокой операции. Впрочем, в осмыслиении роли техники в современной войне советское руководство оказалось тем не менее довольно консервативным. Несмотря на

постоянные разговоры о том, что конница в современных условиях неуклонно теряет свое значение, СССР продолжал содержать многочисленные кавалерийские соединения, в том числе и в европейской части страны. Другой пример представлений, обусловленных конкретным опытом, – это представления о начальном периоде войны, которые претерпели радикальные изменения первый раз в начале 1930-х гг., а затем, хотя и с запозданием, – в 1939–1941 гг.

Важно, однако, отметить, что за основу советской военной доктрины в межвоенный период была принята теория «сокрушения», предполагавшая постоянное ведение активных действий, нацеленных на скорейший разгром врага. «Стратегия измора», направленная на затягивание войны и истощение противника без нанесения ему сокрушительных ударов на фронте, была отвергнута. Более того, характерной для официальной стратегической концепции будущей войны стала хроническая недооценка роли обороны в современной войне. Очень показательно, что в советском понимании тех лет агрессивная война и действия по отражению агрессии должны были развиваться практически одинаково (отмобилизование и развертывание главных сил под прикрытием активных и, по возможности, наступательных действий войск прикрытия, затем переход в сокрушительное наступление).

Весной 1941 г. представление о внезапном вторжении главных сил как наиболее вероятном способе развязывания войны, наконец, возобладало над прежней теорией «вползания в войну», что привело к отказу от доктрины «ответного удара», но не от концепции «сокрушения» как таковой. Видимо, именно этим объясняется то обстоятельство, что последний известный на данный момент – майский – проект стратегического плана войны с Германией, предполагает опять-таки не стратегическую оборону, а нанесение внезапного удара по частям Вермахта главными силами РККА. Принятая военная доктрина просто не допускала иных вариантов.

По-видимому, теория «сокрушения» была принята в СССР априори, и никакие особенности конкретной складывающейся обстановки уже не могли заставить советское руководство отказаться от нее. Такой подход делал однобокой и несбалансированной боевую подготовку и безальтернативным – военное планирование, но это так и не было осознано. Как следствие, в условиях неожиданного нападения Германии руководители СССР, вынужденные импровизировать, в конечном итоге все равно поступили в соответствии с доктриной, которой придерживались еще в предвоенный период, отдав войскам приказ о переходе в контрнаступление. В новых условиях такое решение обернулось катастрофой.

Примечания

¹ Арцыбашев В.А. Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.; Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Кулешова Н.Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–72; Отечественная военная доктрина: (В историческом измерении: от великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина). М., 1996. Следует отметить также монографию Н.С. Симонова «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление» (М., 1996) и работу С.Т. Минакова «Советская военная элита 20-х годов» (Орел, 2000); однако эти 2 исследования посвящены все же более широкой проблематике, чем перечисленные выше, и представлениям советского руководства о будущей войне их авторы уделяют лишь ограниченное внимание.

² Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. М., 1995. С. 101.

³ Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. 3. М., 1977. С. 225.

⁴ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1964. С. 252.

⁵ Триандафилов В. Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 5.

⁶ РГВА, ф. 9, оп. 34, д. 97, л. 13 об. – 14.

⁷ Триандафилов В. Указ. соч. С. 48–53.

⁸ См.: РГВА, ф. 4, оп. 1, д. 1470, л. 275; оп. 16, д. 15, л. 139 об.

⁹ Триандафиллов В. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 54, л. 481–485.

¹¹ РГАСПИ, ф. 74, оп. 2, д. 37, л. 95.

¹² Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 129.

¹³ Факел, 1990. М., 1990. С. 237.

¹⁴ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 186–187.

¹⁵ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР, 1900–1963: Док-ты и мат-лы. Т. 3. Ч. 1. М., 2008. С. 405–409.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 446, л. 9, 66–71.

¹⁷ Там же, л. 9 об.

¹⁸ Там же, д. 447, л. 29.

¹⁹ Самуэльсон Л. Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 221–222.

²⁰ Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 109–113.

²¹ См. его статью «Модные заблуждения», написанную в том же году: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 174–176.

²² Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 11.

²³ См., например, статью «О новом Полевом уставе РККА», опубликованную в «Красной звезде» 6 мая 1937 г. (цит. по: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 248).

²⁴ Триандафиллов В. Указ. соч. С. 114–120, 141–146.

²⁵ См., напр. Бирюзов С.С. Суровые годы, 1941–1945. М., 1966. С. 38–39; Накануне войны. С. 339; Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: Сталин и финская кампания: (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1998. С. 143, 187, 262.

²⁶ «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л.З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // Исторический архив. 1997. № 5–6. С. 88.

²⁷ Там же. С. 88–89.

²⁸ Там же. С. 89–90.

²⁹ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 457–458.

³⁰ Там же. С. 460.

³¹ Свечин А.А. Стратегия. М., 1926. С. 56–57.

³² Минаков С.Т. Указ. соч. С. 463.

³³ См., напр.: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 134–140.

³⁴ Триандафиллов В. Указ. соч. С. 161–163.

³⁵ Ссылки на устав даются по изданию: Временный полевой устав РККА: (ПУ-36). М., 1938.

³⁶ Арыбашев В.А. Указ. соч. Гл. I. § 1.

³⁷ Там же. Гл. II. § 1.

³⁸ Егоров А.И. Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе // Военно- исторический журнал. 1963. № 10. С. 35.

³⁹ Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. М., 1940. С. 29–30, 36–38; Арыбашев В.А. Указ. соч. Гл. III. § 1.

⁴⁰ Ссылки на устав даются по изданию: Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935.

⁴¹ Кулешова Н.Ю. Указ. соч. С. 62–65.

⁴² РГВА, ф. 4, оп. 14, д. 760, л. 15 об.

⁴³ Там же, оп. 16, д. 11, л. 1–5.

⁴⁴ Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. С. 374.

⁴⁵ Невежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 53.

⁴⁶ «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды». С. 88–89.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1121, л. 8.

⁴⁸ Невежин В.А. Указ. соч. С. 139.

⁴⁹ Казаков М.И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 53.

⁵⁰ Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 170.

⁵¹ Накануне войны. С. 129.

⁵² Там же.

⁵³ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3, 22.6.41 // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. Кн. 1. М., 1998. С. 499. Ср. напр.: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 231; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980. С. 16–17.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Михайлов А. Оперативно-стратегический аврал: В армии понимали пагубность оперативного замысла, но не смели перечить Сталину // Независимое военное обозрение. 2000. 24 марта.

⁵⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 281–282.

⁵⁶ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 242–243.

⁵⁷ См. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 107–108, 112; Мерецков К.А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 423. Ср.: Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 243.

⁵⁸ Текст плана см.: 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 182–190.

⁵⁹ Там же. С. 238–249.

⁶⁰ Там же. С. 253–260.

⁶¹ О январских оперативно-стратегических играх см. подробнее: Бобылев П.Н. Репетиция катастрофы: (По материалам совещания высшего командного состава Красной армии в декабре 1940 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

⁶² Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18–22. Текст плана опубликован также в уже цитированном сборнике «1941 год» (Кн. 1. С. 741–746), но с еще более значительными сокращениями, нежели в «Военно-историческом журнале».

⁶³ 1941 год. Кн. 2. С. 215–220.

⁶⁴ См. об этом подробнее: Минц М.М. Будущая война в представлениях военно-политического руководства СССР в 1927–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 153–156.

⁶⁵ Ср.: Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. № 3. С. 33–44; *его же*. Готовил ли Генеральный Штаб Красной армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сб. мат-лов. М., 1995. С. 84–85.

⁶⁶ Ср., напр.: Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3–20; *его же*. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41–64; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность; Невежин В.А. Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф “Ледокола”») // Отечественная история. 1996. № 3. С. 62.

⁶⁷ Арцыбашев В.А. Указ. соч. Гл. III. § 2.

⁶⁸ См.: Данилов В.Д. Готовил ли Генеральный штаб Красной армии упреждающий удар по Германии? С. 84–85; Невежин В.А. Сталинский выбор 1941 года... С. 61.

⁶⁹ Опубликованы в «Военно-историческом журнале» (1996. № 2, 3, 4, 5, 6) под общим заглавием «Конец глобальной лжи». Составители публикации предлагают рассматривать их в качестве оперативных планов отражения агрессии, что неверно: по майскому проекту стратегического плана они должны были быть введены в действие еще до начала войны, на последних этапах стратегического развертывания, а по более ранним планам – в начальный период войны; оперативные же планы округов и армий, в соответствии с которыми должны были действовать главные силы по завершении развертывания, не опубликованы до сих пор.

⁷⁰ Великая Отечественная война, 1941–1945... Кн. 1. С. 499.

⁷¹ См. об этом подробнее: Михайлов А. Указ. соч.

«ГНАТЬ НЕМЦЕВ НА МОРОЗ!»: приказ Ставки № 0428

В истории Великой Отечественной войны издание и исполнение войсками Красной армии приказа Ставки Верховного главного командования № 0428 от 17 ноября 1941 г. жечь лютой зимой свои же населенные пункты относится к числу малоизвестных страниц. Цель данной статьи познакомить читателя с причинами и обстоятельствами появления этого приказа, его истоками и последствиями для противника и населения прифронтовых районов, для подпольщиков и партизан.

На мой взгляд, причины столь жестокого приказа Ставки были связаны с грубейшими просчетами руководства СССР и Германии. Так, Гитлер, замышляя «молниеносную» войну против СССР, которая должна продолжаться не более 2–3 месяцев и победоносно завершиться до наступления зимы, к концу 1941 г. оставил свою армию без теплого обмундирования. При этом исследователи обычно ссылаются на опыт войны в Европе, успехи которой вскружили голову фюреру и его генералитету. Действительно, успехи вермахта на европейском театре военных действий были поразительными¹, они как будто подтверждали правильность установки немецкого генералитета на стратегию «молниеносной» войны. Однако, что хорошо для Европы, не всегда пригодно для России, с ее огромной территорией, плохими коммуникациями и суровыми климатическими условиями. Эти обстоятельства, конечно, беспокоили высшее политическое и военное руководство Германии, заставляли его заранее просчитывать сценарии войны против СССР и их возможные последствия. В свою очередь советское руководство настороженно следило за действиями немецкого генералитета. Руководитель разведывательно-диверсионных служб НКВД СССР генерал П.А. Судоплатов в своих мемуарах отмечал, что еще в 1937 г. советской разведкой были добыты документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). После оперативно-стратегических игр появилось так называемое завещание Секта, в котором говорилось, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев. При этом в течение первого месяца войны нужно будет захватить Ленинград, Киев и Москву, разгромить основные силы Красной армии, оккупировать главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР². Недавно опубликованные новые немецкие источники свидетельствуют, что даже Гитлер не верил прогнозам своего генералитета относительно столь коротких сроков войны. Адъютант Гитлера Н. фон Белов в своих мемуарах отметил, что Гитлер рассчитывал в 1941 г. разбить лишь советские приграничные части и выйти на линию Псков – Смоленск – Киев, овладеть Прибалтикой и Ленинградом, а на юге достигнуть Ростова. Наступление на Москву должно было вестись только с 1942 г.³ При этом Гитлер считал, что основные советские города до зимы будут все-таки заняты вермахтом, в них комфортно разместятся немецкие солдаты и офицеры, следовательно, можно избежать огромных финансовых и материальных затрат на изготовление нетрадиционной для Германии зимней армейской одежды.

Однако в реальности до начала холодов немцам не удалось овладеть ни Москвой, ни Ленинградом. Восточная армия вермахта встретила морозную зиму в окопах, без теплой одежды. Каково приходилось немецким солдатам, свидетельствуют мемуары капитана вермахта Б. Винцера. Зима 1941 г. его застала в районе Валдая. «После первых снегопадов внезапно ударили морозы... Участились случаи, когда люди отмораживали ноги, руки или лицо. Если раненых не удавалось сразу вынести за линию огня, они погибали мучительной смертью. Павшие в бою за короткий срок окоченевали:

* Басюк Иван Александрович, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Белоруссия).

трупы, изуродованные судорогой, укладывались, как дрова, штабелями, в сараях, так как их невозможно было похоронить в земле. Первоначально мы пытались взрывами зарядов динамита готовить могилу, но почти безуспешно. Мертвые, как и живые, должны были ждать наступления весны». Капитан Винцер пишет, что солдаты его роты с наступлением холодов не получили никакой теплой одежды, только часовым выдавались полуушубки и валенки, добытые в России⁴.

Катастрофические условия, в которых оказалась Восточная армия, заставили руководство Германии искать пути выхода из создавшегося положения. Как свидетельствует военный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера, на совещаниях у Гитлера неоднократно поднимались вопросы об обеспечении Восточной армии теплым обмундированием. 20 декабря 1941 г. Гитлер отдал распоряжения о неотложных мерах по организации обогрева замерзающих солдат. Он потребовал для нужд фронта насильственно изымать у советских пленных и у местного гражданского населения зимнюю одежду, а также с помощью взрывов фугасных снарядов готовить «окопы-укрытия», создавать для солдат «отапливаемые опорные пункты» и др.⁵ Но эти меры не решали проблемы. Изъятые у советского населения затрапанные кафтаны и полуушубки не отвечали немецким войсковым стандартам, они не годились для снабжения войск. Для устройства «отапливаемых опорных пунктов» передовые немецкие части не имели ни строительных материалов, ни соответствующего оборудования⁶.

Вместе с тем у германского руководства были и удачные решения. По воспоминаниям Героя Советского Союза полковника в отставке И.Д. Лебедева, немцам удалось в короткие сроки поставить в свои войска компактные чугунные печки, предназначенные для обогрева блиндажей. Согласно оценке Лебедева, это была «чудо-печка» небольших размеров, она легко переносилась двумя солдатами. Печка славилась тем, что на самом неприхотливом топливе она давала много тепла, способна была обогреть довольно вместительный блиндаж. Советские солдаты, заняв немецкие позиции, «охотились» за чудо-печками; солдат, завладевший таким трофеем, становился героем дня, а добытая им печка – ротным имуществом, она никогда насильно не изымалась начальством.

Немецким руководством изыскивались и внутренние резервы для снабжения войск Восточной армии теплой одеждой. Гитлер вынужден был обратиться к нации с призывом о пожертвованиях теплых вещей для воюющих в Советском Союзе немецких солдат. Однако в Германии, в отличие от России, мужское население не носило зимней одежды, пригодной для фронта, поэтому наиболее активно на призыв фюрера откликнулись немецкие женщины. В результате, как отмечает Б. Винцер, «самолеты доставляли теперь весной (1942 г. – И.Б.) зимнее обмундирование, которое в Германии собрали для фронта: дамские шубы и вязаные кофты, пуловеры для лыжных прогулок и цветные шали, мохнатые шапки и меховые кофты из старинного бабушкиного сундука⁷. Разумеется, использовать в частях такой сугубо дамский гардероб было делом не простым, но тем из солдат, кто провел на Восточном фронте зиму 1941/1942 гг., по приказу Гитлера была вручена специальная медаль, которую между собой немецкие солдаты называли не иначе как «орден за отмороженное мясо»⁸.

Срыв стратегии «блицкрига», повлекший боевые действия в зимних условиях, выявил и другие существенные трудности. В частях Восточной армии не оказалось низкотемпературных оружейных смазок. Американский историк С. Митчем, ссылаясь на немецкие источники, утверждает, что зимой 1941 г. под Москвой немецкая «артиллерия оказалась совершенно беспомощной, поскольку немецкая армия не располагала необходимыми смазочными материалами, чтобы защитить движущиеся части орудий»⁹. Замерзание коснулось не только артиллерии и стрелкового вооружения, но и всего подвижного состава армии вермахта. Лишь 30% подвижной техники немецкой армии находилось в рабочем состоянии: «Танки также застыли в бездействии, потому что их оптические прицелы оказались совершенно непригодными для столь низких температур»¹⁰.

Несмотря на все усилия, руководству Германии не удалось зимой 1941/1942 гг. обеспечить Восточную армию теплой одеждой. Генерал Гальдер в своем военном дневнике сокрушался, что проблема зимнего обмундирования осталась не решенной и в январе 1942 г., поэтому немецкие войска в России «просто-напросто не могут больше выдерживать морозы, превышающие 30 градусов»¹¹. Гитлер попытался решить проблему зимнего обмундирования в приказном порядке. Он потребовал энергично внушать войскам «чувство превосходства над противником», а выражение «русская зима» «изъять из употребления»¹².

Активные боевые действия Красной армии, воздействие зимних условий, обусловили значительные потери немецкой армии в живой силе и боевой технике¹³. Некоторые историки пытаются оправдать неудачи немецких войск в зимней кампании 1941/1942 гг. только суровой русской зимой. Такой подход, на мой взгляд, явно односторонний. Ведь погода была одинаковой как для советских, так и для немецких войск. Иное дело, что советские войска имели добротную зимнюю экипировку – овчинные полушубки, теплые ватные штаны, валенки, шапки-ушанки. Экипировка немецких солдат осталась прежней: шинель, куртка и штаны из эрзац-сукна, ботинки; правда, в зимних условиях им дополнительно выдавали подкладку под шинель, теплое белье и теплые носки. Следовательно, не морозы, а стратегический просчет высшего руководства Германии – установка на несостоявшийся «блицкриг» – вот одна из главных причин неудач немецких войск в зимней кампании 1941/1942 гг. По свидетельству фронтовика И.Д. Лебедева, некоторые предметы зимней одежды к концу войны получили лишь немецкие офицеры; в экипировке солдат существенных изменений не произошло. Историкам еще предстоит объяснить это, но факт остается фактом: Германия, могущественная страна Европы, так и не сумела решить, казалось бы, простой проблемы – одеть и обуть своего солдата по зимним условиям, в то время как руководство Советского Союза исключительно из собственных внутренних ресурсов сумело своевременно справиться с этой задачей.

Просчет Гитлера с зимней амуницией имел трагические последствия не только для Германии, но и для... Советского Союза. В современной литературе отмечается, что высшее руководство СССР осознавало неизбежность войны с гитлеровской Германией. Оставалось лишь неясно, когда ожидать начала боевых действий и когда приступить к развертыванию адекватных противнику советских приграничных группировок? Известно, что И.В. Сталин, несмотря на предложения Генштаба, летом 1941 г. этого сделать не разрешил. Однако исследователи, на мой взгляд, не приводят убедительных обоснований, почему Сталин поступил в то время именно так, а не иначе. Часть исследователей объясняет поведение Сталина его излишней осторожностью, желанием избежать крупных провокаций, которые могли бы подтолкнуть Германию к войне. Другие упрекают Сталина в неоправданном доверии к Гитлеру и его мирным заверениям. На мой взгляд, имеет право на существование еще одна версия, которая объясняет поведение Сталина в 1941 г. Эта версия основана на критериях, которыми он руководствовался, определяя степень готовности Германии к войне. Накануне войны он поставил перед военной разведкой вопрос: готова ли немецкая армия к боевым действиям в условиях надвигающейся зимы? Руководители разведки доложили Сталину, что вермахт не располагал ни запасами теплой одежды, ни горюче-смазочными материалами для боевой техники, пригодными для использования при низких температурах. По оценке советских специалистов, немецкая армия в 1941 г. располагала лишь летне-осенней одеждой, поэтому не могла вести успешные военные действия в условиях русской зимы. Выход для Германии был один: срочный пошив для Восточной армии утепленной формы, возможно, аналогичной советской: полушубков, ватных брюк, шапок-ушанок и т.д., на что пришлось бы закупить более 20 млн овчин, большие объемы шерсти и хлопка и потратить на пошив зимней амуниции не менее 1.5–2 лет. Если даже этот срок уменьшить вдвое (принимая во внимание немецкую организованность), то и тогда Германия смогла бы подготовиться к войне против СССР не раньше

лета 1942 г. Сталин справедливо полагал, что столь огромные закупки овчин и хлопка невозможно будет скрыть от советской разведки, поэтому надо уметь выжидать и не поддаваться на провокации. Как только советская разведка установит такие факты, в СССР будут приняты ответные меры, будет включен своеобразный «стратегический счетчик» – отсчет времени до начала войны. На взгляд Сталина, за это время (не менее года) Советский Союз успеет осуществить передислокацию своих войск, привести в боеготовность приграничные округа, создать адекватные немецким советские приграничные группировки, провести мобилизацию и т.д.

Стоит ли удивляться, что ни в директиве наркома обороны СССР № 503859сс/ов от 14 мая 1941 г. о прикрытии западной границы, ни в оперативных документах штаба Западного особого военного округа по ее выполнению даже не упоминались приграничные немецкие группировки, словно их вовсе не существовало¹⁴. Военнослужащим приграничных военных округов внушалось, что войны в ближайшее время не ожидается. Ветеран Великой Отечественной войны Н.С. Халилов вспоминал: «20 июня (1941 г. – И.Б.) нашу 29-ю дивизию посетил командующий округом генерал армии Д. Павлов. Когда мы построились, он выступил перед нами с речью. Мне, в частности, запомнились из нее такие слова: «Некоторые из вас думают, что скоро будет война. Никакой войны не будет. У нас с Германией существует договор. В настоящее время я проверяю войска округа. Теперь вот проверяю и вас. И в панику бросаться не советую»»¹⁵.

Скопление у границ Белоруссии мощных немецких группировок всякому здравомыслящему человеку указывало: война не за горами. Предчувствие близкой войны господствовало и среди местных жителей приграничной полосы. Вспоминает ветеран войны И. Чопп, который в 1941 г. служил в 141-м полку 85-й стрелковой дивизии в окрестностях Гродно: «По проселку из ближнего села в город (Гродно. – И.Б.) утром и обратно вечером шли крестьяне. Если у нас не было занятий, некоторые из них охотно останавливались, чтобы закурить, переброситься несколькими словами. «Пан, – говорили они доверительно, вполголоса, – скоро будет война. Герман придет». «Не может этого быть, – возражали мы. – По радио передавали, да и в газетах – не будет войны!». «Не, пан, – с печальной уверенностью повторял собеседник, – будет. Герман на границе такую силу собрал, что война будет очень скоро». «Ерунда это, болтовня! – отвечал на наши вопросы о возможной войне политрук. – Вы что, выступление товарища Молотова по радио не слышали? Газеты читать нужно. Капиталисты не рискнут начать войну»»¹⁶.

Предвоенные события сложились так, что Гитлер не дал повода Сталину для включения «стратегического счетчика». Сделав ставку на «молниеносную» войну, он в 1941 г. начал боевые действия без запасов зимней одежды, надеясь до наступления холодов разбить Красную армию и разместить в захваченных советских городах свои войска. Как известно, этого не произошло. Немецкие войска встретили зиму в полевых условиях, к которым не были подготовлены ни материально, ни морально. Это был крупный стратегический просчет Гитлера и его генералитета.

Не менее крупный стратегический просчет допустил и Сталин. Безоглядно полагаясь на свой «счетчик», он упустил время, не принял своевременных решений по осуществлению неотложных оборонных мероприятий. Все это повлекло огромные потери Красной армии в начале войны. События, которые произошли летом 1941 г. на территории Белоруссии, военные историки называют не иначе, как *войнной катастрофой*. Современные исследования показывают, что Западный особый военный округ, войска которого дислоцировались на территории Белоруссии, к началу боевых действий имел достаточно сил и средств, чтобы оказать достойное противодействие противнику¹⁷. Однако войска округа не были подготовлены к боевым действиям. Не были созданы адекватные немецким советские приграничные группировки, из-за чего сложилась парадоксальная ситуация: противник наступал в направлениях (местах), где имелись лишь незначительные советские силы¹⁸. Не встретив должного противодействия, не-

немецкие войска прервали советскую оборону и уже 28 июня 1941 г. соединились под Минском, образовав печально известный Новогрудский «котел», первый крупный «котел» начального периода Великой Отечественной войны¹⁹. В журнале боевых действий Западного фронта записано, что в итоге 10-дневных боев противнику удалось вторгнуться на нашу территорию на глубину 350–400 км и достигнуть рубежа реки Березина. Средний темп наступления немецких частей в первые 5 дней с начала войны составил до 60 км в сутки, а за весь период с 22 по 30 июня 1941 г. – до 45 км в сутки²⁰. К 10 июля 1941 г. немецкие войска были уже под Смоленском, последним крупным городом перед Москвой. Западный фронт, как и соседние советские фронты, понес колоссальные потери в личном составе и боевой технике.

Чтобы представить общие потери советских войск на территории Белоруссии летом 1941 г., обратимся к авторитетному источнику – статистическому исследованию «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах», которое, по заданию правительства Российской Федерации, было подготовлено группой военачальников, ученых и архивистов. В исследовании отмечается, что в Белорусской стратегической оборонительной операции (22 июня – 9 июля 1941 г.) участвовали войска Западного фронта (625 тыс. человек), безвозвратные потери которого за период операции составили 341 012 человек, санитарные – 76 717²¹. О потерях немецких войск на территории Белоруссии до сих пор нет точных сведений. В распоряжении исследователей имеются лишь косвенные данные. В дневниковой записи генерал-полковника Ф. Гальдера от 6 июля 1941 г. читаем: «Потери на 3 [июля]: Ранено – 38 809 человек (в том числе 1 403 офицера); убито – 11 822 человека (в том числе 724 офицера); пропало без вести – 3 961 человек (в том числе 66 офицеров). Всего потеряно около 54 000 человек»²². Гальдер отметил общие потери по Восточному фронту, состоявшему из групп армий «Север», «Центр» и «Юг». Чтобы иметь хотя бы приблизительное представление о немецких потерях на территории Белоруссии и части Прибалтики, следует общую цифру потерь (54 тыс.) немецкой Восточной армии разделить на 3; получается 18 тыс. человек. Несмотря на то, что цифра потерь немецкой армии «Центр» условна, ее сравнение с потерями Красной армии на Украине, в Белоруссии и в Прибалтике говорит само за себя. Западный фронт за 3 неполные недели войны потерял более половины личного состава, тяжелого вооружения; войска фронта утратили управляемость и боеспособность, они были не в состоянии выполнить возложенную на них задачу – прикрыть стратегическое направление на Смоленск и Москву. Фронт как оперативно-стратегическая единица фактически перестал существовать. Таковы катастрофические (иного слова и не подобрать) последствия крупного военно-политического просчета советского руководства. Однако и войска вермахта летом и в начале осени 1941 г. не решили главной задачи – за 2–3 месяца, до наступления зимних холодов, они не завоевали СССР. Более того, стал очевиден крах стратегии «молниеносной» войны. Война приняла крайне нежелательный для Германии затяжной характер, боевые действия развернулись на огромном пространстве от Балтики до Кавказа.

Советское руководство стремилось усугубить положение немецких войск, вызвать среди них массовое недовольство и тем самым ослабить их боевой дух. В этих целях 17 ноября 1941 г. был издан приказ Ставки Верховного главного командования № 0428 за подписью Сталина. В приказе утверждается, что «германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния (так в документе. – И.Б.) и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах». Далее сказано, что войска противника встретили упорное сопротивление наших частей, поэтому вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20–30 км по обе их стороны. «Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод, в поле, выкурить из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом, – говорилось в приказе, – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит

ускорение разгрома врага и разложение его армии». Ставка приказывала военным советам фронтов и отдельных армий «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог». Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе Ставка потребовала «бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами». Ставка поставила задачу «в каждом полку создавать команды охотников по 20–30 человек – каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника». В команды «охотников» требовалось подбирать «наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи этого мероприятия». Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, Ставка требовала представлять к правительенным наградам. При вынужденном отходе частей Красной армии ставилась задача уводить с собой гражданское население и «обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать». Для исполнения таких задач предполагалось использовать выделенные в полках команды охотников. Приказ требовал, чтобы военные советы фронтов и отдельных армий «систематически проверяли, как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта»²³. В войсках, среди партизан и подпольщиков приказ Ставки № 0428 называли одной фразой: «Гнать немцев на мороз!». Под таким названием этот документ упоминается в мемуарной и научной литературе.

Положение гражданского населения прифронтовой полосы усугублялось еще и тем, что немецкие войска также получили приказ авиацией и артиллерией сжигать в прифронтовой полосе все населенные пункты дотла, чтобы не дать советским войскам использовать их для обогрева и размещения²⁴. Получилось почти как в известном советском кинофильме: белые – грабят, красные – грабят, куда крестьянину податься? Только в 1941 г. все обстояло еще более жестоко и бесчеловечно: дотла выжигали деревни и города современными средствами – и артиллерией, и авиацией, и командами добровольцев-факельщиков... И свои, и чужие... Ставка брала под жесткий контроль «работу» по уничтожению своих же населенных пунктов. Приказ требовал доносить в Ставку через каждые 3 дня, сколько и какие населенные пункты уничтожены и какими средствами²⁵. Требовалось, чтобы показатели изо дня в день арифметически наращивались. Командующий Западным фронтом Г.К. Жуков 29 ноября 1941 г. доносил в Ставку, что во исполнение требования ее приказа № 0428 сформированы для действий в тылу группы «факельщиков» общей численностью 500 человек. Только в полосе 5-й армии всеми видами огня и диверсионных групп полностью уничтожены 53 населенных пункта²⁶. Разумеется, о судьбе гражданского населения – женщин, детей и стариков сожженных городов и деревень – в донесении Жукова ничего не говорилось.

В осуществлении приказа Ставки № 0428 важная роль отводилась Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, которая была сформирована 27 июня 1941 г. «для выполнения особых заданий народных комиссариатов внутренних дел и обороны СССР». Комплектовался ОМСБОН из сотрудников наркоматов внутренних дел и государственной безопасности, из числа спортсменов, комсомольцев, иностранцев по направлению Коминтерна²⁷. По свидетельству П.А. Судоплатова, особая группа при наркоте внутренних дел СССР и ее войсковое соединение ОМСБОН насчитывали более 25 тыс. солдат и командиров, которые и «стали основой диверсионных формирований, посыпавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага». Судоплатов утверждает, что «в тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью 15 тысяч человек»²⁸.

По приказу Ставки в уничтожении своих же населенных пунктов должны были участвовать и партизаны. Обратимся к воспоминаниям известного ветерана диверсионно-подрывного дела И.Г. Старинова. «В 1941 году зима была лютая, ранние морозы начались уже в ноябре. И вот появилась установка: “Гони немцев на мороз!”». На взгляд ветерана, эта установка появилась по опыту советско-финляндской войны. Он вспоминает случай, когда советские войска расположились в финских домах, и в двух из них взорвались мины замедленного действия. Находившиеся там бойцы погибли. После этого советские войска финские деревни не занимали. «Но мы их не жгли», – утверждает И.Г. Старинов. Дома стояли пустыми, советские войска мерзли в окопах. «И вот теперь идет у нас война и эта команда: “Гони немцев на мороз!”». Они ведь в домах вместе с местными жителями располагались. Немцы быстро этой ситуацией воспользовались. Дескать, не хотите вместе с детьми оказаться на тридцатиградусном морозе, идите и охраняйте себя сами от поджигателей. Так очень быстро стало расти у немцев число полицаев. Получилось, что мы сами подтолкнули местных жителей к немцам». Илья Григорьевич ссылается на пример Украины, на территорию которой, в тыл врага, к декабрю 1941 г. было переброшено 35 тыс. человек для участия в партизанско-диверсионной деятельности, как раз к моменту появления приказа Ставки «Гони немцев на мороз!». Прошло чуть более года, и их осталось 4–5 тыс. человек. Почему так случилось? «После этого лозунга (“Гони немцев на мороз!”). – И.Б.) немцы сформировали полицию численностью около 900 тысяч, – утверждает И. Старинов. – Это результат сталинского удара по партизанам»²⁹. В годы войны и в послевоенное время советские люди воспитывались на подвиге комсомолки Зои Космодемьянской. Она была задержана и передана немецким властям жителями д. Петрищево (Московская обл.), когда пыталась выполнить приказ Ставки № 0428. Поджечь деревню в то время считалось подвигом, соизмеримым с высоким званием Героя Советского Союза.

Ожесточенные удары Красной армии, партизан, диверсионных формирований ОМСБОН, массовые поджоги населенных пунктов, зимние холода и суровые полевые условия отрицательно сказались на моральном духе немецких войск. В разведывательной сводке штаба Можайского сектора охраны Московской зоны от 27 ноября 1941 г. отмечалось: «По данным опроса пленных, моральное состояние немецких солдат крайне низкое, имеют факты дезертирства, солдаты завшивели, утомлены и заявляют, что если их в ближайшее время не отведут на отдых, то они сами уйдут с фронта»³⁰.

Как сегодня можно оценить приказ Ставки № 0428? Международное гуманитарное право устанавливает, что гражданское мирное население не может являться объектом военного нападения³¹, следовательно приказ Ставки № 0428 – грубейшее нарушение его норм. Приказ Ставки жечь жилье, «гнать немцев на мороз», как справедливо отмечал В.И. Боярский, «вынуждали население в целях выживания самим охранять свои деревни, борясь с “поджигателями”, все это объективно толкало местное население к сотрудничеству не с партизанами, а с немецкими оккупантами»³². Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов то, что приказ Ставки был принят в наиболее критический момент войны, когда противник стоял у ворот Москвы. В этой связи приказ выглядит как акт крайнего отчаяния советского руководства, когда оно вынуждено было использовать для обороны страны все, даже самые невероятно жестокие методы противодействия врагу. В то же время очевидно, что советское руководство отдавало дань лишь сиюминутной задаче – усугубить положение противника, не задумывалось о возможных последствиях своих невероятно жестоких решений для страны, армии и партизан.

Примечания

¹ Советские Вооруженные силы: Вопросы и ответы. Страницы истории / Сост. П.Н. Бобылев, А.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М.Е. Монин. М., 1987. С. 224.

² Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2005. С. 299, 300.

³ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера: 1937–1945 / Пер. с немец. Г. Рудого. Смоленск, 2003. С. 322, 324.

⁴ Винцер Б. Солдат трех армий: Мемуары немецкого офицера / Пер. с немец. Н.М. Гнединой, А.Е. Гнедина. М., 1971. С. 199, 200.

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942 / Пер. с немец. И. Глаголева. М.; СПб., 2003. С. 617, 619, 620, 621.

⁶ Там же. С. 619.

⁷ Винцер Б. Указ. соч. С. 208.

⁸ Там же.

⁹ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы / Пер. с англ. И. Соколова, А. Бушуева, Т. Бушуевой, С. Минкина. Смоленск, 1998. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 216.

¹¹ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 641.

¹² Там же. С. 620.

¹³ Там же. С. 708.

¹⁴ Басюк И.А. Начальный период Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Гродно, 2003. С. 105–114.

¹⁵ В июне 1941-го: (Воспоминания участников боев на Гродненщине). Кн. 2. Гродно, 1999. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Басюк И.А. Начальный период Великой Отечественной войны... С. 125–137.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Басюк И.А. Новогрудский «котел». Гродно, 1998.

²⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, ф. 208, оп. 2511, д. 207, л. 67, 68.

²¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 163.

²² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 94.

²³ Приказ Ставки Верховного главного командования № 0428, 17 ноября 1941 г. // Советский Союз в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Тыл. Оккупация. Сопротивление. М., 1993. С. 69.

²⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 620.

²⁵ Приказ Ставки Верховного главного командования... С. 69.

²⁶ Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года: (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). Минск, 2004. С. 353.

²⁷ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1975. С. 517.

²⁸ Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 203, 208, 209.

²⁹ Старинов И.Г. Второй фронт // Боярский В.И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск; М., С. 261, 266, 267.

³⁰ Внутренние войска в Великой Отечественной войне... С. 527.

³¹ Толочко О.Н. Международное гуманитарное право. Гродно, 2004. С. 56–59.

³² Боярский В.И. Партизаны и армия... С. 161.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ, СУДЕБНЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОРГАНОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1941–1944 годах

Правовое регулирование различных сторон жизни советских граждан, вынужденных прожить 2, а то и 3 года в условиях немецко-фашистской оккупации, до сих пор представляет собой одну из исследовательских лакун. В исторической литературе советского периода в основном характеризуются внесудебные, чрезвычайные меры, применявшиеся оккупантами по отношению к гражданскому населению СССР¹. В постсоветский период проблеме структуры и практики применения органов полиции посвятили свои научные исследования С.И. Дробязко и А.В. Каращук², В.А. Пережогин³, А.Ю. Попов⁴, О.С. Смыслов⁵, Б.В. Соколов⁶, С.Г. Чуев⁷. Стремясь раскрыть военно-политический аспект советского коллаборационизма, эти авторы как правило рассматривали борьбу гражданской полиции с партизанами и советским подпольем. Деятельность же судебных и иных юридических структур осталась за рамками их изысканий. Однако после войны по соображениям целесообразности часть юридических актов, вынесенных органами оккупационной администрации, признали действительными, но, по мнению А.Л. Рогачевского, «структура этих органов до сих пор не изучена в должной мере, что может порождать ряд практических проблем»⁸.

Важнейшим органом, обеспечивавшим правопорядок на оккупированной территории, была служба вспомогательной полиции, личный состав которой рекрутировался из местного населения, вставшего на путь коллаборации, советских военнопленных, попавших в окружение бойцов и командиров Красной армии. Практически каждый населенный пункт, начиная с деревень и сел, контролировали полицейские, количество которых зависело от местных условий.

Служба охраны порядка формировалась практически с первых дней оккупации той или иной местности, а в ряде случаев даже до прихода захватчиков. В период отступления Красной армии в обстановке временного безвластия крестьяне, стремясь обезопасить свои семьи и собственное имущество, создавали некое подобие службы порядка, вооружившись подобранным на полях сражений оружием. Германские тыловые службы были поставлены перед необходимостью признания за этими формированиями права на существование.

Однако только 9 января 1942 г. первый оберквартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил Германии (ОКХ) Ф. Паулюс издал приказ, уполномочивший командование формировать из местного населения и военнопленных вспомогательные охранные части, так называемые сотни⁹. Директивой Верховного командования вермахта (ОКВ) № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» командирам сухопутных частей и соединений предписывалось разработать положения о статусе полицейских формирований в тыловых районах¹⁰. В результате такой децентрализации при создании службы порядка органы полиции не имели единой системы руководства, даже назывались в различных местностях по-разному. Так, полиция в г. Орле именовалась народной стражей, в иных областях группы армий «Центр» – службой порядка (Ordnungsdienst – OD), в группе армий «Юг» – охранными вспомогательными частями (Hilfswachmannschaften), в группе армий «Север» – местными боевыми соединениями (Einwohnerkampfverbände)¹¹.

Задачи вспомогательной полиции не были однородными в течение всего периода оккупации. Первоначально на полицию возлагалась лишь охранная деятельность, впо-

* Ермолов Игорь Геннадьевич, кандидат исторических наук, докторант Орловского государственного университета.

следствии – контроль за выполнением приказов германского командования и поддержание установленного им порядка, выявление и задержание всех вновь появившихся лиц, а также коммунистов, партизан и их пособников, выгон населения на обязательные хозяйственные работы, конфискация теплых вещей и т.д.¹² Зачастую в первые месяцы оккупации личный состав гражданской полиции использовали для усиления частей Русской освободительной армии (РОА), а также германских частей во время проведения антипартизанских операций¹³.

Германское командование пыталось упорядочить систему охраны правопорядка, придать ей единообразие посредством издания различного рода инструкций, наставлений, предписаний для местных органов самоуправления. В «Предписании для службы порядка», изданном командованием группы армий «Центр», говорилось, что ответственными за создание службы порядка становились местные комендатуры, действовавшие через городского голову (бургомистра)¹⁴. Здесь же определялись 3 основные задачи службы порядка: содействие при разрешении уголовно-политических задач, что включало «надзор за важными хозяйственными учреждениями, устройство обходной службы для предупреждения воровства, грабежа, поджогов, саботажных и других уголовных деяний»; помочь при разрешении государственно-полицейских задач, включавшую сбор агентурных сведений обо всей деятельности, направленной против интересов Германии; поддержание общественного порядка среди местного населения, в том числе «надзор за порядком уличного движения, контроль топок в жилых помещениях, контроль над очисткой общественных дорог, улиц и площадей селений, содействие при надзоре выполнения предписанных мероприятий, касающихся пропитания и снабжения населения»¹⁵. Однако главной задачей полиции являлась борьба с партизанами¹⁶.

Согласно указанному предписанию для органов местного самоуправления разрабатывались соответствующие рекомендации. Например, в одной из них, предназначавшихся для бургомистров тыловых районов группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности: уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных проступков); государственно-полицейские (раскрытие и преследование преступлений, направленных против германских частей); охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, санитарным состоянием улиц, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, караульная служба); особого назначения (содействие германским частям и воинским коллаборационистским формированиям в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА, сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов)¹⁷.

В ряде местностей центральной России служба порядка имела структуру, определенную задачами входивших в нее отделов. Так, в Клинцовском округе Орловской обл. полиция состояла из отделов: уголовной, государственной полиции, охраны порядка и особого¹⁸. Вскоре ввели 5-й отдел – тюрьмы¹⁹. Соответственно, штатный состав различных отделов был специфичен. К примеру, в 1-й отдел входили начальник, секретарь, делопроизводитель, следователи. 2-й отдел включал штат следователей. 3-й отдел помимо руководства состоял из стражников, несущих постовую и караульную службу, 4-й – городских стражников (резерв), сюда же входили становые приставы, под началом которых служили стражники станов, разбросанных по населенным пунктам, где было возможным появление партизан. 5-й отдел включал так называемый строевой состав – тюремную охрану²⁰.

С целью повышения эффективности работы полиции к концу 1942 г. ей передали функции учета и паспортизации населения, ранее выполнявшиеся городскими и районными управами²¹. О.С. Смыслов привел иную градацию личного состава вспомогательной полиции: «вне сплоченных подразделений» – в городских и сельских отделениях полиции; «в сплоченных подразделениях» – в составе антипартизанских рот, батальонов и полков; охранная пожарная служба; вспомогательная охранная служба²².

Штаты и функции органов полиции определялись местными комендатурами, районными и городскими управлениями. В частности, согласно директиве Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г., в деревнях следовало держать по 3–5 полицейских, в волостях – по 10–20 человек, в райцентрах «полицейский запас» насчитывал одну сотню, а в городах уездного подчинения количество полицейских определялось местными условиями и практической необходимостью²³. Так, трубчевская полиция, подчиненная райуправлению, состояла из 100 человек, кроме того, был создан «полицейский запас», предназначавшийся «для борьбы с мелкими партизанскими бандами»²⁴.

Существовавшие при волостных управлениях отделения полицейской стражи имели двойную систему подчинения – волостной управе и районному управлению. Количество полицейских, подчиненных волостной управе, составляло в среднем 20 человек. Для охраны порядка в Трубчевском районе создали «полицейскую стражу», 80 сотрудников которой были разбросаны по сельским населенным пунктам по 1–3 человека в каждом и, как правило, с укомплектованными штатами полицейских учреждений²⁵. О численности вспомогательной полиции на территории России можно судить лишь приблизительно. Согласно немецким данным, на декабрь 1941 г. в полиции служили 60 420 советских граждан²⁶. Только в Смоленской обл. на начало 1943 г. было 3 тыс. полицейских²⁷. По подсчетам С.И. Дробязко, на февраль 1943 г. численность полиции в зонах ответственности групп германских армий «Север», «Центр» и «Юг» составляла 60–70 тыс. человек²⁸, в то время как, по мнению Б.В. Соколова, для эффективного контроля над оккупированными территориями требовалось не менее 450 тыс. (однако неясен механизм такого подсчета)²⁹.

Органы полиции наделялись исполнительными функциями, находясь в полном подчинении соответствующих органов местного самоуправления. Так, в директиве Главного военного управления Брянского округа указывалось, что «организация, содержание и командование полицией – задача управлений (городских и районных)»³⁰. Местные бургомистры отвечали за надлежащее использование органов полиции, контролировали неукоснительное соблюдение ими немецких предписаний. Одновременно полиция была подотчетна германским властям. В частности, в ряде городов и районов начальники полиции обязывались представлять в военные комендатуры суточные рапорты о происшествиях³¹.

В «Предписании для службы порядка» говорилось, что полицейские не имели права производить служебные действия в личных интересах или в пользу третьих лиц. Служба порядка не могла наказывать и штрафовать³², имела право арестовывать только гражданских лиц по приказанию своего начальства. Аресты по собственному усмотрению разрешались в случаях поимки лиц на месте преступления, находившихся в розыске людей, бегства подозрительных, невозможности установления личности, нападения на полицейских, их оскорблений. Арестованных сразу же доставляли к начальнику полиции, который немедленно извещал об этом немецкие полицейские органы (полицию охраны)³³. Конфискацию и обыски разрешалось проводить только с ведома немецкой полиции охраны или командования немецкой воинской части. Лишь в исключительных, не терпящих отлагательств случаях (при возможности сокрытия следов преступления) разрешение на обыск или конфискацию давал бургомистр³⁴. Применять оружие разрешалось лишь для самообороны, при преследовании лиц, не останавливающихся на оклик, а также для защиты охраняемых материальных ценностей³⁵.

Контингент полиции состоял как из убежденных противников большевизма, так и людей, поступивших на службу с целью получения выгод экономического характера или же уклонения от отправки на работу в Германию³⁶. Так, в декабре 1942 г. бургомистр г. Севска Бакшанский издал приказ об отмене льгот для полицейских, которые до этого были освобождены от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов³⁷. В результате полицейские сел Степное, Антоновка, Белица отказались от несения службы, а шестеро из них ушли к партизанам³⁸.

На руководящие посты и ответственные должности в полиции обычно назначались представители местной интеллигенции, гражданского населения, а также лица, знакомые с юриспруденцией³⁹. Например, начальником районной полиции г. Россось был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции – бывший бухгалтер аптечной базы Стотик⁴⁰, в полиции Калининского района работала бывший народный судья, член ВКП(б) с 1927 г. А.В. Сергеева⁴¹. Рядовой состав полиции в социальном отношении в основном копировал структуру той или иной местности: на селе полицейские рекрутировались из бывших колхозников, в городах – из представителей рабочего класса. Решение о назначении на должности начальников отделений, подотделов полиции и их заместителей принимали отделения немецкой полиции безопасности и военные управления округов⁴². В дальнейшем назначенные руководители органов полиции работали под непосредственным началом городского или районного головы (бургомистра)⁴³. Особых предписаний на счет рядового состава не имеется, поэтому можно предположить, что комплектование органов полиции возлагалось на их руководство, назначенное немцами, а также на органы местного самоуправления. Каждый коллаборационист, поступавший на службу в полицию, подписывал служебное обязательство установленного образца, судя по стилистике, разработанное немцами: «Обязуюсь выполнить добросовестно и беспартийно, согласно служебных предписаний, с которыми я ознакомлен. Я обязуюсь беспрекословно слушаться моего начальства»⁴⁴.

Начальствующий и рядовой состав полиции обучались под надзором немецкой полиции безопасности или военного управления соответствующего округа⁴⁵ как на местах, так и в специальных школах, создававшихся в пределах административных округов. В течение, в среднем, 2 недель⁴⁶ курсантов обучали, как вести себя по отношению к населению и своему начальству, составлять донесения, знакомили с правилами уличного движения, караульной службы, обращения с оружием⁴⁷. При нарушении дисциплины полицейских наказывали. За проступки незначительной тяжести взыскание в виде сверхурочных дежурств мог наложить начальник соответствующего отделения службы порядка, о чем делалась запись в книге наказаний и немедленно доводилось до сведения бургомистра. О проступках значительной тяжести, особенно совершенных при исполнении служебных обязанностей, бургомистр сообщал в немецкую полицию безопасности или командованию немецкой воинской части, которые и определяли наказание. С целью предотвращения бегства провинившегося полицейского бургомистр имел право арестовать его⁴⁸.

Служащие полиции получали зарплату за счет органов местного самоуправления соответствующего населенного пункта по следующим ставкам в день: начальник службы порядка – 10 руб.; его заместитель – 7 руб. 50 коп.; полицейский (страж) – 5 руб.; начальник службы порядка, имеющей подотделы, – 15 руб., его заместитель – 12 руб. 50 коп., начальник подотдела – 10 руб.⁴⁹

Полиция помимо штатных сотрудников располагала широкой сетью наделенных различными функциями осведомителей. Одним из них вменялось в обязанность лишь информировать полицию обо всем подозрительном, что им было замечено. Другие же использовались в качестве агентов, засыпаемых в организации для сбора соответствующей информации и передачи ее полиции. Оценивая эффективность работы полицейских агентов, Г. Глазунов отмечал, что без них немцы зачастую становились совершенно бессильны в борьбе против подполья. Так, пытаясь ликвидировать организацию «Молодая гвардия» в г. Краснодоне, гестапо проводило бесчисленные аресты, однако все меры оказались тщетны. Лишь деятельность агентуры помогла выйти на след этой организации, арестовать ее руководство⁵⁰. Функции осведомителей исполняли и руководители предприятий. Г. Почепцов, например, из-за которого была разгромлена «Молодая гвардия», показал на суде, что предпочел доносить на руководство организации не в полицию, а начальнику шахты Жукову. При этом нисколько не сомневался, что последний обязательно примет необходимые меры. Так и произошло – заявление Почепцова незамедлительно передали полиции⁵¹.

Полицейскими функциями наделялись и сотрудники органов местного самоуправления. В июне 1943 г. в Усвятском районе Смоленской обл. в партизанском отряде Ермолаева были расстреляны кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков (бывший председатель колхоза «Красный путиловец»), А.Л. Шитиков (бывший бригадир колхоза), П.Ф. Шутров (бывший бригадир полеводческой бригады), члены ВКП(б) М.И. Миронов (бывший завуч средней школы), П.П. Прошин (бывший старший механик МТС), Р. Л. Шандаевский (бывший заведующий РАЙФО Усвятского района). Все они, поступив на должности старост и волостных старшин, за исключением А. Л. Шитикова, служившего полицейским, являлись агентами полиции, неоднократно водили карательные отряды в места дислокации партизан⁵².

Ввиду децентрализации органов полиции и ее личного состава не было единой формы одежды, различия существовали даже в пределах той или иной области. Например, полицейские Всходного района Смоленской обл. носили немецкую форму с белой повязкой на рукаве, полицейские Знаменского района – красноармейскую форму с такой же повязкой. Полиция других районов Смоленщины вообще не имела форменного обмундирования, отличительным знаком была лишь та же нарукавная повязка⁵³. Каждая повязка имела порядковый номер и заверялась оттиском печати местной комендатуры⁵⁴. Однако в большинстве тыловых районов группы армий «Центр» ношение полицейскими форменного обмундирования не предусматривалось. Единственным отличительным знаком была белая нарукавная повязка с надписью «*Ordnungsdienst*», личным номером полицейского и названием населенного пункта. Номер нарукавной повязки вносился в служебное удостоверение, которое каждого сотрудника полиции обязывали иметь при себе, причем этот документ был действителен лишь при наличии советского паспорта или удостоверения личности⁵⁵.

Оценку эффективности работы полицейских дал в своем донесении от 3 декабря 1942 г. начальник тылового района группы армий «Центр»: «Полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для усмирения страны... Сегодня уже нельзя обойтись без помощи местной полиции в деле усмирения населения»⁵⁶. Вышедший из окружения лейтенант, Герой Советского Союза П.Е. Брайко, ставший впоследствии командиром партизанского полка, вспоминал: «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев. Немец – это все-таки чужой человек, он не знал обычаяев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»⁵⁷.

Однако полиция часто не обеспечивала должного порядка в оккупированных городах и селах, не всегда могла обезопасить их от партизан. А при инспектировании полицейских управлений и станов довольно часто отмечались недостатки, недисциплинированность полицейских. Причем такие случаи возросли с июля 1943 г., когда положение на фронте изменилось в пользу Красной армии, что привело к деморализации личного состава полиции. Военная комендатура г. Погара Орловской обл., например, 2 августа 1943 г. констатировала: «В последнее время стали неоднократно замечаться случаи, что стрелки службы охраны порядка, будучи в пьяном виде, с оружием в руках наносят угрозы мирному населению»⁵⁸. Подобно сельским старостам, полицейские в селах и их семья были заложниками нацистов. Так, при переходе полицейского к партизанам его семью репрессировали. Нередко заложниками становились сами служащие вспомогательной полиции – если их сослуживцы «предавали начальство», то оставшихся полицейских отправляли в лагеря или расстреливали⁵⁹.

Судебная система на оккупированной территории формировалась поэтапно. Первым органом, наделенным судебными полномочиями, стал институт мирового посредничества в сельских общинах, введенный, в частности, в тыловых районах группы армий «Центр» с ноября 1941 г. Как в городах, так и в общинах германские власти с помощью местных коллаборационистов создавали «посредничественные мировые места»⁶⁰. Каждое из них включало бургомистра города (председателя), его заместителя и двух заседателей. Трех последних назначал бургомистр из числа благонадежных, обладавших достаточным образовательным уровнем лиц старше 30 лет, проживших

в данной местности не менее двух лет. Должности заместителя председателя и заседателей являлись почетными, т.е. зарплаты за отправление правосудия эти лица не получали⁶¹.

К компетенции «посредничественных мировых мест» относились лишь гражданские дела по спорам, вытекающим, как правило, из имущественных правоотношений⁶². Ввиду отсутствия какой-либо нормативной базы, командующие административными округами рекомендовали рассматривать дела «под взглядом здравого народного ощущения»⁶³, т.е. согласно обычаям, принятым в той или иной местности. Судебный процесс носил состязательный характер. При этом предусматривалось равенство сторон, свобода представления доказательств⁶⁴. Кассационной инстанцией являлся бургомистр, который рассматривал каждую поступившую жалобу единолично. Утвержденное им решение дальнейшему обжалованию не подлежало. По гражданским делам, представлявшим особую сложность, а также при цене иска свыше 2 тыс. руб. бургомистр принимал исковые заявления к производству, однако вне зависимости от поступления жалоб, передавал материалы дела и вынесенные им решения в полевую комендатуру для утверждения⁶⁵. Председатель «посредничественного мирового места» мог по своему усмотрению взыскать за рассмотрение дела пошлину, размер которой определялся произвольно, с учетом материального положения истца, но не превышал 50 руб.⁶⁶ Поскольку о ведении «посредничественными мировыми местами» уголовных дел в архивных документах не упоминается, правомерно предположить, что вопросы уголовного судопроизводства находились вне компетенции коллаборационистских судебных учреждений. Подобными вопросами либо занимались военные комендатуры, либо к виновным применялись чрезвычайные меры.

До организации судебных органов в волостях соответствующими полномочиями наделялись волостные старшины, которые единолично разбирали мелкие уголовные дела. Наказания ограничивались штрафом до 1 тыс. руб., тюремным заключением или принудительными работами на срок до 14 дней⁶⁷. Приговоры волостных старшин вступали в силу только после утверждения их бургомистром района и Ортскомендатурой⁶⁸. Затем право налагать подобные наказания отшло к волостным судам. Собственно суды в большинстве оккупированных областей РСФСР начали функционировать с декабря 1941 г. Однако в различных местностях они были структурно неоднородны. Даже их названия, несмотря на общность функций, различались: «суды», «мировые суды», «арбитражные суды», «уголовные суды»⁶⁹. Судебная система была двухступенчатой. Низшей ступенью являлись мировые (волостные) суды, рассматривавшие уголовные, гражданские и административные дела в качестве судов первой инстанции. Судами второй инстанции были районные или окружные суды, решения которых считались окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежали.

Такая судебная иерархия формировалась постепенно. Например, Орловский городской суд, организованный к декабрю 1941 г., являлся единственным судебным органом в районе, все его решения носили окончательный характер⁷⁰. На территории Брянского округа первоначально были организованы лишь волостные арбитражные суды. К июню 1943 г. они действовали в 5 волостях из 17: Белых Берегах, Супоневе, Глинищеве, Трубчине, Б. Полпине⁷¹. С октября 1942 г. начал работу Брянский районный арбитражный суд, состоявший из председателя и двух членов, ставший вышестоящей инстанцией по отношению к волостным арбитражным судам. В его функции помимо надзора за работой нижестоящих судов входило рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел о преступлениях против личности, имущества, злоупотреблениях служебным положением, нарушениях обязательных постановлений органов местного самоуправления и др.⁷² С октября 1942 г. по май 1943 г. состоялось около 100 судебных заседаний⁷³.

Германское командование, пытаясь придать судебной системе в своих тыловых районах единообразие, выпускало различные инструкции по организации судопроизводства, обязательные для исполнения органами местного самоуправления. Так, в конце 1942 г. командованием 2-й танковой армией был издан документ «Судопроиз-

водство в русских органах управления»⁷⁴, согласно которому обязанность организации мировых судов всех уровней всецело возлагалась на органы местного самоуправления, начиная от волостных управ. Низшей ступенью являлись мировые суды общин (волостные мировые суды), которые создавали в тех краях, включая мелкие города, где это было оправдано местными условиями и наличием соответствующих кандидатов на должности судей⁷⁵. В случае невозможности организации мирового суда в какой-либо общине (волости), с разрешения командующего административным округом допускалось создание одного волостного мирового суда на несколько волостей⁷⁶. Волостной мировой суд состоял из председателя, его заместителя и заседателей, причем члены суда не должны были состоять между собой в родстве. Обязанности председателя исполнял волостной старшина, а на должности заместителя и заседателей назначались «только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями обчины». Назначение производил командующий административным округом, сообщив ему причину, районный бургомистр мог уволить любого члена суда. Должности заместителя и заседателей являлись почетными, зарплаты не полагалось. Однако волостным управлением разрешалось выделять заместителю и заседателям вознаграждение⁷⁷.

Волостным мировым судам были подсудны мелкие уголовные дела, по таким фактам, как воровство, при котором сумма ущерба не превышала 100 руб., оскорбление, не направленное против должностных лиц, нарушение общественного порядка. Эти суды налагали наказания в виде штрафа до 1 тыс. руб., ареста до 11 дней, исправительных работ до 14 дней. Из гражданских дел волостным мировым судам разрешалось рассматривать споры: имущественные, при цене иска до 500 руб., жилищные и о распределении работ между членами семьи⁷⁸.

Следующая ступень – районные мировые суды, которые создавались в каждом районе и городе областного подчинения. В состав этого суда входили председатель, один или несколько заместителей, заседатели. Требования к кандидатам на эти должности совпадали с требованиями к кандидатам на должности членов волостных судов, с той разницей, что для председателя и заместителей председателя районного суда было желательно наличие юридического образования, заседателей рекомендовалось вводить из числа служащих городских и районных управ. Запрещалось назначать на судейские должности бывших членов Коммунистической партии. Кандидаты в районные суды выдвигались районными и городскими бургомистрами, после чего утверждались командующим административным округом⁷⁹. К подсудности районных мировых судов относились все уголовные и гражданские дела, за исключением преступлений, направленных против германской армии, и особо тяжких преступлений (убийство, разбой, преднамеренный поджог, растрата на сумму свыше 5 тыс. руб.)⁸⁰. Эти суды имели право налагать наказания в виде штрафа до 10 тыс. руб., тюремного заключения или принудительных работ на срок до 1 года, конфискации предметов, используемых для совершения преступления⁸¹. Районные мировые суды являлись кассационными инстанциями по отношению к волостным судам, а обжалование решений и приговоров районных судов не предусматривалось. Однако их судебные решения, а также мировые соглашения («полюбовные сделки») вступали в силу только после их утверждения командующим административным округом⁸².

Процессуальное законодательство в общих чертах копировало положения советских уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов, за исключением особенностей, продиктованных установками национал-социализма и условиями оккупации. Так, судам всех уровней запрещалось принимать к производству бракоразводные дела. Исключение составляли лишь дела о разводах с евреями⁸³. Неподсудны волостным и районным мировым судам были и дела лиц немецкого происхождения, военнослужащих РОА и других русских добровольческих частей, полицейских, служащих органов местного самоуправления, а также советских военнопленных. Дела этих категорий лиц разбирались германскими судебными органами⁸⁴. При подаче за-

явления в суд уплачивалась пошлина: в волостной мировой суд – 20 руб., в районный мировой суд – от 20 до 500 руб., в зависимости от суммы иска⁸⁵. При подаче заявления об административном проступке пошлина составляла 5 руб.⁸⁶

Уголовное законодательство также копировало ряд положений Уголовного кодекса РСФСР, с той разницей, что наказания были значительно смягчены. В частности, «Временное положение о наказаниях, налагаемых судами Клинцовского округа» по особо тяжким преступлениям относило умышленное убийство, каравшееся тюремным заключением на срок до 3 лет (ст. 80), половые преступления, включая развращение малолетних, наказание за которые не превышало 2 лет тюремного заключения (ст. 92)⁸⁷. К преступлениям средней тяжести относился ряд должностных преступлений, например, злоупотребление властью, грозившее тюремным заключением на срок до 6 месяцев (ст. 62)⁸⁸. Противоправные действия против порядка управления относились к преступлениям небольшой тяжести. Так, неуплата налога (сбора) каралась штрафом в размере тех же платежей, а при рецидиве – принудительными работами на срок до 3 месяцев (ст. 34)⁸⁹.

Интересно, что некоторые проступки, согласно указанному «Временному положению», были впервые в истории российского права советского периода отнесены к преступлениям. Так, ст. 94 предусматривала уголовную ответственность за супружескую неверность, что каралось тюремным заключением или принудительными работами на срок до 6 месяцев. Денежным штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением на срок до 6 месяцев каралось оскорбление религиозных чувств верующих. Помимо простого оскорбления, включенного в раздел преступлений против личности, в разделе преступлений против семьи и брака появилась ст. 100, предусматривавшая ответственность за оскорбление родителей словом (ч. 1) или действием (ч. 2). Наказание, соответственно, колебалось от 3 до 6 месяцев тюремного заключения⁹⁰.

Однако в ряде оккупированных местностей полномочия русских судов были ограничены как в смысле подсудности, запрету принятия к производству дел об особо тяжких преступлениях, так и по характеру налагаемых наказаний. Например, санкции статей, которыми руководствовался Орловский городской суд, предусматривали наказание до 6 месяцев тюрьмы или штраф в размере до 1 тыс. руб. Дела о тяжких преступлениях (убийствах, разбоях, по политическим статьям) были неподсудны горсуду и преследовались по законам военного времени⁹¹. Такое положение сохранялось на территории Орловского округа вплоть до окончания его оккупации.

Помимо судебной системы на оккупированной территории РСФСР были сформированы и действовали другие правовые институты: исполнительная система, адвокатура, нотариат. Исполнение приговоров по уголовным делам возлагалось на председателя соответствующего суда. Так, исполнение приговора о взимании денежного штрафа, о краткосрочном лишении свободы осуществлял председатель мирового суда, определившего наказание. В случае осуждения к лишению свободы на продолжительный срок копия приговора, заверенная командующим административным округом, а также исполнительный лист направлялись начальнику соответствующего исправительного учреждения⁹².

Что касается гражданских дел, то в случае, если проигравшая сторона отказалась добровольно исполнить судебное решение, также в обязательном порядке предшествовала выписка исполнительного листа. Такая же процедура существовала при выполнении условий «полюбовной сделки» (мирового соглашения), если впоследствии одна из сторон отказалась от их исполнения. Непосредственное исполнение решения осуществлял председатель соответствующего суда или лица, им назначенные – судебные исполнители. В течение 3 суток со дня получения исполнительного документа судебный исполнитель посыпал плательщику повестку, в которой указывались основание взыскания, взыскиваемая сумма, определялся срок для добровольной уплаты, а также разъяснялись последствия неуплаты. При отказе добровольно заплатить надлежащую сумму взыскание производилось принудительно. Общий надзор за исполнением су-

дебных решений осуществлял бургомистр района, причем даже в тех случаях, когда он одновременно являлся председателем районного суда⁹³.

Для оказания юридической помощи, представительства в гражданских процессах, защиты подсудимых с января 1943 г. был узаконен институт представительства. В качестве представителей с присвоением звания «адвокат» допускались лица с юридическим образованием, «лично благонадежные», ведущие безупречный образ жизни. Кандидатов на должности адвокатов проверяло командование административным округом, а вопрос о допуске в процесс того или иного адвоката решал соответствующий суд. Препятствием к допуску могло служить лишь представление одновременно нескольких сторон, если их интересы, отстаиваемые в суде, расходились⁹⁴. Помощь адвоката была платной. Размер сборов за оказание юридических услуг оговаривался в каждом конкретном случае между адвокатом и представляющей им стороной. По просьбе адвоката или воспользовавшегося его услугами лица, независимо от того, в суде какой инстанции слушается дело, размер сборов утверждался председателем районного суда. В этом случае требовалось дополнительное утверждение взимаемой адвокатом суммы со стороны командующего административным округом⁹⁵.

Для заключения разного рода договоров, оформления сделок и составления юридически значимых документов по мере надобности открывались нотариальные конторы. Требования к кандидатам на должности нотариусов были аналогичны требованиям к кандидатам на должности адвокатов: наличие юридического образования, безупречный образ жизни. Назначение нотариусов также осуществлялось командованием административным округом, и только оно могло освободить не оправдавшего доверие нотариуса от занимаемой должности. Размер взимаемых нотариусом пошлин также проходил двойное утверждение – со стороны председателя районного суда и командующего административным округом⁹⁶. Так, по Клинцовскому административному округу ставки оплаты нотариальных услуг колебались от 5 до 100 руб.⁹⁷ Нотариусы подчинялись районным судам, ежегодно отчитываясь перед ними о проделанной работе. Общий надзор за деятельностью адвокатов и нотариусов осуществлял председатель районного суда⁹⁸. Интересно, что вставшим на путь коллaborации адвокатам и нотариусам разрешалось оказывать юридические услуги лицам, чьи дела были неподсудны русским судам (этническим немцам, советским военнопленным, власовцам, сотрудникам органов самоуправления, германским военнослужащим)⁹⁹.

Таким образом, в течение периода оккупации в захваченных германской армией областях РСФСР были сформированы новые правоохранительные, судебные и юридические органы, в общих чертах копировавшие советские. Придать им стройность и единообразие так и не удалось, как и добиться назначения на соответствующие должности лиц с исключительно юридическим образованием ввиду ограниченности таковых на оккупированной территории. Кроме того, из-за отсутствия принципа разделения властей судебная власть в период оккупации являлась неким придатком германских оккупационных властей и созданных ими органов местного самоуправления.

Примечания

¹ См.: Котов Л.В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей. Вып. 2. М., 1970. С. 3–6; Майоров Н. Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие: Сб. статей. М., 1974. С. 200–213; Во главе защиты Советской родины: Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 222; Фефелов В.И. Подвигу жить вечно. Тула, 1983. С. 28–42.

² Дробязко С.И., Карапузук А.В. Русская освободительная армия. М., 1998.

³ Пережогин В.А. Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: Сб. статей. В 2 кн. М., 2004. С. 304.

⁴ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 69–76.

⁵ Смыслов О.С. Проклятые легионы: Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006. С. 101–108.

⁶ Соколов Б.В. Оккупация: Правда и мифы. М., 2002. С. 72–88, 117–128, 304.

⁷ Чуб С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 89–106.

⁸ Рогачевский А.Л. Рецензия на книгу: Chiari B. Alltag hinter der Front. Dusseldorf, 1998 // Правоведение. 2000. № 4. С. 255–259.

⁹ Дробязко С.И., Каращук А.В. Указ. соч. С. 6.

¹⁰ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 102.

¹¹ Дробязко С.И., Каращук А.В. Указ. соч. С. 6.

¹² Пережогин В.А. Указ. соч. С. 304.

¹³ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ), ф. 479, оп. 1, д. 637, л. 49.

¹⁴ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O.D.). Предписание для службы порядка. [Б. м. Б. г.] С. 2.

¹⁵ Там же. С. 3–4.

¹⁶ Речь (Орел). 1942. 25 июля, № 79 (109).

¹⁷ Государственный архив Брянской области (далее – ГА БО), ф. 2608, оп. 1, д. 14, л. 190.

¹⁸ Там же, л. 134.

¹⁹ Там же, л. 136.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, д. 21, л. 16 об.

²² Смыслов О.С. Указ. соч. С. 102.

²³ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 21, л. 16 об.

²⁴ Там же, л. 26.

²⁵ Там же.

²⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 1061.

²⁷ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.

²⁸ Дробязко С.И., Каращук А.В. Указ. соч. С. 6.

²⁹ Соколов Б.В. Указ. соч. С. 31.

³⁰ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 21, л. 16 об.

³¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО) ф. Р-159, оп. 1, д. 1, л. 1–117.

³² Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 6.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Там же.

³⁶ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.

³⁷ Севский листок (Севск). 1942. № 11 (декабрь).

³⁸ Чуб С. Указ. соч. С. 104.

³⁹ ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 16, л. 83.

⁴⁰ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.

⁴¹ Пережогин В.А. Указ. соч. С. 293.

⁴² Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 4.

⁴³ Там же. С. 6.

⁴⁴ Там же. С. 6, 11.

⁴⁵ Там же. С. 5.

⁴⁶ Личный архив И.Г. Ермолова. Справка П. Балакирева об окончании Клинцовской школы службы порядка (подлинник).

⁴⁷ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 7.

⁴⁹ Там же. С. 10.

⁵⁰ Глазунов Г. Это было в Краснодоне // Неотвратимое возмездие: Сб. статей. М., 1974. С. 170.

⁵¹ Там же. С. 170–171.

⁵² ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 157, л. 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 28, 41, 46.

⁵³ Пережогин В.А. Указ. соч. С. 300–301.

⁵⁴ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.

⁵⁵ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 2–3.

⁵⁶ Цит. по: Пережогин В.А. Указ. соч. С. 304–305.

⁵⁷ Там же. С. 304.

⁵⁸ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 14, л. 236.

⁵⁹ Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний. М., 2004. С. 23.

⁶⁰ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 208.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, л. 208 об.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, л. 209.

⁶⁵ Там же, л. 209 об.

⁶⁶ Там же, л. 210.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 909, л. 153–155; ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 238.

⁶⁸ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 238.

⁶⁹ Там же, д. 21, л. 112; Речь. 1941. 10 декабря, № 3; 1943. 2 июня, № 82 (245).

⁷⁰ Речь. 1941. 10 декабря, № 3.

⁷¹ Там же. 1943. 3 июня, № 82 (245).

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 200–205 об.

⁷⁵ Там же, л. 200.

⁷⁶ Там же, л. 201 об.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, л. 202.

⁷⁹ Там же, л. 201 об.–202.

⁸⁰ Там же, л. 202 об.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, л. 204–204 об.

⁸³ Там же, л. 203.

⁸⁴ Там же, л. 205 об.

⁸⁵ Там же, л. 204 об.

⁸⁶ Там же, л. 206 об.

⁸⁷ Там же, д. 21, л. 118.

⁸⁸ Там же, л. 116 об.

⁸⁹ Там же, л. 114 об.

⁹⁰ Там же, л. 119 об.

⁹¹ Речь. 1941. 10 декабря, № 3.

⁹² ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 205.

⁹³ Там же, л. 205, 216.

⁹⁴ Там же, л. 205.

⁹⁵ Там же, л. 205–205 об.

⁹⁶ Там же, л. 205 об.

⁹⁷ Там же, л. 225.

⁹⁸ Там же, л. 205 об.

⁹⁹ Там же.

© 2010 г. С. И. ВАСИЛЬЕВА *

ДЕРЕВНЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 1941–1945 годах (на материалах Марийской АССР)

В общероссийской исторической литературе проблема заготовок сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны рассматривалась в основном в обобщающих трудах по истории крестьянства, в исследованиях Ю.В. Арутюняна, В.Т. Анискова, Н.Н. Шушкина, Г.Е. Корнилова и В.П. Мотревича и некоторых других работах. На материалах Марийской республики она исследуется впервые¹.

* Васильева Светлана Ивановна, старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

В годы Великой Отечественной войны задача своевременного обеспечения армии и страны продовольствием, а промышленности – сырьем была одной из важнейших и стояла очень остро. На военном довольствии находилось около 11 млн солдат и офицеров Красной армии, а на государственном продовольственном обеспечении – до 80.6 млн человек гражданского населения². Огромные потребности в сельскохозяйственной продукции наложили отпечаток на характер проводимой в эти годы государством заготовительной политики и явились сурвым испытанием для колхозно-совхозной системы, крестьянства тыловых районов страны.

Главными поставщиками сельскохозяйственной продукции государству были колхозы и совхозы, обеспечивающие обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов, исчисление которых производилось на основе положений, введенных в СССР в 1940 г. – с гектара освоенной и подлежащей освоению земельной площади, закрепленной за колхозами. Размеры натуроплат за работу МТС определялись величиной площади, обработанной МТС с учетом видовой урожайности³.

С началом войны государство было вынуждено принять меры по увеличению объема заготовок. В 1942 г. колхозы были обязаны дополнительно сдавать зерно и мясо в специальные фонды обороны и Красной армии. Колхозам Марийской республики по этой статье предписывалось поставить 9 912 т зерна и 800 т мяса⁴.

С февраля 1942 г. нормы отчислений на многие виды сельскохозяйственной продукции были увеличены. Для колхозов МАССР они возросли по мясу – с 2.5 до 3 кг. При этом по районам этот показатель был дифференцирован в зависимости от местных природных условий⁵. Были увеличены и нормы сдачи овощей, а для колхозов, освоивших производство новых культур – табака, кок-сагыза и других, были введены обязательные поставки по этим культурам⁶. Одновременно выросли нормы поставок по мясу, картофелю и другим видам сельскохозяйственной продукции для индивидуальных хозяйств колхозников, единоличников, рабочих и служащих. В частности, для подсобных хозяйств колхозников по мясу была установлена норма – 40 кг, для единоличников – 80 кг в живом весе и т.д. В последующем правительство ввело штрафные санкции для недоимщиков и привлечение к уголовной ответственности в случае неоднократного невыполнения ими обязательных поставок⁷.

Доля колхозов и индивидуальных поставщиков в общем объеме сдаваемой продукции была неодинакова. В 1941 г. колхозы в соответствии с установленными плановыми показателями должны были поставить 99% общего объема поставок зерна, 54 – картофеля, 41 – мяса, 55.4% молока (в 1941 г. общая земельная площадь колхозов, облагаемая поставками, была равна 776.9 тыс. га).

Индивидуальные поставки колхозников должны были в 1941 г. обеспечить сдачу картофеля в объеме 43.4%, мяса – 51.9, молока – 41.2%⁸. Единоличников в республике насчитывалось всего 3 939 с 2 950 га земли, в том числе пахотной – 2 103 га. В общем объеме поставок мяса в 1941 г. их доля не превышала 4.8%, картофеля – 1.7%⁹. В дальнейшем наметилась тенденция сокращения доли индивидуальных хозяйств в поставках мяса и молока в связи с увеличением числа льготников как семей мобилизованных в РККА, освобожденных от этих обязанностей. Уже к началу 1942 г. в сельской местности республики имелось 26.8 тыс. таких семей¹⁰. В 1945 г. льготы по сельскохозяйственному налогу были предоставлены 42.9 тыс. семьям военнослужащих¹¹.

Централизованные виды заготовок были обязательными, во время войны они имели характер военного налога, т.е. по сути дела представляли собой внеэкономическое изъятие части колхозной продукции государством для создания специальных резервов в целях своевременного снабжения городов и действующей армии продовольствием, заготовки которого проводились по крайне низким ценам. По данным Ю.В. Арутюняна, государство закупало зерно по 7.4 коп., картофель – по 3 коп. за 1 кг, что было ниже колхозно-рыночных цен примерно в 100 раз¹². По таким же крайне низким ценам производились и закупки скота. В 1943 г. по расчетам, произведенным нами на основе данных годовых отчетов колхозов, если стоимость 1 головы крупного рогатого скота, поставляемой государству, в республике была равна 46.4 руб., продаваемой государ-

ственным заготовительным организациям – 273.9 руб., то на колхозном рынке 1 голова скота стоила 5 417.7 руб., т.е. была выше в 117 раз, 1 голова мелкого рогатого скота – в 67 и одна свинья – в 12 раз¹³. В целом же по стране в 1943 г. имел место 105-кратный разрыв государственных и рыночных цен по крупному рогатому скоту, 124-кратный – по овцам и козам и 14-кратный по свиньям. Рыночная цена в республике была выше по крупному рогатому скоту, но ниже по мелкому и свиньям¹⁴.

Суровое военное время наложило особый отпечаток и на характер проведения заготовок. Выполнение их приравнивалось к выполнению боевых заданий на фронте и их срыв рассматривался как преступление. Со стороны государственно-партийного аппарата за ходом проведения заготовок с первого и до последнего дня устанавливался жесткий контроль. Для охраны зерна создавались дозоры, привлекалась милиция, практиковались выезды специальных уполномоченных в районы для проверки и ускорения хода выполнения обязательств. Одновременно проводилась широкая агитационно-пропагандистская и разъяснительная работа.

Колхозы обязаны были выполнять обязательства по государственным поставкам в первую очередь и неукоснительно. Устанавливались жесткие сроки выполнения заготовок, в колхозах вводился контроль за расходованием зерна и другой сельскохозяйственной продукции. В 1942 г. была введена квота на расходование хлеба: на внутриколхозные нужды разрешалось использовать не более 15% от количества зерна, сданного к этому времени государству. До выполнения обязательств запрещалась свободная торговля хлебом на колхозных рынках¹⁵.

Заготовительная кампания, проводимая по законам военного времени, давала свои результаты. В обстановке высокого патриотического подъема и оперативности, под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» прошла заготовительная кампания в 1941 г. В постановлении правительства МАССР и бюро Марийского обкома партии «О проведении уборки и заготовок сельскохозяйственных продуктов в 1941 г.», принятом 15 июля 1941 г., особо подчеркивалось, что «выполнение обязательств перед государством является первоочередным долгом каждого колхоза»¹⁶. Повсеместно были проведены партийные собрания, пленумы райкомов партии, на которых обсуждались вопросы организации уборочной и заготовительной кампаний¹⁷. В первую же неделю войны в республике была организована сдача сельскохозяйственной продукции государству из запасов прошлого года. Колхозы республики буквально в течение одной недели сдали государству сельскохозяйственной продукции столько же, сколько за первое полугодие 1941 г.¹⁸ К сентябрю 1941 г. выполнили плановые обязательства по сдаче мяса колхозы Йошкар-Олинского и Кильмарского районов, досрочно сдали хлебопоставки колхозы Еласовского и некоторых других районов республики. Успешно и в полном объеме сдала зерно, мясо и другие продукты и в целом республика¹⁹.

Организованно прошла заготовительная кампания и в 1942 г. Республика выполнила плановые задания по хлебопоставкам на 100.4% и по мясопоставкам – на 100.8%²⁰. Ускоренными темпами проходила сдача сельскохозяйственной продукции в 1943 г. План зернопоставок на 25 сентября, по данным оперативного учета, был выполнен колхозами на 40%²¹. В целом, в 1943 г. республика выполнила план хлебосдачи на 80 дней раньше, чем в 1942 г.²² Общий план по сдаче мяса государству был выполнен на 100.5%, в том числе мясоперерабатывающим предприятиям – на 117%, военно-полевым конторам – на 109.6, план поставок картофеля – на 110, шерсти на 100%. Республика вышла на первое место среди тыловых районов страны и по сдаче кожевенного сырья. В целом в 1943 г. колхозы и колхозники республики поставили мяса государству на 1 332 т больше, чем в 1942 г.²³

Однако в условиях спада и сокращения объемов производства выполнение заготовок из года в год становилось все более затруднительным. Уже в 1942 г. колхозы в связи с сокращением валового производства зерна вынуждены были искать для его поставок заменители: 8 219 т этой продукции, или 10% ее объема, были заменены мясом, льном, картофелем и деньгами. В 1943 г. в счет 13% зернопоставок было сдано 16.6 тыс. голов крупного рогатого скота, 11.6 тыс. голов свиней и 25 тыс. голов овец²⁴.

Особенно трудно в период войны приходилось многоземельным колхозам. Испытывая дефицит тягловых средств и рабочей силы в большей степени, чем малоземельные хозяйства, они не справлялись со всем объемом сельскохозяйственных работ, оставляли нераспаханной часть своих земель и в связи с этим вынуждены были обращаться в государственные органы с просьбой о переводе своих земель в другие виды угодий или передаче их другим организациям и колхозам. Например, в критической ситуации весной 1943 г. оказался колхоз «Гигант» Волжского района, за которым было закреплено 1 062 га земли, в том числе 770 га пашни. Проведение весеннего сева в колхозе оказалось под угрозой. Необходимо было засеять при остром дефиците семян (семян имелось всего на 82 га, из которых 52 га приходилось на картофель) 350 га и пересеять 112 га из 263 га имеющихся озимых посевов. Рабочей силы и тягловых средств в колхозе не хватало: для проведения работ имелось всего 30 голов лошадей и 146 трудоспособных колхозников. На 1 рабочую лошадь приходилось 15 га пашни, а с учетом индивидуальных огородов – 50 га. Исполком районного Совета депутатов тружеников 11 марта 1943 г., рассмотрев просьбу колхоза, принял решение об отводе 140 га земли другим землепользователям и просил СНК МАССР утвердить это решение²⁵.

В столь же тяжелом положении весной 1943 г. оказался и колхоз «Пижанка» Йошкар-Олинского района, у которого имелось 218 га земли, в том числе 185 га пашни, 37 трудоспособных колхозников и 3 лошади. На 1 колхозника здесь приходилось 5.9 га пашни, а на 1 рабочую лошадь с учетом индивидуальных огородов – 62.5 га. Постановлением от 8 мая 1943 г. Совнарком МАССР принял решение о временной передаче 15 га земли подсобному хозяйству конторы связи Йошкар-Олы²⁶. Всего на 1 января 1943 г. было передано подсобным хозяйствам различных организаций 6 281 га, а в 1944 г. – 9 071 га колхозной земли²⁷.

Во время войны примерно 600 или около трети всех колхозов республики из года в год не справлялись с выполнением плана поставок зерна государству²⁸. В связи с этим часть объема заготовок республиканские власти вынуждены были перекладывать на плечи передовых хозяйств. В 1943 г. обком Марийского ВКП(б) принял решение, которым обязал передовые колхозы республики сдать 635 т мяса в живом весе в погашение задолженности других колхозов по зерну и семенной ссуде. В дальнейшем, поскольку со стороны обкома никаких мер по возврату скота хозяйствами-должниками не было принято, от хозяйств-сдатчиков стали поступать жалобы. Оргбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1945 г. вынесло постановление, которым обязало обком партии обеспечить в течение 1946 г. погашение этого долга²⁹.

В 1944 г. заготовительная кампания проходила тяжело. Колхозы к этому времени истощили все запасы произведенной продукции. В связи с этим часть недоимок с них пришлось списать. Совместным постановлением, принятым 15 июля 1943 г., Совнарком МАССР и бюро обкома партии разрешили колхозам, имеющим задолженность по натуроплате за работы МТС прошлых лет (в количестве 4 514.9 т), погасить ее деньгами из расчета фактических затрат на гектар тракторных работ. 16 августа 1944 г. с колхозов была списана полностью задолженность по состоянию на 1 июля по поставкам льносемян, льноволокна, сена, табака и махорки³⁰. Одновременно представитель уполномоченного Наркомата заготовок СССР по МАССР Щеглов в выступлении на заседании 19 пленума Марийского обкома ВКП(б) (июль 1944 г.) заявил о возможности списания недоимок зерна по всем видам обязательств. Однако в то же время нормы обязательных поставок по зерну в 1944 г. с учетом необходимого погашения колхозами задолженности по семенным ссудам должны были увеличиться. В связи с этим, например, в партийных документах указывалось, что государственный план хлебопоставок по республике в 1944 г. увеличивается на 38% против поставок 1943 г., а норма сдачи зерна с каждого га убранной площади возрастает с 210 до 275 кг³¹. Для колхозов планы обязательных поставок по зерну были установлены в количестве 41 662 т вместо 31 772.9 т в 1943 г.³²

Одновременно ужесточались требования по выполнению плана зернопоставок. 25 августа 1944 г. власти республики получили телеграмму за подписью И.В. Став

Таблица 1

**Объемы распределения зерновых и бобовых в колхозах Марийской АССР
в 1940–1945 гг. (в %)***

Статьи расхода	Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки государству		8.3	14.0	22.3	21.0	23.5
Натуроплата МТС		11.8	15.1	10.4	7.1	7.3
Сдача в фонд Красной армии		–	4.0	5.2	3.7	2.9
Сдача в фонд обороны		–	0.4	0.1	0.1	0.0
Возврат семенных и фуражных ссуд		3.1	0.5	1.3	7.9	8.0
Продано государственным заготовителям и кооперации		0.0	0.3	1.1	0.2	0.1
Итого сдано и продано государству		23.2	34.3	40.4	40.0	41.8
Продано и выделено для продажи на колхозном рынке		0.9	0.4	0.6	0.3	0.3
Выделено на семена и в страховой семенной фонд		23.8	29.1	26.4	30.9	25.9
Выделено на корм скоту и в фуражный страховой фонд		26.6	15.6	10.7	8.8	14.2
Прочие расходы (усушки, отходы и т.д.)		0.7	3.8	4.2	4.5	4.5
Итого выделено на производственные нужды колхоза и продано на колхозном рынке		52.0	48.9	41.9	44.5	44.9
Определено к выдаче на трудодни колхозникам и лицам, привлеченным со стороны		22.5	15.0	16.9	14.7	12.5
Выделено в фонд помощи инвалидам, сиротам, на содержание детских яслей и т.п.		0.8	1.0	0.5	0.4	0.4
Выделено в страховой продовольственный фонд		1.5	0.8	0.4	0.4	0.4
Итого выделено на потребление колхозникам и проч.		24.8	16.8	17.8	15.5	13.3

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3434, л. 77, 78; д. 3450, л. 156, 160, 164; д. 3457, л. 278, 282, 286; д. 3481, л. 56, 60, 64. Данные за 1944 г. подсчитаны автором.

лина и Г.М. Маленкова об увеличении и ускорении хлебозаготовок в республике. В телеграмме подчеркивалось: «Необходимо немедленно прекратить всякие разговоры и ходатайства о снижении плана, пресечь антизаготовительные настроения, которые дезорганизуют хлебозаготовки и тем самым подрывают обороноспособность страны» и «при всех условиях и, несмотря на трудности, вызванные военной обстановкой, хлеб должен быть заготовлен и вывезен». Руководство республики приняло к неуклонному исполнению эту директиву, возложив персональную ответственность за ее выполнение на первых секретарей райкомов партии, председателей исполкомов районных Советов, директоров МТС и председателей колхозов³³.

В условиях низкой урожайности сельскохозяйственных культур в 1944 г., связанной с недостатком ресурсов, советские и партийные органы были вынуждены принимать дополнительные меры по обеспечению выполнения всех видов обязательств перед государством. Постановлением, принятым 10 августа 1944 г. «Об усилении контроля за расходованием зерна в колхозах», СНК МАССР и бюро ОК ВКП(б) обязали Наркомат земледелия МАССР и председателей исполкомов районных Советов упорядочить и улучшить складские документы по учету поступления и движения зерна и усилить контрольно-ревизионную работу районных земельных отделов в колхозах; постановлением от 10 октября запретили торговлю хлебом в республике до выполнения плана хлебозаготовок³⁴. Одновременно была усиlena борьба с потерями урожая на полях. В материалах обкома партии, опубликованных в «Марийской правде» от 16 сентября 1944 г., сообщалось, что во многих колхозах, в частности Парааньгинском, Косолаповском, Оршанском районах, из-за плохой организации и затягивания уборочных работ допускаются большие потери урожая (зерно теряется от перестоя и осипания на корню), потери происходят из-за плохой отрегулированности комбайнов, отсутствия зерноуловителей на простейших машинах. Кроме того, многие колхозы запаздывают со скирдованием и обмолотом хлебов. Большие потери зерна происходят также и на

открытых токах, при перевозках на заготовительные пункты и в местах хранения из-за плохо поставленного учета и слабой охраны урожая – находящийся на токах хлеб не только портится, но и в больших размерах расхищается и разбазаривается.

Однако, несмотря на принятие жестких мер и суровых ограничений, республика в 1944 г. не справилась с выполнением заданий по поставкам зерна государству. Свыше 1 тыс. колхозов не додали государству 25 478 т хлеба³⁵. По данным заготовительных организаций, на 10 марта 1945 г. план хлебопоставок республикой был выполнен всего на 67.5%, по картофелю – на 70, овощам – на 55.8 и льноволокну – на 19.2%³⁶.

Не менее сложно проходили заготовки и в 1945 г. Согласно текущей отчетности, на 15 ноября 1945 г. государственный план по хлебозаготовкам был выполнен всего на 78.7%. Из 21 района республики полностью рассчитались с государством лишь два – Горномарийский и Хлебниковский. В связи с этим сохранялась и практика посылки уполномоченных и принятия других жестких мер по отношению к секретарям райкомов и председателям райисполкомов, председателям и членам правления колхозов, на которых возлагалась персональная ответственность за выполнение объемов поставок в районах. За 1945 г. за хищение, разбазаривание и проявление саботажа в хлебозаготовках были осуждены 43 председателя и 2 члена правления колхозов, 6 счетоводов, 9 кладовщиков. Однако в условиях мирного времени деревня, стойко перенесшая тяготы войны, стала оказывать сопротивление такой политике. В докладной Марийского обкома партии в ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1945 г. в частности сообщалось, что «некоторые руководители райкомов партии, партийные и советские работники дело хлебозаготовок пустили на самотек, перестали замечать факты саботажа, а отдельные работники стали вести разговоры о списании долгов по хлебопоставкам. Приводились и факты: председатель Большешаранурского сельсовета Куженерского района проводил агитацию против хлебозаготовок, давал указания председателям колхозов перевозить снопы с производственных участков на семенные и скирдовать их как урожай, снятый с этих участков. Имели место и случаи, когда оказывалось прямое сопротивление давлению со стороны партийных органов. Так, в колхозе «Пробуждение» Кильмарского района избили секретаря райкома партии, приехавшего в колхоз для организации хлебозаготовок³⁷.

В условиях военного времени колхозы республики вынуждены были выполнять постоянно растущие обязательства перед государством, главным образом, за счет сокращения фондов потребления. Если в 1940 г. они отчислили государству 23.2% валового сбора зерновых, то в 1942 г. – 34.3%, в 1943–1944 гг. – 40% (см. табл. 1). (В целом по стране доля зерновых заготовок была несколько выше и составила в 1940 г. 42.8%, в 1943 г. – 43.6%)³⁸. Удельный вес различных статей в республике при этом изменялся неодинаково. Возрастала в общем объеме валовой продукции доля обязательных поставок: в 1941 г. она была равна 8.3%, в 1942 г. – 14, в 1943 г. – 22.3% (в целом по стране в 1942 г. – 20.9%, в 1943 г. – 21.7%). Доля натуроплаты в связи с сокращением производственного участия МТС в проведении сельскохозяйственных работ несколько уменьшилась, составив в 1943 г. 10.4% против 11.8% в 1940 г. (см. табл. 1). Однако сам гектар мягкой пахоты колхозам обходился дороже, чем в мирное время, в связи с тем, что разница между видовой урожайностью, на основе которой рассчитывались объемы натуроплат, и фактической в период войны увеличилась: по зерну с 2.3 ц в 1940 г. до 4 ц в 1943 г., по картофелю соответственно с 22.1 до 33.3 ц³⁹. Натуроплата за работы МТС в 1942 г. по сравнению с 1940 г. сократилась в 1.5 раза, тогда как количество выполненных работ МТС в колхозах – в 1.8 раза. Однако в последующем диспропорция стала увеличиваться в пользу работы МТС. Объем натуроплаты в колхозах сократился в 1944 г. по сравнению с довоенным 1940 г. в 4.5 раза, тогда как объем выполненных МТС работ – лишь в 1.7 раза⁴⁰. Объяснялось это уже имевшейся к этому времени большой задолженностью колхозов по этой статье. К 1945 г. недоимки колхозов республики за работы МТС составили 4 669.4 т⁴¹.

Существенно сократились за годы войны расходы колхозов на потребление колхозников: в 1943 г. по сравнению с 1940 г. в 4 и в 1944 г. – в 4.3 раза. Та же часть по-

Таблица 2

**Объемы распределения зерновых и бобовых в колхозах Марийской АССР в 1940–1945 гг.
(в тыс. ц.)***

Статьи расхода	Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки государству	339.0	301.2	316.5	319.3	476.7	
Натуроплата МТС	483.9	326.8	148.3	107.9	147.9	
Сдача в фонд Красной армии	–	86.5	74.0	56.5	59.5	
Сдача в фонд обороны	–	9.5	1.4	1.1	0.3	
Возврат семенных и фуражных ссуд	129.2	10.3	18.6	119.8	162.7	
Продано государственным заготовителям и кооперации	1.6	5.6	16.9	2.9	3.2	
Итого сдано и продано государству	953.7	739.9	575.7	607.5	850.3	
Продано и выделено для продажи на колхозном рынке	35.4	9.4	6.8	4.9	6.7	
Выделено на семена и в страховой семенной фонд	979.5	627.7	374.1	469.7	523.4	
Выделено на корм скоту и в фуражный страховой фонд	1094.3	337.2	152.3	134.7	287.6	
Прочие расходы (усушки, отходы и т.д.)	28.1	81.8	59.5	68.2	91.7	
Итого выделено на производственные нужды колхозов и продано на колхозном рынке	2137.3	1056.1	592.7	677.5	909.4	
Выдано на трудодни колхозникам и лицам, привлеченным со стороны	925.2	323.0	239.7	224.5	249.3	
Выделено в фонд помощи инвалидам, сиротам, на содержание детских яслей и т.п.	34.5	22.3	6.5	6.9	7.8	
Выделено в страховой продовольственный фонд	59.6	18.2	4.9	5.5	8.2	
Итого выделено на потребление колхозникам и проч.	1019.3	363.5	251.1	236.9	265.3	
Всего распределено	4110.3	2159.5	1419.5	1521.9	2025.0	

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3434, л. 76, 79; д. 3450, л. 19, 23, 27; д. 3457, л. 12, 16, 20; д. 3468, л. 22, 26, 30; д. 3475, л. 59, 63, 67.

стигла выделение объемов зерновой продукции на производственные нужды: в 1943 г. по сравнению с 1940 г. в 3.6 раза. Была существенно урезана квота продаж зерна на колхозном рынке: в 1944 г. – в 7.2 раза (в целом по стране этот показатель сократился в 2.3 раза или в меньшей степени, чем в республике); сократилось выделение зерна на фураж – в 8.1 раза. Несколько выросли прочие расходы, что объяснялось стремлением колхозов списать часть продукции по этой статье⁴².

Государство в целом очень жестко обходилось с колхозами. Правительство МАССР и бюро обкома партии 7 января 1943 г. приняли постановление «О воспрещении Статуправлению, Госплану и Наркомзему МАССР сбора данных о фактическом намолоте урожая в колхозах республики», чтобы колхозы в оценке урожая могли пользоваться только данными видовой оценки, производимыми органами ЦСУ до начала уборки. Одновременно республиканские власти предупредили, что все виновные за использование данных о фактическом намолоте в оценке урожая будут привлекаться к строгой ответственности. Следует оговориться, что для использования таких методов оценки урожая имелись и некоторые объективные основания. В годы войны в условиях резкого сокращения производства, когда значительная часть выращенной сельскохозяйственной продукции сдавалась государству, в колхозах имели место факты украдывательства, выдачи фиктивных квитанций, стрижки колосьев на полях и т.п. (в чем население искало спасения от недоедания). Налагая запрет на использование данных о фактической урожайности, государство лишний раз страховало себя от потерь⁴³. Так, в газете «Марийская правда» от 29 августа 1944 г. сообщалось, что многие требования партии и правительства строжайшего учета и охраны урожая в колхозах республики нарушаются: в колхозах «Уер», «У памаш-ял», «Ударник», «Трактор» Казанского района были замечены неоднократные случаи хищения зерна на корню из-за того, что не были своевременно выделены полевые объездчики и охранники; в колхозах «Йош-

Таблица 3

Объемы распределения картофеля в колхозах Марийской АССР (в тыс. ц и в %)*

Статьи расхода	Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки государству		147.0	110.9	128.7	106.4	102.6
Натуроплата МТС		28.4	10.1	5.7	92.7	0.5
Сдача в фонд Красной армии		—	2.3	0.8	0.4	1.8
Сдача в фонд обороны		—	1.8	1.9	1.2	0.1
Возврат семенных и фуражных ссуд		0.8	3.0	3.8	1.2	0.6
Продано государственным заготовителям и кооперации		0.4	5.9	18.5	5.6	1.2
Итого сдано и продано государству		176.6	134.0	159.4	207.5	106.8
То же в процентах		10.6	8.5	12.8	17.9	9.2
Продано и выделено для продажи на колхозном рынке		6.4	11.0	6.0	5.3	3.6
Выделено на семена и в страховой семенной фонд		473.0	625.0	383.0	349.9	306.3
Выделено на корм скоту и в фуражный страховой фонд		363.2	411.5	245.7	133.1	279.1
Прочие расходы (усушки, отходы и т.д.)		11.7	7.6	47.0	28.3	24.1
Итого выделено на производственные нужды колхозов и продано на колхозном рынке		854.3	1055.1	681.7	516.6	613.1
То же в процентах		51.4	67.2	54.9	44.7	53.1
Определено к выдаче на трудодни колхозникам и лицам, привлеченным со стороны		626.2	361.0	398.2	426.9	431.9
Выделено в фонд помощи инвалидам, сиротам, на содержание детских яслей и т.п.		4.2	20.5	2.9	5.0	3.8
Выделено в страховой продовольственный фонд		—	—	—	0.1	—
Итого выделено на потребление колхозникам и проч.		630.4	381.5	401.1	432.0	435.7
То же в процентах		38.0	24.3	32.3	37.4	37.7
Всего распределено		1661.3	1570.6	1242.2	1156.1	1155.6

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3434, л. 93; д. 3457, л. 137, 141; д. 3468, л. 165; д. 3475, л. 88.

кар-Армий», «Палантай» Сернурского района вместо того, чтобы охранять урожай, охранники сами занялись стрижкой колосьев, вскоре были в этом уличены и привлечены к судебной ответственности. Подобного рода факты имели место и в колхозах Параньгинского, Куженерского, Пектубаевского и некоторых других районов республики.

В период войны кроме зерна колхозы сдавали значительную часть своей животноводческой продукции. В 1943 г. государству были сданы почти половина заготовленного молока и больше половины полученной шерсти. Общие объемы мясопоставок также увеличивались. В 1943 г. государство получило 22 тыс. голов крупного рогатого скота вместо 6.3 тыс. в 1940 г. (в 3.5 раза больше), овец и коз соответственно 23.4 тыс. вместо 2 тыс. голов (в 11.7 раза больше), свиней – 10 тыс. вместо 5.4 тыс. (в 1.9 раза больше)⁴⁴. Рост числа голов скота, поставляемого государству, объяснялся не только увеличением норм сдачи, но и тем, что в условиях недостатка кормов скот сдавался низкой упитанности. По данным В.Т. Анискова, средняя упитанность каждой головы скота в те годы снизилась в среднем на 20%⁴⁵.

Увеличилась и доля сдаваемого скота в общем объеме продаж и поставок. В 1943–1944 гг. по крупному рогатому скоту она составила около 90% вместо 76.4 в 1940 г., по овцам и козам соответственно 93.4% вместо 63.9, по свиньям – 39.2% вместо 21.2. В республике показатели по процентам сдачи были чуть больше, чем в целом по стране. В целом по стране крупного рогатого было сдано в 1943 г. 84.1%, свиней – 30.5, овец и коз 79.2%⁴⁶. В 1944–1945 гг. количественные объемы поставок сократились в связи с сокращением поголовья скота в колхозах.

Таблица 4

Объемы распределения овощей в колхозах республики в 1940–1945 гг. (в тыс. ц и в %)*

Статьи расхода	Годы	1940	1942	1943	1944	1945
Обязательные поставки государству		8.1	28.6	22.6	19.6	16.7
Натуроплата МТС		—	—	0.2	—	—
Сдача в фонд Красной армии		—	—	0.1	—	—
Сдача в фонд обороны		—	—	0.1	0.1	0.0
Продано государственным заготовителям и кооперации		9.4	5.9	4.9	4.5	4.0
Итого сдано и продано государству		17.5	34.5	27.9	24.2	20.7
То же в процентах		23.3	34.4	37.1	34.0	32.6
Продано и выделено для продажи на колхозном рынке		34.0	13.5	10.7	7.8	5.8
Выделено на семена и в страховой семенной фонд		—	—	1.8	2.0	1.4
Выделено на корм скоту и в фуражный страховой фонд		5.1	—	2.3	7.4	7.7
Прочие расходы (усушки, отходы и т.д.)		0.8	21.4	2.0	1.0	3.9
Итого выделено на производственные нужды колхозов и продано на колхозном рынке		39.9	34.9	16.8	18.2	18.8
То же в процентах		53.1	34.8	22.3	25.6	29.6
Определено к выдаче на трудодни колхозникам и лицам, привлеченным со стороны		17.7	30.8	30.5	28.1	23.9
Выделено в фонд помощи инвалидам, сиротам, на содержание детских яслей и т.п.		—	—	0.1	0.5	0.1
Итого выделено на потребление колхозникам и проч.		17.7	30.8	30.6	28.6	24.0
То же в процентах		23.6	30.7	40.6	40.3	37.8
Всего распределено		75.1	100.2	75.3	71.1	63.5

* Составлено по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3434, л. 95; д. 3450, л. 87; д. 3457, л. 161, 165, 169; д. 3468, л. 189, 193, 197; д. 3475, л. 109, 113, 117.

Колхозы республики испытывали большие трудности в выполнении поставок по молоку из-за истощенности и малопродуктивности коров. В 1940 г. МАССР выполнила план молокопоставок на 100%, в 1942 г. – на 96, в 1943 г. – на 88% (в 1943 г. молока было сдано государству на 9 940 гл меньше, чем в 1940 г.). В 1944 г. план заготовок молока был выполнен всего на 54%, в том числе колхозами на 48.6, колхозниками – на 79.1%⁴⁷.

Сокращение сельскохозяйственного производства неизбежно вызвало и снижение объемов заготавливаемой продукции в колхозах. Объемы заготовок по обязательным поставкам уменьшились в связи сокращением посевных площадей – с 339 тыс. ц в 1940 г. до 316.5 тыс. ц в 1943 г. и до 319.3 ц в 1944 г. или соответственно на 6.6 и 5.8%. Также сократились в период войны и размеры натуроплаты за работы МТС (см. табл. 2). Общие же объемы поставок государству зерновых и бобовых с учетом поступлений в фонды Красной армии и обороны и возврата семенных и фуражных ссуд уменьшились в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в 1.3 и в 1943–1944 гг. – в 1.6 раза⁴⁸.

В 1945 г. в МАССР объемы поставок зерна государству увеличились. При этом доля отчислений возросла несущественно (так, в 1945 г. она составила 41.8% вместо примерно 40% в 1943 и 1944 гг.) (см. табл. 1). В отличие же от данных в целом по стране рост отчислений произошел главным образом за счет увеличения валового сбора зерна. По данным Ю.В. Арутюняна, в 1945 г. колхозы тыла страны отдали больше половины своей продукции – 50.6% против 44 в 1943 г. По его мнению, в 1944–1945 гг. удельный вес государственных заготовок зерновых в общей массе продукции был едва ли не самым большим в истории социалистического сельского хозяйства⁴⁹.

В меньшей степени изменилось количество сдаваемого государству картофеля в различные фонды. Только в 1942 г. в связи с уменьшением посевных площадей сокра-

тился удельный вес объемов его поставок и продаж государству и доля отчислений в фонд потребления. Одновременно возросла доля отчислений на производственные нужды (см. табл. 3). В целом же в период войны объемы поставок картофеля государству также сократились. Так, если в 1940 г. по обязательным поставкам было сдано государству 147 тыс. ц, то в 1942 г. – 110.9 тыс., а в 1944 г. – 106.4 тыс. ц или соответственно в 1.3 и 1.4 раза меньше, а с учетом всех статей поступлений государству (натуроплаты за работы МТС, продажи государственным заготовителям и кооперации, сдачи в фонд обороны и Красной армии) – соответственно в 1.3 и в 1943 г. 1.1 раза меньше, однако в 1944 г. – в 1.2 раза больше, чем в 1940 г.⁵⁰

Несколько иная картина наблюдалась по поставкам овощей (см. табл. 4). Количество поставляемой овощной продукции в связи с ростом посевных площадей и удельного веса отчислений в 1942 г. увеличилось с учетом всех статей поступлений в 2 и в 1943 и 1944 гг. – в 1.6 и 1.4 раза по сравнению с довоенным 1940 г. Одновременно увеличилось в период войны и выделение овощей в фонды потребления колхозников, в частности, в 1943 г. в 1.7 раза по сравнению с 1940 г.⁵¹

В связи с падением производства сократились также и объемы заготовок льнопродукции в колхозах. Так, если в 1940 г. было поставлено государству по обязательным поставкам 19 тыс. ц льноволокна, то в 1942–1943 гг. – 15.6 и 16 тыс. ц или примерно в 1.2 раза, а в 1944 г. всего 6 тыс. ц или в 3.2 раза меньше⁵².

Война явилась суровым испытанием на прочность всей колхозно-совхозной системы государства. На всем ее протяжении страна жила по законам военного времени. Отражением этого стала и заготовительная политика, проводимая государством – труженики сельского хозяйства тыла страны обязаны были выполнять все задания по государственным поставкам невзирая ни на какие производственные трудности и материальные лишения. Крестьянство Марийской Республики внесло посильный вклад в решение продовольственной проблемы и военно-экономическое обеспечение Победы. Республика дала государству более 350 тыс. т хлеба, 64 тыс. т картофеля, 2 тыс. т мяса, много молока, яиц, овощей, шерсти, льна и других продуктов⁵³.

Примечания

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 196–212; Шушкин Н.Н. Во имя победы: Организаторская и массово-политическая работа партии в деревне периода Великой Отечественной войны. Ч. 2. Петрозаводск, 1974. С. 313–330; История советского крестьянства. Т. 3. М., 1987. С. 208–209; Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 103–118; Моторевич В.П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990. С. 141–166; Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма. История и психология подвига. М., 2003. С. 180–214; и др.

² Всемирно-историческая победа советского народа, 1941–1945. М., 1971. С. 306, 343.

³ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г. «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов». Правда. 1940. 7 апреля. См. подробнее об этом: Моторевич В.П. Указ соч. С. 141–144.

⁴ Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ), ф. Р-542, оп. 2, д. 68, л. 577; д. 115, л. 65.

⁵ Постановление СНК МАССР и бюро ОК ВКП(б) от 18 февраля 1942 г. «О порайонных годовых нормах обязательной поставки мяса государству колхозами, колхозными дворами и единоличными хозяйствами по МАССР на 1942 год» (ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 113, л. 221–222).

⁶ Постановление СНК МАССР и бюро ОК ВКП(б) от 14 марта 1942 г. «О нормах сдачи овощей колхозами государству из урожая 1942 г.»; постановление СНК МАССР и бюро ОК ВКП(б) от 15 апреля 1942 г. «Об обязательной поставке махорки колхозами МАССР» (ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 113, л. 319–320; д. 114, л. 2).

⁷ Постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами» // Сборник постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1943. С. 119–124.

⁸ Подсчитано по: ГА РМЭ, ф. Р-661, оп. 1, д. 83, л. 6. В 1941 г. в республике крестьянских хозяйств, подлежащих обложению государственными поставками картофелем, насчитывалось 75.5 тыс., шерстяно – 55.5 тыс., мясо- и молокопоставками соответственно – 56 и 52 тыс.

⁹ ГА РМЭ, ф. Р-644, оп. 3, д. 118, л. 7.

¹⁰ Там же, ф. Р-542, оп. 2, д. 94, л. 17.

¹¹ Марийская правда. 1945. 24 июля.

¹² Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 211.

¹³ Рассчитано по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3459, л. 31, 39, 43, 51, 59, 68.

¹⁴ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. Подсчитано по данным табл. 24. С. 211.

¹⁵ М.А. Вылцан в своей работе «Крестьянство России в годы Большой войны. 1941–1945. Пиррова победа» (М., 1995), характеризуя мероприятия по проведению заготовок, пишет о «беспощадной требовательности», которую государство предъявляло к колхозам, усматривая в этом, главным образом, негативный аспект. Однако хотелось бы заметить – было бы странно, если бы государство в условиях чрезвычайной военной обстановки демонстрировало мягкость и терпение в отношении к заготовителям. См.: Вылцан М.А. Указ соч. С. 22.

¹⁶ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 68, л. 3.

¹⁷ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Документы и материалы. Йошкар-Ола, 1967. С. 119–120.

¹⁸ Большевик. 1941. № 14. С. 46.

¹⁹ Марийская правда. 1942. 1 января.

²⁰ Там же. 1943. 29 июня.

²¹ ГА РМЭ, ф. Р-644, оп. 1, д. 1261, л. 15.

²² Марийская правда. 1944. 18 марта.

²³ ГА РМЭ, ф. Р-661, оп. 1, д. 132, л. 2, 5; Марийская правда. 1944. 18 марта. Необходимо отметить, что количество сдаваемого мяса республикой из года в год увеличивалось. Так, если в 1940 г. было поставлено государству 4 145 т, то в 1941 г. – 5 357 т, в 1943 г. – 5 109 т или соответственно на 29 и 23% больше. Об увеличении объема поставок мяса государству свидетельствовали и другие данные: в 1940 г. в республике не выполнил плана мясопоставок ни один район, в 1941 г. выполнили 3 района, в 1942 г. – 12 и в 1943 г. также 12 из 21 района. ГА РМЭ, ф. Р-661, оп. 1, д. 132, л. 5.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 130; ГА РМЭ, ф. Р-644, оп. 1, д. 1339, л. 18.

²⁵ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 137, л. 20–21.

²⁶ Там же, ф. Р-542, оп. 2, д. 142, л. 56.

²⁷ Там же, ф. Р-644, оп. 3, д. 109, л. 1.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 130.

²⁹ РГАЭ, ф. 9477, оп. 1, д. 1118, л. 108.

³⁰ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 4, д. 175, л. 413, 414.

³¹ Там же, ф. П-1, оп. 5, д. 835, л. 98.

³² Там же, ф. Р-542, оп. 4, д. 175, л. 554; д. 242, л. 229. В еще большей степени возрастали с учетом взятых ссуд и невыполненных обязательств зернопоставки в 1945 г. Так, согласно нормам зернопоставок, действовавшим в 1944 г., из урожая 1945 г. колхозы обязаны были сдать с учетом возврата натуральных ссуд 99 713.3 т зерна или 2.69 ц с 1 га уборочной площади вместо фактически сданного зерна в довоенном 1940 г. с 1 га – 1.78, 1942 г. – 1.91, в 1943 г. – 1.74 и в 1944 г. – 1.89 ц. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 170, л. 38).

³³ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 4, д. 242, л. 286–288. Необходимо отметить, что такого рода требования по выполнению государственных поставок в период войны предъявлялись и к другим краям, областям и республикам страны. В.Т. Анисков отмечал, что их принятие было обусловлено продовольственным кризисом, возникшим осенью 1942 г., и трудностями в проведении хлебо-заготовительной политики в стране. Первый раз такое постановление было принято 23 ноября 1942 г. в отношении Алтайского крайкома ВКП(б). ЦК ВКП(б) этим решением указал на неудовлетворительный ход заготовок и потребовал в кратчайшие сроки немедленного принятия мер по их выполнению. В последующем указанное постановление было разослано всем обкомам, крайкомам партии и ЦК компартий союзных республик. См. об этом: Анисков В.Т. Указ соч. С. 198.

³⁴ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 4, д. 242, л. 245; д. 244, л. 154, 155.

³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 39.

³⁶ ГА РМЭ, ф. П-1, оп. 5, д. 1090, л. 26.

³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 130, 131.

³⁸ В целом по стране по: Анисков В.Т. Указ соч. С. 184.

³⁹ Так, если в 1940 г. видовая урожайность по зерну составила 12.9 ц с 1 га, то фактическая – 10.6 ц; в 1943 г. соответственно – 8.3 и 4.3 ц. Видовая урожайность по картофелю в 1940 г. равнялась 101 ц, фактическая – 78.9 ц; в 1943 г. соответственно – 100 и 52.3 ц. (ГА РМЭ, ф. Р-644, оп. 3, д. 109, л. 56).

⁴⁰ Подсчитано по данным табл. 1.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 421, л. 38.

⁴² Подсчитано по данным табл. 1. В целом по стране см.: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 444.

⁴³ ГА РМЭ, ф. Р-542, оп. 2, д. 173, л. 49.

⁴⁴ Подсчитано по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3435, л. 9, 11, 12; д. 3459, л. 31, 39, 43.

⁴⁵ *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 188.

⁴⁶ Рассчитано по: ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3435, л. 9.11, 12; д. 3459, л. 31, 39, 43. В целом по стране см.: *Арутюнян Ю.В.* Указ соч. С. 210.

⁴⁷ ГА РМЭ, ф. Р-661, оп. 1, д. 132, л. 8; ф. Р-542, оп. 2, д. 319, л. 145.

⁴⁸ Подсчитано по данным табл. 2.

⁴⁹ *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 318.

⁵⁰ Подсчитано по данным табл. 3. В 1944 г. по показателям годовых отчетов картофеля было выделено в счет натуроплаты за работы МТС в количестве 92.7 тыс. ц. (см. табл. 3). Цифра вызывает сомнение, поскольку разительно расходится с аналогичными показателями предыдущих и последующих лет, однако никаких объяснительных документов по этому поводу в архивных материалах не обнаружено.

⁵¹ Подсчитано по данным табл. 4.

⁵² Подсчитано по данным годовых отчетов колхозов (ГА РФ, ф. А-310, оп. 1, д. 3443, л. 66; д. 3450, л. 43; д. 3457, л. 52; д. 3468, л. 58).

⁵³ История Марийской АССР. Т. 2: Эпоха социализма (1917–1987). Йошкар-Ола, 1987. С. 186.

© 2010 г. А. Л. КУЗЬМИНЫХ, С. И. СТАРОСТИН*

СПЕЦЛАГЕРЯ ДЛЯ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КРАСНОЙ АРМИИ, НАХОДИВШИХСЯ В ПЛЕНУ И ОКРУЖЕНИИ ПРОТИВНИКА

После нападения фашистской Германии на Советский Союз и оккупации части советской территории германские разведывательные органы начали массовую вербовку агентуры и переброску ее через линию фронта в советский тыл. Органами НКВД было установлено, что свои «кадры» абвер вербует из числа пленных красноармейцев. Забрасываемые в советский тыл разведчики и диверсанты получали задание проводить шпионскую и подрывную работу, совершать террористические акты, распространять провокационные и панические слухи¹. Согласно оперативным данным, в подавляющем большинстве случаев немецкая агентура проникала в тыл Красной армии под видом отставших от своих частей военнослужащих, а также лиц, совершивших побег из плена или вышедших из окружения. Имели место случаи, когда немцы переодевали своих агентов в красноармейскую форму, снабжали их поддельными документами и внедряли в части Красной армии.

В целях проверки советских солдат и командиров, задержанных в освобожденных от немцев районах, Государственным комитетом обороны 27 декабря 1941 г. было принято постановление № 1069сс о создании специальных лагерей в системе Народ-

* Кузьминых Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Старостин Сергей Игоревич, заместитель начальника Отдела специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра Управления внутренних дел по Вологодской области.

ного комиссариата внутренних дел. Во исполнение вышеупомянутого постановления НКВД СССР 28 декабря 1941 г. выпустил приказ № 001735 «Об организации специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника». В числе последних значились Грязовецкий спецлагерь № 150 и Череповецкий спецлагерь № 158, за которыми закреплялось обслуживание Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов². Грязовецкий спецлагерь располагался в 7 км к югу от Грязовца, в постройках бывшего Корнильево-Комельского монастыря. Начальником Грязовецкого спецлагеря был назначен капитан госбезопасности А.Ф. Босчин, начальником особого отдела – капитан госбезопасности Д.М. Никитин. Череповецкий спецлагерь дислоцировался в 3 км к юго-востоку от Череповца, около местечка «Макарына роща» на правом берегу р. Шексны. Начальником лагеря был назначен капитан госбезопасности В.С. Королев, комиссаром – старший майор милиции А.И. Щербаков, начальником особого отдела – капитан госбезопасности Климов.

Спецконтингент поступил в лагеря в конце января 1942 г. В Грязовецком спецлагере военнослужащие РККА были размещены в двухэтажном кирпичном корпусе, четырех деревянных бараках, а также брезентовых палатках, которыми компенсировалась нехватка жилого фонда. В Череповецком спецлагере контингент был расселен в каркасно-засыпных и земляных бараках. Красноармейцы были разделены на сотни, каждая из которых размещалась в отдельном помещении. Командиры располагались на нарах вагонной системы, рядовые – на сплошных нарах. Характерно, что и те, и другие сохраняли право на ношение формы, знаков различия и отличия³.

Условия содержания контингента в специальных лагерях мало отличались от советских исправительно-трудовых учреждений: территория лагеря обносилась высоким забором из колючей проволоки, охрана поручалась конвойным войскам, а обитателям лагерных бараков запрещался выход из зоны, переписка, свидания с родственниками и т.п. На запросы родственников о судьбе этих людей чиновники НКВД отвечали, что сведениями об их местонахождении не располагают⁴. Бывшие красноармейцы получали скучный, малокалорийный паек. Катастрофически не хватало лекарств и перевязочного материала, хотя некоторые из красноармейцев имели ранения. Отсутствовала регулярная санитарная обработка. Следствием были массовые эпидемии. Только в Череповецком спецлагере в I квартале 1942 г. было зафиксировано 77 случаев сыпного тифа, вследствие чего весь лагерь был переведен на карантин⁵.

Особые отделы лагерей осуществляли оперативно-следственные мероприятия, направленные на выявление среди советских бойцов и командиров немецко-фашистской агентуры и прочего «антисоветского элемента». На каждого содержавшегося в спецлагере военнослужащего заводилось учетное дело, состоявшее из опросного листа и материалов агентурно-оперативной и следственной проверки. В учетной документации фиксировались установочные данные на проверяемого, номер воинской части, в которой он служил до момента пленения, обстоятельства, при которых он попал в плен или окружение, данные о его поведении в плену. Лицу, вызываемому на допрос, по ходу беседы задавался вопрос: известны ли ему какие-либо факты «антисоветского поведения» со стороны его сослуживцев. Все показания тщательно фиксировались и сверялись друг с другом с целью выявления противоречий и недостоверных сведений⁶.

Среди спецконтингента оперработники формировали агентурно-осведомительную сеть. Негласный аппарат Череповецкого спецлагеря насчитывал 186 человек, в том числе 2 резидентов, 11 агентов и 173 осведомителя⁷. Опыт показывал, что использование специальных методов значительно повышало эффективность работы по выявлению «преступно-изменнического элемента». С помощью агентуры в лагере были выявлены 324 человека, подозреваемых в совершении различных преступлений. Из них 263 человека были уличены в измене Родине, 33 – в шпионаже, 28 – в проведении антисоветской пропаганды и агитации⁸.

Особым отделом Череповецкого спецлагеря было заведено 10 агентурных дел на 77 человек. Приведем наиболее характерные из них. По агентурному делу «Недоволь-

ные» проходили 3 красноармейца, которые сами сдались в плен к немцам, поступили в добровольческий батальон СС, участвовали в проведении карательных акций. Агентурное дело «Украинцы» было заведено на 4 красноармейцев, которые во время нахождения в немецких лагерях для военнопленных активно занимались антисоветской агитацией. По агентурному делу «Окруженцы» проходили 2 офицера и 3 красноармейца, работавшие в качестве охранников у немецкого командования. В агентурном деле «Воловцы» фигурировали 10 советских бойцов, которые с приближением немецких войск дезертировали из своих частей и проживали на оккупированной территории. По агентурному делу «Каратели» разрабатывались 16 человек, добровольно поступивших на службу в немецкую полицию и занимавшихся выявлением коммунистов и партизан среди местного населения. По агентурному делу «Ильинские предатели» проходили 20 человек, которые служили в немецкой полиции, грабили местное население и боролись с партизанами. Наконец, агентурное дело «Белоповязочники» было заведено на 7 военнослужащих РККА, которые служили в немецкой армии, несли караульную службу по охране железнодорожных мостов, а также участвовали в карательных экспедициях по борьбе с партизанами⁹.

В процессе фильтрации также выявлялись лица, завербованные германской разведкой. Так, в процессе оперативной разработки было установлено, что бывший красноармеец Иванов во время пребывания в лагере военнопленных в Старой Руссе был завербован немецкой разведкой. После этого он получил задание перейти линию фронта и собрать информацию о расположении советских воинских частей, складов, аэродромов, оборонных заводов¹⁰. Всего, по полученным оперативниками данным была установлена дислокация 20 немецких разведывательных школ, резидентур и явочных пунктов.

На качестве оперативно-следственной работы первое время негативно сказывалась нехватка оперсостава. По состоянию на 1 февраля 1942 г. в Череповецком спецлагере на 2130 человек приходились 2 оперработника – старший оперуполномоченный и следователь¹¹.

11 марта 1942 г. в Управление НКВД по Вологодской обл. поступила директива наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии о скорейшем завершении фильтрации спецконтингента. Начальник областного УНКВД майор госбезопасности Л.Ф. Галкин лично 4 раза выезжал в спецлагерь. В Грязовецкий спецлагерь было командировано 10 дополнительных оперативных сотрудников, в Череповецкий – 15. В итоге, были достигнуты рекордные темпы фильтрации – 150 человек в день. В результате только в апреле 1942 г. в районные военные комиссариаты были переданы более 2200 человек. Военнослужащие, подозреваемые в преступном поведении на вражеской территории, были переведены в отдельные бараки.

Лица, преступную деятельность которых удалось задокументировать, с санкции военного прокурора подвергались аресту и переводились либо в лагерную тюрьму, либо в тюрьмы Вологды и Череповца¹². К примеру, лица, арестованные Особым отделом Череповецкого лагеря (364 человека), были разделены на следующие категории: изменники Родины – 238 человек, агенты германской разведки – 41, полицейские – 34, служившие в карательных отрядах и других немецких частях – 31, немецкие переводчики – 5, совершившие другие преступления – 15¹³. Окончательный вердикт выносили судебные органы. За первое полугодие 1942 г. сотрудники Особого отдела Череповецкого лагеря направили на рассмотрение судебных инстанций 283 следственных дела на 360 человек, в том числе 99 следственных дел (на 122 человека) на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР, 38 (на 48 человек) – Военного трибунала Вологодского гарнизона Архангельского военного округа.

В архиве Управления внутренних дел по Вологодской обл. находятся на хранении несколько десятков следственных дел на военнослужащих РККА, представивших перед Военным трибуналом гарнизона Вологды. Из просмотра следственных дел известно, что большинство красноармейцев привлекались к судебной ответственности за самовольное оставление поля сражения, сдачу в плен, не вызванную боевой об-

становкой, отказ во время боя действовать оружием, т.е. на основании совокупности преступлений, предусмотренных статьей 193-22 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Так, 31 июля 1942 г. особым отделом НКВД Грязовецкого лагеря был арестован красноармеец Кузьмин. Следствие установило, что Кузьмин, находясь в составе 175-го стрелкового полка 1-й Московской Пролетарской дивизии, 27 июля 1941 г. во время боя с противником в районе Могилева самовольно оставил свое подразделение, бросил личное оружие с боеприпасами и сдался в плен. В сентябре 1941 г. он бежал из лагеря военнопленных к своей семье в д. Зеленый Луг Смоленской обл., где и проживал до января 1942 г. На основании статьи 192-22 военный трибунал приговорил Кузьмина к 10 годам исправительно-трудовых работ с последующим поражением в правах на 3 года¹⁴. Аналогичную статью и меру наказания получили красноармейцы Г.А. Баранов, И.П. Блинов, И.К. Карпов, А.Д. Копылов, А.Ф. Коробкин, А.Н. Никитин, И.М. Мухтаров, Н.В. Репников, Н.М. Тюрин, Я.А. Федорягин¹⁵.

Гораздо суровее советская юстиция была настроена по отношению к совершившим воинские преступления офицерам. Так, в мае 1942 г. перед военным трибуналом предстал комиссар батальона тяжелых танков танковой бригады Макаровский. Следствие установило, что Макаровский, выполняя обязанности начальника эшелона во время следования из пересыльного пункта (ст. Осташково) в Грязовецкий спецлагерь, приказал расстрелять двух военнослужащих, уличенных в совершении квартирной кражи на станции Баталово. Расстрел был произведен без следствия и оформления каких-либо документов. На основании статьи 193-7 б (злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств) Макаровский был приговорен к расстрелу¹⁶. Крайней форме судебной репрессии, согласно советскому уголовному законодательству, подвергались военнослужащие РККА, самовольно оставившие свою часть или место службы в боевой обстановке (ст. 193-9), нарушившие присягу и изменившие Родине (ст. 58-1). Именно по этим статьям были приговорены к расстрелу бывший командир отделения 38-го мотострелкового батальона Т.Ф. Поддужный, красноармейцы И.И. Андриянов, И.Г. Барбан, Н.В. Боткин, И.И. Зубович, А.И. Казаков, А.Н. Ковалев.

Тем не менее в ряде случаев приговор пересматривался в пользу подсудимых. Так, например 23 августа 1942 г. военный трибунал рассмотрел дело № 2787 по обвинению красноармейца Потоцкого. Следствие установило, что 26 июля 1941 г. в районе Смоленска последний самовольно оставил свою часть и ушел к своим родным в д. Верховье. Проживая на оккупированной немцами территории, Потоцкий получил паспорт и был назначен немцами конюхом в бывшем колхозе. 12 мая 1942 г. при освобождении д. Верховье партизанским отрядом Потоцкий был задержан, передан частям РККА и направлен в спецлагерь № 150. По совокупности совершенных им преступлений военный трибунал приговорил Потоцкого к высшей мере наказания, однако через несколько дней приговор был пересмотрен Военной коллегией Верховного суда СССР, которая заменила расстрел 10 годами исправительно-трудовых лагерей без поражения в правах и конфискации имущества¹⁷.

Заметим, что у военных судей имелась возможность заменить лагерный срок на иную меру наказания, а именно, согласно примечанию к ст. 28-й Уголовного кодекса РСФСР направить военнослужащего на фронт, чтобы тот «искупил вину кровью». Именно об этом идет речь в заключении по делу командира транспортной роты 486-го стрелкового полка младшего лейтенанта И.Н. Александрова (ст. 193-22), подписанном военным прокурором Архангельского военного округа полковником юстиции А. Митиным¹⁸.

Военнослужащие, осужденные Особым совещанием НКВД СССР, направлялись отбывать наказание в северные исправительно-трудовые лагеря. Так, в Воркутинский исправительно-трудовой лагерь были направлены рядовые Д.П. Барабанов, П.Ф. Кабанин, И.Т. Лазарев, П.С. Рябощтан, А.С. Ситников, В.В. Толмачев, А.А. Яхшибеков, старшина А.М. Голомеев, техник-интендант 2-го ранга Д.Я. Гребнев, политрук С.Г. Глухих. Многие из них, отбывая наказание получили второй срок и не дожили до часа своего освобождения. Те же, кто освободился, направлялись в ссылку на по-

селение под надзор органов госбезопасности. Лица, на которых не удалось собрать компрометирующий материал, направлялись в местные военные комиссариаты для передачи в действующие части Красной армии. Вслед за красноармейцем, убывшим в ту или иную часть, направлялось и его учетное дело, которое передавалось на хранение в особый отдел НКВД, обслуживавший данное воинское подразделение.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные данные позволяют говорить о том, что большинство военнослужащих успешно проходили фильтрацию. Всего за время существования Череповецкого спецлагеря через его бараки прошли 5653 человека, из них были переданы в районный военкомат 4077 человек (72.1%), арестованы – 358 (6.3%), умерли – 29 (0.5%), бежали – 4 (0.1%), переданы в Грязовецкий спецлагерь – 1152 (20.4%), оставлены в лагере для выполнения хозяйственных работ – 33 человека (0.6%)¹⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась в Грязовецком спецлагере. Так, на 31 марта 1942 г. здесь содержались 3992 военнослужащих, из них прошли фильтрацию 3827 человек (95.8%). Из числа прошедших спецпроверку были арестованы 62 (1.6%), переданы райвоенкомату – 3765 человек (98.4%)²⁰. Всего за период существования Грязовецкого спецлагеря через его бараки прошли 12 687 военнослужащих РККА, в том числе 1152 человека, переведенных из Череповецкого спецлагеря НКВД²¹.

После завершения фильтрации контингента специальные лагеря перепрофилировались в лагеря для содержания иностранных военнопленных. Так, в июне 1942 г. на базе Череповецкого спецлагеря был создан лагерь-распределитель для военнопленных № 158, обслуживавший Карельский и Волховский фронты. Грязовецкий спецлагерь с марта 1943 г. функционировал как лагерь для содержания военнопленных офицеров противника.

Примечания

¹ Козин В.В. Подрывная деятельность спецслужб фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западном театре военных действий в годы Великой Отечественной войны и борьба с ней органов госбезопасности // Европейский Север: История и современность: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 103.

² Архив Управления внутренних дел по Вологодской области (далее – Архив УВД по ВО), ф. 6, оп. 1, д. 415, л. 274–276; Конасов В.Б., Акиньхов Г.А., Сдаков В.В. На стыке фронта и тыла: Материалы к вузовскому и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». Вологда, 1999. С. 31–34.

³ РГВА, ф. 1/п, оп. 35а, д. 25, л. 4.

⁴ Архив УВД по ВО, ф. 6, оп. 1, д. 431, л. 12–31; Бичехвост А.Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке: Сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007. С. 68.

⁵ Архив Управления ФСБ России по Вологодской области (далее – Архив УФСБ РФ по ВО), ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 132.

⁶ Работа особых отделов НКВД в спецлагерях для бывших военнослужащих РККА, находившихся в плена или окружении противника. М., 1942. С. 4–12.

⁷ Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 1пх, оп. 5, п. 2, д. 70, л. 140 об.

⁸ Там же, л. 146 об.

⁹ Там же, л. 141–143.

¹⁰ Там же, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 131.

¹¹ Там же, л. 128.

¹² Согласно приказу НКВД СССР № 00176 от 23 января 1942 г. «С объявлением штатов тюрем специальных лагерей НКВД» вместимость данных тюрем составляла от 100 до 200 человек.

¹³ Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 1 пх, оп. 5. П. 2, д. 70, л. 149–149 об.

¹⁴ Архив УВД по ВО, ф. 21, оп. 3, д. 2163, л. 2–2 об., 8.

¹⁵ Там же, д. 2169, 2164, 2166, 2171, 2177, 2176, 2174, 2162, 2170, 2178.

¹⁶ Там же, д. 2181, л. 5. В апреле 1942 г. Череповецким спецлагерем было передано на рассмотрение Военного трибунала гарнизона Вологды Архангельского военного округа 15 следственных дел. Военный трибунал приговорил 3 человек к высшей мере наказания, 12 – к

10 годам исправительно-трудовых лагерей. См.: Архив УФСБ РФ по ВО, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 135 об.

¹⁷ Архив УВД по ВО, ф. 21, оп. 3, д. 2187, л. 10, 17.

¹⁸ Там же, л. 19.

¹⁹ УФСБ РФ по ВО, ф. 1 пх, оп. 5. П. 2, д. 70, л. 151.

²⁰ Там же, ф. 3пх, оп. 26, д. 4, л. 55.

²¹ РГВА, ф. 1/п, оп. 35а, д. 25, л. 4.

© 2010 г. Л. Н. ПУШКАРЕВ*

ПОБЕДНЫЙ 1945 ГОД ВО ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Каждая историческая эпоха рождает свой фольклор. Создала его и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Тот, кто участвовал в ней, непременно сталкивался с фронтовым фольклором. Я, ушедший на фронт с третьего курса Московского педагогического института им. К. Либкнехта (ныне Московский педагогический государственный университет), оказался в самой гуще солдатской массы. Получив к тому времени начатки высшего филологического образования и увлекшись фольклором, я систематически записывал все, что слышал с целью, как говорят ученые-фольклористы, «наблюдать бытование устного народного творчества в разной обстановке». Так продолжалось всю войну. Для меня она началась в октябре 1941 г. под Москвой и окончилась 9 мая 1945 г. в Германии под Штеттином.

К январю 1945 г. война уже вполне зримо для нас, рядовых бойцов, вошла в свой завершающий этап. К этому времени наша часть в составе 2-го Белорусского фронта вышла на государственную границу СССР. Мы получили очередной приказ: закрепиться на новых позициях. Для солдата это означало – надо выкопать себе спасительный окоп! И вот неожиданно возникла «мода»: бойцы, не сговариваясь, старались разместить каждый свой окоп ближе к старой государственной границе. А комсорг второй роты И.М. Голуб удивил всех: в том месте, где чудом сохранилось обозначение бывшей государственной границы, он разместил окоп так, что половина его приходилась на советскую землю, а другая половина – на территорию Восточной Пруссии! Кем-то тогда же была сочинена ипущена частушка, облетевшая всю роту с необыкновенной быстротой: «Вырыл я себе окоп,/ Мне жилье, а фрицу – гроб. / И из этого окопа / Мы пойдем уже в Европу!».

В рамках большой Восточно-Прусской операции, которая продолжалась с 13 января по 23 апреля 1945 г., наша часть прошла буквально через всю Восточную Пруссию по маршруту от реки Буг и далее Цеханце, Млава – Дейч-Эйлан – Мариенбург – Данциг и вышла на побережье Балтийского моря. Многое из того, что мы встретили за рубежом,казалось нам непонятным. Так, столкнувшись с налаженным бытом прусских фермеров, наши бойцы недоумевали: зачем немцы пошли на нашу землю при собственной съестности и благополучии? Ведь они увидели у нас соломенные крыши крестьянских изб вместо крытых черепицей добротных коттеджей, а часто и земляные полы? Но, что показательно: сътый и обеспеченный быт немцев в Пруссии завидным не казался, скорее «чужеродным». Возвращение на родную землю солдатам было дороже всего этого зарубежного благополучия. «На березке есть полоски / И в немецкой стороне. / Только русские березки / Во сто крат дороже мне!» (Записано мною в феврале 1945 г под Мариенбургом от томича И.В. Семенчихина, 1919 г.р.). Весна 1945 г. в Пруссии была холодной и дождливой, что отразилось в другой частушке от пехотинца-ярославца В.М. Пешкова (1922 г.р.): «Моросят дожди косые / На Штутгартовском пути, / Но лучше матушки-России / Во всем свете не найти!».

* Пушкирев Лев Никитич, доктор исторических наук.

Характерной для фронтового творчества первых месяцев 1945 г. была уверенность в скором завершении боевых действий. В этих частушках символом фашистской Германии и всей фашистской армии выступает Гитлер: «Как я гляну на часы – / Половина пятого... / Скоро, скоро разобьем / Гитлера проклятого!». «Скоро, скоро Троица, / Скоро лес покроется, / Скоро Гитлера убьют – / Сердце успокоится!» – пела санитарка из-под Смоленска Лена Зимина, 1923 г.р. А девушки из находившегося рядом с нашей частью полевого лазарета пели уже о другом: «Скоро, скоро наши танки / По Берлину побегут. / Скоро наши чернобровые / На встречу к нам придут!».

Эта тема воплощалась во множестве записанных мною вариантов. В коротких, сочиненных женщинами на фронте четверостишьях сплетались и тягость от военной жизни, и надежды на скорое окончание войны, и мысли о том, что на женщин снова ляжет тяжелый труд в колхозах и, возможно, в одиночестве. Санитарка госпиталя, уроженка Челябинской обл., до войны телятница, Лена Жукова 25 лет, пела: «Скоро кончится война, / Раненых не будет. / Милосердная сестра / Колхозницею будет!». Ей тут же отвечала Зоя Пушкина из-под Воронежа, 18 лет: «Не горюй, моя подруга, / Не горюй, любимая: / Скоро кончится война, / Ты увидишь милого!».

В апреле 1945 г., будучи снова ранен, но теперь легко, я попал на неделю в полевой госпиталь и был поражен тем, как изменился тон устного народного творчества раненых фронтовиков в целом, по сравнению с 1942 г., когда лежал более месяца в госпитале по ранению и контузии. Теперь фронтовой народ был полностью убежден в победе, притом, непременно очень скорой. Многие втайне надеялись, что уже из госпиталя их выпишут в отставку. Лежавший рядом со мной боец-минометчик «с бывшего Ленинградского фронта» Б.М. Загладин пел: «Подожди еще немножко, / Мать-Россия милая: / Разобьем фашистов – снова / Будет жизнь счастливая!».

Я возвратился в свою часть в конце апреля, а спустя декаду наступило 9 мая 1945 г., о котором я расскажу подробнее. Этот день заслуживает особого рассказа. Боевой путь нашей части закончился на самой правой стороне многокилометрового фронта – на побережье Балтийского моря, в небольшом местечке Зассов, недалеко от Штеттина. Первые дни мая прошли для нас спокойно, бои велись под Берлином, у нас было обычное фронтовое затишье, лишь изредка прерываемое ружейной перестрелкой во время случайных столкновений с группами отбившимися от своих частей немецких солдат и офицеров. Утром 9 мая многие просыпались от грохота непрерывных очередей из автоматов. Выскакивали на дорогу – навстречу друг другу шли грузовики с бойцами, которые непрерывно палили в небо из винтовок и автоматов и кричали: «Победа! Победа!»

Чтобы понять, что со мной произошло дальше в эти дни, надо вернуться к 1941 г. Уходя на фронт, я дал себе зарок: не курить, не пить водку и не материться – все это я считал недостойным для интеллигента! Когда я как-то сообщил об этом товарищам, они мне ответили:

– Дурак! Ты что, не знаешь, что в армии даже специальная команда есть: «Перекур!» Все будут курить, а ты что делать будешь?

А я буду на вас смотреть и улыбаться!

– А водку на фронте по 400 грамм выдают – что ты с ней делать будешь?

– А я ее буду во фляжку сливать – про запас, пригодится при случае!

Покрутили ребята пальцами вокруг виска – дескать, парень-то тронулся малость...

Свое слово я сдержал, зарок свой не преступил: не пил, не курил, матом не ругался, «по бабам не шастал» (так выражались на фронте!). Службу старался нести исправно, стал даже примером для своих в части, чему, конечно, очень способствовало то, что был назначен комсоргом всего нашего отдельного воинского соединения. Положение обязывало! Но у меня одна «тайная» мысль была – отслужить на фронте и как можно быстрее демобилизоваться. Поэтому и от присвоения мне офицерского звания сумел не раз отбояриться, так как понимал: офицера сразу из армии не демобилизуют. (Здесь очень годились не выпитые граммы водки!).

9 мая очень рано утром меня разбудил вестовой и приказал явиться в расположение роты, где я числился (спал, будучи комсоргом, на офицерских правах, в санчасти). Быстро одевшись, являюсь в роту. Помню большой зал, стол посередине, на нем – граненый стакан, полный до краев водкой, рядом тарелка с куском черного хлеба, луковицей и с открытой банкой американской тушенки. Кругом стола сидят мои друзья – однополчане, все с блестящими глазами и с улыбками. Огромный ростом старшина роты Виктор Исаев (баскетболист под 2 метра, мастер спорта) встает и говорит:

– Товарищ старший сержант! Долго мы удивлялись твоим необычным манерам. Ты не пил, не курил, не матерился, был верен своей девушке и «налево» не ходил. Терпели и все думали: каждый по-своему с ума сходит! Но ты говорил, что когда окончится война, то ты выпьешь за Победу и изругаешь самыми последними словами Гитлера. Выполняй свое обещание!

– Ребята, – сказал я, – конечно, все выполню, но вы же знаете, что ругаться материально я не умею, а многие из вас – признанные мастера в этой области! Поэтому договоримся: сядьте и напишите каждый от себя, как он способен изругать Гитлера, а я эту ругань зачитаю и запью водкой!

Предложение с хототом было принято. Ребята сгрудились вокруг писаря роты и стали ему взахлеб, по очереди диктовать все, что они хотели бы сказать по поводу Гитлера. А тем временем мой большой фронтовой друг Иван Голуб, с Украины, из с. Губиниха Новомосковского района Днепропетровской обл. подсел ко мне и сказал: «Лев, ты срочно ешь побольше тушенки с хлебом и луком: на голодный желудок много водки пить нельзя – сдохнешь». Я послушал его и налег на тушенку. Полчаса спустя ругатели закончили свой труд. Старшина взял в руки лист и говорит: «Читай с выражением!». Взглянул я на лист и обомлел: «Боже ж ты мой! Никогда и подумать-то не мог, что ругательства могут быть такими изощренными и утонченными!». Но отступать было некуда. Я громко вздохнул, взял в руки лист и стал читать громко, отчетливо, с подобающими жестами все, что написали и пожелали Гитлеру бойцы. Долго выдержать мое чтение ребята не могли: комсорг батальона крыл матом! Хохот сотрясал залу. Бойцы хватались за живот, смеялись до слез. Закончив чтение, я поднял стакан водки, вздохнул, откусил луковицу, выпил все до дна и сказал: «Все».

Рядом горел камин (мы заняли пустующий коттедж какого-то эсэсовца, бежавшего вместе с гитлеровцами, и бросившего все свое хозяйство). Передохнув после выпивки, я бросил в огонь листок с ругательствами и проклятиями... Как же я впоследствии бранил себя, что не сохранил этот потрясающий документ!

Не успел закончить, как пришел вестовой и сказал, что меня вызывает командир роты Чумарин. Иду к нему. Вижу на столе стоит стакан водки с закуской. Пришлось ему сказать, что свое обещание я уже выполнил, так что только пригубил стакан, а бутерброд с колбасой съел! Потом меня еще несколько раз хотели водкой напоить, как комсорга, в других подразделениях – всего 6 раз! Первый раз в своей тогда недолгой жизни выпил стакан водки зараз, но, надо сказать, никаких болезненных последствий у меня не было – кроме того, что потянуло на сон. Но поспать не удалось: все шоферы нашей части в тот день перепились вдрызг, и мне пришлось ехать на машине в полит-отдел дивизии за коробками с кинофильмом. Привез, прокрутили один старый фильм 2 раза (по просьбе бойцов!) – название не помню. На этом закончился для нас последний день войны (вернее – первый день мира!).

Как можно тщательнее я решил собирать теперь устное народное творчество и прежде всего отклики бойцов на окончание войны. Сразу бросилось в глаза: фольклор крайне редко фиксирует дату события. У него другие задачи и иная «система художественности». Но вот 2 даты из истории Великой Отечественной войны и в песнях, и в частушках, отмечены очень явственно и выразительно: 22 июня 1941 г. и 9 мая 1945 г. Весь советский народ в войну распевал: «Двадцать второго июня, / Ровно в четыре часа, / Киев бомбили, нам объявили, / Что началася война...». После 9 мая 1945 г. посыпались частушки, в которых упоминалась эта дата. На прощальном вечере наша уезжавшая одной из первых медсестра кубанская казачка Леночка Попова (1920 г.р.)

пропела: «Под окном моим цветет / Сирень голубая. / Мы Победы дождались / Девя-
того мая!».

25 сентября 1945 г. я, как имеющий уже специальность педагога-словесника, был демобилизован. Экзамены за семестры последнего курса института я подготовил и сдал (благодаря снисходительности экзаменаторов) буквально с винтовкой в руке после разгрома фашистов под Москвой и временной задержки здесь нашей части. Столь уверен я был тогда в скором окончании войны, что хотелось возвратиться в институт без потери года.

Прошли торжественные проводы демобилизованных, нас заново обмундировали, а затем погрузили в столь привычные нам грузовые теплушки, приспособленные к перевозке людей (на пассажирские вагоны мы и не рассчитывали!) Наш эшелон тронулся на Родину... После Бреста на небольшой сильно разбомбленной станции Жабинка, состав остановился, как говорили, «всерьез и надолго». Вскоре рядом с вагоном, находившимся в середине состава поезда, возник стихийный самодеятельный концерт. В нашем поезде ехал гармонист Семен Гордеевич, мастер, каких поискать! Начался честушечный «диалог» бывшего бойца-фронтовика и появившейся откуда-то девушки. Диалог был длинным, но я успел почти к самому его песенно-частушечному его началу:

Боец:

Ну, покамест до свиданья,
Кончил фрицев добивать.
На досуге я с милашкою
Буду песни распевать!

Девушка:

Милый с фронта воротился
Мы обнялись на крыльце.
На груди орден светился
И улыбка на лице!

Боец:

Затирайте, бабы, квас,
Ожидайте, бабы, нас:
Мы фашистов перебили –
Эх, соскучились по вас!

Девушка:

Вот и кончилась война,
Победа за нами!
Ко мне миленький приедет
С тремя орденами!

Боец:

Вот окончилась война.
Дождались победушки,
Сторонитесь, ребята,
Выходите, девушки!

Девушка:

Милый мой вернется с фронта
Награжденный, боевой,
Пригласит меня он в гости,
Будет пир у нас горой!

На следующей остановке я продолжил записывать частушки: «Скоро миленький приедет / Наша встреча впереди. / Он с простреленной шинелью / Красный орден на груди! / Поезд к станции подходит, / Да свисточек подает / Милый раненный выходит, / Леву руку подает!».

Заметив, что я записываю частушки, демобилизованная одесситка Люда Сапронова напела мне: «Скоро, скоро опадает / Белая акация. / Скоро милый мой придет: / Демобилизация!». Вскоре по эшелону распространился слух, что в пятом вагоне едет бывший старший сержант, который собирает самые яркие частушки. Ко мне буквально повалили добровольные информаторы со своими записями. Они же присыпали ко мне девушек-частушечниц, которые приходили в наш вагон на остановках медленно продвигавшегося поезда. Вот что записал я от уроженки Вологодской обл. Наташи Курдюмовой, 16 лет:

Неужели заключенье,
Неужели будет мир,
Неужели тот вернется,
Кто мому сердечку мил?
Задушевная подруга,
Где наши высокие?
На них серые шинели
Ремешки широкие!

Скоро с армии приедет
Милый ягодиночка.
У крылечка моего
Протопгчется тропиночка!
Не дождаться тех минут,
Когда с армии придут,
Рубашки алые наденут
По деревенюшке пройдут!

Нет смысла публиковать здесь все мои записи, тем более, что они уже публиковались (см. их более полный, но не исчерпывающий перечень в книге: *Пушкирев Л.Н. По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 159–165*). Свой рассказ об отражении победного 45-го во фронтовом фольклоре закончу публикацией надписей, сделанных на стенках наших вагонов мелом прямо по доскам или карандашом на полях плотно прибитых плакатов, находившихся на вагонах. Там записи делались теми, кто приходил к нам на остановках. И это были главным образом короткие частушки, двустишья. В них звучали слова радости и счастья, ожидания скорой встречи, надежды на долгую, счастливую мирную жизнь после войны... Известно, что послевоенные публикации фронтового фольклора полны безмерным прославлением Сталина. Но это было далеко не так.

Несмотря на осеннюю погоду, мне удалось переписать с плакатов «голоса народа», возвращавшегося с войны: «Встречайте родители, к вам едут победители!»; «Победители домой с фронта возвращаются, столько сразу ухажеров – глаза разбегаются!»; «Родина-мать, готовься встречать! Едут победители и освободители!»; «Под окном у нас цветет сирень голубая. Мы победы дождались девятого мая!»; «Привет родной земле и слава от тех, кто жизнь принес в Варшаву!»; «Наши славные войска Родину прославили, и в Берлине на рейхстаге красный флаг поставили!»; «Едут в вагоне холостые бойцы, как на подбор, удальцы-молодцы. Где же ты, девица, русая коса, душечка-лапонька, серые глаза?»; «Все солдаты веселятся, что отвоевались, а девчата тоже рады: женихов дождалися!»; «От Москвы и до Берлина мы вели свои машины. Долг исполнили мы свой, возвращаемся домой!»; «Едет поезд из Берлина с красными вагонами, наши славные солдаты едут эшелонами»; «Прошли дорогами войны через четыре мы страны, но лучше нет дороги той, которая ведет домой!»; «То не ветер пыль несет – то боец домой идет: форма новая на нем, ордена горят огнем!»; «Я знал, что я к тебе вернусь, моя родная Беларусь!»; «Лучше нету той победы над фашистскою страной, лучше нету той минуты, как поехали домой!»; «До свиданья, заграница: мне давно Россия снится! И девчата, и ребята, помните про эти даты, года сорок пятого и мая девятого: мы добились, разгромили Гитлера проклятого!»; «Года сорок пятого и мая девятого завершили мы победой эту славную войну!». Другой вариант этой подписи: «Завершили мы победой *распроклятую* войну!». В народном творчестве отразились и вера в победу, и трагизм этой войны.

Российское зарубежье

© 2010 г. И. В. САБЕННИКОВА *

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ

Российская постреволюционная эмиграция представляла собой масштабный социальный феномен, аналоги которому трудно отыскать в истории и современности: она стала фактором, определяющим развитие не только и не столько самой России, сколько практически всех государств Европы¹. Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война, установление советского режима привели к расколу мира на противостоящие социально-политические системы, борьба между которыми определяла всю логику исторического развития XX в., а в известном смысле и современную картину мира. Периодизация историографии проблемы включает три основных этапа: во-первых, время существования эмиграции как самостоятельного политического феномена (1917–1939), во-вторых, период ретроспективной оценки эмигрантскими историками феномена эмиграции, ее вклада в социальную, политическую историю Европы и мира XX в. (1939 – середина 1950-х гг.), в-третьих, новейший этап (1960–2000-е гг.) – период перехода к научному изучению эмиграции как сложного многообразного исторического явления².

В сравнительно-исторической перспективе русская эмиграция оказывалась в центре глобального социального конфликта, поскольку находилась между двумя противостоящими политическими системами. Эмиграция стала результатом невиданной в истории социальной катастрофы и, в принципе, отразила ее масштабы. Она превратила в беженцев 2 млн человек, представлявших различные классы, национальности, культурные слои, оказавшиеся распыленными практически по всем странам мира. Она породила особый культурный тип, связанный со стремлением людей сохранить представление о мире, в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и сохранялся лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке.

В задачу данной статьи входит анализ российской эмиграции 1917–1939 гг. по следующим основным параметрам: историография и методы исследования, структура источников базы, определение статуса эмиграции в международном праве, характеристика географии русской эмиграции, специфика основных диаспор, социокультурные особенности российской эмиграции в сравнительном освещении, итоги и перспективы изучения.

Историография и методы исследования

В современной историографии проблемы представлены следующие направления: во-первых, оценка эмиграции как политического и интеллектуального явления; во-вторых, информация о правовом статусе различных эмиграций и характере их изменения в межвоенной Европе; в-третьих, проблемы социокультурной адаптации различных диаспор русской эмиграции рассматриваемого периода.

Объектом изучения в новейшей историографии стали соотношение политических, экономических и правовых взглядов лидеров эмиграции³, политических партий⁴, идей-

* Сабенникова Ирина Вячеславовна, доктор исторических наук, заведующая сектором Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.

ных течений⁵, а также архивы русской эмиграции⁶. В центре внимания исследователей оказываются государства с наибольшей численностью русских эмигрантов – Германия, Франция и Китай⁷. Преимущественное внимание к документам русской эмиграции Чехословакии⁸ и других славянских стран связано как с наличием, так и доступностью для исследователей соответствующих архивов⁹. Проблематика исследований во многом также определяется содержанием эмигрантских архивов¹⁰. Изучение культуры различных диаспор русской эмиграции с характерными формулировками темы – «Новая Мекка. Новый Вавилон. Париж и русские изгнанники», «Культура в изгнании – русские эмигранты в Германии», «Тоскующий по дому миллионы», «Зарубежная Россия», – начатое исследователями конца ХХ в. было связано, прежде всего, с расширением миграционных процессов в мире¹¹. В обобщающем исследовании М. Раева представлена общая история русской эмиграции на основе доступных автору в то время источников¹². Региональную направленность отражают исследования русской эмиграции в Китае, где большая часть работ принадлежит дальневосточным авторам. Данный факт объясняется передачей в Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК) в 1945 г. фондов русского харбинского архива из Маньчжурии. Наличие фондированной источниковской базы определило направление изучения постреволюционной эмиграции в дальневосточном регионе¹³. Мы располагаем достаточно полной картиной политической эмиграции. Среди работ, посвященных данной проблематике, представлены исследования, посвященные основным идеяным и политическим течениям в русской эмиграции, а также биографиям их лидеров – П.Н. Милюкова, П.И. Новгородцева, А.А. Кизеветтера, П.Б. Струве, П.А. Сорокина, Б.А. Бахметева, В.А. Маклакова, А.Ф. Керенского, В. Чернова и др., являвшихся в то же время крупнейшими представителями русской гуманитарной науки – философии, права, социологии, истории¹⁴. Предварительные итоги этих исследований отражены в энциклопедических изданиях¹⁵.

Второе направление в историографии представлено анализом правового положения эмиграции в межвоенной Европе. В ней суммирован значительный материал международно-правового регулирования в этой области, связанный с попытками Лиги Наций упорядочить миграционные потоки из стран с нестабильными политическими режимами в целом. Отдельные исследования (в частности Д.Х. Симпсона) могут счи-таться также ценным историческим источником по проблеме¹⁶. Российская юридическая и социологическая школа, представленная в эмиграции такими мыслителями как П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Н.С. Тимашев, Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин, не только аккумулировала достижения юридической мысли, но оказала очевидное влияние на формирование европейской правовой науки XX в.¹⁷ Деятельность юристов-эмигрантов в области изучения и преподавания права, дополнялась их участием в различных международных организациях по определению правового статуса русских беженцев¹⁸. Правовое положение русских эмигрантов в различных странах разработано по следующим направлениям: международные договоры, объектом которых стала правовая и политическая защита русских беженцев, деятельность международных организаций (Лига Наций, Международное Бюро труда, Международный Красный Крест), непосредственно занимавшихся беженцами из России, изменение законов о гражданстве начала ХХ в. в тех европейских странах, где присутствие русских беженцев в 1920–1930-х гг. было наибольшим, и влияние муниципального права на ситуацию с русскими беженцами в Европе. Это позволяет показать влияние правовых норм гражданства на социальные характеристики русской эмиграции и модели ее адаптации в разных государствах¹⁹.

Третье направление историографии русской эмиграции – работы, раскрывающие структурные параметры социокультурной адаптации. К числу этих параметров отнесены следующие: образование (организация высших учебных заведений и их специфика в различных государствах), направления в сфере образования – богословское, военное, музыкальное, техническое; работа научных институтов; социальная и профессиональная мобильность; научная жизнь эмиграции и ее наиболее видных представителей, основные направления научной деятельности, наиболее крупные научные центры, ин-

ституты и общества. Работы, представленные этим направлением, наиболее многочисленны, но фрагментарны. Их систематизация проведена в рамках библиографического списка «Зарубежная архивная Россика», который ведется нами, начиная с 1998 г. во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (ВНИИДАД)²⁰.

Структура источниковой базы

Важнейшим источником для характеристики русской эмиграции как социокультурного феномена, бесспорно, являются ее архивы. Обращение к истории их формирования, которая сама по себе представляет самостоятельный научный интерес, позволяет понять ряд важных проблем русского зарубежья: политические, экономические, социальные различия основных географических центров русской эмиграции; правовой статус русских беженцев в межвоенный период; культурное наследие русской эмиграции.

Основу источниковой базы для изучения русской эмиграции 1917–1939 гг. составляют документы, хранящиеся в ГА РФ, где содержится комплекс фондов Русского заграничного исторического архива (РЗИА) или «Пражского архива». РЗИА был создан в Праге в 1923 г. русскими эмигрантами для собирания и хранения документов по русской истории. Корреспонденты архива работали в 44 странах рассеяния российской эмиграции. В 1945 г. архив был вывезен в СССР, доступ к его материалам был ограничен. С 1987 г. фонды РЗИА переведены на открытое хранение, а с 1989 г. выделены в архивохранилище коллекций документов по истории Белого движения и эмиграции, по которым составлены путеводители²¹.

Среди документов РЗИА особое значение имеют документы гражданских, общественных организаций и учебных заведений, действующих за рубежом. Прежде всего, это материалы Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов, Земского-городского комитета помощи русским беженцам за границей (как его центральной организации, так и филиалов в Праге, Берлине, Белграде, Софии и других городах мира), Российского общества Красного Креста, фонды высших русских учебных заведений и студенческих союзов, союзов писателей и журналистов, юристов, обществ единения русских в различных странах, а также многочисленные личные фонды представителей российского зарубежья. Документы по истории российской эмиграции хранятся также в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), среди них фонды как общественных организаций, периодических изданий, эмигрантских учреждений, так и личного происхождения, содержащие обширную переписку между деятелями культуры и науки. В качестве примера можно назвать фонды: «Редакция газеты “Речь”», «Русский культурно-исторический музей в Праге», «Собрание рукописей писателей, ученых, общественных деятелей», личные фонды С.И. Гессена, С.П. Мельгунова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Г.И. Чулкова и др.

Крупнейшим собранием документов по русской постреволюционной эмиграции является Гуверовский институт войны, мира и революций²². В собрании Гуверовского архива хранится примерно 50 млн документов, около 25% всех коллекций или 12.5 млн документов – на славянских языках. Подавляющая часть русских коллекций была передана Гуверовскому институту эмигрантами первой волны, а также второй и третьей. В 1963 г. институтом была приобретена коллекция Б. Николаевского, одна из самых важных эмигрантских коллекций. С 1919 по 1921 г. Николаевский работал директором Революционно-исторического архива в Москве, позже эмигрировал в Берлин, Париж, затем Нью-Йорк. В ее включены документы таких политических деятелей, как И.Г. Церетели и Л. Троцкий, а также важные материалы, относящиеся к русской культуре. Согласно договору об обмене микрофотокопиями исторических документов, их тиражировании и распространении, заключенному Роскомархивом с Гуверовским институтом войны, мира и революции при Стэнфордском университете в ГА РФ передано 26 фондов и коллекций из Гуверовского института войны, революций и мира, получивших статус коллекций, приравненной к фонду²³.

Крупнейшим центром по хранению архивов русской эмиграции остается Бахметевский архив, созданный в 1951 г. по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне, профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметева для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г., Гражданской войны и в последующие годы. Бахметевский архив второе по объему (после Гуверовского института) хранилище российских и восточноевропейских документов за пределами России и бывшего Советского Союза.

Фонды архива включают документы видных литературных деятелей русской эмиграции или имеющие к ним отношение. Помимо личных фондов в архиве представлены документы учреждений и организаций. Большинство из них составляют эмигрантские благотворительные и профессиональные организации, главным образом находившиеся во Франции, например, Союз писателей и журналистов, ассоциации членов войсковых союзов, включая Российский общевойсковой союз (РОВС), Союз русских шоферов и т.д. В эту же категорию входят документы церковных организаций и видных мирских и духовных деятелей, участвовавших в русской церковной жизни за границей. Имеется также несколько фондов (часть из них личного происхождения), относящихся к основным российским политическим партиям предреволюционного и революционного периода. Значительную группу документов архива составляют документы, отражающие такие важнейшие исторические события, послужившие причиной эмиграции из России, как революция 1917 г. и Гражданская война. Многочисленные мемуары участников и свидетелей событий отражают важнейшие политические и социальные процессы в XX в.; в архиве имеются мемуары дореволюционных общественных и государственных деятелей, лидеров политических партий и революционного движения, участников Первой мировой и Гражданской войн. По фондам Бахметевского архива составлен каталог, включающий описание более 900 документальных коллекций²⁴.

Одним из крупнейших центров хранения зарубежной архивной России в США является Музей русской культуры в Сан-Франциско, основанный в 1948 г. для хранения документов русской истории и предметов русской культуры; он содержит уникальные исторические материалы, прежде всего относящиеся к российской послереволюционной эмиграции и к периоду Гражданской войны. Особенно широко там представлены документы и материалы русской эмиграции Дальнего Востока, поскольку значительную часть русских эмигрантов в Сан-Франциско составили прибывшие в 1948 г. эмигранты из Харбина и Маньчжурии. Начиная с 1999 г. Гуверовский институт проводил работы по микрофильмированию наиболее важных коллекций Музея русской культуры, с тем, чтобы сделать их доступными для пользователей в читальных залах Гуверовского архива. В настоящее время 85 фондов и коллекций из Музея русской культуры в Сан-Франциско передано в ГА РФ в виде микрофотодокументов²⁵.

Наиболее крупным центром русской эмиграции межвоенного периода была Франция, где в 1920–1930-х гг. не только существовала самая значительная по численности русская диаспора, но в наибольшей степени были представлены все сферы деятельности русского зарубежья того периода. Этим объясняется богатство архивных источников по русскому зарубежью в различных архивах Франции: Национальном архиве, Национальной библиотеке, архиве Префектуры парижской полиции.

Значительный комплекс документов по русской эмиграции хранится в Национальном архиве Франции, где не выделены отдельные тематические или персональные фонды, а документы располагаются в фонде полиции (F 7). Они содержат важную для исследователей переписку между русскими эмигрантскими обществами и международными организациями (Лига Наций, Международное Бюро труда, Международный Красный Крест), а также эмигрантскими организациями в различных странах. Эти документы помогают раскрыть порядок выдачи идентификационных сертификатов (нансеновских паспортов), регистрации эмигрантских организаций.

Среди современных парижских архивов несомненный интерес для исследователей русского зарубежья представляет архив Префектуры парижской полиции, где

сосредоточен большой комплекс материалов по русской эмиграции, состоящий из полицейских отчетов, результатов наблюдений, аналитических записок, прогнозов и досье отдельных лиц. Проведенные нами исследования в архиве Префектуры парижской полиции позволили выявить документальную информацию (досье) по ряду крупных представителей русской эмиграции. Среди них, прежде всего, политические и общественные деятели: А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, А.В. Карташов, Ю.В. Ключников, руководители Белого движения и лица, вызывавшие неоднозначную оценку французской полиции. Все фонды архива описаны. За основу описания принят стандарт большинства французских и европейских архивов, особенность которого в том, что дела группируются и хранятся в коробках по тематическому принципу. Эта тематика отражена в буквенном шифре и порядковом номере коробки. Огромный фонд наблюдений за деятельностью иностранных полиций в Париже (в том числе и русской) имеет шифр ВА 1234 № 4 *Polices étrangères en France*. Описание каждой коробки содержит общую информацию о ее содержании, не учитывая каждого из дел в ней содержащегося²⁶.

Опубликованные источники по российской эмиграции рассматриваемого периода чрезвычайно разнообразны, они представлены, прежде всего, международно-правовыми актами (международными конвенциями и соглашениями), документами общественных организаций и партий, научными и политическими сочинениями идеологов различных течений эмиграции, воспоминаниями, мемуарами деятелей эмиграции, публицистикой и периодической печатью разных стран, перепиской и т.д. Информационная база исследований по русской эмиграции опирается на банки данных ряда специализированных научных и научно-информационных центров. В настоящее время практически во всех крупных отечественных вузах, научно-исследовательских институтах и центральных библиотеках существуют центры по изучению российского зарубежья. Свою задачу эти центры видят не только в проведении исследований по вопросам русской эмиграции, но также в сопирании документального наследия эмиграции, организации специализированных библиотек и архивов, публикации тематических библиографических сборников. Среди наиболее крупных центров изучения русского зарубежья – Российская государственная библиотека (РГБ), Государственная публичная Историческая библиотека (ГПИБ), Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы (ВГБИЛ), Российская Национальная библиотека (РНБ), Библиотека Академии наук (БАН), Научная музыкальная библиотека им. С.И. Танеева (НМБ), ГА РФ, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РАН), а также общественные организации, занимающиеся сопиранием, хранением и изучением культурного наследия российской эмиграции. Среди них Библиотека-фонд «Русское зарубежье», Архив-библиотека Российского фонда культуры, Мемориальная библиотека кн. Голицына²⁷.

С целью выявления за рубежом и изучения документального наследия российской эмиграции во ВНИИДАД была создана база данных «Зарубежная архивная Россика». Создание Банка данных имеет большое практическое значение, поскольку позволяет поставить программу «Современной архивной Россики» на конкретную научную основу и вместо сбора случайных данных дает систематические сведения о местонахождении документов по Россике и работе с ними. Результатом изучения опубликованных источников, их систематизации и библиографического описания стала продолжающаяся библиография – библиографический список «Зарубежная архивная Россика», о которой говорилось выше.

Статус российской эмиграции в международном праве

В современных научных исследованиях понятие «эмиграция» включает в себя совершенно разные виды перемещения населения: миграции, иммиграции, беженцев, которые отнюдь не могут рассматриваться как тождественные. Более того, эти перемещения населения могут быть вызваны различными социальными причинами и мотивами, которыми руководствуются люди, предпринимая данное перемещение.

Существенным фактором, определяющим статус различных эмиграций, а также частей одной эмиграции, является характер международно-правового регулирования и внутреннего государственного регулирования положения эмиграции в разных странах. С точки зрения международного права, вся история эмиграции делится на два периода: до возникновения международного правового регулирования и после его складывания, т.е. до начала Первой мировой войны и после ее завершения. Вторым этапом было создание Лиги Наций и третьим – создание ООН после Второй мировой войны. Первоначальные различия, имевшиеся в законодательствах европейских стран о предоставлении гражданства (условия и порядок его предоставления), в результате работы Лиги Наций и принятия международно-правовых документов уступили позднее место известной унификации национальных законодательств. Принятие единого идентификационного документа для русских и армянских беженцев привело к существенному изменению их правового статуса – предоставлению им визовых льгот, ограничению высылки эмигрантов. Можно констатировать, что именно в ходе регулирования положения русской эмиграции в этих актах прослеживается влияние международного права на национальное.

Другим фактором, определявшим статус эмиграции, являлся мощный политический вызов со стороны государств, отрицавших либеральные правовые ценности. Дело в том, что авторитарные режимы не признавали никаких прав эмиграции, стремились к ограничению ее положения даже за пределами своих границ. Выявленное соотношение правовых и политических факторов определяло нестабильность положения эмиграции, а также отсутствие четкой международно-правовой линии регулирования данного явления, которая находилась в стадии становления²⁸. Этим объясняется неправомерность перенесения на рассматриваемую эпоху современных представлений о международно-правовом регулировании эмиграции, основанных на значительном числе международно-правовых актов, появившихся уже после Второй мировой войны.

Самостоятельными факторами при анализе эмиграции следует признать правовое положение социальных меньшинств в стране, откуда они эмигрируют, переходный период перемещения и период ассимиляции в другом государстве. Согласно Конвенции 1951 г., беженец определялся как лицо, 1) которое находится вне страны своего рождения; 2) которое не может или не хочет вернуться в страну своего рождения; 3) чье нежелание должно быть обосновано опасностью для жизни данного лица; 4) чье преследование должно основываться на расовом, религиозном, национальном, политическом факторе или членством в определенной социальной группе. Данное определение стало итогом длительной работы международного сообщества по определению статуса беженца, оно интегрировало в себе решения по положению беженцев, принятые в период Первой мировой войны, учло недостатки предшествующего определения статуса беженцев. В снятом виде оно включало в себя все прежние определения беженцев и выражало консолидированную позицию западных демократий. При рассмотрении данного определения в исторической ретроспективе, становится ясно, каким образом его основные параметры относились к русской эмиграции межвоенного периода. Все четыре параметра, указанные в Конвенции 1951 г., присутствуют в русской эмиграции и, следовательно, она может быть подведена под современное определение беженцев в международном праве.

Анализ русской эмиграции по параметрам определения статуса беженцев согласно Международной Конвенции 1951 г. позволил, в частности, констатировать следующее. 1. Русская эмиграция находилась за пределами страны своего происхождения. Нахождение вне страны могло интерпретироваться и в географическом и во временном смысле, поскольку русские эмигранты в результате революции оказались гражданами несуществующего государства – Российской империи. Они были лишены прав гражданства новым Советским государством в 1924 г., следовательно, и в правовом смысле эмигранты существовали вне границ страны своего происхождения. 2. Русская эмиграция была не способна и не желала получить защиту от СССР. Российской правовая традиция была разорвана; что касается новой, советской правовой системы, то она

исходила из признания эмигрантов врагами народа. Это вело к отказу им в защите и преследованию их за сам факт эмиграции. Юридический факт отказа в защите государства наиболее четко проявился в отказе по предоставлению прав гражданства, на чем основывалось определение русских беженцев Лигой Наций: «Всякое лицо русского происхождения, которое более не пользуется защитой правительства СССР и не приобрело другого гражданства». Таким образом, для русских эмигрантов отсутствовала возможность и фактически, и юридически, возвращения в страну их происхождения. Не было, как правило, и субъективного желания возвращаться в Советскую Россию. В тех же случаях, когда эмигрант возвращался в страну, он часто становился жертвой политических репрессий. 3. Причины эмиграции коренились в достаточно обоснованной угрозе жизни людей при новом режиме, что не скрывалось самим режимом. Подтверждением этому стал декрет от 15 декабря 1921 г. о лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей, а также высылка из СССР в 1922 г. более 100 ученых, не согласных с политикой большевиков («философский корабль»). 4. Преследование включало в себя многие указанные в Конвенции мотивы: религиозные (в СССР проводилась политика преследования Церкви и священнослужителей, результатом чего было создание новой православной Церкви в эмиграции под юрисдикцией Константинопольского патриарха); национальные (украинские, грузинские и некоторые другие национальные меньшинства оказались в эмиграции в результате ликвидации независимости их государств советским режимом); членство в социальных группах (значительная часть эмиграции была определена советской властью как представители эксплуататорских классов – «лишпенцы»); политические причины (все политические партии прежней России, за исключением большевиков были представлены в эмиграции). Таким образом, 2 млн русских граждан, оказавшихся в результате Октябрьской революции 1917 г., Первой мировой и Гражданской войн за пределами России и не имевших возможности вернуться, должны быть, согласно современным правовым нормам, определены как беженцы. В рамках сравнительного анализа информативны данные о положении беженцев из нацистской Германии. Закон 14 июля 1933 г. аннулировал натурализацию, проведенную между ноябрем 1932 г. и январем 1933 г., главным образом евреев из Восточной Европы, лишив их гражданства. Вслед за тем Нюрнбергский закон о гражданстве от 15 сентября 1935 г. лишил гражданских прав немецких евреев и лиц, выступавших против национал-социалистов в Германии. В результате немецкие беженцы, численность которых в Европе постоянно росла, некоторое время пользовались немецкими паспортами, но после 1935 г. оказались в положении апатридов. Такая ситуация привела к принятию Конвенции Лиги Наций 1938 г. и созданию новых идентификационных документов для беженцев из Германии.

Основными институтами, занимавшимися проблемой беженцев в странах Европы межвоенного периода были Лига Наций, Международный Красный Крест и его отделения в различных странах, а также Международное Бюро труда. Целями этих международных организаций были оказание беженцам юридической помощи, прежде всего в определении их правового статуса; выдача им необходимых документов и предоставление гарантий правовой защиты, что входило в компетенцию Лиги Наций и ее Международного комитета по делам беженцев, созданного в 1921 г. Определением численности беженцев и оказанием им первой помощи продуктами, одеждой, медикаментами занимался Международный Красный Крест, совместно со своим российским отделением. Деятельность Международного Бюро труда была направлена на рассредоточение массовых скоплений беженцев в том или ином регионе с тем, чтобы не допустить экономического и политического кризиса, которые могли быть вызваны большим притоком необустроенных людей. Международное Бюро труда ставило своей целью расселение беженцев в те страны, где они могли бы с большей вероятностью найти себе работу. На начальном этапе истории русской эмиграции это была Франция, потерявшая в Перову мировую войну значительное количество мужского населения, в последующий период – страны Латинской Америки, нуждавшиеся в сельскохозяйственных рабочих.

Наряду с международными организациями вопросами обустройства русских беженцев, их трудоустройства, перемещения, образования, правовой защитой занимались русские общественные эмигрантские организации. Сфера отношений между русской эмиграцией и принимающими государствами была наиболее конфликтной. Посредническую роль в подобных конфликтах выполняли отделения Земгера – Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК). Именно поэтому важной группой источников для воссоздания реальной картины событий является административная переписка между различными структурами Земгера, его отделениями в различных странах, общественными, профессиональными, политическими организациями русской эмиграции, а также с такими международными организациями, как Лига Наций, Международный Красный Крест, Международное Бюро труда. Эта группа источников отражает динамику развития правовых конфликтов в различных политических условиях, способы их разрешения, а следовательно, возможности социокультурной адаптации отдельных групп эмиграции к национальным условиям и политическим системам стран размещения. Важнейшим становился вопрос о предоставлении гражданства. В связи с этим обсуждались механизмы предоставления гражданских прав беженцам, утерявшим их в результате мировой и гражданских войн и боровшимся за их получение в странах Европы. Речь шла о статусе меньшинств накануне эмиграции, масштабе и характере – полной или частичной культурной и национальной – дискриминации, которой они подвергались. Наиболее жестокими проявлениями дискриминации был массовый террор в условиях гражданских войн (физическое уничтожение людей) в России и Испании, а также геноцид в турецкой Армении; имела место и практика выдавливания – принуждения к выезду из страны. Предметом дискуссии являлся и статус меньшинств в процессе перемещения – отношение к ним как к гражданам другого государства, затем как к лицам без гражданства или апатридам и, наконец, как к лицам, имеющим временный статус проживания на территории принимающего государства.

Русские беженцы после эмиграции в Европу до 15 декабря 1921 г. – до принятия декрета СНК об эмигрантах – оставались русскими гражданами, сохраняя все права иностранных граждан²⁹. После принятия этого декрета они утратили российское гражданство и превратились в апатридов, лишенных всяких гражданских прав. Общественные организации русской эмиграции, ее официальные представительства в различных странах и международные организации подняли вопрос о предоставлении русским беженцам гражданских прав, сходных с правами эмигрантов, не лишенных гражданства, и определенной правовой защищенности. Результатом этой деятельности стало введение нансеновского паспорта в 1924 г., однако к началу Второй мировой войны большинство русских беженцев приняли гражданство тех стран, в которых они проживали.

География российской эмиграции: основные диаспоры

Можно выделить 3 различных типа русских диаспор по местам их пребывания на территории Европы: 1) западноевропейские страны (Германия, Франция); 2) славянские страны (Югославия, Болгария, Чехословакия); 3) приграничные государства (Польша, Финляндия, Румыния, Прибалтийские государства). Различия в условиях существования русских диаспор объяснялись не только различиями в экономическом положении регионов их пребывания после Первой мировой войны, но также религиозными особенностями, политическими режимами, культурными традициями и в значительной степени официальной политикой, проводимой в отношении национальных меньшинств вообще и русских беженцев в частности. На основании данных, сохранившихся в РЗИА, нами было осуществлено сравнительное изучение положения русских диаспор в выделенных регионах по таким параметрам, как численность русских эмигрантов, финансовая помощь со стороны государств их проживания, интенсивность общественной и научной жизни эмигрантского общества, выражавшаяся не только в

наличии общественных, научных или профессиональных организаций, но и в функционировании русских средних школ и вузов, и, как результат данного сравнительного анализа, степень адаптации или натурализации русских эмигрантов в различные европейские сообщества.

Наибольшее число русских эмигрантов в 1920–1924 гг. проживало в Германии. Согласно полученным данным, к осени 1920 г. их численность могла составлять 560 тыс. человек. После 1924 г. (с момента стабилизации немецкой экономики и роста стоимости жизни) наиболее массовым местом проживания русской эмиграции становится Франция, прежде всего Париж и крупные промышленные города, а также колонии. Общее число русских эмигрантов во Франции после 1924 г. составляло 400–450 тыс. человек. Это объяснялось большими человеческими потерями Франции в Первой мировой войне и, как следствие, недостатком промышленных и сельскохозяйственных рабочих, что вело к либерализации визового режима для русских беженцев. Вместе с тем либеральные политические режимы центрально-европейских государств указанного периода способствовали развитию общественной и культурной жизни русской диаспоры, оказывая не только моральную, но и материальную поддержку русским институтам, школам, отдельным представителям науки и культуры. Русский язык был либо основным языком преподавания там, где обучались русские учащиеся, либо преподавался как обязательный иностранный язык, что вело не только к сохранению русской культуры внутри диаспоры, но и к воспитанию русской молодежи в традициях двух культур, а для многих французов открывало Россию, главным образом через театр, музыку, литературу. Русские беженцы к началу Второй мировой войны были в большинстве своем (прежде всего молодежь) натурализованными французами.

В славянских странах – Чехословакии, Болгарии, Югославии – число русских беженцев было значительно меньшим. К 1923–1924 гг. в Чехословакии проживали 22 100 русских беженцев, в Югославии в 1923 г. было зарегистрировано более 30 тыс. беженцев, а в Болгарии число русских эмигрантов составляло 30–35 тыс. человек³⁰. Многие из русских беженцев натурализовались в славянских странах значительно раньше, чем в центральноевропейских, что объясняется не только общностью культурных и исторических традиций, но и единой религией и сходством языка.

В более сложном экономическом положении оказались русские беженцы в приграничных государствах: Румынии, Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии. Эти государства, возникшие в результате распада Российской империи, включали значительное число прежних российских граждан, которые в результате изменения границ оказались в положении национальных меньшинств. После Октябрьской революции во вновь создавшихся государствах установились национальные правительства, проводившие жесткую националистическую политику в отношении национальных меньшинств. В Румынии к 1922 г. русская часть населения составляла 750 тыс. прежде проживавших на этой территории русских и 20 тыс. беженцев. В Польше беженцев было около 100 тыс. человек. В Финляндии к 1928 г., по данным правительства, проживали 14 314 беженцев (по данным Земгора 30 тыс.). Процентное отношение русскоязычного населения приграничных стран к общему их населению было весьма значительно: в Латвии – 9.9%, в Эстонии – 4.2%, в Литве – 5.9%, в Бессарабии – 47%, в Польше – 20%³¹. Вместе с тем общественная активность русских диаспор этих регионов была незначительной. Этому способствовала целенаправленная политика подавления такой активности со стороны новых национальных режимов и принятие ими всевозможных законов, либо ограничивавших преподавание на русском языке, издание и ввоз русскоязычной литературы, либо вводивших запрет на деятельность общественных и политических эмигрантских организаций, а также незначительная, в сравнении с другими европейскими странами, численность культурной элиты в составе данных русских диаспор. Результатом стало ограничение числа русских периодических изданий, слабость русской образовательной системы и общественных организаций³².

Наибольшим своеобразием отличалась русская эмиграция на Дальнем Востоке, главным образом в Харбине (бывшем административном центре КВЖД) и Шанхае, а

также в Японии. Эта русская диаспора в наибольшей степени отличалась от всех прочих не столько своим составом, сколько спецификой ее культурного и национального окружения. Количественные параметры русской эмиграции на Дальнем Востоке были следующими: к 1923 г. в полосе отчуждения КВЖД находилось до 400 тыс. русских, 200 тыс. из которых проживали в Харбине. Не менее половины русских в Дальневосточном регионе были беженцами, другая часть – служащими КВЖД и постоянными жителями этого региона. Русская дальневосточная диаспора была наиболее замкнутой из всех, что объяснялось чуждым для нее культурным, языковым и цивилизационным окружением, а также ее оторванностью от других центров эмиграции. В результате ассимиляция русских беженцев в чужеродную культурную среду не происходила, процент натурализации был минимален. Подавляющее большинство русских эмигрантов вторично эмигрировали из данного региона в США, Австралию или вернулись в СССР.

Русские диаспоры 20–30-х гг. XX в., возникшие в результате как беженства из России, так и передела границ ряда государств (Польши, Финляндии, Румынии, Литвы, Латвии, Эстонии) и аннулирования государственно-правовых договоров (полоса отчуждения КВЖД), значительно отличались друг от друга, демонстрируя зависимость процесса адаптации эмигрантов от различных цивилизационных и культурных параметров.

Специфика положения русских диаспор выясняется в сравнении с положением других национальных диаспор в Европе того же периода. Инфраструктура разных национальных диаспор зависела от целей, которые та или иная диаспора ставила. Если одни диаспоры ограничивали свои цели исключительно экономическими и профессиональными проблемами, получением гражданства (армянская), то другие преследовали выраженные политические цели, например, свержение политического режима в стране своего происхождения (испанская, немецкая, русская). При этом особенно важную роль играла социальная функция образования, вполне присущая русской эмиграции и направленная на формирование культурных стереотипов у молодого поколения, необходимых для достижения политических целей. Время существования политических диаспор было относительно коротким. Они постепенно исчезали либо путем возвращения значительной части их представителей на родину после изменения политического режима, либо путем принятия гражданства в странах проживания. Политические режимы, вызвавшие эмиграцию из Испании и Италии, в последующий период проводили более гибкую политику в отношении эмиграции, что стимулировало возвращение на родину значительного числа беженцев. Фашистский режим в Германии был уничтожен, и немецкие беженцы могли сделать свой выбор между возвращением на родину или натурализацией в других странах. Политический режим в России претерпел незначительные изменения, и русская эмиграция в большинстве своем не могла вернуться в Россию, однако изменение политической карты Европы в ходе Второй мировой войны и особенно после ее завершения привело русскую эмиграцию к необходимости натурализации в странах ее проживания. Новая волна эмиграции из СССР после Второй мировой войны, значительно отличавшаяся от постреволюционной и по целям и по задачам, завершила период ее существования как самостоятельного явления³³.

Положение различных групп эмиграции в межвоенной Европе различалось в демократических, авторитарных и тоталитарных странах, допускавших и даже активно поддерживавших эмиграцию в случае ее идеологической близости режиму. Следует заметить, что демократические государства более терпимо относились к различным идеологическим группам, примером чему может служить Франция, где в период между двумя войнами уживались беженские диаспоры социалистической ориентации из Испании, Португалии, Италии и монархически ориентированная, в большей своей части антибольшевистская русская эмиграция.

Различия в положении иностранных диаспор в странах их проживания прослеживаются и в соответствии с различиями национальных законодательств о гражданстве, устанавливавших различный срок, необходимый для получения гражданства. Особый

интерес при изучении эмиграций представляют ситуации исключений, делающие для определенных эмиграций или групп эмигрантов в некоторых странах. Например, облегченный режим получения гражданства был установлен для армянских беженцев во Франции, а также для такой группы эмиграции, как сельскохозяйственные рабочие – в странах Латинской Америки, дискриминационный – квотовой режим для эмиграции действовал в США³⁴.

В сравнении с другими национальными диаспорами русской общины за рубежом были присущи некоторые отличительные особенности: высокая численность, интегрирующая роль православия в сочетании с особыми трудностями адаптации к иной культурной среде, а также преобладающая роль интеллигенции в формировании культурных представлений эмигрантского сообщества.

Параметры социокультурной адаптации

Для того чтобы дать комплексный историко-социологический портрет русской эмиграции 1917–1939 гг. по основным параметрам ее социальных характеристик, необходимо установление взаимосвязи таких качественных параметров, как социальное происхождение, национальная, возрастная, половая принадлежность, культурно-образовательная и религиозная ориентация. Это позволяет определить, каким образом происходила интеграция различных групп и социальных слоев эмиграции в западное гражданское общество, выявить специфику данного процесса по различным направлениям социальной характеристики и рядам ранжирования. В свою очередь, это помогает ответить на более общий вопрос, приобретший актуальность в современных условиях: до какой степени различные структуры традиционного, аграрного в своей основе общества могут интегрироваться в индустриальное общество западного типа, как проходит этот процесс и какова его специфика для различных общественных групп, дифференцированных по социальному статусу, национальной, половой, возрастной, культурно-образовательной, профессиональной принадлежности? Вместе с тем стало возможным установить, какова специфика процесса интеграции в зависимости от места и времени для различных диаспор, вынужденных функционировать в различных, а иногда и диаметрально противоположных социокультурных условиях. Крайне информативным оказалось сопоставление коллективных социальных портретов различных русских эмигрантских диаспор – в Западной и Восточной Европе, славянских странах, территориях, ранее входивших в состав Российской империи, или странах Азии.

Массовая эмиграция российских граждан, начавшись сразу после Октябрьского переворота 1917 г., распуска Учредительного собрания и развязывания Гражданской войны, интенсивно продолжалась в различные страны до 1921–1922 гг.³⁵ Именно с этого момента численность эмиграции остается примерно постоянной в целом, но непрерывно меняется ее удельный вес в различных странах, что объясняется внутренней миграцией в поисках работы, получения образования, лучших материальных условий жизни. Процесс интеграции и социокультурной адаптации русских беженцев в различные социальные условия европейских стран и Китая прошел несколько этапов и в основном завершился к 1939 г., когда у большинства эмигрантов уже не оставалось сомнения в невозможности возвращения на родину, а начавшаяся вслед за этим Вторая мировая война вызвала к жизни новую эмиграцию.

Русскую эмиграцию можно рассматривать в качестве единой социокультурной системы, объединяемой *негативными признаками* (отрицанием советского послереволюционного строя и отторжением со стороны новой культурной среды обитания); *позитивными признаками* (социально-психологическим, религиозным, языковым единством); *единством структуры* (основу которой составляли эмигрантские центры в разных странах и координация взаимодействия между ними на уровне Земгора) и *единством цели* (стремлением к восстановлению утраченного положения).

Для изучения русской эмиграции 1917–1939 гг. принципиальное значение имел осуществленный нами ввод в научный оборот данных Земгора, которые являются

уникальным источником, дающим возможность проследить изменение численности, социального состава, профессиональной принадлежности, национальный, половой, возрастной состав основных групп эмиграции в различных странах. Взятые в совокупности с аналитическими материалами, сохранившимися в документации русских эмигрантских научных институтов, вузов, эмигрантских студенческих организаций, профессиональных союзов и обществ, в редакциях журналов и других периодических изданиях, они позволяют создать коллективный социологический портрет русской эмиграции. Большое значение для целей исследования имело проведенное сопоставление этих сводных учетных данных с правовыми документами, фиксирующими именно эту сторону отношений эмиграции с властными структурами и общественными организациями стран размещения русских беженцев. Эта группа источников отразила динамику разворачивания этих конфликтов в различных политических условиях, способы их разрешения, а следовательно, возможности социокультурной адаптации различных групп эмиграции к национальным условиям и политическим системам стран размещения.

Современные дискуссии о российской эмиграции часто игнорируют типологический подход к ее изучению, рассматривается в основном философские идеи теоретиков эмиграции, причем они используются вне географического и исторического контекста, отчего принимают совершенно абстрактный, оторванный от жизни характер. Корректировка этого подхода способствует проведенный нами анализ распространения русской эмиграции в мире. Центры эмиграции первоначально возникли практически на всех континентах, включая Дальний Восток, Африку, Латинскую³⁶ и Северную Америку. Следует подчеркнуть, однако, что основной, магистральный вектор этой эмиграции был направлен на Европу, что само по себе косвенно подтверждает европейский выбор российской эмиграции. Однако, как показывает дальнейшее применение данного подхода, и в самой Европе существовала достаточно жесткая шкала приоритетов. Имея возможность выбора, эмигранты в своей основной массе предпочитали именно Западную Европу, а говоря еще точнее, такие страны классической демократии, как Франция, Англия, Бельгия, Швейцария. Более того, этот процесс имел тенденцию к усилению: первоначально крупные центры в Восточной Европе и в Германии по мере усиления там диктаторских режимов и насаждения авторитарной идеологии перемещались в западном направлении. С оккупацией Франции во время Второй мировой войны эта тенденция продолжилась в направлении США и других стран американского континента.

Интеграция в европейское общество как магистральная тенденция развития эмиграции сопровождалась другим конкурирующим процессом – ростом национализма. В современной литературе достаточно хорошо объяснен данный феномен XX в., выражающийся повсюду в мире в росте национального самосознания, стремлении сохранения национальной идентичности, приоритетном внимании к национальной культуре малых народов или национальных меньшинств перед лицом глобализации мира, его унификации, стандартизации под влиянием мощных экономических, технологических и информационных процессов. Как это было в истории других крупных эмиграций прошлого, связанных с религиозными войнами, социальными революциями и иными потрясениями мирового масштаба, российская эмиграция столкнулась с аналогичной дилеммой. Однако для российской эмиграции данный исторический выбор имел еще большее значение, поскольку в XX в. национализм приобрел более интенсивный характер. Распространение фашизма в Европе является крайней формой националистической и расовой идеологии, претендующей на тотальный контроль над миром и исключающей всякие иные формы проявления национальной идентичности. В этой связи следует интерпретировать особое внимание российской эмиграции к сохранению собственного национального облика, тем более, что речь шла о противопоставлении его не только европейской империалистической, но и советской интернационалистической трактовке национального возрождения.

Русская межвоенная эмиграция на протяжении 20 лет сохраняла свою индивидуальность, с большим трудом интегрируясь в западное общество, затрачивая значитель-

ные усилия на борьбу с денационализацией, прежде всего своей молодежи. Данный факт может быть объяснен тремя причинами: тенденцией к ее отторжению со стороны самого западного общества, устойчивым российским менталитетом и, возможно – самое главное, перспективой возвращения в Россию, которая объединяла людей различных политических взглядов, социального положения и образования. Опасность денационализации и натурализации была тем ниже, чем отличнее было общество, в котором жили эмигранты, от традиционно русского, и тем чаще встречались примеры принятия двойного гражданства или даже чужого подданства, чем ближе была им окружающая культура. Это особенно характерно для славянских стран, где эмигранты находили сходство славянских традиций, языка, культуры и религии. Национальные приоритеты русской эмиграции наиболее четко проявились в разработанной ею концепции образования. Известно, что всякая образовательная концепция содержит в себе модель желательного формирования личности в обществе. Анализ концепции образования, предложенного в российской эмиграции, позволяет констатировать, что в ней был дан оригинальный синтез европейской культуры и национальных ценностей. Данная модель имела в принципе европейский либеральный характер и в то же время была направлена на сохранение национальной идентичности. Ее основная цель состояла в подготовке людей, способных осуществить демократические реформы в будущей России³⁷.

Социокультурная адаптация включает в себя целый ряд параметров приспособления отдельного человека или группы людей к жизни в инонациональной и инокультурной среде. Для скорости адаптационных процессов большое значение имеют территориальные, природно-климатические, религиозные, правовые, политические, демографические, культурные особенности этой среды. Социальное самочувствие мигрантов становится одним из основных критериев социальной адаптации. Наиболее очевидно ее темпы и результаты, конфликтность и эффективность проявляются в социально-психологической сфере. Важным показателем успешности адаптационных процессов становится постепенно формирующееся у мигрантов чувство принадлежности к определенной социальной группе нового общества, самоидентификация себя с ней. Психологи считают эту стадию адаптации предварительной в процессе ассимиляции, на которой происходит создание предпосылок для «врастания» мигранта в иную социокультурную среду и растворения в ней, что ведет в дальнейшем к фактическому исчезновению этнической культуры меньшинства³⁸. Изучение процесса адаптации тесно связано с социальным обликом русской эмиграции как неоднородного по ряду параметров (культурному, образовательному, профессиональному, возрастному, половому) общества. Несмотря на такое различие, социальный облик русской эмиграции межвоенного периода имел общие черты, что было связано со спецификой положения эмигрантов. Пересядя в положение беженцев, бывшие русские граждане в подавляющем большинстве утратили свой прежний социальный, сословный и профессиональный статус и оказались в положении маргиналов. Это вело к утрате ценностных ориентиров, пессимистическому настроению в оценке настоящего и будущих перспектив и раздвоению личности³⁹.

Процесс адаптации русских эмигрантов зависел не только от объективных, но и от субъективных факторов психологического настроя эмигранта, его экономического положения, знания языка, наличия у него той или иной профессии, психологических способностей к сближению с иной культурной средой. Несомненно, к более быстрой адаптации были склонны эмигранты, имевшие специальности «широкого спроса», знавшие язык и культурные традиции страны, имевшие те или иные финансовые средства или заключившие смешанный брак. К объективным факторам относились политическая и экономическая ситуация в стране пребывания мигранта, различия в культурной традиции и языке, эмиграционная и иммиграционная политика и соответствующее законодательство страны пребывания. Необходимо отметить, что в 1920-х гг., когда складывались основные русские диаспоры за рубежом, политика стран, где они формировались, была различной – от сознательного содействия процессу адаптации в Че-

хословакии, Югославии, Франции до всякого рода правового и бытового выдавливания русских эмигрантов в Польше, Румынии, странах Прибалтики, Германии. На процесс адаптации русских беженцев в значительной степени влияла и политика по отношению к ним, проводившаяся советским правительством, которая, в конечном счете, приводила большинство русских, выброшенных за рубеж, к мысли о неизбежности длительной эмиграции.

Процесс социальной адаптации русской межвоенной эмиграции включал три периода, связанных с развитием общественного сознания эмиграции в целом. Первый период (начало 1920-х гг.) характеризовался крайне медленным процессом адаптации, связанным с сохранением у большинства эмигрантов осознания себя русскими гражданами, и готовностью в ближайшее время вернуться в Россию. Многие связывали этот процесс возвращения с военной интервенцией, что способствовало возникновению устойчивого типа «белого» эмигранта. Второй период (1920-е гг.) – победа советского строя в России, установление новой властью дипломатических отношений с большинством европейских стран, нэп. Под воздействием этих факторов единство политического настроя российской эмиграции нарушается, что находит выражение в появлении сменовеховства, возвращенства и евразийства. П.Н. Милюков, как один из лидеров эмиграции, выдвинул тезис «о необратимости поражения Белого движения» и предлагал «новую тактику» борьбы против советской власти, ориентированную на внутрироссийские силы сопротивления и более длительный период борьбы. Происходила дифференциация общественного сознания эмиграции⁴⁰. Все это определяет политическую психологию российской эмиграции 1920-х гг. Третий этап (начало 1930-х гг.) связан с приходом к власти нацистов в Германии, укреплением фашистского режима в Италии, общим изменением международного положения, ростом угрозы военных конфликтов. Сложная политическая ситуация требовала от каждого эмигранта определения его позиции, что вело к дальнейшей поляризации политических настроений – от активного неприятия фашизма и непримиримого отношения к сталинизму до сотрудничества с фашистами. Совокупность всех политических настроений русской эмиграции в этот период создает своеобразную доминанту массового сознания российских эмигрантов.

В процессе адаптации русских эмигрантов нельзя не учитывать роль смешанных браков, которые позволяли эмигранту значительно более быстро и безболезненно войти в новую культурную среду и получить гражданство, став равноправным членом нового для него общества. До 1927 г. процедура получения гражданства во Франции оставалась длительной и многоступенчатой (лишь через 10 лет пребывания в стране эмигрант мог претендовать на получение гражданства). После утверждения нового закона этот срок сократился до 3 лет, а для лиц, вступивших в брак с французами, – до одного года. Смешанные браки, несомненно, способствовали быстрой адаптации русских эмигрантов: если в 1926 г. 5 803 выходца из России получили французское гражданство, то через 10 лет общая численность французских граждан российского происхождения возросла почти в 2.5 раза, составив 13 810 человек.

Картина жизни русской диаспоры будет не полной без ответа на вопрос, почему она так тяжело интегрировалась в западноевропейское общество? Выделим три основных причины этого: существование устойчивого менталитета; тенденции отторжения со стороны самого западного общества и, возможно, самая главная, стремление вернуться на родину и с этой целью сохранение своей национальной идентичности всеми возможными способами – создание русской средней и высшей школы, театров, библиотек, архивов, научных институтов и академических организаций и многое другого. Именно с этой целью была создана и организация Земгора с разветвленной сетью отделений и координирующим центром⁴¹. С укреплением советского режима эмиграция все более теряла надежду на возвращение и вместе с тем более болезненно относилась к своему положению меньшинства в западноевропейском обществе, что в свою очередь вело к перемещению акцента из политической области в культурную – сохранению русских традиций, школы, языка, вероисповедания⁴².

Российская эмиграция в сравнительной перспективе

Анализ структурных параметров эмиграции составляет научную основу группировки эмиграции с точки зрения их функционирования в различных типах обществ. Выявленная нами структура отличий разных типов эмиграции (и направлений внутри одной эмиграции) является важным показателем того, почему эти эмиграции проявляют себя неоднозначно в разных культурных условиях. В ходе функционального анализа эмиграции следует учитывать 2 группы факторов: 1) факторы, определяющиеся общими условиями той культурной среды, где вынуждена действовать данная эмиграция; 2) те особенности функционирования конкретной диаспоры, которые вытекают из ее структурных особенностей и целеполагающих установок в отношении культурной среды и окружающего общества. Теоретически можно моделировать 3 ситуации: во-первых, когда первая группа факторов (культурная среда) остается константной, неизменной, а вторая группа факторов (инфраструктура диаспоры) претерпевает серьезные изменения; во-вторых, обратная ситуация, когда меняется первая группа факторов, а константной остается вторая и, наконец, в-третьих, когда одновременно меняются обе группы факторов. Рассмотрим, как функционирует каждая из трех моделей на конкретных примерах.

Первая модель иллюстрируется европейской эмиграцией в США в начале XX в. Культурная и социальная ситуация оставалась неизменной до начала великой депрессии, но менялась сама эмиграция, что было связано отчасти с квотовой системой и стремлением самой эмиграции интегрироваться в новое общество. Иной была ситуация с российской эмиграцией в Китае. Специфика данного случая заключалась в том, что российская эмиграция в Китае не имела не только практической, но даже теоретической возможности сохранения культурной взаимосвязи со страной своего происхождения. Русская диаспора в Китае, как показывают многочисленные источники, была вынуждена осуществлять эту связь лишь опосредованно, путем создания русской школы, сознательной актуализации русских национальных обычаяев, издания русскоязычной литературы, культурной связи с русскими диаспорами в Европе. Очевидны границы таких возможностей, делавшие русскую эмиграцию нестабильным и ограниченным анклавом в китайском обществе, который так и не смог стать его постоянной частью (в отличие от китайской эмиграции в Америке). После Второй мировой войны русская эмиграция перестала существовать, оказавшись перед выбором между возвращением в СССР и вторичной эмиграции в США или Австралию.

Таким образом, судьба русской эмиграции в Китае, который пережил революцию и японское вторжение, иллюстрирует *вторую* из вышеназванных функциональных моделей. Вместе с тем следует заметить, что в отличие от опыта русской эмиграции в Китае ряд других исторических примеров функционирования данной модели (при которой меняется культурная среда, а эмиграция остается постоянной) свидетельствует, что эмиграция, оставаясь в количественном состоянии постоянным феноменом, даже выигрывала в изменяющихся социальных и культурных условиях. Консервативная «белая» эмиграция в Италии и Германии в начале 1920-х гг. не имела поддержки местной общественности, поскольку в этих странах была высока идеализация нового советского государства. Однако в конце 1920-х гг. отношение в Италии и Германии к русской эмиграции существенно изменяется в лучшую сторону, она предстает уже как страдальческий элемент. Причиной тому была не сама эмиграция, оставшаяся без изменений, а политические действия советского правительства, вызвавшие антипатию европейского общества, а также смена политических режимов в этих странах.

Третья модель, когда меняется одновременно и культурная среда и эмиграция, представлена приграничными с Россией государствами, поскольку политическая и культурная ситуация в регионе зависела от воздействия великих держав и от произошедшего в результате Первой мировой войны и революций переустройства мира, а сама эмиграция не адаптировалась к новой ситуации внутри этих новообразованных государств, испытывала дискомфорт и стремилась к радикальному изменению своего

положения. В сходном положении оказались беженцы из Германии в предвоенной Европе, когда эмиграция из Германии в европейские страны продолжалась последующей эмиграцией в США по мере наступления фашизма.

В целом же предложенный опыт моделирования диаспор коррелируется с географическими или geopolитическими особенностями положения диаспор в разных регионах мира. В отношении русской эмиграции этот критерий позволяет выделить 4 региона. Первая модель адаптации характерна для славянских стран, вторая – для Центральной Европы и Дальнего Востока, а третья – для приграничных государств.

Таким образом, нами сконструирован идеальный тип эмиграции (модель, основанная на наиболее типических чертах всех эмиграций межвоенного периода) с целью выявления специфики основных параметров русской эмиграции и определения ее уникальной роли в мире в XX в. Данный идеальный тип представляет собой синтез результатов проведенного историко-социологического анализа эмиграции и классификации различных ее типов по ключевым параметрам (выявленным в ходе предшествующих эмпирических исследований). В основу этой классификации положены структурные, функциональные, динамические концепции социологического анализа: 1) структурные параметры классификации эмиграции: проблемные аспекты, нормативное регулирование и социальная структура; 2) типология по функциональным параметрам, определяющим характер различных диаспор и их место в соответствующих обществах; 3) характеристика динамики российской эмиграции как уникального феномена XX в.

Важным обстоятельством, определившим функционирование различных диаспор, являются их структурные особенности. Как в количественном, так и в качественном отношении (например, высылка неугодных писателей в тоталитарных режимах) речь может идти о разных массивах: от небольшой группы людей до миллионов перемещенных лиц. Возникает вопрос о возможности сравнения таких эмиграций как однопорядковых явлений. В первом случае мы имеем дело с достаточно распространенной в истории человечества ситуацией лишения гражданства и высылки отдельных лиц (приимеры этого можно найти в Древней Греции – остракизм), сюда же относится практика лишения гражданских прав преступников, которая существовала в разное время. Иная ситуация возникает с перемещением больших групп людей под влиянием объективных обстоятельств: голода, эпидемий, экономических интересов. Третья ситуация, которая нас интересует в большой степени, – вынужденные перемещения населения, связанные с крупными социальными конфликтами. В литературе отсутствует специальный термин, позволяющий выделить особенности именно этой категории эмиграции. Сам феномен такого типа эмиграции (несмотря на некоторые внешние предшествующие аналоги в виде религиозных войн или революций) характеризует время, наступившее после Первой мировой войны, с которым связано возникновение международного правового регулирования ситуации. В связи с этим целесообразно ввести новое понятие, отражающее специфику этого типа эмиграции новейшего времени: «*массовая антитоталитаристская эмиграция*». На наш взгляд, данное понятие позволяет конкретизировать и более четко выразить существенные черты этого уникального феномена, который отсутствовал по существу до эпохи новейшего времени, а вместе с тем, отделить его от очень широкой и неопределенной категории эмигрантских движений в истории и современном мире, которые были связаны с перемещением населения под влиянием конкретных экономических, национальных, природных факторов, но не носили столь всеобъемлющего характера и не имели таких выраженных качественных характеристик.

Можно выделить, следовательно, определяющие характеристики феномена массовых антитоталитаристских эмиграций. *Первая*: все они являются результатами крупных социально-политических конфликтов, приводящих к смене не только политических режимов соответствующих стран, но и всей их социальной системы, а часто и культурной цивилизационной основы ее развития (что вытекает в принципе из самой природы тоталитарных амбиций радикальной переделки общества и даже создания нового человека). *Другой* характеристикой этого типа эмиграции является сочетание ее массового характера с представительством практически всех социальных групп населения.

Эта особенность отличает ее от других массовых эмиграций современности, представленных какой-либо одной дискриминированной социальной категорией в виде этнических, конфессиональных, социальных и политических меньшинств. Особенность антитоталитаристской эмиграции состоит в том, что она представляет собой не меньшинства, а срез всего общества соответствующей страны. *Третьей* характеристикой данного типа эмиграции является то, что в ходе этой эмиграции в новую культурную среду пересаживается фактически другая культура. В результате происходит взаимодействие двух культур, которое может быть как конфликтным, так и бесконфликтным. Это взаимодействие может строиться в соответствии с тремя моделями, указанными выше. *Четвертой* характеристикой становится ведущая роль интеллигенции, которая аккумулирует те параметры культуры, по которым эмиграция вступает в непреодолимое противоречие с возникшим тоталитарным режимом (этим объясняется чрезвычайная культурная гомогенность этой эмиграции и высокий уровень ее самоидентификации, определяющийся общими для всех ее представителей негативными ценностями, предложенными тоталитарными режимами). *Пятая* характерная черта состоит в трудности адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения этого тоталитарного режима и возвращения эмиграции. Особенно ожесточенные идеологические и политические споры, которые раскалывают эту эмиграцию, идут по отношению к тоталитарному режиму и соответственно к различным идеологическим и политическим тенденциям, которые присутствуют в стране пребывания. К числу особенностей эмиграции подобного типа принадлежит и характер ее отношения с другими эмигрантскими группами, на которые, в известном смысле, переносится данная модель эмигрантского сознания и которые рассматриваются исключительно с точки зрения того, чем они могут способствовать решению главной проблемы самой антитоталитаристской эмиграции. Оказавшись в антитоталитарной эмиграции, люди не могут вернуться в страну без риска физического уничтожения (отдельные примеры скорее подтверждают, а не опровергают это правило).

Реализуя эти критерии, мы получаем возможность локализовать данный феномен во времени и пространстве. Если рассматривать предложенную конструкцию как идеальный тип особой эмиграции новейшего времени, то можно ограничить круг изучаемых явлений рядом конкретных исторических ситуаций возникновения этого явления. К числу наиболее типичных, соответствующих данной модели, относятся в XX в. армянская эмиграция, связанная с геноцидом 1911 г. (хотя и с существенными оговорками, поскольку отсутствует ряд признаков классической модели), российская постреволюционная эмиграция 1917–1939 гг., антинацистская эмиграция из Германии после 1933 г., испанская эмиграция 1936 г. Ряд эмигрантских движений, которые иногда рассматриваются в этом контексте, также заслуживают упоминания, хотя и не являются в полне соответствующими модели идеального типа. Примерами могут служить итальянская и португальская эмиграции после авторитарных переворотов. Они были более малочисленны, не имели столь явно выраженного идеологического характера, не были так гомогенны.

Данное исследование позволяет констатировать чрезвычайное сходство российской эмиграции с другими антитоталитаристскими эмиграциями позднейшего времени в Европе. Это сходство может быть проведено по всем установленным характерным признакам данного типа эмиграции. Так, первый признак (результат крупного социального и политического конфликта) присутствует во всех трех случаях – революция и Гражданская война в России 1917–1921 гг., принятие антисемитских законов в фашистской Германии 1933–1934 гг., Гражданская война и установление режима Франко в 1936 г. Ключевыми вехами начала эмиграции становится принятие законов, лишающих прав гражданства соответствующую категорию населения (постановление СНК от 28 октября 1921 г. и ЦИК от 15 декабря 1921 г.; Нюрнбергский закон в Германии; закон от 31 января 1926 г. «Изменения и добавления к закону от 13 июня 1912 г. о гражданстве» в Италии; «черные» списки политических беженцев в Италии и Испа-

нии). Второй признак – в эмиграцию попадали лица независимо от своего прежнего социального, экономического, политического статуса (в России – «классово чуждые элементы» в Германии – расово чуждые элементы, в Испании – все противостоящие концепции Национальной революции Франко). Парадоксальным образом некоторые из этих критериев были противоположны по содержанию, что не влияло, однако, на характер эмиграции: антикоммунисты в России и коммунисты в Испании, служители культа в России и анархисты, противники Церкви в Испании, националисты в России и интернационалисты в Испании. Эти категории эмигрантов легко пересаживались в другой тоталитарный режим: царские офицеры на стороне Франко и соответственно, испанские революционеры-эмигранты в СССР. Третья особенность выражается в том, что российской эмиграцией в Европе была представлена культура российского старого порядка, включая высшие проявления аристократической культуры. Испанская эмиграция, напротив, перенесла в Европу левую культуру в виде социалистических, анархистских, коммунистических течений. Немецкая эмиграция сходным образом представляла в мире классическую национальную немецкую культуру.

Четвертый признак – роль интеллигенции – выражен чрезвычайно четко во всех трех случаях. Он получил выражение даже в специальных теоретических конструкциях, которые касались способа создания собственной идентичности для всей эмиграции. Примером этому может служить образовательная система в русской эмиграции и основные идеологические теории – левые в испанской и немецкой интеллигенции (испанский марксизм, франкфуртская школа и евразийская теория, более консервативная, учитывая характер адаптации русской эмиграции). Пятый признак состоит в трудности адаптации этого типа эмиграции к культуре принимающей страны, в связи с тем, что она рассматривает свой статус как временный, который должен быть преодолен путем свержения этого тоталитарного режима и возвращения эмиграции. Это хорошо видно на примере русской эмиграции, где стремление сохранить культуру выразилось в самой разнообразной общественной деятельности: создании русских школ, университетов, молодежных организаций, изданий, церковной деятельности за рубежом. Подобное сравнение в то же время выявляет большую специфику русской эмиграции межвоенного периода, поскольку испанская и германская эмиграции были ближе к европейской культуре и намного легче ассимилировались. Значительное количество сил антитоталитаристских эмиграций уходило на подготовку борьбы с соответствующими режимами.

Проведенный анализ позволяет реконструировать общие типологические черты русской постреволюционной эмиграции в контексте антитоталитаристских эмиграций межвоенного периода. Российская эмиграция выступает как наиболее соответствующая предложенному идеальному типу этой разновидности эмиграции новейшего времени. Она не только соответствует всем характерным признакам идеального типа, но, можно сказать, в известном смысле она их сформировала. Это объясняется тем, что российская эмиграция была первым историческим примером такого рода эмиграций в послевоенной Европе. Она существовала наиболее длительное время, что объяснялось сохранением тоталитарной системы в СССР в течение наибольшего периода времени и модификацией или уничтожением такой системы в Германии и Испании. Этот анализ и предложенная новая концепция антитоталитаристских эмиграций имеют важное значение для анализа аналогичных типов эмиграций в последующее время (эмиграция из Ирана после исламской революции, из Чили после переворота 1973 г., отчасти эмиграции, возникшие в результате крушения режимов советского типа в Восточной Европе).

Итоги и перспективы изучения российской эмиграции

В современных политических условиях вопрос о динамике российской эмиграции как уникального феномена ХХ в. приобретает особое значение, поскольку формирование в России гражданского общества повлекло за собой, с одной стороны, открытие для исследователей многих, прежде недоступных архивов, а с другой – осознание истории

русского зарубежья как части русской истории, ее культурного достояния, необходимости понять историю русского зарубежья в контексте как настоящего, так и прошлого всей русской и мировой историй⁴³.

Особое место российской эмиграции в мировой истории XX в. определяется, на наш взгляд, следующими параметрами. Возникнув в результате Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны, эмиграция противостояла изоляционистской модели советского типа государства и несла в себе либерально-демократический потенциал русского общества начала XX в. Она представляла собой, следовательно, европейски ориентированную часть русского общества. Это не исключает, однако, известной двойственности положения эмиграции в межвоенной Европе, где она столкнулась с угрозой ассимиляции и потери национальной идентичности, особенно в период установления авторитарных фашистских режимов в государствах, проигравших Первую мировую войну. Данная, вторая сторона положения эмиграции определяет ее общий интерес к национальной проблематике, возрождение национализма, а в известных крайних формах даже и апологию советской диктатуры (теории евразийства и сменовеховцев). Рассмотрение с этой точки зрения полемики в эмигрантских изданиях на разных этапах ее развития позволяет констатировать, что именно однозначный европейский выбор делал актуальным сохранение национальной идентичности, а этот, последний, был своеобразной реакцией на трудности адаптации к европейской культуре различных слоев самой эмиграции. В современной исторической перспективе становится более очевидным, что отказ от принятия большевистской революции и интеграция эмиграции в европейскую культуру явились мощным фактором сближения российской и европейской цивилизаций на исходе XX в., подготовив новый демократический этап развития страны, ее европеизацию, начавшуюся с кризисом однопартийного идеологического режима.

Несмотря на то, что первое поколение русских эмигрантов смогло в значительной степени противостоять процессу аккультизации со стороны стран, принявших их, последующие поколения были вовлечены в этот процесс в большей степени. Можно констатировать, что данный процесс в отношении русских эмигрантов второго и третьего поколений осуществлялся в виде бикультурной интеграции, что проявляется в их самоидентификации как со старой (русской), так и с новой культурой. Это дало возможность потомкам русских эмигрантов (второму и третьему поколению) избежать полной ассимиляции (отказа от культуры своей этнической группы, прежде всего языка, религии, культурных традиций) и сохранить свое этническое самосознание. Данный факт подтверждают исследования, проведенные на I Конгрессе соотечественников в августе 1991 г. в Санкт-Петербурге, на котором присутствовали представители трех поколений эмиграции первой волны из США, Австралии и европейских стран. Большинство из них (56% опрошенных) воспринимает себя гражданами русского происхождения тех стран, где они проживают в настоящее время, значительная часть (37%, преимущественно первое поколение эмигрантов) – «просто русскими». Большинство эмигрантов ощущали себя в России «как дома», но значительная их часть хотя и «могла бы жить здесь», предпочитает оставить все на своих местах. Россию 58% опрошенных воспринимают «как историческую родину своих предков», 42% – «как свою настоящую родину».

Среди основных причин, способствующих сохранению эмигрантами своей этнической идентичности, большинство назвало православную Церковь (77% являются ве-рующими), русский язык и внутригрупповое общение со своими соотечественниками. По данным проведенного опроса можно сделать вывод, что из трех регионов, представленных на Конгрессе соотечественников, – США, Австралии и стран Европы –最难的 – всего адаптация русских эмигрантов проходила в Европе, где более четко очерчены различные этнические пласти, глубже культурные традиции (чем в странах, население которых составлено из эмигрантов, – США и Австралии) и в силу этого сильнее привлечение к ассимиляции. Стремление противостоять принудительной ассимиляции вызывало в эмигрантах психологическое сопротивление данному процессу, стремление сохранить свою национальную культуру и отдалиться от культуры доминирующего этноса той или иной страны путем создания своей системы образования, общественных

и культурных организаций, периодической печати и других структурных частей русского зарубежья. В то же время подобные тенденции были совершенно нехарактерны для США, где все этнические группы находились в одинаковом правовом положении в отношении к государству.

С каждым новым поколением русских эмигрантов происходит значительное изменение в их этническом самосознании: они в меньшей степени, чем их предшественники ощущают себя русскими, меньше используют русский язык для общения, даже в семье с детьми (которые часто не говорят по-русски)⁴⁴. Однако значительным фактором этнической принадлежности новых поколений эмигрантов остается православная Церковь, прихожанами которой является подавляющее большинство эмигрантов. Опыт социокультурной адаптации постреволюционной российской эмиграции при сохранении ее культурной самобытности востребован в контексте миграционных процессов на постсоветском пространстве.

Феномен русской постреволюционной эмиграции актуален для современных исследователей проблемы тем, что он может быть представлен как альтернативный путь развития России после Октября 1917 г. Российская эмиграция может рассматриваться как самостоятельное и завершенное социокультурное явление: это была модель культурного развития, сформировавшаяся как антитеза большевистскому эксперименту, имеющая свою оригинальную стратегию развития российского постреволюционного общества. Идея революции противопоставлялась идея реформ, идея национального самоопределения вплоть до отделения – принцип единой и неделимой России с признанием возможности реального федеративного устройства или постепенного расширения административной децентрализации; пролеткульту – традиции классической культуры; идея пролетарской диктатуры – идеи гражданского общества и правового государства; идея мировой революции и классовой войны – принцип социальных компромиссов; идея централизованной плановой экономики – принципы свободной рыночной экономики. Современные попытки построения гражданского общества и правового государства, поэтому, объективно должны учитывать опыт российской эмиграции. Существование зарубежной России оказалось своего рода социальным экспериментом, в котором приняли участие представители всех социальных слоев дореволюционной России различного возрастного, образовательного, экономического положения и большинства политических партий.

Как показывает анализ структуры российского зарубежья, центров его географического размещения, его философские дискуссии и обращение к прошлому, основное значение в этом синтезе уделялось преобразованию самой российской традиции, столкнувшейся с историческим вызовом социальных потрясений XX в. Фактически речь шла о новом осмыслении места России и ее культуры в мире, поиске точек соприкосновения русского общества с мировым обществом на разных континентах, в различных социальных системах и политических режимах. Это дало уникальную историческую возможность сравнивать и проверять многие ключевые параметры российской культурной традиции путем их соотношения с аналогичными параметрами в других странах.

Таким образом, целостное рассмотрение российской эмиграции как исторического феномена XX в. позволяет раскрыть ее роль как посредника между старой и новой Россией, между Россией и Европой. Это дает возможность установить вклад эмиграции в формирование современного российского общества. Он определяется осознанным стремлением к синтезу европейской и русской культуры, в котором принципы демократии и прав личности, выработанные европейской цивилизацией за длительное время ее существования, органически проникают в ткань традиционной российской национальной культуры. Культурная парадигма эмиграции является доктриной политической и правовой модернизации, направленной на создание демократического гражданского общества, правового государства, с сохранением национальной специфики. Эта стратегия может быть определена как вполне осознанный и последовательный европейский выбор России.

Примечания

¹ Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.

² Результаты этих исследований представлены в энциклопедических изданиях. Общественная мысль России XVIII–XX вв. Энциклопедия. М., 2005; Общественная мысль русского зарубежья. Энциклопедия. М., 2009. См. также: Российские либералы. М., 2001; Модель общественно-го переустройства России. М. 2004; Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007.

³ Nielsen J.P. Milukov and Stalin. P.N. Milukov's political evolution in emigration (1918–1943). Oslo, 1983; Милюков: историк, политик, дипломат: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000; Аронов Д.В. Первый спикер: опыт научной биографии С.А. Муромцева. М., 2006; Кара-Мурза А.А. Крестный путь русского врача и политика: И.П. Алексинский (1871–1945). М., 2009.

⁴ Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton; New Jersey, 1974; Hinsom L.H. The Mensheviks. From the revolution of 1917 to the Second World war. Chicago; L., 1974; Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992; Эврич П. Русские анархисты: 1905–1917 // Россия в переломный момент истории / Пер. с англ. М., 2006.

⁵ О Евразии и европейцах: (Библиографический указатель). Петрозаводск, 1997; Русский узел евразийства: Восток в русской мысли / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1997.

⁶ Звезда и свастика: Большевизм и русский фашизм / Ред.-сост. С.В. Кулешов. М., 1994; Омельченко М.А. Политическая жизнь русского зарубежья: Очерки истории (1920–1930 гг.). М., 1977; Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. / Под ред. С.В. Кулешова, О.В. Волобуева, В.В. Журавлевы, В.В. Шелохаева. М., 1996; Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905–1930 гг. В 6 т. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1977; Канищева Н.И. Центральное течение кадетской партии в эмиграции // Призвание историка: Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001; Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М., 2007.

⁷ Volkmann H.T. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. Wurzburg, 1966; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881–1941. N.Y., 1972; Beyssac M. La vie culturelle de L'emigration russe en France. Chronique (1920–1930). Р., 1971; Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N.Y., 1985; Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Бузнос-Айрес, 1967; Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983; Беляков В.В. Приюты Африка Жар-птицы: Россияне в Египте. М., 2000; Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы: Сб. ст. / Отв. ред. А.Б. Летнев. М., 2001; Казнина О.А. Русские в Англии: Русские эмигранты в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; Der grosse Exodus / Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (Гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / Под ред. Е.И. Пивовара. М., 1994.

⁸ Ненашева З.С. Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах. 1999. М., 2000. С. 123–130; Новоселова Т.Ю. К вопросу о роли российских эмигрантов в развитии чехословацкой агрокультуры (1920-е гг.) // Славянский мир: проблемы изучения. Тверь, 1998. С. 122–130; Sabennikova I.V. Russische Volksuniversität (R.N.U.) in Prag // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. Band. 7. Stuttgart, 2004. S. 215–227.

⁹ Karpus Z. Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska w Polsce w okresie międzywojennym (1918–1939). Stan badań i postulaty badawcze // Regiony pogranicze Europy Środkowo-Wschodniej w. XVI–XX wieku. Toruń, 1996. S. 93–100; Бирман М. Русская эмиграция в Болгарии // Новый журнал. Кн. 218. Нью-Йорк, 2000. С. 167–179; Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000; Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005; Къосева Ц. Руските емигранти в България. София, 2005.

¹⁰ Проблематика исследований включает: «русскую акцию» в Праге, высшую и среднюю школу русской эмиграции в Чехословакии, культурную и научную жизнь русского сообщества в целом и отдельных социальных групп (студентов, профессоров, казачества и др.), структуру документов Пражского архива (РЗИА) в ГА РФ, а также русских фондов в составе Славянской библиотеки в Праге.

¹¹ Boss O. Die Lehre der Eurasien. Ein Beitrag zur Russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961; Johnston R.H. New Mecca. New Babylon – Paris and the Russian Exiles, 1920–

1945. Kingston, 1988; *Williams R.S. Culture in Exile – Russian Emigrants in Germany, 1881–1941.* L., 1972.

¹² *Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939.* N.Y., 1990 (См. рец. на эту книгу: *Отечественная история. 1994. № 3. С. 214–218*); *Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939.* М., 1994.

¹³ *Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории: Первая половина XX в.* М., 2005; *Аурелене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.).* Хабаровск, 2008; *Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. В 2 т. Т. 1. Русские в Китае. Т. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии.* Владивосток, 2000; *Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае.* Владивосток, 1999.

¹⁴ *Милоков П.Н. История второй русской революции.* М., 2001; *Sorokin P.A. Sociology of Revolution.* L., 1924; *Керенский А.Ф. Русская революция.* М., 2005; *Чернов В. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920 / Пер. с англ.* М., 2007; *Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935).* М., 2004; *Маклаков В. Воспоминания.* М., 2006.

¹⁵ Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1996; Литературная энциклопедия Русского зарубежья: 1918–1940 / Гл. ред. А.Н. Николюкин. [Т. 1]. Писатели Русского зарубежья. М., 1997. Т. 2. Ч. 1–3. М., 1996–1997; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Общественная мысль России XVIII–XX вв. Энциклопедия. М., 2005. Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.

¹⁶ *The Refugee problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson.* L., 1939.

¹⁷ *Медушевский А.Н. История русской социологии.* М., 1994; *его же. Социология права.* М., 2006.

¹⁸ *Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции.* М., 2000.

¹⁹ Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930 годы. СПб., 2006.

²⁰ *Сабенникова И.В. Зарубежная архивная Россика. Список источников и литературы // Вестник архивиста.* 1998. № 5. С. 119–126; 1998. № 6. С. 88–100; 1999. № 1. С. 96–104; № 2/3. С. 100–107; № 4. С. 115–123; 2000. № 1. С. 143–152; 2001. № 4/5. С 218–240; 2006. № 4/5. С. 236–265.

²¹ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999.

²² *Leadenham Carol A., comp. Guide to the Collections in the Hoover Institution Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolutions and Civil War, and the First Emigration.* Stanford, 1986; *Bourguina A., Jakobson M. Guide to the Boris Nicolaevsky Collection.* Stanford, 1989.

²³ ГА РФ, ф. 10003 (Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира).

²⁴ *Russia in The Twentieth Century. The Catalog of the Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture.* Boston, 1987.

²⁵ *Петрушева Л.И. Зарубежная архивная Россика в Государственном архиве Российской Федерации.* 1998–2009 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 172–183.

²⁶ В связи с этим поиск нужной информации весьма затруднен и часто носит интуитивный характер. В процессе работы в архиве Префектуры Парижской полиции (Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives) нами были просмотрены около 20 коробок с делами в той или иной степени связанными с жизнью и деятельностью российской эмиграции во Франции. Подробнее об этих документах см.: Вестник архивиста. 2000. № 1.

²⁷ Сводный каталог русских зарубежных и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга. 1917–1995. СПб., 1996; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1999. М., 1999.

²⁸ Правовое положение российской эмиграции...

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. С. 710–711; Собрание узаконений и распоряжений СССР. 1924. С. 364–366; Собрание узаконений и распоряжений РСФСР от 5 декабря 1921 г. № 578; Собрание узаконений и распоряжений РСФСР от 16 декабря 1921 г. № 611.

³⁰ Приводимые сводные данные о количественном составе российской эмиграции обнаружены нами и даются здесь и далее по отчетам Земгора, сохранившимся в фондах Пражского архива (ГА РФ, ф. 5764, ф. 5775, 5899). Подробнее см.: *Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939)...* Гл. 4–5.

³¹ ГА РФ, ф. 5775, оп. 1, д. 257, л. 116.

³² *Исаков С.Г. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю.* Т. 1. Тарту, 1994; *Фейгмане Т.Д. Русские в довоенной Латвии, 1920–1940 гг. На пути к интеграции.* Рига, 2000.

³³ Сравнение российской эмиграции с другими эмиграциями из тоталитарных стран проводилось по рассмотренным параметрам в сводных аналитических документах французской политической полиции: *Prefecture de Police. Cabinet du Prefet Archives. BA 1681*.

³⁴ *Сабенникова И.В.* География общественной мысли русского зарубежья // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009.

³⁵ См. материалы «круглых столов»: Февральская революция 1917 года в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5; Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания // Отечественная история. 2008. № 6.

³⁶ *Мосейкина М.Н.* Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь русской эмиграции: Связь и проблемы // Вторые Нансеновские чтения. СПб., 2009.

³⁷ См.: Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Орел, 2009.

³⁸ *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

³⁹ Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. М., 1997.

⁴⁰ Подробнее см.: 100-летие «Вех». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009 // Российская история. 2009. № 6. С. 106–124.

⁴¹ Подробнее о деятельности Земгора и его архиве см.: *Сабенникова И.В.* Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор): состав, структура и географические центры // Зарубежная Россия: 1917–1939. СПб., 2000.

⁴² *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.

⁴³ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-теоретической конференции. СПб., 2009.

⁴⁴ Проблематика положения российских диаспор в Европе первой половины XX в. широко представлена в материалах конференций: Первые Нансеновские чтения. СПб., 2008; Вторые Нансеновские чтения.

© 2010 г. М. Н. МОСЕЙКИНА *

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В 1920–1930-х годах

Послереволюционная волна русских переселенцев за океан в поисках свободных земель и занятости направлялась из Южной Европы, Турции, с Балканского полуострова, Дальнего Востока. Она состояла главным образом из представителей высшего офицерства царской и белой армий и флота, духовенства, интеллигенции, казачества, крестьянского населения. Что касается трудовой эмиграции, то из Советской России в 1920-х гг. она фактически прекратилась, оставаясь значительной с тех территорий бывшей Российской империи, которые не вошли в состав СССР (Польша, включая Западную Украину и Западную Белоруссию, Литва, Эстония и др.). Основными странами расселения эмигрантов оставались Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай. Некоторые выходцы из России оказались в эти годы в Коста-Рике, Перу, Мексике, Никарагуа, Боливии, Чили. Очередная волна колонизационного движения в Южной Америке совпала с новой, послереволюционной волной русской эмиграции, когда данная проблема приобрела международный характер, а вопросами расселения в условиях отсутствия дипломатической поддержки беженцев за пределами европейского континента занимались Российский союз земств и городов (Земгор), Лига Наций, Колонизационный отдел международного общества Красного Креста и другие организации.

* **Мосейкина** Марина Николаевна, кандидат исторических наук, профессор Российской университета дружбы народов.

9 января 1921 г. главнокомандующим Русской армией генералом бароном П.Н. Врангелем по инициативе Центрального Объединенного Комитета был учрежден Эмиграционный совет (впоследствии переименованный в Совет по расселению русских беженцев), задачей которого являлось объединение правительственные и общественные органов и частных групп беженцев в общей работе по организации и руководству всем делом русской эмиграции. В состав Совета входил специалист по вопросам эмиграции в Южную Америку Л. де Берри.

При обсуждении плана эмиграции Совет пришел к заключению, что русские должны быть расселены в первую очередь в европейских, главным образом в славянских странах и лишь затем – в странах виевропейских. Из неевропейских стран на тот момент, по данным французского командования, выяснилась реальная возможность переселения лишь в Бразилию (штат Сан-Пауло) до 10 тыс. русских беженцев, в Перу – до 1 тыс. и на остров Мадагаскар – 200 человек, однако и здесь возникли значительные затруднения. Так, правительство Франции по соображениям экономии государственных средств готово было направлять в указанные страны лишь тех из русских беженцев, которые состояли «на французском пайке» и категорически отказалось в перевозке беженцев других категорий. Вторым затруднением являлось отсутствие определенных сведений об условиях, в которых предстояло жить и работать русским беженцам в указанных странах. По поступавшим отрывочным данным Совет пришел к заключению, что русских переселенцев в Бразилии, Перу и на острове Мадагаскар ожидала участь чернорабочих на частных и общественных землях безо всякой надежды сдаться самостоятельными колонистами-собственниками и тем самым обеспечить себе свободное существование. Наконец, третьим затруднением являлось то, что в состав переселенцев на латиноамериканские земли могли быть включены лишь сельскохозяйственные рабочие и их семьи, но ни в коем случае не люди интеллигентных профессий. В отношении Бразилии, кроме того, существовала угроза отправки обратно.

Чтобы люди принимали обдуманное решение при переселении в заокеанские страны, Совет счел своим долгом продолжить сбор и распространение сведений о странах иммиграции. В конце марта 1921 г. вышел в свет первый сборник, в котором были опубликованы сведения по Аргентине, Бразилии, Канаде; в лагерях гражданских беженцев были организованы лекции. Совет признал также крайне желательным до начала массового переселения в Бразилию отправить туда специальную группу для обследования не только штата Сан-Пауло, но и других государств Южной Америки.

Информацию об условиях проживания в латиноамериканских странах представители Совета пытались получить от российских дипломатов, еще остававшихся в этих странах. Так, например, относительно Бразилии в письме бывшего российского генерального консула в Рио-де-Жанейро на имя председателя Эмиграционного совета от 7 марта 1921 г., отмечалось, что постановка эмиграционного дела в этой стране не могла считаться хорошо организованной и что прибывавшие сюда эмигранты долгое время терпели большие неудобства и лишения, прежде чем удавалось обустроить отведенный им участок земли и получить с него достаточно продуктов для пропитания своих семей. Кроме того, как отмечалось в письме, особенности климата, непривычные условия труда на земле и трудности со сбытом «могущего оказаться в избытке количества продуктов ставят эмигрантов надолго в трудное и вполне зависимое положение, которое способствует эксплуатации их как местными властями, так и соседними жителями»¹. Бывший консул настаивал на том, чтобы перед отправкой людей было достигнуто предварительное соглашение с правительством Соединенных Штатов Бразильской Республики по всем вопросам колонизации российских беженцев, особенно в части предоставления льготных условий их расселения и устройства на местах. Кроме того, в условиях отсутствия у российской стороны дипломатического или консульского представительства предлагалось официально поставить под защиту интересы русских и обеспечить покровительство им со стороны какой-либо европейской державы, например Франции.

В другом своем письме от 3 мая 1921 г. на имя председателя Бюро Совета по расселению русских беженцев Г. Брандта консул отмечал, что «не следует считать, что русские люди, даже осевшие на земле, приобретенной ими в собственность, окончательно для России потеряны». «Оставаясь в отдаленных, мало населенных местностях внутреннего Бразильского плоскогорья, среди населения менее культурного, чем они сами, они сохраняют свою самобытность, или даже среди польско-русских поселений, где культурное ядро скоро начинает нивелировать их... Оставаясь в своем кругу и среди бразильцев, имея свое духовенство и даже своего учителя, как в Рио Гранде до Суль, они остаются русскими также прочно, как германские колонисты Штата Санта-Катарина остаются немцами, и при возникновении благоприятных условий они могут с пользою возвратиться на родину»².

В решении столь сложного вопроса как переселение эмигрантов за океан Совет обратился за помощью к Земгору и Главному управлению Российского общества Красного Креста (РОКК) в Париже с просьбой принять самые энергичные меры к получению разрешения на право переселения не только лиц, состоявших на «французском пайке», но и всех других беженцев, желавших эмигрировать, и к обеспечению для русских переселенцев в Бразилии возможности сделаться там самостоятельными хозяевами-самостоятельными. Одновременно Совет признал необходимым в случае массового переселения в Бразилию учредить в этих странах представительство для защиты русских беженцев (что, как известно, так и не удалось реализовать, и русские продолжали оставаться беззащитными).

В «Бюллетене Российского земско-городского Комитета помощи беженцам» за 1921 г. отмечалось: «Полугододное существование в лагерях при уменьшенному пайке, а затем и сведения о результатах первых отправок солдат и казаков в Советскую Россию, о трагической судьбе многих уехавших – эти два момента оказались решающими в настроениях беженской массы. Безвыходность положения, отсутствие перспектив и надежд получить скоро заработка заставили многих, наиболее энергичных и сильных, искать нового счастья в новых заокеанских странах»³. В их числе было много лиц со средним и высшим техническим образованием, а также сельскохозяйственных рабочих.

Первыми послереволюционными переселенцами в Бразилию стали белогвардейцы-врангелевцы, которых Лига Наций за свой счет отправила из Турции (Галлиполи). В июне 1921 г. на пароходе «Аквитания» выехала первая группа врангелевцев во главе с полковником А.П. Брагиным (около 400 человек). В июле 1921 г. была отправлена вторая группа приблизительно такого же состава во главе с полковником В.Г. Фези-Желинским. Вслед за представителями Белого движения на латиноамериканский континент начали прибывать русские, украинцы, белорусы из Прибалтики, Польши, Румынии, где оказались закрыты многие русские организации, клубы, школы, а в ряде случаев и православные церкви. В эти и последующие годы значительная группа эмигрантов прибыла в регион также с Дальнего Востока. Вместе с врангелевцами они составили культурное ядро русской колонии в ряде стран Латинской Америки.

За поддержкой в деле организации переселения эмигрантов Совет по расселению русских беженцев обратился также к представителю РОКК при международных организациях в Женеве Ю.И. Ладыженскому с просьбой поднять этот вопрос в Комитете Международного общества Красного Креста в Женеве, а также предпринять шаги к тому, чтобы этой проблеме было уделено должное внимание в Лиге Наций. Это было важно, так как в Совет частным образом поступали сведения о чрезвычайно неблагоприятных условиях, в которых оказалась в Бразилии первая группа русских беженцев, вследствие чего из 400 человек 229 не были приняты и вернулись обратно⁴. В результате проблема расселения и трудоустройства русских беженцев в странах Латинской Америки оказалась в центре внимания Верховного комиссариата по делам русских беженцев.

Новый всплеск интереса к переселению в заокеанские страны пришелся на вторую половину 1920-х гг., когда из Турции были выселены представители российской эмиг-

рации. Советская Россия вышла к тому времени из полосы дипломатической изоляции, а в странах Западной Европы вслед за стабилизацией европейского рынка труда около 200 тыс. российских беженцев остались без работы. Во многом по этим причинам была проведена структурная реорганизация органов Лиги Наций по беженскому вопросу: Верховный комиссар беженцев был переведен из прямого подчинения Секретариату Лиги Наций в Международное бюро труда (МБТ), в ведение которого с 1 января 1925 г. перешло трудоустройство беженцев, включая их переселение в Южную Америку. Инициатива осуществления подобной акции исходила от директора МБТ А. Тома. Его план предусматривал использование земельных пространств Южной Америки с целью сельскохозяйственной колонизации «для расселения русских беженцев, находящихся в избытке в Европе»⁵.

Активное содействие делу подготовки и отправки людей за океан оказывал в эти годы эксперт Лиги Наций по делам беженцев К.Н. Гулькевич. В своем письме председателю Русского колонизационного товарищества в Берлине Б. Соловьеву он писал: «Надежда на скорое возвращение на родину потеряна. Государства Европы тяготятся русской эмиграцией. Положение самих эмигрантов ухудшается. Растет преступность и проституция. Кочевой образ жизни эмиграции пагубно отражается на воспитании и образовании подрастающего поколения. А между тем значительный процент русских эмигрантов обладает научным, административным или хозяйственным стажем, а революция и беженство научили многих и физическому труду... Поэтому единственный выход для тех, кто не может вернуться на родину, это колонизации»⁶.

На этом этапе к переселенческому вопросу подключились возникшие в разных странах русского рассеяния колонизационные общества, создаваемые самими эмигрантами. В их числе Русское колонизационное общество в Белграде (председатель А.П. Пилкин), в Праге – Русская земледельческая колония (председатель кн. П.Д. Долгорукий, секретарь С.В. Маракуев) и Общество русских эмигрантов для переселения в Южную Америку, Русское колонизационное товарищество в Берлине (председатель Б.И. Соловьев), отдел колонизации при Земгере во главе с кн. В.А. Оболенским и В.И. Выборовым в Париже, Комитет по содействию русским иммигрантам (председатель А.П. Пилкин) в Парагвае. Некий «особый синдикат в Польше» получил на льготных условиях крупную земельную концессию в Перу, обсуждался аналогичный вопрос по Боливии. В задачу колонизационных обществ входили агитационная кампания, регистрация семей и содействие их переселению за океан с целью создания там земледельческих хозяйств. Параллельно вербовкой русских переселенцев в Аргентину, Бразилию и другие страны занимались их консулы в Европе, частные колонизационные общества в странах Латинской Америки (обычно с участием тамошних русских иммигрантов, как, например, общество «Новые земли» в Аргентине (председатель А.А. Егоров), бразильская компания Северной Параны (российский представитель компании Б.Я. Кисверк), английская компания Brazil Land cattle&packing Compani и ее представитель в Сан-Пауло контора Empreza Colonizadora во главе с русским иммигрантом Н. Даховым.

Пропаганда в пользу переселения была рассчитана прежде всего на казачество и лиц, родившихся в казачьих областях и связанных с хлебопашеством. Правительства латиноамериканских стран рассматривали данный состав эмигрантов как наиболее благоприятный и потому принимали колонизацию «по признаку казачьей самобытности» (т.е. допускалось ношение формы, оружия, сохранялось казачье самоуправление и т.д.), что облегчало адаптацию казаков, переселявшихся чаще всего организованно и так же компактно расселявшихся. Благоприятная политика в отношении казачества в Перу, например, привела к тому, что колония «Перуанско-Кубанская станица», образовавшаяся там в начале 1930-х гг., очень скоро перешла под юрисдикцию государства.

В результате после окончания Гражданской войны многочисленной оставалась трудовая иммиграция из крестьян, прежде всего западных и юго-западных губерний России. В Аргентине наряду с имевшимися появились новые земледельческие колонии русских переселенцев: в провинции Буэнос-Айрес (колония «Русо бланко» из 500 быв-

ших солдат и русских крестьян из государств-лимитрофов), аргентинском Чако (районы Чарата и Ломитас), в Патагонии (бассейн р. Негро). В 1926 г. после предварительной переписки с делегатом МБТ в Южной Америке в Аргентину прибыла группа земельцев, руководимая В.В. Лежневым, которая в районе Ла-Пампа приобрела более 3 тыс. га целинной земли. Основные группы крестьян селились на казенных землях, где находились на положении арендаторов или батраков. Средние хозяйства включали от 20 до 50 га земли. Землю можно было купить в рассрочку на 8 лет.

Но в основном эмигрантам, переселявшимся в Аргентину, приходилось браться за промышленный труд. Правительство за государственный счет отправляло их в самые отдаленные места страны – на север или юг Аргентины (районы Патагонии, Чако, Тукумана), но и там представителям индустриальной иммиграции было довольно сложно найти применение своим силам. Многие были вынуждены выполнять тяжелые и низкооплачиваемые работы (на период с 1900 по 1924 г. специалисты-иммигранты составляли 8.6%, а низкоквалифицированные – 91.4%). Большое число иммигрантов работало на строительстве железных дорог и в железнодорожных мастерских. В период сельскохозяйственных работ широко использовался труд сезонных рабочих. Иммигранты были заняты в крупных хозяйствах зернового направления, а также на работах по уходу за скотом и в скотобойнях на юге страны, на плантациях сахарного тростника и по вырубке диких деревьев (кебрачо) на севере страны.

В городах сохранялся также ограниченный доступ специалистам-иммигрантам в правительственные учреждения и на государственные предприятия. Но некоторым все же удавалось устроиться по специальности и добиться успеха. Среди русских переселенцев были те, кто имел собственное дело: открывались русские парикмахерские, хлебопекарни, сапожные мастерские. Отдельные представители средних слоев занимались врачебной практикой, адвокатурой, работали инженерами, переводчиками и банковскими служащими в казенных и частных учреждениях. Были богатые владельцы. В их числе Е.А. Рогов (предприниматель, имевший фабрики в Аргентине, Франции, Чили); Власов (миллионер, в прошлом крупный киевский банкир, владелец рыбного и торгового флота); бизнесмен Коптенко. Русские офицеры не принимались на аргентинскую службу в войсках, но оказались востребованы офицеры-специалисты. Так, например, военный инженер, георгиевский кавалер, генерал А.В. Шварц являлся профессором фортификации в Аргентинской военной академии. Русский физик, педагог генерал А.А. Бейер был консультантом при лаборатории газового завода в Буэнос-Айресе. Бывший саперный офицер Воронцов-Веньяминов служил инженером-строителем в военном министерстве Аргентины. Бывший морской офицер, капитан 1-го ранга Б.К. Шуберт работал переводчиком технической литературы в аргентинском Морском министерстве. Его жена, балерина, долгое время танцевала в государственном оперном театре «Колон» в Буэнос-Айресе.

Были и другие удачные примеры. Так, например, петербургский филолог А.М. Пульман получил должность профессора Университета в Буэнос-Айресе. Русский офицер П. Шостаковский, прибывший в Южную Америку в качестве директора филиала общества «Фиат-Аргентина», стал членом аргентинского Общества писателей, выступал с лекциями по русской литературе в Свободном институте высших знаний. Известно также, что ситуацией с организацией переселения русских беженцев из Европы в Бразилию умело пользовались вербовщики, направлявшиеся национальным Союзом кофейных плантаторов (чаще всего это были сами эмигранты). В качестве условий предлагался бесплатный проезд и провоз багажа без ограничений в весе, а также 2-летний контракт на работу на кофейных плантациях. Вербовщики давали для ознакомления специально отпечатанную декларацию, где говорилось о трудностях с устройством на работу, которые могли встретиться переселенцу в Бразилии. Особо подчеркивались тяжелые условия работы на кофейных плантациях. В конце говорилось: «Прочитал, предупрежден, даю подпись не проситься обратно на родину за счет советского правительства»⁷. В 1926 г. по контракту с бразильским правительством для работ на кофейных плантациях за океан переселились русские эмигранты из Прибал-

тики (около 250 человек) и первая группа бессарабцев (250 человек) – русских выходцев из Румынии (вторая группа из 800 человек была возвращена обратно в Европу). С началом коллективизации и раскулачивания среди эмигрантов появились выселенные крестьяне, которые добирались в Бразилию в одиночку через Среднюю Азию, Индию и Дальний Восток. В 1933 г. на пароходе «Флорида», следовавшем из Индии в Южную Америку, оказались 55 таких эмигрантов, выходцев из Сибири, Семипалатинской, Вятской, Полтавской областей, а также из Туркестана и с Северного Кавказа. Общее число земледельцев, проживавших в штате Сан-Пауло, по разным данным, составляло 1–2 тыс. человек. В штате Риу-Гранди-ду-Сул русских насчитывалось по некоторым данным около 2 тыс. человек. Колонии имели свои школы, церкви, госпитали.

Отношение правительства Бразилии к рабочим эмигрантам было в целом благожелательным. По прибытии в страну они имели право бесплатно жить до 5 дней в эмигрантском доме, после чего их бесплатно везли к месту назначения⁸. Большинство приехавших поселились в Сан-Пауло. Этот штат рассматривался русскими как наиболее благоприятное место проживания, что было обусловлено, с одной стороны, более хорошим климатом (штат располагался на плоскогорье на высоте 700 м выше уровня моря), с другой – достаточным уровнем экономического развития штата в силу размещения здесь большого количества фабрик и заводов и, следовательно, лучшей оплатой труда. Однако именно здесь европейские эмигранты попадали в чрезвычайно тяжелые условия. Кофейные плантаторы, в чьих руках сосредоточивалась обычно вся власть, были заинтересованы в дополнительных рабочих руках, а не в широком освоении свободных земель своего штата. На плантации обычно был администратор, занимавшийся как полновластный хозяин наймом или увольнением их, руководивший сбором урожая, его сушкой и отправкой на железнодорожную станцию, где обычно имелось кофеочистительное предприятие⁹.

Иная картина представляла в соседних штатах Парана, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул, где отсутствовали кофейные плантации и потому колонистам, прибывавшим с целью осесть на местных землях, правительства штатов старались создать как можно лучшие условия. В Бразилии существовало понятие «колоно» – человек, обрабатывающий чужую землю по особому договору (мелкая аренда, испольщина) либо по договору за денежное вознаграждение. Русских также называли колоно, но сами они себя в разговоре называли колонистами. Жизнь в одной из таких земледельческих колоний – Бализа, находившейся в 700 км на запад от Сан-Пауло, описал в своих воспоминаниях И.Ф. Лихоманов. Здесь располагались земли, которые после вырубки девственного леса и очистки площадей в сотни алкеров под большие хозяйства, использовались под кофейные и банановые плантации, а также для выращивания сахарного тростника. Очищенный участок в течение 3–4 лет обычно давал хороший урожай, но потом приходил в негодность, и это заставляло людей приступать к вырубке новых участков.

К 1930 г. на Бализе было около 80 хуторов, где наряду с русскими (около 700 человек) жили немцы, болгары, эстонцы, испанцы, а также 13 японских семей. Каждый хуторянин имел не менее 5 алкеров земли. В условиях, в которых оказались колонисты, единственным развлечением были субботние и воскресные встречи на «патримонио» (своего рода место встречи не только хуторян, но и рабочих «колонос» с кофейных плантаций). Другим развлечением были местные свадьбы как еще один повод собраться всем вместе. Для молодежи развлечениями такого рода были танцы на «байле» (вечеринке) в частных домах под гармонь либо под бразильскую музыку, а также встречи на футбольном поле. Для многих спасение от монотонной, однообразной жизни было в религии, хотя и здесь оказалось немало трудностей. Священник приезжал в колонию из Сан-Пауло лишь раз в год, жил по 2–3 дня и за это время совершил таинства крещения, венчания, служил панихиды. Кроме православных на Бализе были 2 небольшие группы баптистов, которые своими песнопениями и молитвами, исполнявшими на русском языке, привлекали людей. В результате многие православные стали баптистами¹⁰. В колонии наблюдалась высокая рождаемость, но одновременно и высокая

смертность среди детей, поскольку люди столкнулись с неизвестными болезнями. В колонии не было ни школы, ни врачебного пункта, ни аптеки. Все это сильно осложняло процесс адаптации прибывавших эмигрантов. Люди жили без лошадей, без коров, а следовательно, и без молока, так как существовала проблема с кормами, и не вся трава в лесах была съедобной для животных.

Возле Бализы работали более 60 русских семейств, привезенных из Бессарабии, Польши и прибалтийских республик. В этом же районе находились 3 кофейные плантации – «Санта Мария», «Бализа» и «Санта Сицилия», где также работали русские. Лихоманов описал условия проживания и работы на плантациях своих соотечественников: дома из пальм, обмазанных глиной и выбеленных, с земляными полами. Некоторые помещения были покрыты черепицей, некоторые – травой (осокой). Плата за труд была сдельная – за 1 тыс. кустов. «Колоносу» выдавалась заборная книжка, куда заносился перечень выданного инвентаря для работ в счет заработной платы. Работа на кофейных плантациях начиналась с восходом солнца, по колоколу. Тогда же появлялись вооруженные фискалы верхом на лошадях, подгонявшие людей на плантации.

Вербовщики набирали по контракту на 2 года многосемейных рабочих, чтобы работала вся семья, в том числе и дети 10–12 лет. Семья могла обработать от 7–8 тыс. кустов (у кого были взрослые дети – до 10 тыс.). Но в общей сложности получались «гроши», так как люди вынуждены были платить долги по заборной книжке. В случае болезни одного из членов семьи, фискал обеспечивал лекарством заболевшего в счет его зарплаты, а вместо него присыпался бразилец, которому также нужно было заплатить по 5 мильрейсов в день, т.е. получалось «хуже штрафов». На плантациях был 1 выходной день, при этом православные церковные праздники здесь не признавались, и колонисты обязаны были выходить на работу и в праздничные дни¹¹.

Централами сосредоточения городской трудовой иммиграции в Бразилии стали города Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло (вместе со штатом). В городах российские иммигранты брались за самую низкооплачиваемую работу, поскольку по бразильским законам именно людям интеллигентных профессий сложнее всего было устроиться. Рассчитывать на работу можно было лишь после сдачи государственного экзамена по специальности, при этом в правительственные учреждения иностранцам доступ был закрыт. Эмигранты пополняли ряды наемных работников в промышленности (больше всего на стройках в качестве чернорабочих), в сфере обслуживания. Дворяне и представители других привилегированных сословий, предприниматели, профессура и люди свободных профессий, но главным образом бывшие офицеры российской царской и белой армий, становились шоферами, официантами, прислугой и т.п. Позднее, изучив португальский язык, офицеры смогли получить места в Электрической, Телефонной или Газовой компаниях, которые в то время находились в руках англичан. Иностранные фирмы, как пишет Лихоманов, охотно принимали русских к себе на службу, убеждаясь в том, что они более серьезно относились к своим обязанностям и были более пунктуальны, нежели бразильцы. Многие устраивались чертежниками. В целом, как вспоминает Лихоманов, среди русских было много нуждающихся, особенно среди людей зрелого возраста. Подобная ситуация сохранялась вплоть до окончания Второй мировой войны, когда появились международные организации, приступившие к оказанию существенной помощи русским беженцам и эмигрантам¹².

Тем не менее определенной части эмигрантов удавалось завести собственное, преимущественно торговое или лечебное дело. Хотя меньше всего возможностей для трудоустройства по специальности было у представителей интеллигенции, все же среди членов русской колонии в Бразилии такие примеры были. Так, русский энтомолог М.Ф. Бондарь стал директором института по изучению какао в г. Багия. Педагог Е.В. Антипова, долгие годы занимавшаяся научной деятельностью, одна из создателей Общества Песталоцци в Бразилии, получила должность профессора Высшей педагогической школы в Bello Horizonte (штат Минас-Жерайс). Оказался востребованным в качестве художника кн. Павел Гагарин. Русская балерина Мария Оленева организова-

ла в 1920 г. балетную школу при муниципальном театре в Рио-де-Жанейро, а позднее, в 1940 г., такую же школу в Сан-Пауло.

Еще одной страной, благоприятной для русской колонизации, в начале 1920-х гг. Лигой Наций рассматривался Парагвай. В 1925 г. в провинции Энкарнасьон несколько сотен крестьянских семей из Волынской губ. основали колонию «Новая Волынь». В 1928 г. 500 малороссов, белорусов, поляков, чехов поселились в колонии «Фрам». Всего в районе Энкарнасьона на границе с Аргентиной располагались 7 отдельных колоний, а вокруг самого города – до 30 отдельных хуторов (чакр), населенных русскими, которые открыли 5 молочных лавок, карамельную фабрику и технико-коммерческую контору, в которой работали русские инженеры, занимавшиеся составлением планов, проектированием конструкций домов, фабрик, а также распоряжались информацией о продаваемых земельных участках, хуторах, домах¹³.

В Парагвае существовали достаточно благополучные колонии меннонитов и староверов. Русские меннониты образовали здесь 17 деревень (каждая включала от 8 до 27 дворов с населением от 12 до 170 человек)¹⁴. Бежавшие из СССР от коллективизации немцы-меннониты образовали на территории Парагвая в провинции Чако свою колонию «Фернхейн», включавшую 21 деревню (по 20–25 дворов в каждой)¹⁵. В меннонитской общине традиционно царила строгая дисциплина и не подчинявшиеся ей изгонялись; здесь существовала также круговая порука. Язык сохранялся немецкий, община всячески противилась изучению языка страны, в которой жила, чтобы не растерять своих членов. Для сохранения культуры, языка и традиций в меннонитских деревнях были свои школы, помещения которых очень часто служили местом проведения молитвенных собраний. Аналогичный традиционный уклад сохранялся и в старообрядческих поселках на территории латиноамериканских стран. В январе 1935 г. рядом с колонией «Новая Волынь» была основана колония прибывших из Литвы русских старообрядцев «Балтика» (директор колонии П.П. Булыгин, поэт, участник Гражданской войны, принимавший участие в спасении царской семьи, а затем в расследовании ее убийства). В г. Пасадос был образован русский поселок «Урусапукай», в состав которого входили также староверы и выходцы с Волыни (всего 51 двор). Недалеко размещалась немецкая колония Гогенау, где проживал в те годы знаменитый русский врач, лейб-медик императрицы Марии Федоровны профессор Дзирне, к которому присажали лечиться больные из Аргентины и Бразилии¹⁶.

Русские внесли много положительных перемен в организацию местного земледелия, включая внедрение пахоты, использование борон. Им принадлежало первенство в разведении клубники, посадке яблонь, вишни, слив на континенте. Приобретенные участки широко использовались также под пасеки. В свободное время русские колонисты занимались охотой и рыболовством. Вместе с тем следует отметить, что аграрный характер кооперации ставил ее членов в зависимость от конъюнктуры мирового рынка зерна, подвергал значительному риску в связи с мировыми земледельческими кризисами, падением цен на сельхозпродукты, отсутствием кредита и слабым развитием кооперации, дорожевизной железнодорожного транспорта, зависимостью от скупщиков и, наконец, от природных условий.

Сложнее обстояло дело с обустройством представителей белой эмиграции. В отличие от складывавшихся веками меннонитских, старообрядческих общин, они прибывали в страну разрозненными группами со всеми оттенками классов, сословий, вероисповедания, образования, воспитания. Особая заслуга в обустройстве военной (включая казачью) эмиграции в Парагвае принадлежала генералу И.Т. Беляеву, который приехал в Парагвай в 1924 г. Беляев, пригласивший своих соотечественников, преимущественно инженеров, выступил с идеей «патриотической эмиграции», рассчитывая на то, чтобы создать резерв из патриотически настроенных людей для сохранения русской культуры, истории, веры и языка за границей¹⁷. В этих целях им были созданы организация «Русский очаг» и общество «Защиты русского земледельца в Парагвае», которое в соответствии с правительенным декретом было признано юридическим лицом, обеспечивавшим русским колонистам защиту со стороны государства. В то

время как в Советской России велась работа по пропаганде идеи возвращения русской эмиграции и главным образом казаков, «дело генерала Беляева» рассматривалось как контрпропаганда политике репатриации Советов.

Параллельно в Европе от имени генерала Беляева вопросами переселения в Парагвай занималось Русское колонизационное общество в Белграде, созданное А.П. Пилкиным. О целях своей деятельности Пилкин писал: «Мы полагаем, что наша работа имеет двойной смысл и значение: первое, что мы уже отмечали, это сохранение здоровых сил русской эмиграции. Если русской эмиграции будет предоставлена возможность переселения в Южную Америку и поселения там на земле, то в свое время Россия получит оттуда обратно большое число здоровых и ценных во всех отношениях культурных работников. Второе, работа в Южной Америке и тех, которые вернутся в Россию, и тех, которые останутся там навсегда, не пропадет для России даром, создав центр русского национального влияния там, где его никогда не было. В истории других стран мы имеем яркие примеры государственного значения здоровой и материально сильной эмиграции»¹⁸.

Главная проблема колонизационных обществ заключалась в отсутствии средств (кредитов) на осуществление перевозки эмигрантов из Европы в Южную Америку. Активное содействие в ее разрешении оказывал К.Н. Гулькевич, отстаивавший перед МБТ Лиги Наций интересы Русского колонизационного общества в вопросе перевозки людей в Парагвай. В своем письме Гулькевичу от 21 июля 1925 г. Пилкин сообщал: «В прошлом году в Парагвае на службе правительства находился всего один русский, генерал Беляев. В настоящее время на службе парагвайского правительства состоят: генерал Беляев, в военном министерстве; генерал Эрн, преподаватель офицерской школы; инженер Шмагайлов, в военном министерстве; инженер Авраменко, департамент инженеров; горный инженер Пятницкий, геолог министерства финансов; инженер-электрик Сахаров, в военном министерстве; капитан 1-го ранга кн. Туманов, инструктор флота; военный топограф Якубовский, департамент инженеров. Незамещенных имеется еще 8 вакансий и ожидается получение дальнейших. Теперь, благодаря Вашему содействию, устранено главное препятствие, и мы в состоянии успешно вести нашу работу в этом направлении. Кредит, представленный нам под Вашу гарантию для этой цели в размере 1 000 долларов, даст нам возможность отправить 8, а в случае предполагаемого майором Джонсоном понижения стоимости переезда через океан 10 лиц»¹⁹. В Асунсьоне, столице Парагвая, образовалась к этому времени русская колония в 57 человек.

К началу 1930-х гг. разразился мировой экономический кризис, который затронул, в первую очередь, «бесподданных русских эмигрантов», их коснулись повсеместные увольнения в европейских странах. Как вспоминал М. Каратеев, оказавшийся в те годы в Бельгии, ему выдали удостоверение с обозначенной там специальностью «инженера-химика» и по тогдашним новым законам он уже не имел права ни на какой другой вид заработка, «даже на продажу на улице газет или шнурков для ботинок». С другой стороны, существовала обязательная для всех европейских предприятий норма, ограничивающая число служащих иностранцев десятью, а позднее и пятью процентами. Во Франции и Бельгии нередки были случаи арестов и высылки безработных русских по обвинению в бродяжничестве²⁰.

Именно в это сложное время генерал Беляев приступил к организации нового этапа массового переселения русских в Парагвай, который после окончания боливийско-парагвайской войны 1932–1935 гг. заметно активизировал свою иммиграционную политику. В Парагвай отправлялись в основном малообеспеченные семьи, ибо здесь в начале 1930-х гг. сохранялось достаточно лояльное иммиграционное законодательство, а также отмечалась дешевизна жизни, в то время как в Аргентину, например, в тот же период въезд был затруднен всем, кроме родственников людей, давно там проживавших.

10 сентября 1933 г. в Париже был создан «Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай» (почетный председатель центра донской атаман А.П. Богаевский). Образовалась также инициативная группа «Станицы имени генерала Беляева»

по проведению записи желающих отправиться в Парагвай на постоянное место жительства, которая имела соглашение с парагвайским правительством о передаче в распоряжение будущей станице казенных земель (из расчета от 10 до 20 га на каждого казака в полную его собственность), живого и мертвого инвентаря, вооружения. Одновременно в Париже на русском языке начала выходить эмигрантская газета «Парагвай» – печатный орган центрального офиса Колонизационного центра. Размещавшиеся на страницах газеты материалы, включая письма русских переселенцев из Парагвая, призваны были служить информационным источником для тех, кто еще только собирался в далекую страну. К концу 1934 г. в Парагвай были отправлены 6 эмигрантских групп. По некоторым данным, русская колония в столице Парагвая насчитывала к середине 1930-х гг. уже более 400 человек²¹.

При этом у всех был разный опыт обустройства на новом месте и последующей адаптации. М. Каратеев, оказавшийся в Парагвае, привел примеры, как удачно обустроились на новом месте меннониты и сколь печальная участь была у жителей колонии «Надежда» (в составе 32 мужчин, 9 женщин и 4 детей), которую организовал полковник Керманов в ноябре 1934 г. в районе парагвайского г. Консепсьон. Среди проблем, с которыми столкнулись колонисты, было обеспечение поселка водой, а также обзаведение своим огородом, что было чрезвычайно важно, поскольку в районе расселения совершенно отсутствовали такие привычные русскому человеку продукты питания, как овощи и зелень, т.е. огородничеством здесь никто и никогда не занимался. По признанию колонистов, крупным лишением для них оказалась полная оторванность от привычного образа жизни: «О событиях во внешнем мире сведения доходят до нас с трудом, с опозданием на несколько месяцев, и исключительно в письмах знакомых, или в разрозненных номерах случайно попадающих сюда европейских газет»²². В результате вскоре бывшие колонисты из «Надежды» вернулись в Асунсьон, где генерал Беляев, чувствовавший ответственность за судьбу людей, которых позвали в эти земли, помог им с поиском жилья, оформлением необходимых документов и устройством на службу, в том числе в качестве офицеров в национальную армию. Но вместе с тем, по признанию Каратеева, многие русские колонии, зародившиеся одновременно с «Надеждой» и пережившие неизбежные невзгоды первых лет, прочно стали на ноги и достигли относительного благосостояния. Однако это были колонии, основанные крестьянами, «тогда как хозяйства, организованные из городских элементов, почти сразу зачахли»²³.

Несмотря на то что осуществить на практике идею «Русского очага» в Парагвае не удалось, все же следует признать, что русская диаспора в истории этой страны оставила заметный след. А.А. Хисамутдинов привел сведения, помещенные в газете «Новая заря» от 7 апреля 1934 г. о том, что, благодаря генералу Беляеву, на правительенной службе в Парагвае устроились несколько сотен русских: инженерным департаментом (управление путей сообщения и общественных работ) руководил инженер С.С. Бобровский, техническими работами при генеральном штабе – инженер Шмагайло (построивший первый в Парагвае аэропарк и сделавший за 5 лет, по отзыву президента республики, «столько, сколько до него не было сделано за 50 лет»), русскими инженерами во главе с Яковлевым и под руководством Снарского было осуществлено строительство нового порта в Асунсьоне на 17 пристаней; инженеры Каширский и Голубинский строили электростанции, капитан 1 ранга кн. Туманов командовал парагвайским флотом, на котором служил также племянник М.Н. Гирса. Генерал Рейнбот возглавлял почтовый телеграф и радио, 8 русских офицеров командовали пехотными и кавалерийскими полками. Каждого из них генерал Беляев вызывал на заранее приготовленную должность. Но одним из самых выдающихся русских эмигрантов в Парагвае был С.Л. Высоколян, участник Чакской войны, возглавлявший кафедры физико-математических и экономических наук, профессор Высшей военной академии, высшей морской академии и кадетского корпуса. В 1936 г. он стал почетным гражданином Парагвайской республики, был награжден золотой медалью Военной академии им. маршала Ф.С. Лопеса, произведен в чин генерал-лейтенанта, стал мировой известностью в области математики в связи с решением теоремы Ферма²⁴.

Большинство эмигрантов, приехавших в Уругвай в 1920–1930-х гг., первое время работали в сельском хозяйстве. Однако в силу того, что сельское хозяйство в стране было слабо развито и не имело поддержки со стороны государства, а также в силу латифундной системы землевладения многие эмигранты не могли удержаться на земле и уезжали в город. За годы эмиграции многие овладели городскими профессиями, хотя часть из них продолжала работать в качестве чернорабочих. Подавляющее большинство этой категории лиц являлись строительными рабочими (плотники, столяры, арматурщики по железобетону), которые имели к середине 1940-х гг. трудовой стаж в этой области 10–15 лет²⁵.

Процессу адаптации эмиграции в инокультурную среду призвана содействовать правовая защищенность прибывавших в чужую страну беженцев и переселенцев. Ситуация в странах Латинской Америки осложнялась тем, что бывшие официальные дипломатические миссии, в частности русское представительство в Аргентине, не получали после революции необходимых средств, в силу чего эмигрантам рассчитывать на помощь со стороны бывших консульских структур, как это было в странах Европы или США, не приходилось²⁶. Как сообщал в одном из своих писем капитан I ранга Шуберт, перебравшийся в Буэнос-Айрес из Монтевидео в 1920 г., «первым долгом он явился к Штейну (российский посланник в Аргентине. – М.М.), прося его о содействии». Тот действительно «несколько раз снабжал рекомендательными письмами и карточками к влиятельным лицам, хотя не имевшими однако никакого успеха». Материальную помощь Штейн не оказывал, ссылаясь на полное отсутствие каких-либо фондов у миссии. Сам Е.Ф. Штейн в переписке сетовал на «полное отсутствие денежных средств», заметив при этом, что «в распоряжении миссии никогда никаких особых фондов или денежных остатков не было, напротив, миссия сама еще должна около 6 000 песо одному из здешних банков по займу, заключенному по поручению бывшего Временного правительства, для возвращения в Россию “жертв царского режима” – всевозможных политических эмигрантов, в число которых включены были Керенский и укравшиеся здесь бунтовщики матросы с нашего броненосца “Потемкин”»²⁷.

По данным товарища министра иностранных дел Омского правительства В.Г. Жуковского, со времени большевистского переворота в Буэнос-Айресе консульство получало установленные суммы за счет пошлиных сборов, а миссия в том же городе содержалась частью на личные средства посланника, частью же на доходы от церковного дома (около 40 ф.ст. в месяц) и на средства, предоставляемые посланнику православными сирийцами и «Русским Кружком» в Росарио (16 ф.ст. в месяц)²⁸. В годы Гражданской войны частично расходы на содержание дипломатических учреждений несло колчаковское правительство. Однако в смету не были включены представительства, имевшие «источники, на которые могут существовать», на Дальнем Востоке, в странах Южной Америки (в Аргентине, Бразилии, Мексике) и Северной Америке. Представительства в этих странах должны были обеспечиваться за счет «боксерского вознаграждения» и средств Российского государства в США. Тем не менее, Жуковский просил Министерство финансов перевести деньги миссии и консульству в Рио-де-Жанейро, и миссии в Буэнос-Айресе, объясняя это тем, что, «если раньше они получали средства из Вашингтона, то ныне суммы, находившиеся в распоряжении посла нашего в Соединенных Штатах, исчерпаны». Далее Жуковский сообщал, что «посланник в Бразилии А.И. Щербатский (руководивший по совместительству консульством в Мексике) занял 316 ф.ст. у французского консула в Вальпараисо и 214.5 ф.ст. у уругвайского министра иностранных дел»²⁹. Так продолжалось вплоть до октября 1919 г., когда Жуковский был вынужден просить товарища министра финансов перевести «посланнику нашему в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейну по меньшей мере 1 000 фунтов стерлингов ввиду истощения личных средств посланника и крайней нежелательности дальнейшего существования российской миссии за счет пособий, получаемых от частных лиц, частью притом иностранцев»³⁰.

По данным Шуберта, в марте 1921 г. Штейн «был приглашен в Северную Америку, где встречался с послом Бахметьевым, от которого получил деньги для прибывавших

беженцев в Аргентине, и эта сумма была положена в банк на текущий счет сроком на год и трогать их было нельзя». Подобные действия бывшего посланника вызывали неоднозначные суждения в русской колонии. Собрание беженцев из своей среды сформировало «комиссию для контролирования выдачи Штейном пособий», на что последний согласился. В целом, оценивая роль Штейна, Шуберт писал в своем письме в Париж: «Человек он умный, образованный и ловкий... несмотря на травлю его одно время в местных газетах, вдруг, словно по волшебству, прекратившуюся; на торговлю паспортами и проч. Нет никакого сомнения, что он – масон и из крупных, факт, как мне передавали, и не прочь выставить себя сторонником легитимизма в вопросе о будущей монархии»³¹.

Сам Штейн ссыпался на церковь, которая владела доходным домом, дававшим хорошую ренту, в результате до начала 1921 г. прибыль с него целиком шла на содержание приема и поддержание дипломатической миссии. После перехода церкви в ведение Западно-европейского митрополита Евлогия (Георгиевского), направление расходования средств, имевшихся в распоряжении церкви, изменилось. В постановлении Высшего церковного управления Русской Православной Церкви за границей от 23 ноября (9 декабря) 1920 г., подписанном в Константинополе митрополитом Антонием, говорилось: «Высшее церковное управление... снимает с российского посланника в Аргентине Е.Ф. Штейна все права юридического представителя Церкви в этой стране и передает таковые права в полном объеме настоящему Православной Церкви в Южной Америке протоиерею Константину Изразцову о том, что даются полномочия представлять перед аргентинскими властями и судами в качестве главы и представителя Русских Православных Церквей в Южной Америке с правом, на основании этих полномочий, покупать и продавать недвижимость, уплачивать и получать всякие деньги для Церкви, принимать пожертвования и наследства в пользу Церкви и т.п.»³². Таким образом, к о. Константину (с 1923 г. протопресвитеру и администратору Русских Православных Церквей в Южной Америке) фактически перешло положение «неофициального российского консула и представителя», оказывавшего правовую, а также финансовую помощь прибывавшим в Аргентину православным священникам, бывшим офицерам и нижним чинам врангелевской армии. Отец Константин участвовал в культурно-просветительских и политических акциях белой эмиграции, на образованный капитал (в 8 тыс. песо) финансировал эмигрантские объединения и организации в начале их деятельности. Он создал «Общество взаимопомощи для инженеров и техников», открыл ночлежный дом для русских иммигрантов, продолжая осуществлять при этом важную миссионерскую деятельность на континенте. При его содействии были созданы приходы и построены русские православные храмы в Парагвае, Уругвае, Бразилии. Эту миссию о. Константин выполнял до 1934 г., когда в Южную Америку с титулом епископа Сан-Паульского и всей Бразилии был назначен Феодосий (Самойлович) для обслуживания всех стран Южной Америки, кроме Аргентины, где русские церкви были оставлены в управлении протопресвитера К. Изразцова.

С прибытием на латиноамериканский континент представителей белого движения значительно расширился спектр политических интересов в среде российской эмиграции, а общественно-политическая жизнь в русских колониях приобрела заметную контрастность. Известно, что уже с конца XIX в. в странах Латинской Америки активно шел процесс развития организованного рабочего движения, который сопровождался распространением марксистских и анархистских идей, проникавших на континент благодаря западноевропейской иммиграции. После революции 1905–1907 гг. в России одним из центров русской политической эмиграции в регионе стала Аргентина. С этой страной связали свою судьбу многие участники восстания на броненосце «Потемкин» (среди которых П.А. Дымченко, Н.И. Иванов, М.С. Шевченко и другие, всего 30 человек). Русские рабочие входили в местные профсоюзы, где имелись общественные библиотеки, при них открывались литературные, музыкальные, драматические кружки и объединения (как, например, «Русский кружок любителей драматического искусства» в Буэнос-Айресе). В 1908–1914 гг. в Аргентине действовали социал-демократические пробольшевист-

ские организации. В это время в Аргентине также находились и занимались политической деятельностью социал-демократы (большевистского толка), участники первой русской революции М.А. Комин-Александровский, Б.З. Шумяцкий, А.С. Гордеев, И.Ф. Глинский, И.И. Яковлев, М.А. Богомолец и др. В 1911 г. была создана аргентинская группа содействия РСДРП, которая своей задачей видела поддержку РСДРП путем развития агитации и пропаганды среди российского пролетариата в Аргентине³³. В августе 1917 г. представители социал-демократического крыла русской политической иммиграции или максималисты, как их называли на Западе (в их числе Комин-Александровский, Шумяцкий, Гордеев, М. Кантор и др.) основали «Союз российских социалистов и рабочих в Аргентине» (СРСРА), который в 1921 г. присоединился к Компартии Аргентины. Союз включал в себя группу содействия РСДРП, Комитет друзей Свободной России, Русскую рабочую группу, Центр российских социалистов, еврейский союз «Поалей» и другие организации рабочих-славян. Союз имел свой печатный орган – газету «Пролетарское слово».

В этот же период действовал «Русский коммунистический союз» (РКС) (печатный орган «Рабочая правда»). Одним из членов группы был политиммигрант-социалист М. Ярошевский, возвратившийся в 1920-х гг. в СССР. РКС в союзе с местными интернационал-социалистами издавал журнал «Документос дель прогресо», публиковавший переведенные на испанский язык документы и материалы из Советской России. В 1918 г. в Буэнос-Айресе была образована Федерация российских рабочих Латинской Америки (ФРРЛА), в которую вошли 6 групп: «Русская рабочая группа» (Буэнос-Айрес), «Союз русских рабочих Бериссо» (провинция Буэнос-Айрес), «Общество русских рабочих Бериссо», «Общество самообразования русских рабочих», «Союз русских рабочих Россарио», а также «Союз русских рабочих Монтевидео» (Уругвай) (печатные издания: газета «Голос труда», выходила с 1918 г., редактор Комин-Александровский; журнал «Коммунист», выходил с 1920 г.).

Созданный в 1919 г. в Москве Коммунистический Интернационал оценивался латиноамериканскими официальными властями как подрывная организация, действовавшая через своих агентов, а также местных профессиональных революционеров с целью распространения коммунистических идей и подготовки революций. За короткий период большевизм стал рассматриваться в этих странах, прежде всего в Аргентине, Бразилии, Мексике, Боливии, как реальная угроза общественному порядку, хотя, как очевидно, степень этой угрозы для латиноамериканского континента была переоценена. Но сам факт создания леворадикальных коммунистических организаций на континенте и установление ими связей с главной коммунистической организацией в Москве заставлял власти в разных странах прибегать к жестким мерам контроля и слежки за всеми подозрительными для предотвращения подрывных действий, как со стороны своих граждан, так и со стороны представителей ряда национальных колоний в своих странах.

Однако наибольшее распространение в рабочем движении латиноамериканских стран 1920–1930-х гг. получил анархизм. В Аргентине он был представлен такими течениями, как анархо-синдикализм и анархо-коммунизм. Сторонники анархистской мысли в среде российской эмиграции выступали за улучшение экономического положения низших слоев эмиграции, создание свободных, независимых объединений, трудовых артелей, общин. Свою задачу они видели в подготовке к социальной революции с целью осуществления в России анархического строя. Сторонники анархосиндикализма отвергали идею диктатуры пролетариата и потому не признавали новый режим в России. С 1921 г. на позиции анархо-синдикализма встала Федерация российских рабочих Латинской Америки, члены которой отказались от присоединения к Коминтерну. В 1928 г. был основан Союз русских анархистов-коммунистов (печатный орган журнал «Бунтарь»), в 1929 г. – «Группа содействия русских анархистов “Делу Труда”» (анархистской организации русских эмигрантов во Франции) (печатный орган газета «Анархия», выходила с 1930 г.) и группа «Вольная мысль» (печатный орган газета «Вольная мысль», основанная в 1932 г.). После серии арестов и преследований

в 1930 г. появился печатный орган анархистов-безвластников – «Голос из подполья». В том же году в Буэнос-Айресе был образован Комитет помощи анархистам СССР по ссылкам, каторгам и тюреммам и Комитет помощи музею П. Кропоткина в Москве.

С прибытием на американский континент представителей белого движения официальные власти получили своих союзников в борьбе с политическим влиянием Коминтерна в своих странах. Для русской эмиграции в межвоенный период был характерен широкий диапазон политических пристрастий и форм политической деятельности, хотя, как известно, политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции и бывшего офицерства. Это также было справедливо для русской диаспоры в Латинской Америке, где политическая жизнь в среде русской эмиграции была менее активна по сравнению с основными центрами русского рассеяния и где действовали в основном филиалы и отделения основных политических организаций Русского зарубежья, созданных в Западной Европе и Азии.

На общем фоне прореволюционно настроенных эмигрантов после февральских событий 1917 г. в России в Аргентине выделилась небольшая группа из 20 человек, членов «Русского кружка», который после заключения Брест-Литовского мира «при полном равнодушии русской колонии не только заявил о себе как о поборнике верности России ее союзникам, но и определил свое отношение к большевикам»³⁴. «С этого времени, – писал российский посланник Е. Штейн, – “Русский Кружок” в Буэнос-Айресе в силу обстоятельств и своих убеждений неоднократно выступал перед здешними союзными миссиями с аналогичными заявлениями, дав им, равно как и союзным колониям, хотя бы иллюзию того, что так думают и чувствуют вообще проживающие в Аргентине русские»³⁵.

Еще до учреждения «Русского кружка», 1 мая 1917 г. здесь же начала издаваться на средства и попечениями одного из будущих его членов, господина Моисеева, новая русская газета «Свободная Россия», «первоначально исключительно посвященная событиям революционной России и местной жизни, а впоследствии вынужденная силою обстоятельств принять более определенное направление, взяв на себя задачу пропагандирования той же идеи верности России своим международным обязательствам и порицания максимализма, каковая легла в основание “Русского кружка”»³⁶. Некоторое время спустя аналогичное собрание возникло в аргентинском Росарио, которое, как пишет Штейн, «со своей стороны также делало все возможное для поддержания среди союзных консулов и колонии благорасположения к патриотической и корректной части тамошних русских, а среди последних – к пропаганде принципов умеренности и порядка в противовес деятельности здешних русских и иных агитаторов»³⁷.

Русская политическая эмиграция принесла с собой на континент, с одной стороны, национальные идеи, русскую символику, менталитет, с другой – дух политической борьбы и сопровождавшее ее деление по политическим взглядам и партийно-политической принадлежности. Поскольку традиционно в армейской белоэмигрантской среде были сильны монархические настроения, то одними из первых здесь появляются отделения и представительства монархических организаций. Самой крупной из числа союзов и обществ, объединившихся вокруг себя военную эмиграцию, был Русский Обще-Воинский союз (РОВС), созданный приказом генерала Врангеля от 1 сентября 1924 г., в соответствии с которым началось формирование отделов РОВС в разных странах (всего было 5 отделов). IV отдел в соответствии с приказом Врангеля объединил общества и союзы, воинские группы в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, в Греции, а затем охватил Румынию и Бразилию. В мае 1930 г. наряду с VI отделом РОВСа, объединившим эмигрантские военные организации Чехословакии, был учрежден самостоятельный Южноамериканский отдел РОВС, начальником которого был назначен генерал-майор Н.Ф. Эрн, проживавший в Парагвае. Затем здесь возник Союз русских военных инвалидов, который открыл свой инвалидный дом и регулярно проводил благотворительные встречи. 8 октября 1931 г. было основано отделение РОВС в Аргентине (председатель – полковник А.Н. Ефремов), насчитывавшее в своем составе 30 человек. Его деятельность, по словам баронессы И. Астраву, заключалась в

ежемесячных собраниях, на которых читались доклады на военные темы, поддержании связи с центральным и другими отделами РОВС, обсуждении возможности пропагандистской антикоммунистической работы и финансовой помощи (за счет членских взносов и доходов, получаемых от закрытых вечеров) военным инвалидам в Европе и издании «Галлиполийского вестника»³⁸. К РОВС в Аргентине примыкали также общества «Русский очаг» (создан в 1926 г., председатель В. Дахин), «Русский сокол» (создан в 1929 г., руководитель В.В. Зуев), «Кают-компания офицеров императорского флота» (куда входили морские офицеры царской и белой армий Л.С. Быстроумов, Б.К. Шуберт, Б.К. Кравченко и др.), «Общество галлиполийцев» (секретарь инженер Н. Запорожцев).

В Бразилии в эти годы также было заметным участие в политической жизни бывших военных из числа русских эмигрантов. В 1925 г. в Сан-Пауло был учрежден Союз русских воинов (председатель В. Нейкирх), который стал основой Бразильского отделения РОВС, образованного в Сан-Пауло в соответствии с распоряжением председателя РОВС от 3 мая 1932 г. Председателем отделения являлся генерал-майор Л. Иванов, заместителем – полковник Генерального штаба Ахаткин; активными членами были полковник Генерального штаба Ружицкий, штаб-ротмистр Угрюмов и др. При Союзе были созданы военно-образовательные курсы (по программе старших полковых школ подпрапорщиков) с преподаванием тактики, топографии, военного искусства, окопного дела; велись строевые занятия. Тогда же было создано местное отделение кавалерии и конной артиллерии РОВС. Русский офицерский союз со штаб-квартирой в г. Санта Катарина (председатель ротмистр С.В. Голубинцев) объединял белых офицеров, также входивших в состав РОВС в Южной Америке³⁹.

В 1930 г. в Уругвае был создан Союз русских комбатантов (председатель капитан, профессор Г.А. Мацырев), ставший в 1932 г. основой отделения РОВС в этой стране. К 1939 г. в Уругвае и Аргентине существовали также отделы Русского национального союза участников войны (РНСУВ), созданного в 1936 г. группой офицеров во главе с генералом А.В. Туркулом, вышедшей из состава РОВС по причине устаревшего к тому времени приказа № 82, запрещавшего членам РОВС вступать в политические организации.

К концу 1930-х гг. РОВС распространил влияние почти на все страны. При этом организации РОВС, находившиеся на значительном удалении от Европы, в частности, в США, странах Латинской Америки, как отмечает В.И. Голдин, в своей деятельности не могли вести непосредственную работу, направленную на СССР, а ограничивались поддержанием взаимосвязей среди бывших военнослужащих, оказанием взаимной помощи, сохранением армейских традиций. Здесь отсутствовала та инфраструктура, которая создавалась в Европе и на Дальнем Востоке (система подготовки и переподготовки офицерства, ячейки, боевые группы и отряды для проникновения в СССР)⁴⁰.

Помимо отделений РОВС действовало отделение «Союза младороссов в Южной Америке», располагавшееся в Бразилии и возглавляемое уполномоченным представителем В. Рюминским. Аргентинскую секцию «Союза младороссов» (имевшую свой печатный орган «Русская газета», основанный в 1932 г., редактор О. Ломоть) возглавил бывший морской офицер, кн. Волконский. Еще одна организация – Российский имперский союз-орден, созданный как боевая единица Высшего монархического совета в 1929 г. (с 1937 г. Российский Имперский орден) (председатель Н.Н. Рузский) также имел отделения и своих представителей в Южной Америке⁴¹. Все эти организации ставили своей задачей сохранение офицерских кадров белой армии, поддержание в них военных знаний для будущей борьбы с советской властью, а также воспитание молодого поколения «в истинно русском духе» с целью «довести его в монархической убежденности до восстановления прежней России».

Неоднородность социально-политического состава представителей зарубежного монархизма обусловливала сложную дифференциацию всего монархического лагеря эмиграции. Споры о выборе формы монархии, в свою очередь, порождали дискуссии о кандидатуре будущего монарха⁴². Значительная часть монархически настроенных

эмигрантов в странах Латинской Америки являлась сторонниками вел. кн. Николая Николаевича, принявшего на себя после организационного оформления РОВС верховное правление зарубежным воинством. Финансовые средства РОВС складывались из сумм, находившихся в распоряжении командования, и состояли из Ссудной казны, вывезенной за границу, средств, которые получала организация от Совещания послов. Но этого было явно недостаточно. В 1924 г. для ведения антибольшевистской борьбы была основана «Казна великого князя Николая Николаевича» и был объявлен сбор средств в нее. Великий князь и его соратники (в частности, кн. Н.Л. Оболенский) развернули эту работу среди своих сторонников в различных странах мира, включая Латинскую Америку.

В своем письме на имя капитана 1-го ранга Б.К. Шуберта кн. Н.Л. Оболенский в мае 1925 г., обращаясь с просьбой организовать офицерство в Южной Америке, писал: «В Чили наши офицеры служат в армии. В Бразилии есть бывший губернатор одной из кавказских губерний Михаил Петрович Поярков. Наконец, в Буэнос-Айресе – почетный протопресвитер Изразцов. Все это люди наших взглядов и думаю, что могут быть полезны. А поработать есть над чем и кем, особенно имея в виду чрезвычайную многочисленность русских в Южной Америке»⁴³. Тот же Оболенский предлагал в другом своем письме от 14 июля 1928 г. завязать «связь с русскими в Панаме и Никарагуа, привлекши их к сборам в Особую казну»⁴⁴.

И действительно, часть офицеров, оказавшихся в странах Латинской Америки, поддержала вел. кн. Николая Николаевича и программу созванного им в 1926 г. Зарубежного съезда. Но проблема заключалась в оторванности русских, проживавших на далеком континенте, от европейских стран, в ограниченности доступа к информации о событиях, которые происходили в политической жизни находившейся там военной и политической эмиграции. Тем не менее был наложен канал обмена информацией между вел. кн. Николаем Николаевичем и кн. Н.Л. Оболенским, с одной стороны, и представителями белого воинства в Аргентине, Парагвае, Бразилии, Коста-Рике. Поступая по одному из каналов, информация далее распространялась уже внутри континента. Так было с текстом «Обращения Зарубежного съезда 1926 г. ко всем народам мира», перевод которого на испанский язык, сделанный председателем Союза русских воинов в Аргентине полковником Цокуном, был переправлен помимо Буэнос-Айреса в Асунсьон, Монтевидео и на португальском языке в Рио-де-Жанейро с целью его размещения в местной прессе. Присланная кн. Оболенскому в Париж вырезка из парагвайской газеты «Diario» от 28 сентября 1926 г. с текстом Обращения свидетельствовала о поддержке монархических сил со стороны представителей белого воинства в Парагвае. Документ был опубликован, как отмечалось, «при благосклонном участии генерала Эрна и капитана 1-го ранга князя Туманова». В Бразилии аналогичную поддержку Зарубежному съезду высказали председатель Русского национального кружка св. Николая в Рио-де-Жанейро генерал П. Крассовский-Добров, полковник А.А. Позняк. Кроме того, из Аргентины пришло сообщение о вступлении капитана 1-го ранга Шуберта и воинских чинов, проживавших в Буэнос-Айресе, в образовавшееся после съезда «Зарубежное патриотическое объединение», и о создании соответствующего отдела этого Объединения в Аргентине. И хотя офицеры понимали, что уже не осталось никакой армии, тем не менее было решено говорить не об этом, а о том, что «надо сохранить власть до того момента, пока Армия-фикация станет Армией-спасительницей Отечества»⁴⁵.

Одновременно часть русского офицерства в странах Латинской Америки откликнулась на призыв великого князя об оказании помощи возглавляемому им движению путем организации сбора средств для Ссудной казны, который начался еще с конца 1923 г. Как видно из переписки, из Аргентины пожертвования приходили регулярно (по крайней мере, вплоть до смерти вел. кн. Николая Николаевича). Организацией сбора пожертвований в течение нескольких лет занимался капитан Шуберт, который высыпал в течение 1927–1928 гг. по 300–350 франков ежемесячно⁴⁶. Также в начале 1927 г. официальное обращение с просьбой принять деятельное участие в сборах в

Особую казну было направлено в адрес бывшего российского консула в Аргентине Е.Ф. Штейна и служившего здесь протопресвитера Константина Изразцова.

В рескрипте для Штейна высказывалось пожелание, чтобы он взялся за организацию под своим председательством комитета, в котором «русские беженцы нашли бы и справочное бюро, и разрешение вопроса об их устройстве в Аргентине, и приискание труда, и обеспечение воспитания своих детей, и удовлетворение других насущных потребностей», что одновременно позволило бы поставить и вопрос «об обязательных ежемесячных взносах и отчислениях из них известного процента в особую казну». Как следует из переписки, бывший российский консул ответил великому князю согласием, выразив полную готовность выполнять его поручения⁴⁷.

Однако реальную помощь движению оказывал проживавший в Аргентине генерал А.В. Шварц, которому весной 1928 г. вел. кн. Николай Николаевич сделал личное предложение «стать во главе комитета по сборам» и «создать ячейки свои в различных местах расселения русских в Аргентине», что, по мнению великого князя, должно было «усилить приток пожертвований, чему порукой было как положение, занимаемое здесь генералом, так и знакомства и связи в местном обществе»⁴⁸. В письме от 25 марта 1928 г. кн. Оболенскому генерал Шварц сообщал, что «пожелание об увеличении сборов в Аргентине» он выполнил, решив со своими единомышленниками, что «все будут вносить ежемесячно, кто что может», а деньги будут пересыпаться казначеем Шубертом «по четвертям года, т.е. в конце марта, июня и т.д.». В письме от 26 октября 1928 г. Оболенский подтверждал, что сборы по Аргентине продолжали возрастать и что на этот раз переведенный оттуда взнос выразился в сумме 1 тыс. франков⁴⁹. При этом кн. Оболенский особо отмечал участие в сборах протопресвитера К. Изразцова: «Я продолжаю хранить твердое убеждение, что сборы могут расти и далее лишь бы не жертвователям пришлось бы идти, чтобы их делать, а кто-то дал себе труд за этими сборами идти к ним. Результаты живого слова отца протопресвитера в церкви в этом отношении весьма показательны, собранная же им сумма – 1 225 фр. сама говорит за себя»⁵⁰.

И, наоборот, в одном из писем генералу Шварцу (от 7 ноября 1927 г.) кн. Оболенский высказывал сожаление по поводу посланника Штейна: «Не получаю никаких сведений и от Е.Ф. Штейна, если не считать его короткого последнего письма, на днях полученного, в котором он пишет о том, что ему не удалось заинтересовать аргентинскую печать изложением взглядов великого князя». «Это, конечно, не имеет существенного значения, – писал далее Оболенский, – так как Аргентина действительно далеко, мало теперь связана с Россией и политически в русском вопросе, конечно, отнюдь не призвана сыграть какую-либо роль. Но сам по себе факт такого индифференцизма наводит на печальные размышления... Если Е.Ф. Штейн действительно приложил старания и добивался напечатания, то этот его неуспех приходится понимать как оставление всяких надежд на возможность изыскания тем более денежных средств в Аргентине»⁵¹.

Удалось установить также факт личной переписки между вел. кн. Николаем Николаевичем и генералом-майором И.Т. Беляевым в Парагвае. В 1926 г., обращаясь к последнему с просьбой как-то «оживить идею сбора и расширить круг его участников», великий князь получил из Парагвая письмо-обращение за подписью И. Беляева и 10 его соратников, в том числе капитана 2-го ранга К. Туманова, капитана И. Оранжереева, гвардии капитана Г. Бенуа, капитана В. Лобанова и других, в котором говорилось: «Накануне съезда представителей Зарубежной Руси осмеливаемся вновь принести Вам изъявление нашей глубокой уверенности, что только под Вашим руководством Россия вернет себе былую славу и мощь, навсегда стяжнув иго интернационала и избавившись от векового гнета соперничествующих народов. Вам, Ваше Императорское Высочество, как истинному выразителю чаяний русского народа, всецело вверяем мы наши голоса, готовые по слову Вашему явиться, как предки наши в былое время, людными, конными и оружными, на защиту Родины»⁵².

Свою поддержку вел. кн. Николаю Николаевичу и его усилиям по консолидации эмиграции высказал в Коста-Рике П. Гордиенко, в прошлом участник Гражданской

войны, доброволец-вольноопределившийся 7-го гусарского Белорусского императора Александра I полка, прибывший в эту страну в 1928 г. (его потомки живут там и сегодня). Гордиенко женился на дочери одного кофейного плантатора, после чего сам стал управляющим на плантации вблизи столицы Сан-Хосе. Как сообщал Гордиенко в письмах кн. Оболенскому в Париж, в Коста-Рике он встретил нескольких русских, революционно настроенных, что сразу исключило какой-либо его контакт с ними. В соседней Панамской республике также проживали русские, занимавшиеся большей частью коммерцией, и несколько человек служили в американских воинских частях по охране Панамского канала. Кроме того, «по слухам», как писал Гордиенко, в армии генерала Сандино в Никарагуа, который вел борьбу против США, также были русские⁵³.

Сам Гордиенко занимал в те годы активную антисоветскую позицию, являясь членом Русского общества друзей международной Лиги борьбы с большевизмом или Лиги Обера (по имени ее руководителя адвоката Т. Обера), которая имела свои центры во многих странах, включая некоторые государства Южной Америки. Быстро научившись объясняться по-испански, Гордиенко активно сотрудничал с местной прессой, помещая на ее страницах «разоблачительные» статьи о работе советского правительства. Одновременно по мере своих возможностей откликаясь на просьбы вел. кн. Николая Николаевича, Гордиенко принимал участие в конце 1920-х гг. в сборе средств для Особой казны. Хотя суммы были достаточно скромными (от одного до нескольких долларов), тем не менее, как видно из переписки Гордиенко с кн. Оболенским, в тех условиях и это рассматривалось как значительный вклад в общее дело «спасения Родины». При этом именно к Гордиенко в письме от 14 июля 1928 г. Оболенский обращался с предложением «завязать связь с русскими в Панаме и Никарагуа, привлекши их к сборам в Особую казну», отправив одновременно сюда несколько обращений, составленных по указанию вел. кн. Николая Николаевича для оживления сборов⁵⁴. Таким образом, монархические идеи продолжали жить и какое-то время питать политическую мысль русского военного зарубежья в странах латиноамериканского рассеяния, хотя программные и организационные задачи, которые ставились его лидерами, были решены к концу 1920-х гг. лишь частично.

Еще одним течением, которое нашло своих сторонников в странах Латинской Америки, стал русский фашизм. Первые организации фашистского толка в эмигрантской среде появились уже во второй половине 1920-х гг., вслед за организационным оформлением фашистского движения в Харбине в 1925 г. и созданием здесь Русской фашистской организации (РФО). Первая фашистская группа была создана в Аргентине Г.Ф. Башировым (сыном известного саратовского хлебного миллионера), который стал одновременно издателем и редактором газеты «Русь», и Воронцовым-Веньяминовым. Еще одна группа была создана В.В. Шапкиным, бывшим министром Донского правительства, полковником армии генерала П.Н. Краснова. В некоторых странах Латинской Америки, куда расселились казаки, имелись ячейки партии «Рабоче-крестьянская казачья оппозиция», или «Русские фашисты», которая была создана в конце 1926 – начале 1927 г. в Харбине кубанским казаком П.С. Ковганом с «целью свержения узурпаторов жида-коммунистов, поработивших Россию и русский народ», и «восстановления полного народоправства и самоопределения народов».

В 1930-х гг., как известно, многие правые в среде русского воинства начали высказывать свои симпатии Германии, с которой связывали надежды на освобождение России. Сторонниками фашистской идеологии в странах Латинской Америки помимо русских офицеров выступала некоторая часть рабочих, а также часть бывших солдат Добровольческой армии, которым обещались земли в кубанских степях, когда фашисты Германии помогут освободить Россию от засилья большевизма.

После образования Русской фашистской партии (РФП) К.В. Родзаевского в 1931 г. ее отделения появились в ряде латиноамериканских стран с характерной для этой организации структурой, включавшей в себя фашистские ячейки, которые объединялись в более крупные подразделения, называемые «очаги» или отделы. После раскола в РФП

и образования Родзаевским Российского фашистского союза его отделы и ячейки были созданы в Бразилии, Аргентине, Парагвае и Чили⁵⁵. В те годы в Бразилии, в Сан-Пауло, выходили профашистские издания, в частности, газета «Призыв» (редактор В.Н. Антипин), «Младороссское слово» (редактор Ю. Рюминский). В июле 1937 г. Родзаевский с оптимизмом писал: «Харбинский “Наш путь”, парижский “Сигнал”... нью-йоркская “Россия”, бразильский “Призыв” понимают друг друга с полуслова и, не сговариваясь, ведут одну и ту же генеральную линию. Это значит, что единый Национальный фронт живых сил эмиграции образовался сам собой, и осталось его оформить надлежащими организационными рамками»⁵⁶.

Новый толчок русскому фашистскому движению в странах Латинской Америки был дан созданием в 1933 г. в США Всероссийской фашистской организации (ВФО) во главе с Н.А. Вонсяцким. Объявив своим вождем Вонсяцкого, Бразильский сектор ВФО при этом сохранил в своей идеологии антисемитскую и антимасонскую риторику, более свойственную для дальневосточной ветви русского фашизма. Начальником Бразильского сектора ВФО, насчитывавшего не более 100 человек, стал Н. Дахов, начальником штаба полковник А.В. Кушелевский. Во главе Казачьего отдела сектора стоял генерал-майор И.Д. Павличенко. Бразильский сектор ВФО делился на группы, руководителем одной из которых в Рио-де-Жанейро был полковник кн. Л.С. Святополк-Мирский. В число активистов фашистского движения в Бразилии входил Е.М. Нагаец (войсковой старшина собственного Ее Величества конвоя, последний адъютант вдовствующей императрицы Марии Федоровны). «Очаги» Бразильского отдела ВФО были созданы также в Аргентине и Уругвае⁵⁷. Хотя связь с вождем очень быстро прервалась, Н. Дахов и его соратники прилагали максимум усилий для развития русского фашистского движения в Южной Америке. 1 апреля 1934 г. в Сан-Пауло состоялось первое публичное заседание (в некоторых материалах именуемое съездом) Бразильского сектора ВФО, участниками которого были преимущественно бывшие военные. Решением съезда устанавливалась специальная форма русских фашистов и был принят образец фашистского знамени, которое шилось из бело-сине-красного шелка в виде русского национального флага. В верхней правой стороне у древка знамени располагался вышитый шелком и золотом двуглавый орел с трехцветной свастикой на груди. На другой стороне знамени был вышит восьмиконечный православный крест⁵⁸.

Пропаганда фашистских идей осуществлялась через печатные издания, в частности через «Русскую газету» (редактором и издателем которой являлся Дахов), а также через журнал «Вестник», издание местного отделения кавалерии и конной артиллерии РОВС, большинство членов которого симпатизировали фашистской идеологии. Активизация деятельности по распространению фашистских идей среди эмигрантов в странах Латинской Америки предполагала также устройство постоянного штаба, читален. Появилась специальная должность начальника отдела политической пропаганды штаба Бразильского сектора ВФО. Им стал авангардист В.Г. Томашинский, еще один из основателей русского фашизма в этой стране. Однако лишенное национальной почвы, это движение в странах континента, как и в среде Русского зарубежья в целом, не получило широкой поддержки. Национал-патриотическая пропаганда и антисемитизм не способствовали их популярности в среде русской диаспоры, хотя само существование русского фашизма предопределило политический раскол эмиграции в странах Латинской Америки в годы Второй мировой войны и стало одной из причин противостояния в ее рядах в послевоенный период.

Помимо политических организаций в странах латиноамериканского рассеяния продолжили свою деятельность русские благотворительные организации. Среди них выделялись в первую очередь аргентинское отделение Русского общества Красного Креста (старой организации), уполномоченным которого выступал протопресвитер Константин Изразцов, Общество инвалидов Первой мировой войны. Среди профессиональных организаций представителей так называемой техноэлиты, действовавших в отдельных странах Латинской Америки, были известны такие объединения, как «Русское техническо-промышленное общество» и «Союз дипломированных инженеров» в

Бразилии; «Союз русских инженеров» и «Общество взаимопомощи для инженеров и техников» в Аргентине, «Техническое общество» в Парагвае и др.

Несмотря на наметившуюся в 1930-х гг. частичную интеграцию с латиноамериканским обществом и адаптацию к новым условиям, русская диаспора послереволюционной волны не допустила в своих рядах ассимиляции и сохранила еще на многие годы основные этнические признаки – язык, религиозные верования, национальное самосознание. Наряду с Русской Православной Церковью и различными институциональными структурами, многое для объединения русских в Южной Америке было сделано русской печатью, помогавшей эмигрантам сохранять язык и родную культуру.

Первая русская газета «Слово» появилась в Аргентине еще в 1904 г. После 1917 г. в Буэнос-Айресе продолжала выходить еженедельная прогрессивная экономическая газета «Новый мир», основанная в 1912 г. писателем и общественным деятелем А.Я. Павловским. После 1917 г. в странах латиноамериканского рассеяния выходило значительное количество различных по политической направленности периодических изданий. В их числе газета «Русский в Аргентине» (основана в 1929 г., редактор инженер Г.М. Киселеский; издатель – С.И. Стапран); «Русская газета» (редактор О. Ломоть).

Свой печатный орган газету «Голос труда» имела в 1918–1930 гг. Федерация русских рабочих организаций в Южной Америке. В 1923 г. по инициативе Н. Чоловского в Буэнос-Айресе начала издаваться первая антикоммунистическая газета на испанском языке «Rusia Trágica» («Трагическая Россия»), хотя вышло всего 4 номера тиражом 5 тыс. экземпляров. В 1932 г. Чоловский начал издавать журнал «Сеятель», который с некоторыми перерывами продолжал выходить еще в течение 50 лет, вплоть до конца 1980-х гг. Сам журнал по-разному был встречен русской эмиграцией: левые считали Чоловского белогвардейцем, белым эмигрантам он казался революционно настроенным автором, тем более что Чоловский начал кампанию по сбору средств для Н. Махно, голодающего в Париже. Чоловский находился в переписке с известным народным просветителем Н.А. Рубакиным, проживавшим в то время в Швейцарии, который помогал издателю советами, присыпал книги для распространения среди эмигрантов (от учебников по математике и физике до произведений русской и зарубежной художественной литературы). Журнал выполнял важную культурно-просветительную функцию, публикуя на своих страницах материалы о Л. Толстом, Т. Шевченко, С. Есенине, академике И. Павлове и др., но одновременно на его страницах появлялись рассказы о народовольцах, русских анархистах, которых Чоловский считал борцами за благо народа, публиковались критические статьи о политических событиях в Советской России, связанных с террором, голодом. В 1939 г. Чоловский опубликовал известное письмо И.В. Сталину Ф. Раскольникова, сам с осуждением высказался о пакте Молотова–Риббентропа. Став в результате ярым антикоммунистом, после Второй мировой войны Чоловский активно выступал против депатриации соотечественников в СССР (готовил плакаты, распространял листовки в порту среди уезжающих с призывом одуматься)⁵⁹.

Русское печатное слово в Бразилии появилось позже, чем в Аргентине. Одним из инициаторов издания первой газеты стал бывший офицер-врангелевец С.К. Успенский, предложивший летом 1926 г. бразильской газете «Фолья да Манья» открыть раздел на русском языке. Первая статья на русском языке «Пять лет», посвященная годовщине массового приезда врангелевцев в Бразилию, появилась в июле 1926 г. Русский отдел существовал полтора года, пока в декабре 1927 г. другой бывший врангелевец начальник Бразильского сектора ВФО Дахов, знакомый Успенского, не предложил ему издавать вместе «Русскую газету». Свое, хотя и нерегулярное издание, в 1930-х гг. имели младороссы – газету «Младороссское слово» (редактор Рюминский). Одной из первых русских газет в Монтевидео (Уругвай) была газета «Свободная Россия» (основана в 1919 г.). Здесь издавались также газеты «На чужбине» (1932 г., редактор С.Н. Попов), «Славянин» (1934–1935 гг.), которые, однако, были недолговечными⁶⁰.

Особенность первой волны русской эмиграции в страны Латинской Америки была обусловлена своеобразием социально-экономического и географического положения

этих стран, отсутствием дипломатических отношений большинства из них с Советской Россией на протяжении всего рассматриваемого периода, а также численностью и составом, некоей «периферийностью» положения русской эмиграции относительно основных центров Российского зарубежья. Тем не менее по уровню образования и культуры, политических и корпоративных связей этот состав русской эмиграции заметно превосходил уже сложившуюся к тому времени на континенте российскую дерево-люционную (главным образом трудовую) эмиграцию, благодаря чему складывались предпосылки для создания культурно-просветительных, общественно-политических, профессиональных организаций в странах латиноамериканского рассеяния, сохранявших основные этнические признаки – язык и национальное самосознание, лежащие в основе такого понятия, как «Русский мир».

Примечания

¹ Совет по расселению русских беженцев: Материалы по эмиграции (Бразилия, Аргентина, Канада). Вып. 1. Константинополь, 1921. С. 24.

² Там же. С. 24–25.

³ Бюллетень Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. 15 мая 1921 г. № 3–4, л. 48–49.

⁴ Бочарова З.С. «Не принявший иного подданства»: Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. С. 122.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ ГА РФ, ф. 6094, оп. 1, д. 108, л. 4.

⁷ Лихоманов И.Ф. Мои воспоминания (Библиотека – фонд Русского зарубежья (далее – БФРЗ), ф. 1, оп. 1, д. М-237, кн. 5, с. 1627–1628).

⁸ Совет по расселению русских беженцев... С. 1618.

⁹ БФРЗ, ф. 1, оп. 1, д. М-237, кн. 5, с. 1641.

¹⁰ Там же, с. 1769.

¹¹ Там же, с. 1972.

¹² Там же, с. 1659.

¹³ Буэнос-Айрес – Асунсьон: 1935 г. Буэнос-Айрес, 1935. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 30.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Мартынов Б. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006. С. 99.

¹⁸ ГА РФ, ф. 6094, оп. 1, д. 96, л. 9.

¹⁹ Там же, л. 17.

²⁰ Каратеев М. По следам конкистадоров: История группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. М., 1991. С. 9.

²¹ Иллюстрированная Россия (Париж). 1935. 22 июня.

²² Каратеев М. Указ. соч. С. 46.

²³ Там же. С. 233.

²⁴ Хисамутдинов А.А. В Новом Свете, или История русской диаспоры на Тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток, 2003. С. 143–144.

²⁵ АВП РФ, ф. 0133, оп. 15, п. 105, д. 10, л. 16.

²⁶ ГА РФ, ф. 6532, оп. 1, д. 2, л. 36.

²⁷ Там же, л. 100 об.

²⁸ Будниций О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. М., 2008. С. 38.

²⁹ Там же. С. 142, 144.

³⁰ Там же. С. 244.

³¹ БФРЗ, ф. 2, оп. 1, карт. № 6, д. 67, л. 9–10 об.

³² ГА РФ, ф. 5680, оп. 1, д. 114, л. 17.

³³ Черненко А.М. Российская революционная эмиграция в Америке (конец XIX в. – 1917 г.). Киев, 1983. С. 122.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-5806, оп. 1, д. 7, л. 9.

³⁵ Там же, л. 9.

³⁶ Там же, л. 9 об.

³⁷ Там же, л. 7.

³⁸ *Окороков А.В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации 1920–1990 гг. Справочник.* М., 2003. С. 122.

³⁹ Там же. С. 106, 123.

⁴⁰ *Голдин В.И. Русское военное зарубежье в XX веке.* Архангельск, 2007. С. 58.

⁴¹ Там же. С. 55.

⁴² *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия.* М., 2009. С. 124.

⁴³ БФРЗ, ф. 2, оп. 1, карт. № 9, д. 68, л. 1.

⁴⁴ Там же, л. 5 об.

⁴⁵ Там же, карт. № 3, д. 25, л. 1, 4.

⁴⁶ Там же, карт. № 6, д. 67, л. 11–13, 15.

⁴⁷ Там же, карт. № 9, д. 69, л. 7–10 об.

⁴⁸ Там же, л. 6.

⁴⁹ Там же, д. 68, л. 13.

⁵⁰ Там же, л. 13.

⁵¹ Там же, л. 9.

⁵² Там же, карт. № 2, д. 49, л. 67.

⁵³ Там же, карт. № 6, д. 37, л. 5 об.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Окороков А.В. Указ. соч.* С. 91.

⁵⁶ *Назаров М. Миссия русской эмиграции.* Изд. 2. Т. 1. М., 1994. С. 263.

⁵⁷ *Окороков А.В. Указ. соч.* С. 14–15.

⁵⁸ *Всероссийская Фашистская организация. Бразильский сектор: Второе публичное заседание русских фашистов.* Сан-Пауло, 22 апреля 1934 г. Сан-Пауло, 1934.

⁵⁹ Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург, 2005. С. 190–192.

⁶⁰ *Хисамутдинов А.А. Указ. соч.* С. 147.

© 2010 г. А. А. ПРОНИН *

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1980–2005 годов

Термином «российская эмиграция» в данной статье обозначаются все оставившие страну граждане (поданные) Российского государства в разные периоды его истории (Российская империя, РСФСР, СССР, Российская Федерация), уехавшие за рубеж на постоянное жительство либо оказавшиеся за пределами Родины на более или менее длительный срок. Под понятием «российское зарубежье» мы подразумеваем всю сферу, связанную с деятельностью и пребыванием наших соотечественников за рубежом. Таким образом, этот термин предполагает изучение не только миграционных процессов, что позволяет существенно расширить рамки темы. В ходе работы были выявлены названия и выходные данные авторефератов диссертаций по теме «российская эмиграция», увидевших свет на территории РСФСР/России с 1980 по 2005 г. При этом авторефераты, опубликованные по данной теме в 1980–1991 гг. на территории других союзных республик, не учитывались. Поиск осуществлялся по издаваемой Всесоюзной (Российской) книжной палатой серии государственных библиографических указателей «Книжная летопись. Дополнительный выпуск. Авторефераты диссертаций» (1981–1992) и «Летопись авторефератов диссертаций» (1993–2005; 2006, № 1–4)».

* Пронин Александр Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Всего в «Летописях» было выявлено 903 автореферата по данной теме, вышедших в указанный период¹. При этом в 1980–1991 гг., т.е. до распада СССР, появилось лишь 85 работ (9.4% от общего числа). Интенсивность исследований эмиграции резко возросла во второй половине 1990-х гг. Общее число диссертаций по теме составило по годам: в 1992 г. – 5, 1993 – 12, 1994 – 17, 1995 – 36, 1996 – 46, 1997 – 43, 1998 – 50, 1999 – 62, 2000 – 82, 2001 – 90, 2002 – 86, 2003 – 88, 2004 – 93, 2005 – 108 исследований. Растет и число областей науки, в рамках которых ведутся исследования: если в 1980–1991 гг. защиты прошли по 6 отраслям науки, то в 1992–2005 гг. – по 13. За это время сменились исследовательские приоритеты, обогатился логико-методический арсенал, усилился междисциплинарный характер исследований. От истории политической исследователи перешли к истории культурной и социальной. Доминантой исследований стал анализ жизни и творчества отдельных эмигрантов, людей разных, по своему «историческому масштабу». Из 903 диссертаций 667 (73.9%) посвящены жизни и творчеству отдельных лиц.

В настоящей статье я проанализирую в основном тематику тех 236 диссертаций, что не содержат в своих заголовках имена эмигрантов. Авторы лишь 19 из них (8%) определяют хронологические рамки исследований периодом до революции 1917 г. Большинство же диссертантов выбрали объектом изучения первый послереволюционный поток эмигрантов, ограничив свои работы рамками 1917–1939 гг. Заголовки 109 из 236 (46.2%) диссертаций, в которых не идет речь о жизни и творчестве отдельных эмигрантов, содержат даты или понятия, однозначно указывающие на то, что объектом исследования в этих работах является эмиграция первой постреволюционной волны. Из 667 работ, посвященных жизни и творчеству отдельных эмигрантов, 595 относятся к тому же периоду.

Как известно, значительную часть эмиграции первой волны составили военные, потерпевшие поражение от Красной армии и ушедшие за границу или эвакуированные морем. Как следствие, тема российского военно-политического зарубежья раскрывается в немалом числе диссертаций, посвященных различным аспектам его истории: эмигрантским воинским организациям (М.С. Соловьев, В.Г. Чичерюкин, Я.В. Шабанов), отдельным военачальникам и их деятельности в эмиграции – Е.К. Миллеру (О.В. Войнаровский), Н.Н. Юденичу (А.Ф. Медвецкий), военному образованию в зарубежной России (А.М. Бегидов) и его составной части – воспитанию патриотов (Ю.Н. Черных), военной периодической печати эмиграции (И.С. Шинкарук). Особый интерес представляет показ краха всех попыток верхов военной эмиграции организовать массовое движение эмигрантов на стороне нацистской Германии в 1939–1945 гг., реанимировать «белую идею» и под ее знаменем вернуться в Россию (В.Ф. Ершов). Возможность полнее, объективнее показать место и роль казачества в противоборстве сил антигитлеровской коалиции и германского фашизма в годы Второй мировой войны открывает начавшееся в 2000-х гг. изучение идеологии и политики коллаборационизма в среде казачества (А.Л. Худобородов).

Отражением общей картины насилия, практикуемой советской властью по отношению ко всем несогласным с ее политикой, стала высылка интеллигенции в 1922 г. В год 80-летия этой акции была подготовлена диссертация И.И. Маториной². Многие деятели культуры «серебряного века», поняв, что в новых условиях русские культурные традиции будут либо растоптаны, либо поставлены под контроль новой власти, и, ценя свободу творчества превыше всего, избрали удел эмигрантов сами.

Этнокультурной ассимиляции российской национальной элиты за рубежом не произошло. Более того, в культурном ареале прежде всего Западной Европы возник достаточно могучий духовный очаг русской жизни. Его представители видели свою миссию в том, чтобы сохранить творческий потенциал России, неотъемлемой частью которой они себя считали, от большевистской «эрозии». Задача сохранения национального самосознания, отечественного культурного наследия стала лейтмотивом деятельности российской эмиграции (работы С.Б. Дельвина, Л.И. Еременко, Э.В. Скворцовой). Язык – главная черта, определяющая единство нации. Понятно поэтому внимание

исследователей не только к литературному творчеству отдельных деятелей русского зарубежья, но и в целом к бытийствованию прозы и поэзии русской диаспоры как процессу (О.Р. Демидова, А.А. Ионина, Н.Н. Никитина, Е.В. Тихомирова), к русской зарубежной пушкинистике (Т.В. Кондратьева), к языковому сознанию эмигрантов (М.В. Лапшинов). Наследником и хранителем опыта великого русского театра «серебряного века» стал театр российского зарубежья. В инокультурном и иноязычном пространстве, без признанных лидеров и авторитетов особенно трудно было театру драматическому. Театру русского зарубежья и истории российской артистической эмиграции посвящено несколько диссертаций историков и искусствоведов (В.В. Иванов, М.Г. Литаврина, О.И. Марап, М.В. Филиппова). О русском кинематографическом зарубежье 1918–1939 гг. написана докторская диссертация Н.И. Нусиновой в 2004 г.³ Наследие художников-эмигрантов разных веков рассматривается в контексте развития отечественного искусства (Е.В. Каштанова, А.В. Толстой, М.В. Филиппова).

Крутый поворот российской истории, произошедший в 1991 г., усилил внимание к проблемам исторического развития Российского государства, и, вероятно, поисками российского пути можно объяснить то, что среди известных нам диссертаций особенно велико число тех, что обращены к теориям, идеям, раздумьям российских эмигрантов первой волны о судьбах своей Родины. Объектом 5 постсоветских диссертационных исследований стали взгляды представителей общественно-политической мысли российского зарубежья на общественные отношения, складывавшиеся в России после революции 1917 г. (Ж.В. Галич, М.К. Ковалевич, Л.Н. Лисенкова, Н.А. Омельченко, Э.Г. Соловьев). В одной из работ анализируются представления российского зарубежья о политической роли Красной армии в Советской России начала 1920-х гг. (А.М. Кабаков)⁴.

С введением в Советской России новой экономической политики в среде эмигрантской интеллигенции возникло идеино-политическое и общественное движение, которое получило название «сменовеховство» (от сборника «Смена вех», вышедшего в Праге в июле 1921 г.). Идеологи сменовеховства надеялись на перерождение советской власти, призывали интеллигенцию к объединению с новой буржуазией и сотрудничеству с властью. По этой причине в советской историографии сменовеховство оценивалось как кризис белой эмиграции (А.В. Квакин)⁵. Этому течению посвящено 4 диссертации, 3 из которых подготовлены в 1996–2004 гг. (А.В. Байлов, С.В. Горячая, О.Д. Натсак). Еще в 4 работах 1995–2005 гг. исследуются оценки эмигрантами первой послеоктябрьской волны нэпа и большевистской модернизации, представленные, в частности, на страницах социалистической и либеральной эмигрантской печати (Е.В. Веретенникова, М.Б. Маглова, К.Г. Малыхин, М.С. Федорова).

Эмиграция, весь смысл существования которой заключался в надежде на возвращение на Родину, не могла оставаться в стороне от тех проблем, с которыми столкнулся мир в XX в. и от решения которых не в последнюю очередь зависела и судьба России. Вынужденное изгнание из России способствовало выходу на первый план в большинстве программ политических партий и движений понятия «патриотизм». Анализ связанных с ним проблем в представлениях и настроениях российских эмигрантов в 1920–1930-х гг. предпринял ряд ученых (З.С. Бочарова, О.Ю. Олейник, Б.Ю. Тарасов). Одновременно изучается национальная идентификация российских эмигрантов (В.Н. Бадмаев), проблема национального характера в философии российского зарубежья (Т.В. Тучкова), роль национальной идеи в развитии русской культуры за рубежом в довоенный период (М.И. Косорукова).

Однако обеспокоенность судьбой Родины была не единственным фактором политического размежевания в среде российской эмиграции в предвоенный период. Другим важным вопросом стало отношение к фашизму (Я.В. Шабанов)⁶. С началом Второй мировой войны особенно остро в эмиграции встал вопрос об отношении к участию в войне против Советского Союза (диссертации Ю.Н. Исаева, Е.Г. Кривошеевой). О так называемых пореволюционных организациях российского зарубежья (фашистских, национал-социалистических, национал-революционных, «национал-максималистах»,

«российских солидаристах», «младороссах» и ряде других) – писала С.В. Онегина⁷. Идеи монархии в политической мысли российского зарубежья и программе монархического течения в российской эмиграции посвящены 3 диссертации 1999–2005 гг.: по истории (Н.В. Антоненко), политологии (А.Н. Варакса) и юриспруденции (С.И. Атмачев).

Деятельность партий, движений и их лидеров, политическая и идеяная борьба в эмигрантской среде изучаются с 1980-х гг. В советские годы историкам была интересна российская политическая эмиграция 1880–1890-х гг. (Р.А. Дайирбекова), антисоветские планы деятелей российского политического зарубежья 1917–1939 гг. Была предложена классификация эмигрантских организаций, активно боровшихся с советской властью, показаны причины, по которым эта борьба не принесла успеха (исследования Г.Ф. Барихновского, Л.К. Шкаренкова⁸). Эти вопросы не остаются без внимания исследователей и сегодня (исследования С.Н. Пучкова, К.А. Чистякова о политическом активизме в российском зарубежье).

В 1990-х гг. исследователи писали о политической деятельности в эмиграции кадетов (Л.И. Глебова, А.И. Сперкач) и эсеров (И.В. Чубыкин), идеяной борьбе по вопросам политического объединения русского зарубежья (А.В. Суптело). В 2000-х гг. их внимание привлекли российская либерально-конституционалистская эмиграция 1840–1860-х гг. (Л.Ю. Гусман), информационная среда политической коммуникации российской эмиграции первой волны (А.В. Клюева), а также молодежные движения и организации российского зарубежья 1920–1930-х гг. (А.В. Окороков, М.А. Сурайкин), профессиональные объединения российских юристов в эмиграции (М.Г. Гришунькина). Осуществляемые в России экономические преобразования породили интерес к истории российской торгово-промышленной эмиграции и предпринимательства в российском зарубежье (О.А. Грибенчикова, Д.М. Серегина), изучению основных течений экономической мысли российской эмиграции первой волны (Г.В. Нинциева, М.Х. Пшеунов, Е.А. Тейхрева), включая разработку мыслителями российского зарубежья аграрного и крестьянского вопросов (М.З. Черниговский, З.Х. Шеожева). Исследователям интересны и социально-философские концепции мыслителей русского зарубежья (Л.Н. Горбунова), предложенная эмигрантами философия русской истории (В.В. Аверьянов, О.Д. Волкогонова) и их взгляд на проблему взаимосвязи истории и политического идеала (О.В. Дашкевич). Но особенно велико число работ, обращенных к такому пореволюционному течению эмигрантской общественной мысли, как евразийство – идеократическому geopolитическому и социально-философскому учению и интеллектуальному движению, оформленвшемуся в 1921 г. и до сих пор сохраняющему идеино-политический потенциал (А.В. Антощенко, Бе Гю Сонг, А.В. Белошапко, И.В. Вилента, Г.Б. Гавриш, М.А. Гавриш, А.И. Гарлик, А.Т. Горяев, З.О. Губбьеева, С.В. Игнатова, В.В. Исламов, Г.С. Келлер, В.Н. Ким, Т.И. Коптелова, Е.Г. Кривошеева, С.В. Кулагин, Э.Р. Кутыева, К.В. Пищун, А.В. Самохин, А.П. Смоленинов, С.М. Соколов, Р.А. Урханова, В.В. Хобта, А.Б. Шатилов, О.Н. Шумакова, А.А. Щерба).

В последние годы появились первые в отечественной историографии обобщающие исследования российской эмиграции 1917–1939 гг., где она рассматривается как единый масштабный социальный феномен, в сравнительном контексте других эмиграций – как развивавшихся параллельно с ней по времени (немецкой, испанской, итальянской), так и существовавших в истории разных стран в периоды крупных социальных потрясений (английской, французской, армянской); при этом сравнительно изучается положение всех диаспор российской эмиграции в разных регионах мира (Европы, Азии, Северной и Южной Америки), раскрывается динамика положения и функционирования русской эмиграции в процессе ее формирования, развития и угасания (И.В. Сабенникова)⁹.

Появились также источниковедческие исследования, обращенные к материалам личного происхождения, на основании которых можно изучить отдельные вопросы истории эмиграции первой волны (Э.Е. Абдрашитов); мемуаристике и ее жанровым модификациям (литературным портретам, автобиографиям) выдающихся деятелей литературы российского зарубежья первой волны (Е.Л. Кириллова), их переписке, об-

щественно-политическим и литературно-публицистическим беседам (В.А. Гуськов); историю формирования и складывания на протяжении второй половины XIX–XX вв. комплекса материалов российской эмиграции в архивах Москвы, вопросам выявления, комплектования, описания и использования материалов эмиграции в их историческом развитии (А.В. Попов); наконец, библиографические работы (А.П. Ивкина)¹⁰.

Не менее интересным может оказаться и изучение других волн эмиграции, например второй послеоктябрьской. Среди известных нам диссертаций есть исторические работы и о вывезенных на принудительные работы в Германию жителях оккупированных земель (В.М. Щуплецов); и о депатриации мигрантов военных лет в 1944–1949 гг. (И.В. Говоров); и о военнопленных, захваченных германскими войсками в годы войны с СССР (Н.П. Дембицкий); и о гражданах, воспользовавшихся немецкой оккупацией для бегства из СССР (Б.М. Горелик, В.Е. Колупаев); и о бойцах Российской освободительной армии (И.Г. Ермолов, Е.Г. Кривошеева, А.А. Червякова). Причем если насильственный угон мирного населения с оккупированных территорий СССР для принудительного труда в фашистской Германии освещался в начале 1980-х гг., то табу на изучение вопроса о советских военнопленных было снято лишь во второй половине 1990-х гг., а исследование советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР, в том числе власовского движения, стало возможным только в 2000-х гг.

Особенности второй волны российской эмиграции, ее ценностные ориентации и психологические установки частично раскрываются в одной из диссертаций по специальности психология¹¹. Филологами были защищены диссертации о творчестве двух представителей второй волны: поэта И.В. Чиннова (И.И. Болычев, О.Е. Носова) и писателя Л.Д. Ржевского (Суражевского) (Н.Ю. Букарева). В 2005 г. появилась диссертация об издательской деятельности политических организаций российской эмиграции, в том числе и второй волны (П.Н. Базанов).

Не считая литературоведческих работ о творчестве В.П. Аксенова, И.А. Бродского, В.Н. Войновича, А.А. Галича, С.Д. Довлатова, В.Е. Максимова, В.П. Некрасова, Саши Соколова и А.И. Солженицына, собственно по истории третьей волны российской эмиграции на сегодняшний день в диссертациях затронут лишь вопрос о взаимоотношениях власти и диссидентов в 1950–1980-х гг.¹² В 1970-е гг. многих диссидентов власти стали принуждать к эмиграции, других лишили советского гражданства, пока они находились за границей в командировках или на лечении. С 1966 г. по 1988 г. за действия, «порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР», были лишены советского гражданства 175 человек.

Третья волна может оказаться весьма интересной темой для изучения, пока же значительно больше работ посвящено эмиграции современной (начавшейся в конце 1980-х гг.), которую принято считать экономической (трудовой). С вовлечением в международную миграцию населения стран Восточной Европы действительно можно говорить о ее глобальном характере. Эти процессы рассматриваются специалистами в области экономических наук (О.К. Дадаев, В.А. Ионцев, А.Н. Каменский), не остались в стороне от их осмысления и историки (Д.О. Куприн, А.Д. Назаров), юристы и социологи: имеются работы по международно-правовому (Н.Н. Зинченко), государственному (Е.В. Виноградова) и социальному регулированию (Е.Е. Немерюк) внешней миграции россиян, методологии ее экономико-демографического анализа (Я.В. Симчера), статистическому изучению внешнемиграционных процессов (А.Ю. Данышин), новым странам привлечения трудовых мигрантов из России (Я.А. Трухина). Психологами и экономистами исследуются социально-психологические особенности личности и мотивации потенциального эмигранта (А.М. Гуревич), эмиграционные намерения студентов крупных городов европейской части бывшего СССР (Л.И. Леденева). Состоянию и перспективам межгосударственной миграции научных кадров, проблеме «утечки мозгов» посвящены диссертации в области экономики (И.А. Малаха) и политологии (В.С. Аксенова). Анализу диаспор как фактору политических отношений и как

участнику системы международных связей, политике современных государств, включая Россию, в отношении зарубежных диаспор посвящены диссертации политологов Г.Э. Бубашвили и Т.В. Полосковой¹³.

Основные потоки российской эмиграции первой волны, которая оценивается как наиболее яркая по своему составу, пришли на Европу, и эта часть света остается наиболее изученным регионом исхода. В темах диссертаций присутствуют Германия, Италия, Франция, Болгария, Чехословакия, Югославия (Королевство сербов, хорватов и словенцев), Финляндия, Латвия, Эстония, а также понятия «русский Берлин», «русский Париж», «пражская колония». Однако география изучения российского зарубежья значительно расширилась за последние годы и сегодня включает в себя практически все обитаемые части света. Появились работы о выходцах из России в Израиле (Р.А. Галкина, А.М. Гуревич, Рисе Илан), Палестине (И.А. Воробьевая), Иордании (А.А. Ганич), Турции (Е.Ю. Басаргина, М.А. Ялхароева), а также в Корее (Чо Хон Хван). Наибольшее внимание исследователи российской эмиграции в Азии уделяют Китаю. В 1996–2005 гг. по этой теме были защищены 22 диссертации, причем 15 – в 2000-х гг.; 18 из них – по истории, 2 – по филологии, 1 – по культурологии и 1 диссертация – по педагогике. Изучаются не только эмиграция 1920–1950-х гг., но и деятельность в Китае Русской православной миссии (XVIII – начало XX вв.) (А.В. Ломанов, С.А. Шубина).

Ученым интересны причины эмиграции из восточных районов России в 1920–1930-х гг. и география рассеяния эмигрантов (Н.Н. Аблажей, Н.Е. Аблова, Е.Е. Аурилена, М.А. Павловская, У Нань Линь, Ю.Н. Ципкин), их этносословный состав (К.В. Фомин), политico-правовое положение в Северо-Восточном Китае (Н.В. Куликова), проблемы социальной адаптации и сохранения национальной идентичности (Т.В. Ревякина, С.В. Смирнов), культурная деятельность (Л.Ф. Говердовская, Н.В. Гончарова) и идейно-политическая борьба (М.Л. Дубаев, Г.И. Малышенко), проблематика и художественное своеобразие литературы российского зарубежья Дальнего Востока (О.А. Бузуев, Лю Хао), центры русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. (Т.В. Кузнецова) и книжные собрания российских эмигрантов и репатриантов из Китая в коллекциях стран Азиатско-Тихоокеанского региона (А.И. Букреев), специфика миграционного процесса россиян из Китая в Калифорнию в 1920–1950-х гг. (И.А. Батожок).

С 1980-х гг. учеными изучается и российское присутствие на североамериканском континенте, история так называемой Русской Америки – неофициальное название российских владений в XVIII–XIX вв. В диссертациях затронуты вопросы экономического развития Русской Америки в 1741–1821 гг. (В.В. Иванов), архитектуры русских поселений (А.В. Молодин), деятельность общин американцев русского происхождения на тихоокеанском побережье в 1867–1980-х гг. (А.А. Хисамутдинов), книгоиздание и сорбирование русскоязычных книг на территории США в конце XVIII в. – 1917 г. (Н.В. Вишнякова).

Исследователи помнят и о других причинах появления выходцев из России на территории США: крестьянской волне конца XIX – начала XX в., когда из бедных западных губерний Российской империи на заработки в Америку прибыли более 2 млн человек. Часть крестьян, накопив в Америке денег, вернулась домой, но многие после начала Первой мировой войны остались. За последние 25 лет было положено начало изучению предпосылок, причин и результатов российской иммиграции в США до войны (К.О. Битюков, Н.Л. Тудоряну), ее этнического состава (Е.В. Ананян), социально-экономических, общественно-политических и научных контактов русских в Америке в конце XIX в. (А.С. Соколов). Диссертационных исследований послеоктябрьских волн российской эмиграции в США за исключением немногих работ, посвященных жизни и творчеству отдельных представителей разных волн (Дж. Баланчину, В.В. Набокову, С.Г. Пушкину, С.В. Рахманинову, П.А. Сорокину – из числа первой волны, Л.Д. Ржевскому и И.В. Чиннову – из второй, В.П. Аксенову, И.А. Бродскому, С.Д. Довлатову, А.И. Солженицыну – из третьей) практически нет. О российской эмиграции в США после 1917 г. в целом была выявлена лишь диссертация Е.Ю. Васяниной¹⁴.

В настоящее время созданы предпосылки к изучению российской diáspоры в Латинской Америке (С.В. Подрез, М.А. Российский), историками в 1999–2005 гг. положено начало исследованию жизни россиян в Северной и Южной Африке с 1920 г. до наших дней (Б.М. Горелик, В.Е. Колупаев, В.И. Рябова). В 2005 г. появилась первая отечественная диссертация о российском зарубежье в Австралии (А.Н. Анцыпова). Ученые активно разрабатывают тему о современном положении россиян в республиках бывшего СССР. Особенно велико число трудов о Латвии и Эстонии (И.И. Гнедкова, Р.А. Иванова, А.В. Котов, Е.И. Роберова, А.В. Селиванов, И.А. Сухов). Современное положение русскоязычных в Прибалтике сравнивается с их положением в 1918–1939 гг. (Е.В. Калиниченко)¹⁵. Работ же о российских соотечественниках в Средней Азии и Закавказье пока немного (диссертация О.А. Савченко). Политике России в отношении соотечественников за рубежом, ее общегосударственному и региональным уровням посвящены 3 кандидатских диссертации в области политологии, защищенные в 2004–2005 гг. (Ю.А. Баранов, А.В. Селиванов, В.М. Скрипник). В целом, региональные проблемно-тематические исследования остаются важным направлением современного эмигрантоведения.

С 1991 г. специалистами различных отраслей науки изучается вопрос о переселении из СССР и России отдельных этнических и этносословных групп. Всего было выявлено 18 диссертаций, имеющих отношение к этой теме. Наиболее представительна историография эмиграции казачества до 1945 г. (6 диссертаций): О.О. Антроповым, Г.И. Малышенко, Е.Б. Парфеновой, О.В. Ратушняк, К.В. Фоминым, А.Л. Худобородовым прослежена география казачьей эмиграции, определена ее численность, выявлены центры казачьего зарубежья, разработаны проблемы взаимоотношений казаков-эмигрантов с государственной властью стран-«реципиентов», их адаптации к новым условиям жизни. Исследователи изучили вопрос об общественно-политических движениях казаков-эмигрантов, в то время как тема реэмиграции в начале 1920-х гг., ее политических и правовых основ, судеб реэмигрантов в Советской России раскрыта в меньшей степени.

Привлекает внимание ученых и эмиграция российских евреев (А.П. Дорман, Рисс Илан) и немцев (С.Л. Добринина, Н.С. Хрусталева) в последние несколько десятилетий. Л.Ф. Анн-Вилсон, С.Л. Добрининой, Л.В. Ключниковой – на примере ФРГ, Р.А. Галкиной – на примере Израиля показана специфика установления эмигрантами отношений с политической системой иностранных государств, их социально-экономической структурой и культурной средой, названы факторы, способствовавшие или препятствовавшие адаптационным процессам. Отечественные авторы изучают рассеяние и других народов России и СССР: армян (С.Г. Ананян), азербайджанцев (А.М. Караев), черкесов (А.А. Ганич), ингушей (М.А. Ялхароева) и татар (Г.Н. Хадиуллина). Ученые Украины, Белоруссии, Польши в настоящее время занимаются исследованием эмиграции соответственно украинцев, белорусов и поляков. Такое размежевание по национальным «квартарам» понятно и объяснимо, но крайняя скучность информации о результатах работ и отсутствие их координации не могут не вызывать сожаления.

Внимание к проблемам адаптации российских переселенцев – сравнительно новое направление в историографии российского зарубежья. Всего по этой проблеме было защищено 14 диссертаций (Л.Ф. Анн-Вилсон, Н.Е. Бакина, Р.А. Галкина, С.Л. Добринина, Л.В. Ключникова, Н.В. Куликова, Е.В. Назарова, Т.В. Ревякина, Ю.И. Руденцова, В.Л. Сарапас, С.В. Смирнов, Т.П. Тетеревлева, Н.С. Хрусталева). 3 из них появились в 1990-х гг., остальные – в 2000–2005 гг. 7 работ подготовлены по историческим наукам, 4 – по психологии, 1 – по социологии, 1 – по философии и 1 – по педагогике.

Одним из важнейших направлений историографии постсоветских лет стало обращение к истории Русской Православной Церкви, включая деятельность православных (духовных) миссий за рубежом, главным образом до 1917 г. (С.Г. Андреева, И.А. Воробьева, А.В. Ломанов, М.Г. Талалай, Чо Хон Хван, С.А. Шубина, О.А. Яровой). Особо отмечу комплексное рассмотрение проблемы эмиграции и вопросов веры, религии и церковности эмигрантской среды (А.Л. Гуревич) и работу по истории, появившейся в

результате церковного раскола 1920-х гг. Русской Православной Церкви за границей (А.В. Беляева)¹⁶.

Вопрос о едином культурно-образовательном пространстве в России и в среде российской эмиграции актуален сегодня не менее, чем после Октября 1917 г. Тенденция к всестороннему изучению российского зарубежья, наметившаяся в наши дни, проявилась в выделении проблем образования в эмиграции как масштабного объекта изучения историков и педагогов. Из 15 диссертаций по образованию и педагогической мысли российского зарубежья лишь 3 защищались в 1990-х гг., остальные – в 2000–2005 гг. (8 – по педагогике, 7 – по истории). Практически все они основаны на материалах первой послеоктябрьской волны (А.М. Бегидов, К.В. Бирюкова, М.Л. Геворкян, О.Н. Гулюкина, Н.Д. Зингер, Е.В. Кабанова, Н.А. Макеева, С.Н. Мурашева, Е.В. Петров, Е.С. Постников, Г.Н. Сафонова, А.В. Сурип, В.А. Сухачева, Ю.Н. Черных).

В стадии становления находится изучение издательского дела российского зарубежья. Так или иначе имеют отношение к этой проблеме 14 работ (П.Н. Базанов, А.И. Букреев, Н.В. Вишнякова, А.И. Горбунова, А.Г. Катаева, Л.Г. Кубанова, Т.В. Кузнецова, Н.В. Летаева, А.В. Лысенко, М.Б. Маглова, И.В. Пименова, А.И. Савченко, И.С. Шинкарук, Т.А. Яковлева). Они содержат информацию о важнейших литературных центрах, издательствах, периодических изданиях в основных регионах российского зарубежья, позволяют составить общее представление о масштабах и характере русской печати в ряде европейских стран, Китая и США в годы наиболее интенсивных миграций русских в эти регионы, сравнить развитие русской духовной культуры в России и зарубежье, понять роль и место русского издательского дела в процессе социокультурной адаптации эмигрантов. Положено начало анализу фондов российских и зарубежных библиотек и архивов, вовравших в себя издания русской зарубежной печати, их документацию. При этом музейные собрания до сегодняшнего дня практически не изучались.

Таким образом, в изучении российской эмиграции в разной степени сегодня представлены все эмиграционные волны, большинство этнических и этносословных групп, регионов рассеяния. Изучаются практически все разновидности эмиграции: политическая, экономическая, военная, религиозная, реэмиграция, депатриация. Вместе с тем плохо изучен феномен реэмиграции. В целом, задача воссоединения разрозненных частей культуры российской diáspоры с культурой метрополии, создания единой истории России, истории единой русской литературы, философии, искусства сохраняет свою актуальность.

Примечания

¹ Полный список см.: Российская эмиграция разных волн и регионов рассеяния в авторефератах диссертаций, изданных в РСФСР – России в 1980–2003 гг.: библиогр. указ. / Авт. сост. А.А. Пронин. Екатеринбург, 2006.

² Маторина И.И. Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2002.

³ Нусинова Н.И. Русское кинематографическое зарубежье (1918–1939) и проблема взаимоинтеграции культур. Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2004.

⁴ Кабаков А.М. Русское зарубежье о политической роли Красной армии в Советской России в 1921–1924 г.: источники формирования представлений и их эволюция. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005.

⁵ Квакин А.В. Нововеховство как кризис белой эмиграции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калинин, 1981.

⁶ Шабанов Я.В. Российское зарубежье и фашизм в Европе в 1920–1930-х гг.: По материалам Русского общевоинского союза. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁷ Онегина С.В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции 1925–1945 гг.: Варианты российской государственной доктрины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁸ Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции, 1921–1924. Л., 1978; Шкаренков Л.К. Белая эмиграция: эволюция и крах, 1917–1945 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982.

⁹ Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.

¹⁰ Попов А.В. Документы российской эмиграции в архивах Москвы. История формирования комплекса эмигрантских материалов: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998; Ивкина А.П. Библиография русского зарубежья. Первая волна послереволюционной эмиграции: история и современное состояние. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996.

¹¹ Хрусталева Н.С. Психология эмиграции: Социально-психологические и личностные проблемы. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.

¹² Королева Л.А. Власть и диссидентство: 1950–1980-е гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.

¹³ Бубашвили Г.Э. Политика современных государств в отношении зарубежных диаспор: На примере Греции и России. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук, М., 2000.

¹⁴ Васянина Е.Ю. Русская звучащая речь в США. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

¹⁵ Калиниченко Е.В. Положение русскоязычного населения в странах Прибалтики в межвоенный период (1918–1939 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

¹⁶ Гуревич А.Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции: по материалам истории Русского студенческого христианского движения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Беляева А.В. Русская Православная Церковь за границей (1919–1926 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998.

Статьи

© 2010 г. А. Н. САХАРОВ*

1809 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

1809 г. как для России, так и для Финляндии исполнен большого исторического смысла. После победы над Швецией и присоединения 6 финских провинций Россия продолжала формирование огромной многонациональной и поликонфессиональной империи. Под эгидой России финский народ сделал очередной шаг к формированию независимого суверенного финляндского государства. С точки зрения государственного развития оба эти процесса были совершенно асинхронны, и цивилизационная сущность их являлась совершенно различной, но общим для них было одно: становление российской и финской государственности, происходившее в тесном, порой драматическом переплетении судеб двух народов, началось в глубокой древности, прошло этап 1809 г. и устремилось далее в XIX–XX вв., когда взаимоотношения двух народов, двух государств (несмотря на распад СССР) стабилизировались и приобрели современные цивилизационные очертания.

Было бы совершенно неверно считать, что речь здесь может идти об исторически неравноправных взаимоотношениях двух сторон – России и Финляндии, когда большой народ, великая держава постепенно подчиняла себе малый народ, который являлся «буфером» между сильными борющимися сторонами – Россией и Швецией. Оба народа – и российский, и финляндский – проходили в истории свойственные только им одним пути национального и государственного самоопределения, постоянно взаимодействуя на этом пути друг с другом. Оба они являлись субъектами истории, испившими свою, причем порой весьма горькую, чашу, прежде чем вышли на дорогу необратимости создания собственной государственности. Происходило это в разное время, в различных исторических условиях, но это не меняет смысла событий.

Замечу: как Финляндия не сразу стала современным независимым, уважаемым в мировом сообществе государством, так и Россия на своем историческом пути пропедвала замысловатые превращения – пройдя этапы существования Древнерусского государства, становления удельных княжеств, установления вассальных отношений с победоносной Золотой Ордой, затем медленного и мучительного собирания своих земель под эгидой Москвы, создания с конца XV в. единого централизованного государства и, наконец, образования империи. Только к концу XX в. сформировалась конфигурация современной Российской Федерации. И на всех этих этапах либо рядом с Россией, либо в рамках России, либо вне России шло формирование государственности других сопредельных с ней народов. Некоторые народы обрели свою государственность рано, потом надолго утрачивали ее и вновь обретали. Другие создавали ее при поддержке России, третий – вопреки ей. Одновременно происходила эволюция самой России, ее государственности. Думаю, что только подобный цивилизационный подход правомерен при оценке такого события, как вхождение Финляндии в состав России в начале XIX в. и последующих на этой основе взаимоотношений двух народов и государств.

Одновременно с формированием государственности шло складывание гражданского общества – и в финских землях, и в России. Думаю, нет необходимости говорить о том, что эти процессы вовсе не идентичны и не синхронны, – как в Финляндии, так

* Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

Доклад, прочитанный в Парламенте Финляндии 15 сентября 2009 г.

и в России. Создав свою государственность на несколько веков позднее, чем русские, финны сумели намного опередить Россию в смысле развития гражданского общества. Этот феномен необходимо учитывать при оценке событий 1809–1811 гг.

Несколько слов об истории. Первые контакты между индоевропейцами и угро-финнами произошли в V–III тысячелетиях до н.э., когда клин индоевропейских вторжений прошел Восточноевропейскую равнину вплоть до Урала, отбросив на север и на юг и раздробив по ходу вторжений угро-финский мир. Археологические данные указывают на драматический характер борьбы за земли и воды между этими двумя ветвями человеческого рода¹. Позднее, под влиянием бурных перемен в индоевропейском мире, давления германцев и западных славян, миграционных процессов восточные славяне заняли те земли на Восточноевропейской равнине, которые и послужили основой для создания здесь восточнославянской государственности. На этом пути многочисленные восточные славяне стали этническим лидером на Востоке Европы, их племенные конфедерации еще до образования государства Русь вступали в разнообразные контакты с жившими рядом с ними угро-финскими племенами и балтами.

Уже на исходе I тысячелетия н.э. некоторые финские и балтские племена стали данниками славян. Позднее часть их превратилась в полноправных участников строительства древнерусской государственности. Достаточно вспомнить летописные сведения о призвании варягов не только ильменскими словенами, но и местными угро-финскими племенами и участии их в походе Олега на юг для захвата Киева². В этих космических для того времени событиях свое место нашли и угро-финские племена. Одна часть этих племен была в дальнейшем ассимилирована славянами, другая настойчиво стремилась сохранить свою независимость от наступающей Руси, отстоять свою самобытность.

Финнов не затронули процессы, связанные с созданием древнерусского государства. Тем не менее они стали жертвой экспансии двух соседних государств, которые в силу действия ряда исторических факторов опередили финские племена в отношении государственного развития. Финские племенные конфедерации – сумь на западе, емь на востоке – столкнулись как с агрессивными устремлениями шведских крестоносцев, так и с древней Русью, которая с помощью своей составной части – Новгородского княжества – активно расширяла владения в районе Восточной Прибалтики, побережья Финского залива, на Карельском перешейке и в землях финнов.

Северо-западное направление внешней политики Руси определилось сразу же с созданием единого восточнославянского государства. Русь боролась за обеспечение выхода к Балтийскому морю, за контроль над торговыми путями – знаменитым путем «из варяг в греки», торговой дорогой из восточной Прибалтики на Волгу, путями по Западной Двине к Балтийскому морю. Пальма первенства здесь надолго перешла в руки Великого Новгорода, который стремился распространить свое влияние на земли не только Восточной Прибалтики, но и земли, населенные финнами, а также регионы северного Урала и Зауралья. Земли чуди, перми, печеры, югры, карелов, вожан рано вошли в сферу интересов Новгорода: здесь появились его военные и торговые форпосты – Псков, Ладога, Изборск и другие.

По мере политического дробления древнерусского государства с середины XII в. дробились и его внешнеполитические ориентиры. Они никогда не исчезали полностью, просто Русь как бы делегировала свою прежнюю цельную внешнюю политику отдельным княжествам. Юго-западное направление взяли на себя Галицко-Волынская Русь и Киевское княжество, восточное и северо-восточное направление пришлось на долю Владимиро-Сузdalской Руси, а северо-западное по сложившейся исторической традиции досталось Великому Новгороду, за которым встали позднее Владимирские князья. Поэтому удельный период вовсе не означал свертывания прежних древнерусских внешнеполитических приоритетов. Напротив, они во многом упрочивались и совершенствовались с тем, чтобы уже в период появления Русского централизованного государства еще более окрепнуть и стать одним из направлений Московского царства, а затем Российской империи. Северо-западное направление не стало здесь исключением.

Новгородская господа действовала на северо-западе и севере с неослабевающими энергией и настойчивостью. Именно на этом пути Новгород столкнулся с другими крупными державами бассейна Балтийского моря – Швецией, Данией, Орденскими силами, Литвой. Не следует думать, как это было принято в советской историографии, что с самого начала Русь, а позднее Новгородское княжество, в этом регионе были «страдающей», «обороняющейся» стороной под натиском окрестных хищных противников. Русь была равноправным «партнером» в борьбе за здешние территории и «сферах влияния» и, более того, в силу своего выгодного географического положения, постоянных контактов (позднее через Новгородское и Полоцкое княжества) с местными иноязычными народами значительно раньше своих соседей проявила внешнеполитическую активность и попыталась овладеть всем восточнобалтийским побережьем и прилегающими к нему территориями.

Подчинение местных земель новгородскими князьями сопровождалось лишь усилением даннических отношений при сохранении здесь прежних родоплеменных порядков и традиционных языческих верований. Православный крест хотя и шел следом за завоеваниями, но не был категорическим императивом. Обращение в новую веру носило добровольный характер. Что касается шведской и немецкой администрации, то они стремились в ходе овладения землями в Восточной Прибалтике, а шведы еще и землями суми и еми, установить здесь жесткий военно-административный контроль, что в совокупности с действиями католического духовенства придавало обычной для региона экспансии извне резко агрессивный, насильтственный характер.

Итак, зарождался стереотип взаимоотношений финнов со своими более сильными соседями, которому было суждено дожить до 1809 г. История развивалась таким образом, что у финнов недоставало сил отстоять свою землю от более многочисленных, хорошо вооруженных и искушенных в боевых делах соседей. Но им вполне хватало умения, упорства, трудолюбия, таланта, чтобы в этих непростых условиях обустраивать свою небогатую землю, а главное – использовать все возможности лавирования между противниками, отстаивая свою национальную идентичность и собирая по крупицам ростки цивилизации.

К 1130-м гг. новгородцы не только подчинили себе земли чуди-эстов, сделали своими союзниками карелов, но и в ходе систематических походов своих дружины овладели значительными территориями севера и северо-запада Восточной Европы. Финская племенная конфедерация емь, заселявшая внутренние области южной Финляндии и район Центральных озер, была обложена данью. Емь неоднократно пыталась сбросить русское владычество, но походы новгородцев против непокорных восстанавливали прежнее положение³. С 1150-х гг. ситуация в этой части Европы начинает существенно меняться: прослеживается активная экспансия Швеции в Восточной Прибалтике, которая сразу же приобретает крестоносный характер. Шведы в течение десятилетий поэтапно, методично стремились подчинить себе сначала земли суми, юго-западную Финляндию, потом овладеть побережьем Эстонии, берегами Невы и Волхова, поставить под контроль торговые пути, которые вели из русских земель по Балтике в Северную и Центральную Европу.

Новгород пытался удержать завоеванные позиции. Ожесточенные столкновения шведов и новгородских дружины начались в 1160-х гг. В ответ на проникновение шведов в Финляндию новгородцы в союзе с карелами и вожанами наносят ответные удары. В 1164 г. новгородцы, за 70 с лишним лет до Невской битвы, опрокинули шведский десант, пытавшийся захватить Ладогу. В 1170-х гг. сражения продолжались. В это время емь, используя противоборство шведов и Новгорода, попыталась вернуть себе независимость. Русская летопись сообщает, что новгородцы восстановили *status quo*. Эти события стали прообразом последующих взаимоотношений в треугольнике Швеция–Финляндия–Россия. Опыт здесь накапливался веками. В 1187 г. русские и карелы нанесли удар по шведской территории – г. Сигтуне⁴. После этого инициатива вплоть до начала XIII в. переходит к Новгороду. Более того, новгородские дружины предприняли ряд походов в Западную Финляндию. На исходе XII в., в 1198 г., новго-

родская рать нанесла удар по шведским владениям в Финляндии: был захвачен и сожжен г. Або. Однако в начале XIII в. экспансия Новгорода на северо-западе стала застухать. Это объяснялось противоборством Новгорода с Владимиро-Суздальскими князьями.

Швеция сохранила свои владения в Финляндии, откуда и повела наступление на земли в Центральной Финляндии, Водскую и Ижорскую земли. Емь восприняла это как возможность, вновь используя борьбу шведов и русских, выйти из подчинения Новгорода, прекратила уплату дани. Это вызвало в 1224 г. масштабный зимний поход против финнов новгородской рати, которую возглавил отец Александра Невского Ярослав Всеволодович. Лаврентьевская летопись отмечает, что князь Ярослав «всю землю их (финнов. – А.С.) пленил»⁵. Это была первая «Зимняя война» России в финских землях. Но борьба продолжалась, причем приняла неожиданные формы: в 1237 г. против шведского владычества, насилиственного внедрения христианства, разрушения языческих капищ восстание подняла емь. На этот раз плечом к плечу против шведов сражались новгородцы, карелы и емь. Во главе русской дружины стоял 17-летний Александр, будущий Невский. К концу 1230-х гг. Новгород восстановил свое влияние в крае. Новое наступление шведов началось в 1240 г., когда крестоносный десант высадился в устье Невы с целью захвата русских территорий в низовьях Волхова, берегов Невы и Ладоги. Успех давал возможность шведам не только овладеть важными торговыми путями, отрезать Новгород от моря, но и окончательно выдавить новгородцев из Финляндии и подчинить себе емь.

Победа Александра Невского на Неве надолго приостановила в крае наступление Швеции. Но не навсегда. В 1250-х гг., опираясь на свои базы и крепости в Финляндии, шведы продолжали наращивать давление на русские земли. В 1256 г. они попытались овладеть устьем реки Наровы. В ответ Александр Невский, ставший к тому времени великим князем Владимирским, направил свои полки на север. Узнав, что в Новгород прибыли военные силы Александра, шведы ретировались. А вскоре сам Александр во главе русских сил двинул сначала на Копорье, а затем через замерзший Финский залив в земли еми, захваченные к тому времени шведами. Одновременно емь подняла восстание против шведов. Совместными усилиями русских и финнов опорные пункты шведов в Центральной Финляндии были разгромлены. Это была вторая «Зимняя война» русских в Финляндии. Поход Александра Невского в Финляндию на четверть века притормозил дальнейшее наступление шведов в регионе. На это время емь при поддержке русских освободилась от власти шведов, оставаясь под владычеством Новгорода. Отношения в треугольнике Швеция–Финляндия–Россия продолжают еще более определяться и вести историю этих стран к 1809 г.

С конца XIII в. и в первой четверти XIV в., в пору отчаянной борьбы за лидерство в русских землях между Тверью и Москвой, при активном вмешательстве в эту борьбу сюзерена северо-восточных русских княжеств – Золотой Орды, шведы наращивают свою агрессию в крае. Они вновь овладевают землями еми, неоднократно вторгаются в Карелию, закладывают в здешних местах крепость Выборг. Затем атакуют Приладожье, а в 1300 г. в устье Невы закладывают очередную крепость. Новгородцы вновь сбивают отсюда шведов, воюют на Карельском перешейке, вторгаются в земли еми, атакуют шведские форпосты, штурмуют крепость Або. Поддерживая их, Московский князь Юрий Данилович осаждает Выборг, но взять его не может. Борьба идет с переменным успехом, пока, наконец, в 1323 г. между Московским великим княжеством и Швецией в крепости Орешек, что выстроил князь Юрий в устье Невы, не был заключен мирный договор. Карельский перешеек и берега Невы остались за Русью. Шведы сохранили свои владения в Финляндии.

Итак, закончился первый этап взаимоотношений России и Финляндии. Финские земли надолго ушли из-под влияния России. Положение усугубилось в период Смутного времени, когда по Столбовскому миру 1617 г. Россия уступила Швеции города Корелу, Копорье, Орешек, Ям, Иван-город. Швеция прочно овладела Восточной Прибалтикой. Однако древняя традиция взаимоотношений финнов и русских, основой

которой явилась толерантность восточных завоевателей, их уважение к укладу жизни, обычаям, верованиям местного населения, стремление превратить финнов из противников в союзников, не пропала даром. Эта традиция ярко проявила себя уже в XVIII в., когда в ходе трех войн со Швецией и перехода части финляндских территорий к России, империи пришлось решать вопросы устройства финского народа в рамках нового для них государства.

К этому времени финские земли, принадлежавшие ранее достаточно развитому в социально-экономическом отношении протестантскому миру Северной Европы, про-делали определенную цивилизационную эволюцию. Отставая от тогдашних больших держав в смысле государственного строительства, финны компенсировали это за счет терпеливого, упорного обустройства своей жизни. Необходимо учитывать и то, что пока сильные соседи истощали себя в бесконечных войнах, порой кардинально менявших ход их жизни и замедлявших цивилизационное развитие (складывание крепостного права в России, формирование абсолютного государства и в России, и в Швеции, замедление процессов становления гражданского общества, ограничение прав и свобод не только отдельных людей, но и целых сословий и национальностей), финны стремились, на мой взгляд, максимально использовать преимущества неамбициозного народа, взять все лучшее, что давал им через Швецию западный протестантский мир и в то же время минимизировать негативные последствия своего вынужденного участия в политике больших держав. Так было в древности, так произошло и в XVIII в. уже на новом цивилизационном витке европейской истории.

По Ништадскому миру 1721 г. Россия не только приобрела Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, но и 2 финские провинции Швеции: Выборгскую и Кексгольмскую. По Абоскому миру 1743 г. к ним была присоединена еще одна провинция – Кюммененгордская. В 1744 г. 3 провинции были объединены в Выборгскую губ., и тем самым в рамках Российской империи появился финляндский социально-экономический и политический анклав, так называемая Старая Финляндия. Новая губерния резко отличалась по своим цивилизационным параметрам от территории остальной России. Финны были здесь не одиноки. С таким же цивилизационным багажом вошли в состав России прибалтийские провинции.

Начиная с 1710 г. для Прибалтики, а потом и для финских провинций, российское правительство установило присущий только им порядок жизнедеятельности. Во вновь присоединенных регионах соблюдалось бывшее до того законодательство и сохранялись прежние привилегии, в том числе сословиям и городам, старое шведское налогообложение⁶. Начиная с 1720 г. административное и судебное управление прибалтийских провинций и Финляндии были выделены в особые ведомства, отдельно от системы петровского государственного управления в целом.

Так робкие ростки финской «особности» в рамках Руси окрепли и расцвели в новых исторических условиях. По существу Россия сама создавала каркас будущей финляндской государственности задолго до событий 1808–1809 гг., используя при этом, как остроумно заметил один русский автор, «шведский строительный материал». 1809 г. стал в этом смысле продолжением уже сложившейся и дошедшей из глубокой древности исторической традиции. Только с каждым столетием достававшиеся России финские земли имели все большее цивилизационное отличие от российских порядков. Внимание к этой стороне вопроса проявил даже Петр I, не отличавшийся особыми сантиментами там, где требовалось, по его понятиям, проявить жесткость для укрепления единства государства. По его стопам пошли Елизавета Петровна и Екатерина II. И дело было не в их склонности к правам и свободам человека – своих людей по мере надобности российская власть в XVIII в. и закрепощала, и порола, и даже (Петр I) сажала на кол. Внимание и уступки населению прибалтийских и финских провинций объяснялись просто: здесь, на западных рубежах России, в прямом соприкосновении с более свободным, чем Россия, миром, требовалось лояльное, преданное новому сузерену население. Внешнеполитические расчеты диктовали и соответствующую внутреннюю политику в отношении вновь присоединенных территорий. Эффект был налицо⁷.

Условия Фридрихсгамского мира и решение Боргосского сейма ознаменовали не только закрепление старых традиций во взаимоотношениях финского населения и России, но и стали на этом пути новым этапом. Действительно, Фридрихсгамский мир для 6 вновь присоединенных финских провинций, которые стали называться «Новой Финляндией», подтверждал действие старых шведских законов, а также «свободное отправление» лютеранской веры, «права собственности и их (жителей провинций. – А.С.) преимущества»⁸. Мир утвердил в финских землях и другие порядки, которые бытовали здесь с давних времен – например, традиции самоуправления и свободного крестьянского состояния.

Война (третья «Зимняя война» России в Финляндии) продолжалась, когда в марте 1809 г. в г. Борго был созван финский сейм, который провозгласил новый статус завоеванных Россией территорий. Они стали именоваться Великим княжеством Финляндским Российской империи с особым административным устройством. Таким образом, впервые в своей истории финский народ получил государственность, пусть и ограниченную в своем суверенитете привязанностью к фигуре российского императора, ставшего великим князем Финляндии.

Примечательна история выработки статуса Финляндии. Ее возглавил по поручению Александра I статс-секретарь империи М.М. Сперанский, который в ту пору был на взлете своей служебной карьеры. Сперанский представил императору план политических преобразований в России, которые должны были постепенно перевести страну на рельсы конституционной монархии. Политическое устройство Финляндии и стало для Сперанского, возможно, наиболее полным выражением его реформаторского кredo, стержнем которого был принцип разделения властей и народного представительства при сосредоточении «державной», т.е. верховной, власти в руках императора.

При этом Александр I и Сперанский учитывали состояние финского народа в рамках шведского государства. К началу XIX в. Швеция представляла собой словно-представительную монархию с определенными вольностями и привилегиями для сословий и городов. В Швеции, как и в финских землях, входивших в ее состав, отсутствовало крепостное право. Однако финское население пользовалось этими правами и свободами не в полной мере. На заседаниях рикстага финны были в меньшинстве, и их интересы нередко нарушались. Шведское правительство зачастую препятствовало экономическому прогрессу края. Финны были стеснены в употреблении родного языка, так как государственным языком на территории шведского королевства являлся шведский. Все это порождало антишведские настроения среди части финского населения, особенно его высших слоев. Не раз финские оппозиционеры пытались найти контакты с российским правительством. Так что всей своей историей и реальностями начала XIX в. финны оказались подготовленными к вхождению в состав России.

В то же время это порождало и определенные политические трудности. Россия должна была дать Финляндию то, чего та тщетно пытала добиться от Швеции. Необходимо было учитывать и то обстоятельство, что Финляндия входила ранее в состав страны с конституционным устройством, сословным представительством, элементами разделения властей, отсутствием крепостной зависимости сельского населения. В России же господствовала абсолютная монархия и царило крепостное право. И тем не менее Александр I смело пошел на установление особого, конституционного статуса Финляндии, учитывая прежние шведские политические установления, касающиеся и финского населения, но без прежней его дискриминации, и вычленяя Финляндию из российской политической и социально-экономической системы. Что это было? Только ли внешнеполитический расчет, укрепление российских позиций на вновь присоединенных территориях? Думаю, что столь традиционный для нашей, да и для финской, историографии подход к проблеме является весьма ограниченным. Он не принимает во внимание весь комплекс реформистских попыток Александра I и его соратников начала XIX в., их стремление повернуть Россию в новое конституционное и антикрепостническое русло.

На мой взгляд, следует учитывать либеральные внутриполитические меры Александра по восшествии на престол, выдвижение на первые роли в государстве реформатора и либерала Сперанского, первые попытки смягчения крепостного состояния крестьян. В этом ряду определение статуса Финляндии стало не только историей взаимоотношений Финляндии с Россией, историей финского народа, но и историей России. В составе России, пусть на правах личной унии, появилось конституционное антикрепостническое политическое образование.

В этой связи статус Финляндии нельзя рассматривать изолированно от других шагов Александра I в конституционном и либеральном направлении – от новых попыток конституционного переустройства России («Государственная Уставная грамота Российской империи» Н.Н. Новосильцева), продолжения поисков путей отмены крепостного права (проекты Д.А. Гурьева, А.А. Аракчеева, С.Д. Воронцова; отмена крепостного состояния крестьянства Курляндии, Лифляндии, Эстляндии; подталкивание к этому же акту дворян Малороссии), решительных шагов по введению конституционных основ в освобожденной от Наполеона Европе (поддержка конституционных актов в Баварии и Вюртемберге; личное авторское участие Александра в разработке конституционной «Хартии» посленаполеоновской Франции, предусматривавшей равенство всех граждан перед законом, учреждение двухпалатной Ассамблеи, сохранение в не-прикосновенности Гражданского кодекса Наполеона, религиозную терпимость).

Но наиболее впечатляющим шагом в этом направлении стало введение конституционного устройства еще для одной части Российской империи – Царства Польского. Польше были предоставлены самоуправление, право иметь собственную армию, свобода печати. В марте 1818 г. открылся новый польский сейм. В своей речи на его открытии Александр I признал вновь вводимые польские порядки за образец для предстоящего реформирования России («Вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю»)⁹. К этим «давним летам», несомненно, относилось и конституционное устройство Финляндии. А это значит, что речь в обоих этих случаях шла не только о Финляндии и Польше, но и о России. Оба эти государства волей исторических судеб стали конституционной частью российской истории, а саму эту историю, эволюцию политического и социально-экономического строя России, ее развивающегося гражданского общества и гражданского самосознания, я полагаю, нельзя рассматривать вне контекста исторического опыта этих двух национально-политических анклавов. Вместе с конституционным устройством Финляндии и Польши, вместе с гражданскими свободами и правами человека в Россию входила новая цивилизационная струя.

Но вернемся к 1809 г. Боргосский сейм стал по существу учредительным съездом нового государственного образования – Великого княжества Финляндского. Финские сословия присягнули императору. Он в свою очередь дал финскому народу «удостоверения», обещая сохранить все прежние законы и привилегии¹⁰. На сейме Александр I говорил о законах и привилегиях «страны», подчеркивал государственный статус вновь созданной автономии. В ходе последующих переговоров с финскими «депутациями» в Финляндии и Санкт-Петербурге, в которых самое активное участие принимал Сперанский, определилась структура управления Великим княжеством, во главе которого встал Правительствующий Совет, ставший впоследствии императорским Финляндским Сенатом. Под руководством Совета действовали комиссии. Председательствовал в Совете генерал-губернатор, назначаемый императором.

Все дела Финляндии в Санкт-Петербурге рассматривала специально созданная комиссия Финляндских дел во главе со статс-секретарем с прямым выходом на царя. Окружное земское управление во вновь присоединенных провинциях основывалось на прежних шведских принципах. Таким образом, с самого начала Финляндия позиционировалась в системе Российской империи как государственно-политическая структура с одной ей присущей системой управления и хозяйствования, что сразу же выделило Финляндию среди других политических субъектов империи. Важнейшим этапом в истории взаимоотношений Финляндии и России, как и в истории каждой из этих

стран, стал указ Александра I от 11 декабря 1811 г. «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и опубликование манифеста «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндие»¹¹.

Так вслед за конституированием на новых цивилизационных принципах присоединенных финских провинций последовал еще один реформаторский шаг российского правительства. Этим актом ставшая Выборгской (позднее Финляндской) губ., т.е. так называемая Старая Финляндия, и «Новая Финляндия» объединялись в единое целое. На политической карте мира появилось Финляндское единое государство как автономная часть Российской империи. Самое важное в этом указе заключалось не только в создании единой Финляндии, но в распространении на новое государственное образование всех норм и порядков, действовавших на территории Великого княжества Финляндского. Естественно, суверенитет этого нового государственного образования был ограничен верховной властью российского монарха и теми учреждениями и лицами, кому император делегировал свои управленические функции. Но факт оставался фактом. Государство Финляндия появилось. И не только в своих оптимальных границах, но и на современной для тогдашней действительности цивилизационной основе.

Таким образом, 1809 г. и его логическое продолжение в актах 1811 г. стали той стартовой площадкой, с которой началось восхождение к полному государственному суверенитету Финляндии, состоявшемуся в ходе бурных революционных событий начала XX в. и конкретно в 1917 г. А между этими двумя датами – 1811 и 1917 гг. – пролегал длительный и тяжелый путь борьбы финского народа за этот самый суверенитет. Роль России в этом процессе была весьма противоречивой. С одной стороны, особенно в период либеральных реформ Александра II, российское правительство продолжало укреплять финляндскую «особность», придавая ей все более суверенные черты, с другой – стремилось поставить определенные барьеры намерениям финнов добиться полной независимости. Это особенно проявлялось по мере вызревания финской государственной идеи, развития в Финляндии сепаратистских настроений, а также в связи с усилением консервативных тенденций в российском руководстве в конце XIX в.¹²

1860–1870-е гг. ознаменовались новым взлетом либеральных установлений в отношении Финляндии. В 1863 г. собрался долгие годы не созываемый сейм. Финский язык стал фактически государственным языком Финляндии. Все судебные и административные органы Великого княжества были обязаны впредь беспрепятственно принимать бумаги и документы на финском языке, а позднее финский язык был официально объявлен государственным языком Великого княжества. Согласно военной реформе 1878 г., Финляндия получила право на формирование своих национальных вооруженных сил с собственными уставами. В Финляндии была введена собственная денежная система, появилась финская марка. Было введено новое таможенное регулирование, сближавшее Финляндию с западноевропейской экономикой, а также другие прогрессивные для того времени новшества политического и экономического характера. Я думаю, правы те авторы, которые считают, что по существу Финляндия превращалась в «либеральное гражданское общество»¹³. Но вряд ли можно поддержать тезис о том, что Финляндия и Россия двигались в разных цивилизационных направлениях¹⁴. Двигались они в одну сторону, но с разной скоростью, поскольку стартовая социально-экономическая и политическая площадки были у них различны: в России продолжала существовать абсолютная монархия, а до 1861 г. и крепостное право. Финляндия же при помощи России абсорбировала все наиболее значительные на то время элементы гражданского общества. Это был парадокс эпохи, конституированный событиями 1809 г. А далее эти взаимоисключающие тенденции воздействовали на Финляндию в течение всей второй половины XIX в. и в начале XX в. Здесь и периодическое усиление цензуры, и ограничение использования финского языка, и ужесточение контроля со стороны имперских органов за финскими органами управления, и уничтожение свободы союзов и собраний и многое другое. Помогая финским лидерам создавать суверенную Финляндию, российское правительство с трудом воспринимало эту мысль и тяжело, поэтапно расставалось с Финляндией.

Но чем слабее становилась Российской империя, что проявилось, в частности, в нарастании революционной волны в начале XX в., чем выше поднимали голову национальные регионы страны, рвущиеся к новой жизни, тем сильнее и активнее становилась Финляндия. С 1907 г., когда собрался новый сейм, превратившийся в однопалатный парламент, Великое княжество фактически стало республикой. И сразу же началась борьба между имперским правительством и финским парламентом, который, как и российская Государственная дума, многократно распускался. Все определеней становилась тенденция унифицировать законодательство, государственную и экономическую жизнь Финляндии с общероссийскими нормами. Но время уже уходило.

Последнюю точку в истории, открытой 1809 г., поставила русская революция 1917 г. После Февральской революции все права Финляндии были восстановлены, а 22 декабря 1917 г. ВЦИК Советской России признал независимость Финляндии, провозглашенную финским сеймом 23 ноября того же года. Исторический цикл создания финляндской государственности завершился. Теперь его уже не могли поколебать ни попытки повернуть все на круги своя в 1918 – начале 1920-х гг., ни последняя угроза в этом направлении в образе очередной, четвертой по счету – «Зимней войны» 1939–1940 гг. Финляндия окончательно и бесповоротно пошла по пути независимости и суверенитета. Россия с выходом Финляндии из своего состава потеряла один из своих самых развитых в гражданском и социально-экономическом смысле регионов, что не могло не сказаться на общем цивилизационном уровне страны в XX в.

Примечания

¹ См.: Седов В.Д. Славяне в древности. М., 1994. С. 95–132; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998. С. 40–57.

² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13, 14.

³ Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV в. // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 62.

⁴ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 40–111.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. Стб. 190.

⁶ Осмо Юссила, Сеппо Хентило, Юкка Невикиви. Политическая история Финляндии: 1809–1995. М., 1998. С. 15.

⁷ Юрки Пааскоски. Российская империя и становление Великого княжества Финляндского в 1808–1820 годы // Российская империя и становление Великого княжества Финляндского. 1808–1820 гг. Хельсинки, 2009. С. 103.

⁸ См.: Рогинский В.В. Историческое значение Фридрихсгамского мира 1809 года для России // Российская история. 2009. № 3. С. 74.

⁹ См.: Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. С. 157.

¹⁰ Юрки Пааскоски. Указ. соч. С. 103.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24907.

¹² См.: Рогинский В.В. Указ. соч. С. 77–78.

¹³ Осмо Юссила, Сеппо Хентило, Юкка Невикиви. Указ. соч. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 61.

УДМУРТЫ: ПРИСОЕДИНЕНИЕ И МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Удмурты (в исторических источниках *ары*, *аряне*, *арские люди*, *отяки*, *вотяки*) – один из финно-угорских народов Урало-Поволжья. Издревле хозяйствуя в лесной зоне, удмурты успешно адаптировались к занимаемой экологической нише, используя для жизнеобеспечения разнообразные биологические ресурсы, они следовали принципу «не навреди» и руководствовались ресурсосберегающими моделями хозяйствования¹.

Присоединение удмуртского этноса к Русскому государству началось в последней четверти XV в. с окончательным покорением Вятской земли в 1489 г. войсками Ивана III и принесением присяги (роты) арскими князьями, представлявшими все подвластное им население, в том числе и северных удмуртов². Завершился этот сложный и далеко не однозначный процесс лишь к 1557 г., когда было окончательно подавлено восстание в завоеванном в 1552 г. Казанском крае. Сентябрьский поход 1552 г. на Арскую землю русского войска, в течение 10 дней подвергавшего ее опустошению³, убедил арских людей принять единственно возможное в сложившихся обстоятельствах решение, обеспечивавшее выживание разбежавшихся по лесам представителей этноса, – бить челом московскому царю и просить о помиловании. Поход на Арскую землю и разгром части ханского войска, оставшегося за стенами Казани и постоянно нападавшего на станы русского воинства, имел стратегическое значение и в немалой степени способствовал падению Казани, лишенной в итоге какой бы то ни было поддержки извне. После взятия Казани, еще до совещания Ивана IV с членами Избранной рады о дальнейшей судьбе народов ханства, арские люди прислали в Казань «казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их, черных людей, пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние царии»⁴. Согласие платить ясак – основную в условиях разгромленного Казанского ханства подать – означало решение принять российское подданство. Население Арской земли дало шерть (присягу на верность) новому сюзерену – русскому царю. Возможно, это был договор между Арской землей и Русским государством, оговаривавший права и обязанности сторон. К этой мысли нас склоняет сохранившаяся опись царского архива XVI в., в которой отмечены «грамоты шертные всея Казанские земли», а также «грамоты и шертные записи» отдельных народов⁵.

Однако после декабря 1552 г., когда русская власть начала сбор ясака и продемонстрировала не меньшую склонность к злоупотреблениям, чем представители казанских ханов, среди удмуртов стало расти недовольство. Царственная книга без обиняков возлагает ответственность за восстание на царскую администрацию: «А бояром приказал государь без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великаго такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелаша богатства... а Казанское строение поотложиша»⁶. Отметим, что в 1552 г. арские люди попытались сохранить верность своей шерти, схватили и выдали инициаторов восстания «Тугаевых детей с товарищами» (всего – 38 человек) и уплатили сполна ясак⁷. Попытка сбора оставшейся части ясака в марте 1553 г. завершилась разгромом воеводских отрядов, пленением воеводы Б.И. Салтыкова. В Арской земле началось повстанческое движение, исход которого был фактически предрешен. После ряда карательных походов московского войска, отличавшихся особой масштабностью зимой 1554 г., восстание на Арской стороне было подавлено⁸. Арские предводители заявили о своей покорности, к «шерти» были еще раз приведены и многие

* Гришкина Маргарита Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

«черные люди», по летом восстание возобновилось. Против повстанцев был направлен отряд под командованием И.Ф. Мстиславского, карательные действия развернулись по всей Луговой стороне Волги. Наряду с карательными мероприятиями правительство небезуспешно стремилось посеять рознь между разными социальными группами повстанцев, привлечь к борьбе с восстанием верхи местного населения. В итоге осенью 1555 г. были перебиты многие предводители: князья, казаки, мурзы и «инородческие» сотные князья. Тем не менее в мае 1556 г. воеводы П. Морозов и Ф. Салтыков вновь опустошили все Арские места, «воевали безчисленно много и полон имали, женки да робята, а мужиков всех побивали, и Арскую сторону всю и Побережную до конца в ну же учинили»⁹. К маю 1557 г. силы повстанцев были предельно истощены.

Южные удмурты (арские люди) наряду с другими народами бывшего Казанского ханства в мае 1557 г. еще раз принесли шерть и просили «учинить их в холопстве и ясаки с них имати». Для приведения «к правде» усмиренной Казанской земли был направлен стряпчий Семен Ярцов, с объявлением того, что «ужасы ратные миновались, и что народы... могут благоденствовать в тишине как верные подданные белого царя»¹⁰. «Черных людей», т.е. крестьянскую массу, к шерти приводил боярский сын Образец Рогатый. Торжественные акты закрепления Казанской земли в Российском подданстве завершились тем, что в Москву с Семеном Ярзовым прибыли сотные князья Казимир, Кака (вероятно, Куака – удм., «ворона». – М.Г.) и Янтемир с товарищами, очевидно, представлявшие все народы покоренной левобережной стороны Волги, в том числе и южных удмуртов. Иван IV торжественно простил им «все вины» и дал жалованную грамоту, определявшую, как им «государю впредь служить»¹¹.

Как и другие мятежные народы левобережья, удмурты не получили особых пожалований и льгот, как, например, народы Горной стороны (чуваши и горные марийцы), мирно вошедшие в состав России в 1551 г. Они на 3 года были освобождены от уплаты ясака¹². Более того, в процессе подавления восстания удмурты потеряли значительную часть своей социальной верхушки: в живых остались, как отмечают летописи, преимущественно «кубозие земледельцы», т.е. податная крестьянская масса. Остатки удмуртского социума представляли собой дезорганизованные, рассеянные на значительном пространстве анклавы, которым предстояло пройти непростой процесс самоорганизации, восстановления необходимой для существования в качестве самостоятельного этноса структуры, а затем и адаптации к социально-политическим, фискальным и культурным реалиям Русского государства, значительно отличавшимся от реалий покоренной Вятской земли и разгромленного Казанского ханства. Предстояло в кратчайшие сроки выработать такие модели поведения, которые позволили бы народу выжить в новой социокультурной среде, восстановить свою численность, обеспечить более или менее успешную жизнедеятельность, т.е. «проявить способность приводить себя по принципу обратной связи в соответствие со средой»¹³. Взаимодействующими силами в этом процессе социально-политической, этнокультурной и психологической адаптации стали правящие органы Русского государства: царь и представители местной власти – удмуртские и русские крестьянские общины, возникавшие по мере распространения колонизационных процессов на территории преимущественного расселения удмуртов. В силу специфики дошедших до нас источников мы имеем большее представление о северных, вятских удмуртах, нежели о южных, хотя последние отличались численным превосходством и были в период присоединения значительно активнее.

Русское правительство начало с административно-территориального устройства вновь приобретенных территорий. Северные удмурты оказались в Хлыновском уезде, а южные – в Казанском. На Вятке, как и в большинстве районов Русского государства, управление было вверено наместникам, представлявшим власть великого князя, а затем и царя. В Казанском крае, где сохранялась высокая вероятность новых восстаний, была установлена военная власть: Москву представляли воеводы, опиравшиеся на гарнизоны крепостей, существовавших еще во времена ханства и вновь построенных.

Вследствие неоднократных карательных походов Арская земля лежала в развалинах. Угодья в центре Арской земли, в районах Заказанья, покинутые бывшими их

владельцами, раздавались русским помещикам и крестьянам, спешно устраивались новые крепости. В апреле 1557 г. новый казанский воевода П.И. Шуйский доносил в Москву, что он распорядился поставить на Каме, в Лайшеве, город, устроив в нем стрельцов, и повелел пахать пашню в его окрестностях, так же, как и в окрестностях Казани, «по пустым селом» русским людям и новокрещенам¹⁴. Во вновь построенных и старых городах-крепостях поселялись управленцы и представители военно-служилого сословия. Земли вокруг Арска были пожалованы русским служилым людям, казанскому митрополиту, монастырям. По переписной книге 1646 г. по Арской дороге числилось 99 дворов помещиков, мурз и служилых новокрещенов, в них проживали 322 человека мужского пола, а также 404 человека дворовых людей и тяглых крестьян. По Зюрейской дороге было зафиксировано 203 двора служилых людей, они владели 752 крестьянскими душами. С XVI в. шло формирование по Каме и в низовьях Вятки дворцовых волостей, притягивавших население из разных районов государства. Вятская земля усиленно осваивалась выходцами с территории русского Поморья, Перми Великой¹⁵. Правящие круги рассматривали колонизацию новых пространств русским населением как важнейший способ постепенного создания социальной и этнической однородности с остальной территорией страны.

Таким образом, отмеченные В.В. Трепавловым кардинальные перемены, выражавшиеся в том, что присоединенные народы «сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев – русских, которые селились в основанных ими городах и деревнях»¹⁶, в полной мере коснулись удмуртов и территории их расселения.

На первых порах удмурты, не имея возможностей и воли к самоорганизации, в качестве механизма адаптации избрали курс на мимикрию и самоизоляцию. Ради сохранения своей традиционной культуры и идентичности они отказывались от возможных межэтнических контактов, стремясь слиться с окружающей природной средой, уходили в лесные дебри, на верховья Камы и Вятки, а также в северо-западную Башкирию. Избегая столкновений с представителями власти и пришлым населением, они покидали ранее освоенные земли. Отстаиванию своих угодий и налаживанию соседских отношений с пришельцами удмуртские земледельцы предпочитали трудоемкий и чрезвычайно затратный процесс разработки под пашню лесных массивов. О том, насколько длительным, постепенным было освоение пашни на новых местах расселения, свидетельствуют материалы писцовых описаний. Так, в 1615 г. в Лужановском стане, расположенному в верховьях р. Вятки, где удмурты жили издревле, на 1 двор приходилось 6.12 десятин пашни и 1.13 десятин сенокоса, в бассейне среднего и верхнего течения р. Чепцы, куда они переселялись со среднего течения и верховьев р. Вятки, а также низовьев р. Чепцы, крестьянский двор имел 3.5 десятин пашни и 0.77 десятин сенокоса¹⁷.

Миграционные процессы привели к тому, что численность удмуртов, попавших под официальный учет, была незначительной: даже к 1631 г. разрядные книги отмечали в Казанском уезде всего 983 двора «вотяцких ясашных людей»¹⁸. Неудивительно, что представители власти, включая «арян» и «вотяков» в число своих подданных, не особенно дифференцировали их от других этнических групп населения, тем более, что социальная элита, призванная представлять этнос, почти отсутствовала. Информация о северных удмуртах не попала в писцовые книги Вятки 1503–1504 гг., составлявшиеся писцами Григорием Коробыниным и Федором Ушаковым: в грамоте Ивана IV от 28 января 1551 г. удмурты, жившие в бассейне Чепцы, были отнесены к числу «неписьменных людей»¹⁹. Сведений о них нет и в дошедших до нас сотных выписях из писцовых книг Богдана и Саввы Григорьевых, описывавших Вятскую землю в 1589/90 гг. В Казанском уезде, как известно, писцовые описания и переписи проводились в 1562–1563, в 1565–1568, 1602–1603 гг., однако южные удмурты не упоминаются ни в одном из сохранившихся фрагментов этих делопроизводственных материалов²⁰. Способность удмуртов быстро исчезать при появлении иноэтнических соседей нашла яркое отражение

ние в оценочных гетеростереотипах русских жителей края: удмуртов стали называть «серой мышью», сложились поговорки «вотяк бежит от русского, все равно что мышь от кошки», «вотяк любит прятать (расчищать под пашню лес. – М.Г.), а русский – на готовом стряпать»²¹. Таким образом, для русского населения, осваивавшего террииторию расселения удмуртов, не возникало необходимости социально-психологической адаптации в новой среде, последняя почти отсутствовала, облегчалась и экологическая адаптация, поскольку мигранты прибывали преимущественно с территории Поморья, расположенного в той же природно-климатической зоне.

Необходимо отметить, что правительственные органы не спешили в корне изменить положение своих новых подданных, демонстрируя стремление к сохранению сложившегося «статус-кво». Так, карийские арские князья, вывезенные в Москву в 1490 г., были возвращены назад, на Вятку. Признав сюзеренитет великого московского князя и обещая ему верную службу, они сохранили былую власть над северными удмуртами, бесермянами и татарскими крестьянами, получили новые земельные угодья, преимущественно промысловые и охотничьи, в бассейне р. Чепцы. Для обеспечения их преданности и закрепления Вятской земли в составе Великого Московского княжества власть предприняла дополнительные меры: в отношении нерусского населения севера Удмуртии, прежде всего арских князей, стал действовать податной и судебный иммунитет. Очевидно, тарханные грамоты начали выдаваться вскоре после присоединения Вятского края к Московскому княжеству, еще в правление Василия III: первая дошедшая до нас жалованная несудимая грамота датируется 1510 г. В дальнейшем выдачу подобного рода грамот продолжило правительство Ивана IV. В зависимости от социально-политической обстановки и конкретных целей московской власти объем иммунитетных прав то расширялся, то сужался. Ивану IV принадлежит инициатива выдачи «бережельных» грамот не только самим арским князьям, но и подвластному им населению: в ответ на жалобы о том, что русские жители Вятки «бьют, и грабят, и обиды чинят многое» удмуртам и бесермянам, живущим во владениях арских князей, 28 августа 1551 г. на Вятку была отправлена указная «с прочетом» грамота русским крестьянам, чтобы они «тех вотяков без нашего ведома однолично не воевали и не грабили». За нарушение указа верховная власть грозила вятчанам «опалой и продажей»²².

Политика заигрывания с «инородческой» социальной верхушкой Вятской земли продолжалась вплоть до последней четверти XVI в., до тех пор, пока не стабилизировалась обстановка в завоеванном Казанском крае: не случайно реформы в Вятском уезде совпали с окончательным подавлением в 1584 г. последнего восстания казанских людей. Как только необходимость в услугах арских князей как посредников между центральной властью и вновь присоединенными к Российскому государству народами пропала, правительство лишило их тарханных прав и привилегий и включило в состав черносоцных крестьян. Более того, в ходе реформы 1583–1588 гг. на севере Удмуртии права экстерриториальности добились их бывшие крепостные – удмурты и бесермяне, отведенные «судом и пошлиною» от карийских мурз. Вятские воеводы и их помощники не имели права въезжать в Каринскую волость «ни по что», валовый оброк «за все, про все», первоначально составлявший 500 руб., население волости обязывалось привозить непосредственно в Москву, в честь Андрея Щелкарова. Здесь же один раз в год, «на Сретенье», рассматривались судебные дела, касавшиеся удмуртов и бесермян. Любопытно, что этот опыт экстерриториальности позднее был, правда, на довольно короткий срок, использован и в отношении южных удмуртов: в 1672 г. казанский воевода Голицын дозволил арским удмуртам собирать ясачные деньги и привозить в Казань, выбирая для этого «лучших и зажиточных людей» из своей среды. Это же условие было в какой-то степени повторено в наказе 1697 г. казанскому воеводе Львову, в котором рекомендовалось не посыпать в ясачные волости «служилых людей, бояр и детей боярских» для изъятия запрещенных к употреблению вина и табака²³.

Подавив восстания казанских людей, в конце XVI–XVII вв. в отношении мятежных народов московская власть действовала осмотрительно. В наказах казанским воеводам,

как правило, декларировалась необходимость «жити с великим бережением, держати ласка и привет, насилиства, налогов и продаж и убытков ни в чем не чинить и посулов ни у кого ни от чего не имать». При этом достаточно откровенно указывалась и причина: «чтобы оне (ясачные люди: чуваши, марийцы, удмурты. – М.Г.)... измениы не завели и никакова дурна не учинили». Правда, кроме декларируемой заботы и «береженья», в наказах рекомендовалось осуществлять превентивные меры, призванные обеспечить покорность: не выпускать ясачных людей из их селений и волостей без особого на то разрешения, держать самых «крепких, владетельных и семьянистых в аманатах» (зажонниках) в Казани, запретить среди них кузнецкий и серебряный промыслы, ввести жесткие ограничения на продажу «заповедных товаров: пансырей и шеломов, сабель и железец стрельных» и осуществлять постоянную тайную слежку за поведением, настроениями и возможными связями с прихожими и приезжими: крымскими и ногайскими людьми, черкасами, калмыками и казаками. Всех подозрительных «воровских людей» следовало «пытать накрепко и огнем жечи». Кроме того, наказывалось держать в постоянной исправности и готовности «городовые крепости» и их гарнизоны из ратных людей – «стрельцов и всяких ружников», своевременно пополнять их и обеспечивать денежным и хлебным жалованьем²⁴.

Власть шла на компромиссы и в других вопросах. Восстановлению и росту численности, смягчению процесса социокультурной перестройки удмуртского общества в немалой степени способствовало освобождение мужского населения от военной службы. Как известно, до введения рекрутской повинности все ясачные крестьяне Поволжья во время военных действий поставляли даточных людей. По сведениям разрядной книги 1631 г., в Казанском уезде насчитывалось 6405 дворов чувашей и мариев, «которым бывает служба, посылают... в большую повальную службу с трех дворов по человеку». Удмуртов в уезде было учтено всего 983 двора. Ввиду такой малочисленности и, по всей вероятности, по неоднократным просьбам удмуртских общин, правительство предпочло денежную форму компенсации за даточных воинских людей: «На службу их не посылают, потому что емлетьца с них в государеву казну перед черемисою лишней ясак»²⁵.

Северные удмурты, направляя многочисленные челобитные во все инстанции, упорно добивались распространения этого положения и на них. В 1678 г. поставка даточных людей с кариийских удмуртов и бесермян также была заменена денежной поштатной в размере 1 руб. с выти²⁶. Таким образом, правительство учло особенности менталитета удмуртов, отличавшихся замкнутым и миролюбивым характером. Удмуртские общины для избавления от службы на чужой стороне и участия в военных действиях готовы были на значительные денежные сборы. После введения Петром I рекрутской повинности удмуртским крестьянам некоторое время так же удавалось добиваться замены ее денежными взносами. С 1709 г. по решению казанского губернатора, в отличие от русских крестьян, «вместо работников к городовым делам были положены збором деньги и вместо рекрут... збирается с них по полтине с ясака»²⁷. Судя по всему, решение казанского губернатора о замене поставки рекрутов и работных людей с южных удмуртов денежным сбором поддержал и царь: в мае 1713 г. казанский губернатор принял к сведению указ Петра I о сборе и присылке вместо рекрутов «полтиных денег»²⁸.

С течением времени удмурты перестали безропотно уступать земельные угодья, на которые претендовали пришлые русские крестьяне, вступая с ними в судебные тяжбы и затевая «московскую волокиту» по поводу пашни и сенных покосов. Одно из самых ранних дошедших до нас такого рода судебных дел относится к 1598 г., когда в состязательный судебный процесс в форме «поля» вступили представители удмуртов Каринского стана и русских крестьян Чепецкого стана. Процесс выиграли удмурты: Степанко Онисимов «хотел пойти на пожниву с образом, да не пошел, а сказал, что с образом пойти на пожниву не можно»²⁹.

Формой самоорганизации и самоконструирования удмуртского населения стала крупная община, соответствующая по своим функциям и устройству севернорусской общине-волости: на севере Удмуртии это была община-доля, на юге – община-сотня.

По аналогии с поморскими и сибирскими материалами и по дошедшим до нас «вла-денным выписям» можно предположить, что наряду с этими крупными коллективами и внутри них существовали деревенские общины.

Становление и совершенствование общинной организации удмуртов происходило в течение длительного времени. Не исключено, что общинные объединения с определенной территорией и функциями управления существовали у удмуртов задолго до присоединения к Русскому государству³⁰, однако массовые миграции, сопровождавшиеся утратой прежней территории, распадом социальной структуры, привели к дезорганизации этих сообществ. На новых местах расселения они воссоздавались постепенно, по мере роста населения и освоения пригодных для земледелия угодий. Дозорные книги 1615 г. зафиксировали на севере Удмуртии удмуртов каринских и «верх Чепцы реки». В писцовых книгах 1629 и 1646 гг. различаются уже три группы: удмурты каринские, чепецкие и верхочепецкие³¹. Впервые налогооблагаемые единицы (доли) четко фиксируются в переписи 1662 г. приставных дворов удмуртов и бесермян³². По подворной переписи 1678 г. выделялись удмурты каринские (19 селений, 144 двора, 714 душ мужского пола) чепецкие (47 селений, 546 дворов, 2 713 душ мужского пола) и верхочепецкие (52 селения, 556 дворов и 2 504 налогоплательщика)³³. Как видим, эти общинные объединения не были равнозначными. По мере разрастания территории и возрастания численности населения общины дробились. В 1717 г. выделялось уже 6 долей: в Каринских удмуртских первой и второй долях было 30 селений, 260 дворов и 1 064 душ, в Чепецкой нижней доле – 75 селений, 535 дворов и 1 748 душ, в Чепецкой верхней доле – 84 селения, 565 дворов и 1 850 душ, в Верхочепецкой V доле – 72 селения, 747 дворов и 1 485 душ. Проводивший первую ревизию полковник Сонцев-Засекин разделил Верхочепецкую V долю на две: V Пургинскую и V Игринскую, в которых соответственно оказалось по 47 и 32 селения и 2 575 и 1 970 душ мужского пола. В 1762 г. самыми крупными были Чепецкая нижняя (84 селения, 5 127 душ), Чепецкая верхняя (103 селения, 5 989 душ) и Верхочепецкая V Пургинская (78 селений, 4 655 душ) доли³⁴.

Не менее крупным образованием была община-сотня южных удмуртов. По сведениям наиболее ранней дошедшей до нас подворной переписи 1710 г., в Ямайковой сотне Досмякеева было 58 селений, в Пронкиной сотне Янмурзина – 84, в сотне Тотайки Иванова – 68, в сотне Андрея Байтемирова – 57, в сотне Токбулата Рысова – 47, в сотне Бегаша Ямееева – 62 селения. В 1716 г. в первой из названных сотен было зафиксировано 3 546 человек обоего пола, во второй – 4 679, в третьей – 1 722, четвертой – 1 956, пятой – 2 689, шестой – 3 667 человек³⁵.

С возрастанием численности населения на основе существовавших объединений возникали новые общины. Так, третья ревизия (1764 г.) зафиксировала 20 сотен южных удмуртов (вместо 6 в 1710 г.), различающихся по числу дворов и населения. На севере в самостоятельные общины оформились многочисленные концы, десятки, стороны, которые пришли на смену общине-доле. Вот как, например, обозначались некоторые общинные объединения в последней четверти XVIII в.: «Глазовской округи Тимофеевской сотни Васильева Утинской волости Юберевских деревень деревня Юберевская», «Глазовской округи Верхочепетской нижней доли Дизминской стороны деревня Ядгуретская», «Глазовской округи Глазовской стороны нижней сотни Качкашурского и Безумского десятков деревня Качкашурская» и т. д. Как правило, создание новой общины инициировали сами крестьяне. Так, 7 марта 1769 г. Слободская воеводская канцелярия рассматривала доношение выборных от мирских людей Верхочепецкой нижней доли Балезинского конца Подборновского десятка Ф. Касаткина и П. Русских, представивших мирской приговор от имени 207 душ мужского пола, которые желали отделиться от Балезинской стороны «платежем подушных денег и прочих государственных податей особо»³⁶. Как отмечали крестьяне, причиной такой трансформации стала невозможность проведения мирских сходов и других общинных мероприятий из-за удаленности селений друг от друга.

Для обеспечения взаимодействия с властью крестьяне-общинники на больших мирских советах избирали из своей среды руководство общины: старост, целоваль-

ников, десятских, мирских счетчиков. Однако роль защитницы крестьянских интересов удмуртская община выполняла, преодолевая большие трудности и препятствия. Власть рассматривала представителей мирского самоуправления прежде всего как проводников своего влияния на крестьян, главной задачей которых была раскладка и своевременное взыскание податей, а также обеспечение «мира и тишины». В удмуртских общинах на эти должности устремились потомки бывших арских князей, традиционно представлявшие удмуртов и бесермян перед московским правительством, а во второй половине XVII в. отчаянно боровшиеся за сохранение монопольного права «старостить» и толмачить в удмуртских долях и использовавшие свое положение для захвата общинных угодий, мирских денег и закабаления крестьян³⁷. Попытки отеснить последних от выборных общинных должностей и толмачества завершались тем, что удмуртские претенденты на лидерство оказывались в тюрьме, будучи битыми «кнутами и батогами»³⁸.

Подобный беспредел стал возможен благодаря созданию и укреплению в каждой общине специфической прослойки «коштанов, ушников, горланов и ябедников», как называют их удмурты. В воссоздании и расширении данной прослойки в качестве своей социальной опоры была заинтересована и власть, поручавшая ей следить за «своей братьей» крестьянами, докладывать о назревающих «шатостях, измене» и других противоправительственных поступках и намерениях: нарушении запрета на изготовление металлических изделий, утайке дворов и душ от переписей и ревизий, сокрытии «пашни наездом» и т. д. Удмуртские крестьяне всеми способами пытались этому противостоять. Так, битые батогами по приговору сыщика Саввы Сандырева «ябедники и коштаны Федка Павлов с товарищи» дали в 1699 г. поручную запись, что «им впредь не ябедничать, не ушничать и не коштанить, и никаких нападок, беды, и разорения никаких на мирских людей не наводить и тягостей в мир не чинить»³⁹. Тем не менее отмеченная социальная прослойка сохранялась как заметное явление и в дальнейшем. Так, в 1724 г. удмурты Верхочепецкой нижней доли направили в Петербург Тукташа Кадрекова битья человеком о злоупотреблениях хлыновского комиссара Филиппа Коробова. Исполнявший в 1723 г. обязанности сборщика, Иван Павлов игнорировал требования общины о предоставлении отчета о расходе мирских денег. Наконец, два рассыльщика взяли его «неволей» и повели в д. Уканскую. На сходе перед собравшимися «били его плетьью» и спрашивали: «Сколько ты дал мирских сборных денег Филиппу Коробову?»⁴⁰. Чтобы замести следы перед неизбежным расследованием в случае появления челобитной, Коробов послал на «мирской совет» доли в д. Чабыровскую подрядного подьячего Ивана Ардашева. Последний предложил крестьянам помириться с Коробовым «во взятках», обещая за это не требовать с общины «доимочных рекрут». До нас дошло любопытнейшее письмо, в котором Ардашев отчитывался перед патроном в исполнении возложенной на него миссии. «По тому твоему слову совет был в деревне Чабыровской майя 3 дня. В народе сказал, и вторили толмач Иван Тукташев, також Иван Федоров, Сидор Сивков, Гриша Феткин и другие многие, более половины, что мирята, а другие невеликие люди: мы-де к такому делу приложить свои бортные пятна опасны, не принять-де бы великого истязания. И мы уж весьма о таком деле твердили, да никак не могли перемочь». Как видим, несмотря на все старания Ардашева, верх взяли не коштаны, а рядовые общинники⁴¹.

В этой сложнейшей обстановке мерой, которая должна была сплотить общину, усилить единство перед властью и ее агентами, было заключение так называемых «одинашных записей». Такие записи составлялись в экстремальных случаях, когда грозила серьезная опасность, и принимались на большом мирском совете всех деревень. Тексты записей типичны: «быть заодно», ни в чем друг друга не выдавать, выбирать в руководители общины только «свою братью» – удмуртов и бесермян, защищать представителей выборной власти от утеснений и нападок воевод и приказных служителей, в вынужденных издержках на мирские нужды и в кабальных займах «не подать и очищать». Решение заверялось тамгами всех присутствовавших на сходе дворохозяев. Так, при заключении «одинашной» удмуртами Чепецкой нижней доли в 1670 г. на мирском

совете в д. Солдарской присутствовали 282 человека, представлявших интересы «всех тое Чепецкой доли отяков и бесермян, лутчих, и середних, и молотчих людей»⁴². Соответственно, в конце документа было «бортных отяцких мирских пятен то же число приложено». Заключая коллективный договор, удмурты-общинники распространяли его условия и на последующие поколения: «После нас кто будет жить – ни детям нашим, ни внучатам, ни правнучатам, ни роду нашему, ни племени ни в чем не лживить и не спорить, потому что мы, мирские люди, запись писали волею, со всего большого мирского совету»⁴³. В 1698 г. в д. Дондинской, «одинашную» заключили удмурты Чепецкой нижней доли. Настойчивые и успешные попытки отторжения удмуртских земель каринскими татарами и русскими крестьянами, активизация внутри общин «ябедников, ушников и наговорщиков» снова заставили крестьян попытаться найти единую линию поведения: «О таких делах стоять миром и друг друга в том ни в чем не подавать», толмачей, старост и целовальников «выбирать по любви из своей браты, отяков»⁴⁴.

Однако проблема удмуртской общинны как формы самоорганизации и одного из механизмов адаптации заключалась не только в отсутствии единства и стремлении каринской татарской верхушки к власти и манипулированию мнением общинников, но и в том, что среди удмуртов и бесермян немногие пожелали взять на себя исполнение мирских должностей, особенно обязанностей старосты и целовальника. Показательно дело каринского бесермянина Кармаклея Аюбашева, жаловавшегося, что целовальник бесермянской доли Д. Алеев «с невеликими мирскими людьми, по насердию своему» выбрал на свое место его брата: «А ему, брату моему, в тое Каринской бесермянской доле в целовальниках быть невозможно, и не в очередь, потому что отец ево и брата моего братенник были в целовальниках в недальних годах»⁴⁵. Из дела явствует, что при избрании на мирские должности, которые рядовыми общинниками воспринимались как неизбежная и громадная «тягость», община соблюдала очередность. Однако выбор был не слишком велик: избираемый должен был быть человеком «добрый», т.е. умным, волевым, предприимчивым и здоровым, поскольку на представителей мирской власти в первую голову обрушивался аппарат насилия. Они должны были постоянно взаимодействовать с властными структурами и обеспечивать высокий уровень их притязаний за счет сборов с общинников, их первыми ставили «на правеж» в случае несвоевременной уплаты податей. Поставленные «между Сциллой и Харибдой», они должны были проявлять чудеса изворотливости, смекалки, не говоря уже об отличном знании русского языка и основ российского законодательства, не претендуя при этом на вознаграждение со стороны мира. Община взамен обещала лишь поддержку, преимущественно материальную, в экстремальных ситуациях, но строго спрашивала за нарушения норм обычного права и общинной морали.

О том, насколько сложной оказывалась в этой обстановке судьба удмуртов, вызвавшихся взять на себя руководство, свидетельствует дело Тукташа Юрегова. Обеспеченный и влиятельный, он в 1696 г. был избран в старосты Верхочепецкой V Пургинской доли. На следующий же год Юрегов начал борьбу за размежевание доли с соседней Чепецкой верхней долей и с Казанским уездом и за выселение каринских татар, захвативших здесь значительные земельные угодья. Ему пришлось потратить немало мирских денег на «подарки и поноски» в московских приказах, без которых не открывалась ни одна дверь. Однако его мужественная борьба за интересы общины вызвала ожесточенное сопротивление каринских богатеев. В феврале 1698 г. удмурты Сила Кельдышев и Алексей Черевчеев били челом в Новгородском приказе о запрещении старостить Тукташу Юрегову, которого предлагали выслать в Москву в оковах. Новгородский приказ дал соответствующее распоряжение. В 1699 г. в приказе появился очередной членобитчик Аника Тукташев, обвинивший Юрегова в злоупотреблениях при распоряжении мирскими деньгами и просивший выслать его в Вятку вместе с сыщиком Саввой Сандыревым для расследования на месте. Таким образом, приказ действовал более чем непоследовательно: сначала он поддержал Тукташа Юрегова, через год запретил ему быть старостой и распорядился выслать его в оковах в Москву, еще через

год выслал в Вятку в качестве подследственного лица. Как предположил П.Н. Луппов, Новгородский приказ очень плохо разбирался во взаимоотношениях этнических групп крестьянства, а также во взаимоотношениях местной власти и крестьянских общин и пошел на поводу у татарской верхушки, жестоко мстившей Юрегову за его твердую позицию в защите интересов общины⁴⁶.

О правоте Луппова свидетельствует и история московского сыщика, дьяка Конюшенного приказа Саввы Сандырева. После успешного завершения сыска в пользу удмуртов каринские татары обвинили его во взятках, в разорении, пытках и даже в том, что на р. Чепце на плоту он поставил виселицу и вешал подследственных. В 1702 г. по этой жалобе Новгородский приказ начал расследование, направленное против Сандырева⁴⁷. Если объектом злобных нападок и беззастенчивой лжи стал московский дьяк, можно представить, насколько легче было уничтожить мирского выборного.

Тем не менее нельзя идеализировать поведение представителей мирской власти. Они нередко усваивали стереотипы поведения представителей власти. Так, в 1756 г. удмурты Арской дороги Уркиной сотни Тохтамышева жаловались в Малмыжской воеводской канцелярии на своего сотника Матвея Никитина в том, что он незаконно собирает при взыскании подушных денег по третям по 3 копейки с каждой души, а подати за 5 душ своего семейства целиком переложил на общину. Петра Алексеева, на которого был возложен сбор денег за «государевых лошадей», был «смертельно» и собрал вместо положенных по этой статье 12 коп. по 50 коп. с каждой души. Среди других злоупотреблений крестьяне отмечали и многочисленные нарушения норм морали: его старший сын Максим «украл» жену у живого мужа, а младшего сына Матвея он обвенчал на «зговоренной девке», а для себя держит в доме беглую удмуртку Узею Адыргишеву. Попытки переизбрать сотника не имели успеха: Матвей Никитин «доживает, правит без... выбору, насилиством своим»⁴⁸. Злоупотребления выборных представителей мирской власти иногда завершались даже гибелью общинников, пытавшихся отстоять свое мнение. Староста Игринской доли Чутырского конца Федор Иркешев на мирском сходе «за спор в разводе на мирские необходимые нужды денег» убил Василия Малых. Слободская воеводская канцелярия, расследовавшая это дело, приняла решение, снимавшее со старости всякую ответственность: «Оной Малых умре волею Божьему»⁴⁹. Крестьянин д. Гординской Каринской доли Максим Ложкин в 1772 г. при расследовании дела на мирском сходе был забит плетьми. Как показали общинники, староста «велел... десятнику держать и стегал... немилостивно, и после того брал золы раза три и на стеганые раны сыпал»⁵⁰.

Несмотря на все перипетии, при возникновении конфликтов по поводу нарушения установившихся отношений между крестьянством и фискальными органами государства удмуртская община запускала в действие механизмы защитной адаптации, главной целью которых было сохранение старых, устоявшихся форм ренты. Для индивидуальной психологической адаптации было важно, что перед фискальными и другими тяготами крестьянин-удмурт оказывался не один, а был окружен своего рода защитной оболочкой – общиной. Даже если дело было проиграно безнадежно, общинник оказывался одним из многих проигравших, что значительно облегчало психологическое восприятие негативного факта. К тому же, в XVI–XVII вв. в столкновениях по поводу землевладения и сохранения освященных традицией взаимоотношений с властью общинам удмуртов в основном удавалось выигрывать. Так, несмотря на все попытки вятских воевод распространить на северных удмуртов общие для всей Вятской земли сборы, а русского населения – «притянуть» их к несению повинностей, удмуртские общины, хотя и с немалыми усилиями, добивались подтверждения грамоты от 1588 г. каждым взошедшим на престол новым царем. В конце XVII – начале XVIII в. каринские удмурты инициировали масштабные государственные сыски по поводу злоупотреблений вятских воевод и их приспешников – каринских татар – потомков арских князей, выразившихся в захвате земель, в закабалении многих удмуртов, вынужденных отрабатывать чаще всего «намученные» долговые обязательства, в захвате власти в удмуртских общинах. Доведенные до отчаяния удмурты смогли сплотиться и выделить

из своей среды лидеров, возглавивших борьбу и добившихся, несмотря на прямое насилие и сопротивление вятских воевод, положительного результата.

Челобитная о сохранении прежней экстерриториальности в податном отношении была подготовлена 1689 г. удмуртами и бесермянами Каринской доли, в Москву отправились выборный удмурт Степан Люкин и целовальник Каринской бесермянской доли Иштерек Чибышев⁵¹. В 1694 г. была составлена челобитная от удмуртов Каринской, Чепецкой нижней и Верхочепецкой долей, которые выбрали четырех человек: Асыла Андреева сына Кимшина, Мишу Алексеева сына Люкина, Данила Богданова сына Марданова и Лучку Терентьева сына Худякова для ее подачи в Москве. Общины обеспечили своих посыльных деньгами на все необходимые нужды, челобитчикам были даны так же своеобразные гарантийные письма, дающие возможность в случае необходимости занимать деньги на любых, самых кабальных, условиях⁵². Челобитчики добились отправления на Вятку царской грамоты, поручившей решение всех вопросов воеводе Ивану Матушкину, который развернул настоящий террор против удмуртов. Потеряв надежду, каринские общины для нового этапа борьбы собирали силы почти четыре года. В январе 1698 г. на совет собрались удмурты всех общин Каринского стана и «со всего отяцкого совету» направили в Москву Нурыза Асанова и Камаша Тукташева «с товарыщи». В помощь им общинники наняли русского человека – хлыновского площадного подьячего Андрея Харина. Поверенные повезли в Москву челобитную, в которой просили прислать для следствия о действиях приказных людей и каринских татар, для высылки последних с захваченных ими удмуртских земель из Москвы «доброго человека». Вокруг личности предполагаемого сыщика тоже развернулась длительная борьба, и только отчаянная решимость Нурыза Асанова, отправившегося в Воронеж и проникшего в походный шатер Петра I, позволила удмуртам сохранить желательную для них кандидатуру Саввы Сандырева, дьяка Конюшенного приказа, который хорошо знал ситуацию на Вятке, так как в свое время был дьяком при вятском воеводе Хилкове. Дело Сандырева в 1701–1704 гг. продолжил стольник А.И. Челищев. В результате этих сысков были в какой-то мере сняты копившиеся в течение многих десятилетий противоречия между населением и властью, обособленность удмуртских общин в податном отношении, пусть не в полной мере, но была восстановлена⁵³.

Перед правительственные сысками конца XVII – начала XVIII в. с неизбежностью встала задача упорядочения землевладения и землепользования удмуртских общин и разрешения тянувшихся десятилетиями земельных споров между ними и русскими крестьянами, каринскими татарами и духовными корпорациями. Дело в том, что заинтересованное прежде всего в прибыли и скорейшем освоении запустевших во времена Смуты угодий правительство в XVII в. стало щедрой рукой раздавать желающим земли, за которые удмурты платили «валовый оброк» и считали «изстари, искони своими, вотчинными». Чтобы получить «данную память» на земли, достаточно было заявить в центральных органах власти, в Новгородском приказе или приказе Казанского дворца, что облюбованный участок лежит «впусте» и не приносит в государеву казну дохода. Именно таким путем исподволь сложилось обширное землевладение каринских татар в Верхочепецкой V Пургинской доле, а земельные угодья Чепецкой нижней доли оказались во владении верхочепецкого Воздвиженского монастыря и русских крестьян Чепецкого оброчного стана.

В связи с массированным внедрением в свои пределы удмуртские общины начали ожесточенную борьбу за сохранение земельного фонда. Несмотря на то, что пашни, покосы, усадебные места находились в индивидуальном наследственном владении отдельных дворов, при посягательстве на сложившийся в течение веков комплекс угодий удмуртские общины выступали как единое юридическое лицо. Коллективные действия по охране общинных земель, как уже отмечались, были одним из обязательных пунктов «одинашных» записей.

В ходе правительственные сысков 1699–1704 гг. сложилась практика составления так называемых владенных выписей, определявших границы земельных угодий общин с детальным описанием их пространства. Характерно, что эти документы выдавались

не только общинам-долям, но и входившим в их состав отдельным деревням, что свидетельствует о сложном характере общинной организации удмуртского социума. В 1701 г. правительственный сыщик А.И. Челищев оформил «владенную» выпись на пашенные земли и сенные покосы д. Кожильской Верхочепецкой нижней доли, в 1703 г. такой же документ получили удмурты д. Заозерской Чепецкой нижней доли, в декабре 1703 г. была оформлена «владенная» выпись с детальным описанием границ всей Верхочепецкой V доли⁵⁴. Прерогативы доли в поземельных отношениях сильнее всего выражались в той стороне ее деятельности, которая исследователями называется «территориальной властью мира»⁵⁵: мирское руководство следило за тем, чтобы земельные угодья, прежде всего сенокосы и пашня, не перешли во владение не-членов общин, особенно татар. При этом общинники считали принадлежавшие им угодья родовыми и наследственными. «Искони вечно владели прадеды, и деды, и отцы вотчинными своими Верхочепецкой волости землями, и лесами, и сенными покосы, и речками, и бобровыми гонами, и бортными и канежными угодьи, и звериными, и птичьими ловлями и всякими угодьи», – указывали удмурты Верхочепецкой V Пургинской доли межи землевладения своей общиной⁵⁶.

Права общин-деревни и общин-доли на владение территорией бесспорно признавались и властью, которая отожествляла их с чернососной крестьянской волостью. В специальном «Наказе» писцам А. Толочанову и подьячему А. Иевлеву по составлению писцовой книги Каринского стана 1629 г. указывалось «переписать, сколько у которой волости лесов и всяких угодий», земля была закреплена за долей «искони вечно, по многим указам и по жалованным грамотам до писцов», а также по писцовским книгам.

Необходимо подчеркнуть, что в развернувшейся на рубеже XVII и XVIII вв. вокруг земельных угодий общин ожесточенной борьбе власть встала на сторону удмуртских крестьян. В результате сысков общинники добились значительных успехов: правительство признало незаконным землевладение тех татар, которые поселились на территории двух Верхочепецких долей после переписи 1678 г. Последние были высланы в Каринскую татарскую долю, а их деревни и починки переданы удмуртам. В то же время мир принял в свой состав удмуртов и бесермян из «ыных долей», которые в переписных книгах земли и дворы в той их доле написаны», при одном обязательном условии: «великого государя стрелецкие деньги и всякое мирское тягло с тое пятой их доли платить по окладу вместе»⁵⁷. Эти и другие, более поздние источники убеждают в том, что удмуртские общини обладали реальной территорией, право на которую признавалось властью. Наличие согласия мира на подселение было предварительным, хотя и не всегда соблюдавшимся условием разработки пашни крестьянами-переселенцами. Это резервировало за удмуртской общиной определенное количество угодий, достаточное для ведения традиционного комплексного хозяйства, сочетавшего земледелие и животноводство с охотой, рыболовством и бортным пчеловодством, что облегчало социальную и этно-культурную адаптацию удмуртских крестьян к системе государственного феодализма.

В ходе сысков были также урегулированы поземельные отношения между чепецкими удмуртами и верхочепецким Воздвиженским и Спасским Усть-Святыцким монастырями, которые в 1608–1636 гг. закрепили за собой большие участки пашни, сенокосов и рыбных ловель по р. Чепце и ее притокам – Саде и Святыце. В 1701 г. сыщик Челищев получил наказ «розмежевать... Вятского уезду Воздвиженского монастыря земли с отяцкими и бесермянскими спорными землями»⁵⁸.

Адаптировавшись к особенностям политики, проводимой сословно-представительным государством в конце XVI–XVII вв., выработав механизмы отстаивания своих интересов, в первой четверти XVIII в. удмуртский социум вынужден был снова трансформироваться: реформы Петра I в корне меняли сложившиеся отношения. В ходе губернской реформы, когда Вятский уезд вошел в состав Сибирской губ., податное положение каринских удмуртов и бесермян подверглось серьезным преобразованиям. Стольник Степан Траханиотов, проводивший подворную перпись 1710 г., приверстал все нерусское население к Хлынову, а с 1713 г. они оказались в ведении слободского воеводы. Каковы были последствия правления вятских и слободских воевод, население

Каринской волости описало в своей челобитной, направленной в Сенат. Уже правление хлыновского воеводы, по словам челобитчиков, обошлось им дополнительно «рубля по полтора с двора». Нескончаемую цепь поборов вызвало появление в роли слободского коменданта И.И Немтинова – ставленника сибирского губернатора М.П. Гагарина. Как писали удмурты, Немтинов затеял вторичную перепись населения и «писал пустые и скоцкие дворы, одних жильцов вдвое». В доходную статью была превращена и доставка податных денег в казну: «А которые с нас зборы збираюта в твою государеву казну, и тех денег на дворе своем велит принимать... Да он же берет с нас за всякую отсылку по 100 рублев». Подводя итог всем нападкам и разорениям, перенесенным от Немтинова и его помощников, удмурты писали, что за год переплатили ему 4200 руб., отсылая для подтверждения своих слов к имеющимся в каждой общине расходным книгам. Надо отдать должное смелости доведенных до отчаяния челобитчиков: требуя проведения немедленного розыска о действиях Немтинова и сибирского губернатора, удмурты грозили правительству бунтом «не только иноземцами Вятского уезду, но и всеми русскими людьми»⁵⁹. Несмотря на то что Сенат полагал, что «вышеписанное челобитье от малых людей», жалоба не осталась без внимания. Очевидно, в обстановке продолжающегося восстания башкир угроза волнений со стороны вятских «иноземцев» казалась реальной, и в 1715 г. в Каринскую и Верхочепецкую волости из Петербурга был направлен стольник Петр Кошкарев с поручением «про все вышеписанное разыскать, кем надлежит, вправду, не норовя в том никому ни для чего»⁶⁰. Скооперировавшись с жителями Бешкильской, Масленской слобод и Архангельского и Шадринского пригородов Тобольского уезда, удмуртам удалось добиться смещения Немтинова и даже самого Гагарина⁶¹, однако в фискальном их положении мало что изменилось. Уже к 1716 г. податной оклад в 1 550 руб., положенный на них с учтенного числа дворов, возрос до 6 547 руб. Кроме того, 1 500 руб. составили запросные сборы. В ходе подушной переписи 1720–1722 гг. в стане было выявлено новопоселенных 931 двор, за которые было взыскано еще 7 119 руб. Сверх того, хлыновские посадские люди притянули население волости к платежу десятой деньги и других «купецких податей и служб в равенство»⁶². Характерно, что удмурты беспрекословно соглашались платить в казну и подушный сбор, и деньги «за пиво явочное, и медоставление, и винное курение, и за рекрут, и десятую деньги, и за продажу и мену лошадей» с единственным условием, чтобы все указанные деньги «збирать им самим и отдавать в указные места одною суммою». Эта оговорка вновь свидетельствует о том, насколько накладным оказался произвол представителей местной власти и насколько удмурты дорожили правом экстерриториальности и доверием к ним верховной власти как к исправным налогоплательщикам.

Окончательное и бесповоротное уравнение ясачного и чернососного, русского и нерусского крестьянства было осуществлено с введением подушной подати и с созданием 26 июня 1724 г. единого разряда государственных крестьян. При этом податные тяготы, сочетающие общегосударственные сборы и специфические налоги типа пошлины «с иноверческих свадеб», «с домовых бань», «с мечетей и мольбищ», «за винное курение, пивное варение и медовые ставки», возросли настолько, что вятский воевода Чадаев вынужден был запрашивать Сенат, как собирать подати с нерусских крестьян Каринского стана, ввиду того, что на них «наложен оклад тяжкой, и ежели такие наши деньги доправлены будут, то-де оне разорены будут»⁶³.

Петровская эпоха ознаменовалась ликвидацией еще одной уступки удмуртским крестьянам: наряду с другими податными сословиями они стали привлекаться к рекрутской службе и к поставке работных людей. Мобилизации работных людей на строительство городов и крепостей начались с 1701 г. В 1705 г. каринские удмурты писали, что «и работных людей к городу Архангельскому дают все в ряд с уездными и волостными русскими крестьянами с 5 дворов по человеку и на дачу им, работным людям, кормовая деньги, на покупку лошадей и к городовому делу всякие припасы дают же». Нерусские ясачные крестьяне Казанского уезда ежегодно поставляли по 2 900 человек для работы в Петергофе, по 393 конных работника с подводами для нужд Казанского адмиралтейства, по 1 конному работнику с 206 ясаков на строительство

гаваней⁶⁴. По-видимому, к набору рекрутов с удмуртов окончательно приступили после появления указа Петра I от 1722 г. По ведомости Вятской провинциальной канцелярии с 1720 по 1734 гг. с каринских удмуртских и бесермянской долей в рекруты были мобилизованы 425 человек⁶⁵.

Поставленное в жесткие условия и будучи убежденным, что правительство нарушило свои обязательства перед ним, удмуртское крестьянство искало новые адаптивные модели поведения. Ответом на правительственные инновации стали волнения и мятеж, разрушившие отношения, которые складывались в течение XVI–XVII вв. в упорной борьбе и во взаимных компромиссах с властью. Очевидно новая реальность перестала укладываться в принятую удмуртами картину мира, и традиционное сознание после масштабных преобразований, как и в середине XVI в., стало утрачивать необходимые адаптивные свойства. Как отмечают исследователи, в таких обстоятельствах конфликтность этноса по отношению к внешнему миру резко возрастает⁶⁶. Удмурты, как и остальное нерусское население Казанского уезда, поддержали башкирское восстание, которое развернулось в 1705–1711 гг. В первой половине 1708 г. Казанский уезд стал главным театром повстанческой борьбы, требования выдвигались от имени всех населяющих его народов, «чтоб с них, с башкирцев, и с татар, и с вотяков, и с черемисы для их скудости новонакладную на них прибыль снять». Среди предводителей восстания оказался удмурт Юбраш Никита. Заволновались и северные удмурты. Восстание было подавлено, началось взыскание «денежного и хлебного ясака, старого и новонакладного». Однако еще в 1714 г. удмурты, марийцы и чуваши продолжали оказывать сопротивление сбору новых натуральных повинностей. Мятежные выступления удмуртов вызвали и действия правительенных органов по пресечению их бегства в Башкирию.

Целой серией открытых выступлений крестьян-удмуртов сопровождалось введение подушной подати. Попытки начать ее сбор по Арской и Зюрейской дорогам завершились неудачей. В удмуртской сотне Кадыра Кадрекова «татара и вотяки собрались на стан человек по 1 000 и более, сотников и зборщиков отбили и, денег не дав», выслали зборщиков «из сотни вон». Прибывшего в Пронкину сотню Янмурзина поручика Чернавского с карательной командой восставшие «били смертным боем». После подавления мятежных выступлений в ходе следствия выяснилось, что движение исподволь и основательно готовилось общинным руководством: летом 1724 г. сотник Кадыр Кадреков ездил по всем деревням своей сотни и приказывал собраться «для совету, чтоб подушных и штрафных денег не давать». Ослушников мирской воли предлагалось «рубить»⁶⁷.

Когда мятежные действия были подавлены, удмуртские крестьяне стали искать менее деструктивные механизмы адаптации, дающие возможность использовать для выживания определенные недочеты бюрократического аппарата. Общинное руководство постепенно овладевало русским языком, прилежно изучало российское законодательство. «Смирение» и незнание русского языка, которое неизменно подчеркивалось в челобитных, стало в XVIII в. не столь беспросветным. Среди материалов сыска А.И. Челищева сохранилось любопытное дело о печатном экземпляре Соборного уложения 1649 г., который принадлежал Чепецкой нижней доле. Целовальник доли Богдан Дружкин передал его для «списывания» представителю Верхочепецкой доли Ивану Князеву. Последний, вероятно не без умысла, скрылся, не возвратив книгу, а его отец под любым предлогом пытался задержать возврат тома. Богдану Дружкину, от которого общинники настоятельно требовали немедленного отчета, пришлось выкупать книгу за 3 руб. Все это свидетельствует о том, что свод законодательных актов не лежал мертвым грузом, а активно использовался в повседневной жизни удмуртской общины. Он был настолько необходим во взаимоотношениях с местной властью и правительственными органами, что община, не имевшая печатного экземпляра, пыталась обзавестись хотя бы рукописной копией⁶⁸.

Будучи окончательно уравненными в податях и повинностях с русскими крестьянами, удмурты исподволь учились у них формам и способам успешной адаптации к

фискальной системе Российского государства. Для временного облегчения податного бремени удмурты стали в периоды переписей и ревизий скрывать число дворов и жителей в них. Так, в 1711 г. Сенат рассматривал особое дело об убыли населения Арской дороги, для расследования был направлен капитан Юрьев. Он выявил, что в 8 сотнях Арской дороги было утаено от переписи 1710 г. 6 807 человек, в том числе 2 316 мужчин и 687 женщин были зафиксированы среди беглых, 983 человека – среди умерших, на деле же оказалось, что они продолжают жить в своих селениях⁶⁹. Целые реестры неучтенного населения обнаружила и ревизия сведений первой подушной переписи. Так, в Верхочепецкой V доле Слободского уезда утаенные составили по отношению ко всему зарегистрированному населению 41%. Кроме того, удмурты не склонны были заносить в ревизские сказки больных, увечных и малолетних детей, простодушно объясняя, что они «все равно умрут», а подати за них придется платить до следующей ревизии⁷⁰. Бегство становилось и способом избежать рекрутчины: удмурты редко добирались до назначенного места службы, они бежали и жили, скитаясь. Так, только с февраля по март 1730 г. из взятых в рекруты каринских удмуртов и бесермян бежали 24 человека, в январе 1732 г. из Военной коллегии в Слободскую воеводскую канцелярию сообщалось, что в полки не явились 13 человек⁷¹. История, рассказанная беглым рекрутом новокрещеным удмуртом Борисом Васильевым в 1754 г., повторяется во многих источниках. При допросе в Слободской воеводской канцелярии он показал, что в 1722 г. был взят в рекрут, но с дороги бежал и жил «Казанского уезда в кильмезских вотяках у разных новокрещен». Только через несколько десятилетий Б. Васильев вернулся в родную деревню Тюптигурт Пургинской доли и жил, не скрываясь от мирских людей и целовальников, но в 1754 г. был арестован деревенским десятником и отправлен в г. Слободской⁷². Опасаясь поддержки «инородцами» башкирских восстаний и пытаясь уменьшить масштабы бегства, Сенат распорядился в апреле 1735 г. «рекрут из мордвы, чуваш, черемис и вотяков» отправлять в Остзейские гарнизонные полки. В 1735 г. указ был подтвержден императрицей Анной Иоанновной⁷³.

Петровская эпоха ознаменовала активизацию еще одного направления интеграции нерусских народов в единую государственную систему через создание единого конфессионального пространства. В первой четверти XVIII в. в политике христианизации преобладали методы поощрения: указ от 1 сентября 1720 г. освободил новокрещенов от платежа податей на три года, указ от 2 ноября 1722 г. – от рекрутской повинности, указ от 25 июня 1723 г. – от наказаний за утайку душ во время подушной переписи. Эти меры на удмуртов почти не подействовали: как отмечал Луппов, «среди народов Поволжья удмурты дали новокрещеных всего менее»⁷⁴. Начиная с 1740 г. правительственные политика перекладывания податей и повинностей с крестившихся на язычников поставила удмуртский этнос перед очередным выбором: адаптироваться, надев на себя личину христианина, или оставшись в язычестве, поставить под угрозу будущее народа. К концу XVIII в. большинство удмуртов, проявив гибкость и рационализм, формально приняли христианство, хотя продолжали идентифицировать свою этническую сущность с удмуртским языком и язычеством.

Таким образом, удмурты, поставленные перед необходимостью развиваться и сохранять свою идентичность в составе Российского государства, адаптировались, учась на ходу, перенимая опыт у своих собратьев – русских крестьян. Стремление к изоляции от внешнего мира, уход в неосвоенные лесные пространства постепенно сменялись настойчивыми обращениями к высшей власти с требованиями облегчить податное бремя и улучшить социальное положение. Власть, в свою очередь, предпринимала шаги по облегчению процесса адаптации. Временные уступки правительства рождали убеждение, что царю и его окружению небезразлична судьба удмуртского народа, и при настойчивости и приложении усилий можно добиться справедливости.

Примечания

¹ Гришикина М.В. Экологическое сознание и поведение удмуртов // *Finno-ugrika*. Казань, 2007. № 10. С. 144.

² ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 279; Т. 37. Л., 1982. С. 50; Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475–1605 гг.). Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 29.

³ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 211.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 18, 32.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

⁷ Там же. С. 527.

⁸ Там же. С. 238–239.

⁹ Там же. С. 247, 269–270.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. М., 1989. С. 135.

¹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 282.

¹² Димитриев В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001. С. 97–98.

¹³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // *Советская этнография*. 1981. № 2. С. 81.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 281–282; РК 1475–1605 гг. Т. 1.Ч. 3. С. 42.

¹⁵ Гришикина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI – первой половине XIX в. Ижевск, 2006. С. 15–35.

¹⁶ Трепавлов В.В. Присоединение народов и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М., 2006. С. 199.

¹⁷ Гришикина М.В. Поземельные отношения на севере Удмуртии в XVI–XVII вв. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 7.

¹⁸ История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. Эпоха феодализма. Йошкар-Ола, 1992. С. 106.

¹⁹ Гришикина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половине XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 37.

²⁰ Гришикина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 45.

²¹ Приложение к «Материалам по статистике Вятской губернии». Т. 1. Малмыжский уезд. Вятка, 1886. С. 5.

²² Гришикина М.В. Служилое землевладение... С. 37–40.

²³ Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 209; ПСЗ-І. Т. 3. СПб., 1830. Ст. 1579.

²⁴ Димитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 292–305.

²⁵ История Марийского края в документах и материалах. Т. 1. С. 106.

²⁶ Эммаусский А.В. Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII веков. Киров, 1956. С. 163.

²⁷ РГАДА, ф. 248 (Сенат и его учреждения), оп. 3, кн. 100, д. 27 (1709 г.), л. 358 об. – 359.

²⁸ РГАДА, ф. 16 (XVI разряд Госархива), оп. 1, д. 712 (1711–1713 гг.), л. 3 об.

²⁹ Там же, ф. 1113 (Вятская приказная изба), оп. 1, д. 4 (1615 г.), л. 17.

³⁰ Гришикина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 104–105.

³¹ Луппов П.Н. Удмуртские «доли» в XVII–XVIII вв. // Записки Уд НИИ. Сб. 9. Ижевск, 1940. С. 10.

³² Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958. С. 255.

³³ Там же. С. 330.

³⁴ Луппов П.Н. Удмуртские «доли»... С. 12–13.

³⁵ Гришикина М.В. Численность и расселение удмуртов в XVIII веке. С. 112.

³⁶ РГАДА, ф. 573 (Слободская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 123 (1769 г.), л. 231.

³⁷ Бушуева В.Л. О социально-экономических отношениях в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII вв. // История СССР. 1962. № 4. С. 122. Характерно, что и в южноудмуртских сотнях должности сотников иногда брали на себя татары, такие как Бегаш Ямеев, перехвативший должность сотника от удмурта Янтугана Матвеева.

³⁸ Бушуева В.Л. Разложение тяглых общин удмуртских крестьян Хлыновского уезда на рубеже XVII–XVIII вв. // Ученые записки Стерлитамакского госпединститута. Вып. 3. Стерлитамак, 1960. С. 32–33.

³⁹ Бушуева В.Л. О социально-экономических отношениях... С. 130.

⁴⁰ РГАДА, ф. 425 (Вятская воеводская канцелярия), оп. 2, д. 6 (1723 г.), л. 56–56 об.

⁴¹ Там же, оп. 5, д. 26 (1724 г.), л. 51–51 об.

⁴² Документы по истории Удмуртии... С. 95–99.

⁴³ РГАДА, ф. 141 (Приказные дела старых лет), оп. 8, д. 170 (1700–1701 г.), л. 54.

⁴⁴ Документы по истории Удмуртии... С. 132–133.

⁴⁵ РГАДА, ф. 141, оп. 4, д. 314 (1670 г.), л. 2–3 об.

⁴⁶ Документы по истории Удмуртии... С. 120, 134, 141.

⁴⁷ РГАДА, ф. 141, оп. 8, д. 183 (1701 г.), л. 2; д. 277 (1704 г.), л. 28 об. – 30.

⁴⁸ Там же, ф. 1040 (Малмыжская воеводская канцелярия), оп. 1, д. 11 (1756 г.), л. 1–3 об.

⁴⁹ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVIII веке. Ижевск, 1977. С. 30–31.

⁵⁰ РГАДА, ф. 573, оп. 1, д. 130 (1772 г.), л. 534 об.

⁵¹ Документы по истории Удмуртии... С. 364–367.

⁵² Там же. С. 116–124.

⁵³ Гришкина М.В. Удмурты: этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 67–90.

⁵⁴ РГАДА, ф. 141, оп. 8, д. 277 (1703 г.), л. 469 об. – 470, 478 об. – 480. См. также: Документы по истории Удмуртии... С. 154–165.

⁵⁵ Покровский Н.Н. О поземельной структуре крестьянской общины русского Севера. XV – первая половина XVI в. // Бахрушинские чтения. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 13–14.

⁵⁶ Документы по истории Удмуртии... С. 151.

⁵⁷ Там же. С. 156.

⁵⁸ Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма... С. 88.

⁵⁹ РГАДА, ф. 248, оп. 2, кн. 19, д. 50 (1715 г.), л. 283 об. – 290.

⁶⁰ Там же, л. 319.

⁶¹ Там же, л. 306–306 об.

⁶² Там же, ф. 573, оп. 1, д. 1 (1729–1730 гг.), л. 81–83 об.

⁶³ Там же, ф. 248, оп. 4, д. 156 (1720 г.), л. 401–405.

⁶⁴ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... С. 144, 147.

⁶⁵ РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 52 (1735 г.), л. 34–35 об.

⁶⁶ Лурье С.В. Историческая этнография. М., 1997. С. 336.

⁶⁷ Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии... С. 167–169.

⁶⁸ РГАДА, ф. 131 (Татарские дела), оп. 1, д. 1 (1702 г.), л. 156–162.

⁶⁹ Там же, ф. 248, оп. 3, кн. 101, д. 4 (1711 г.), л. 463–470 об., 525–530.

⁷⁰ Там же, ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп. 3, д. 5877 (1722 г.), л. 119–145, 189–226; ф. 573, оп. 1, д. 91 (1755 г.), л. 209–213 об.

⁷¹ Там же, ф. 573, оп. 1, д. 2 (1730 г.), л. 186–187 об.; д. 3 (1732 г.), л. 22–24.

⁷² Там же, д. 90 (1754 г.), л. 32.

⁷³ ПСЗ-1. Т. 9. СПБ., 1830. № 6721; РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 450 (1735 г.), л. 921–922 об.

⁷⁴ Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Ижевск, 1999. С. 106–108.

© 2010 г. Е. И. КОРНЕЕВА*

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНОСТРАННОГО ТУРИЗМА В СССР В 1920–1930-х годах

Первый туристический поток в Советскую Россию в начале 1920-х гг. поставил перед властями задачу комфортного размещения в городах иностранных гостей. В августе 1922 г. по распоряжению НКИД и подведомственного ему Бюро по обслуживанию иностранцев в Петрограде была открыта единственная в своем роде гостиница «Европейская». Уже в 1926 г. в ней было 253 номера, а для иностранцев делались

* Корнеева Евгения Ивановна, заведующая сектором Института туризма и гостеприимства (Московский филиал Российского государственного университета туризма и сервиса).

скидки на проживание (до 25%) и питание (до 50%)¹. В 1923 г. правление Московского городского банка приняло решение финансировать Управление московскими гостиницами для восстановления 5 столичных отелей. Их ремонт и оборудование предполагалось завершить к открытию Всероссийской сельскохозяйственной выставки, которую должны были посетить иностранцы².

Более серьезные изменения в отношении организации иностранного туризма произошли после создания в 1929 г. государственного акционерного общества (ГАО) «Интурист», наделенного соответствующими полномочиями. В частности, общество могло строить, ремонтировать и арендовать гостиницы, общежития и прочие помещения для проживания иностранцев³. Однако к началу туристического сезона у «Интуриста» не оказалось договора с Управлением гостиниц по обслуживанию больших групп иностранных гостей. Поэтому кроме нехватки гостиничных номеров обнаружился ряд несогласований. Так, для прибывших пароходом «Кап-Полонию» двухсот туристов в Москве были заказаны гостиничные комнаты на 17–19 июля с условием их оплаты «Интуристом» еще и за 15–16 июля, что вызвало 70%-й рост накладных расходов общества. Аналогичная ситуация сложилась и с туристами с пароходов «Аркадиан» и «Океана». «Интуристу» приходилось переплачивать гостиничному тресту и за питание. К примеру, за 3-разовое питание нужно было заплатить за туристов первой категории по 11 руб. 75 коп. с человека в день, а второй категории – по 6 руб. 50 коп. Для сравнения: в Чехословакии и Югославии туристы имели полное обслуживание (питание, комнату с ванной и т.д.) всего за 4–5 долларов в день⁴.

Конечно, не обошлось без нареканий со стороны иностранцев. Так, турист из Сан-Франциско Генри Г. Виллиамс в письме от 24 августа 1929 г. жаловался, что обычно туристам выделяли всего 2 комнаты – по одной для женщин и мужчин. А однажды троим американцам пришлось занять комнату, «в которой было десять коек и ни одного полотенца», а «уборная была в таком состоянии, что ею нельзя было пользоваться»⁵. Подобное случалось часто, поэтому уже 11 октября 1929 г. на заседании правления «Интуриста» была заслушана записка члена правления Т.С. Хозяйнова «О проблемах развития иностранного туризма в СССР», актуализировавшая задачу расширения гостиничного фонда как в Москве и Ленинграде, так и в других городах страны⁶. ГАО «Интурист» обратилось к правительству с просьбой передать в его ведение гостиницы «Метрополь» в Москве, «Астория» и «Северная» в Ленинграде для их использования уже в сезоне 1930 г.⁷ В том же году «Интурист» выделил коммунальным предприятиям Крыма 45 тыс. руб. на ремонт и переоборудование гостиниц «Ленинград» в Ялте и «Северная» в Севастополе с целью приспособления их к приему иностранцев⁸.

Несмотря на все эти меры, в начале 1930-х гг. иностранный туризм в СССР остался самым дорогим из всех видов активного отдыха. Отсутствовали дешевые пансионаты, обслуживание интуристов было дорогим, хотя цена предоставляемых им услуг не соответствовала их качеству. Согласно докладу председателя ревизионной комиссии ГАО «Интурист» Стейнера о результатах ознакомления с донесениями гидов (14 марта 1930 г.), жалобы на размещение в гостиницах были общим явлением. Помещения предоставлялись не всегда и не в достаточном количестве, в большинстве случаев грязные, с несвежим бельем и без ванных. Как правило, из-за антисанитарных условий невозможно было пользоваться туалетами. Туристы отмечали: «10 кошек в гостинице и ни одного полотенца». Вдобавок ко всему – масса паразитов. Были случаи, когда туристы спали на полу, но и это не спасало их от назойливых насекомых⁹.

Все высказывание подтверждают материалы обзора иностранной прессы, готовившиеся «для служебного пользования» руководства «Интуриста». Например, корреспондент «Фоссише Цайтунг» 26 февраля 1931 г. сетовал, что «Ленинград зимой доставляет мало радости туристу... из-за слабо протопленной комнаты, за потертую и изодранную роскошь которой платишь около 25 марок в сутки». Причем при предварительном заказе за номер в счет включали сутки до прибытия. Что касается питания в ресторане гостиницы, то меню состояло всего из блюд – мясного и рыбного «с привкусом плохого маргарина». С этими оценками соглашалась «Бернская газета»

(24 марта 1931 г.): «Гостиницы Москвы – самые дорогие в мире». Всего 31 столичная гостиница давала приют тысячам приезжих. В связи с большим спросом комнаты были «неимоверно дороги, хотя и обставлены весьма просто и часто лишены необходимого комфорта», поэтому пребывание в Москве обходилось иностранцам «дороже отдыха на Ривьере». Иногда за ночевку в ванной комнате отеля они платили 13 франков, а один американский промышленник вынужден был переночевать в комнате своего московского представителя. За дополнительную кровать он заплатил 25 франков за ночь, а комната стоила 75 франков в сутки.

«Ньюз Кроникл» в заметке 16 января 1931 г. повествовал о дорожных мытарствах профессора Тойнби, который не смог устроиться в московскую гостиницу и вынужден был путешествовать морозной ночью с багажом, взяв извозчика.

Зачастую зарубежные гости поражались явному несоответствию внешней помпезности гостиничного убранства и убогого (но недешевого) сервиса. Корреспондент «Берлинер Тагеблат», отмечая, что «Гранд-отель» (Москва) считался одной из лучших гостиниц в России («пышные комнаты, великоложеское убранство», лифт и горячая вода), удивлялся отсутствию стакана к графину. Такой же контраст являл собою ресторан отеля, где «обеденный зал похож на зал ожидания 1 класса конца прошлого столетия», но при весьма высоких ценах. Например, самое дешевое крымское вино стоило 15 марок (7 руб. 50 коп.), а «Шатоикем» без указания года – 100 и 110 марок (45 и 50 руб.).

На окраинах же Советской России «сервис», на взгляд иностранных туристов, был ужасающим. Француженка Клауде Алейран («Кандид» от 4 декабря 1930 г.) до глубины души возмущалась тем, что в гостинице «Отель де Версаль» во Владивостоке «грязные полы, вытертые и дырявые ковры, темная лестница, грязные стены, нет занавесок на окнах, и лифт не работает». Непривычной и даже дикой казалась ей ситуация, когда на троих мужчин и одну женщину в отеле с таким громким названием дали одну комнату с тремя кроватями¹⁰.

Всевозможные случаи, когда иностранцы ночевали в ванных комнатах, коридорах и даже на вокзалах, или же, не получив место в отеле, возвращались домой, самым пагубным образом сказывались на масштабах иностранного туризма в СССР. Впрочем, английский корреспондент «Ньюз Кроникл» в номере от 25 ноября 1930 г. иронизировал: «Русская революция была совершена не исключительно для того, чтобы создать комфорт для интуристов»¹¹.

Отсутствие в СССР соответствующей гостиничной базы заставляло крупнейшие туристические фирмы чрезвычайно сдержанно относиться к вербовке туристов в нашу страну. Секретное постановление СТО от 2 декабря 1930 г. «О мероприятиях для развития иностранного туризма в СССР» обязывало СНК союзных республик выделить «Интуристу» за определенную плату несколько санаториев и пансионатов. На общество было возложено обслуживание международных научных конгрессов, проходивших на территории Советского государства, что также требовало скорейшего разрешения вопроса о гостиничном сервисе¹².

Согласно постановлению СНК СССР № 763 от 5 сентября 1931 г. «О развитии иностранного туризма в СССР», «Интуристу» на арендных началах передавались гостиницы в крупных городах страны: «Новомосковская» и «Европа» (Москва), «Октябрьская» (Ленинград), «Красная» (Одесса), «Континенталь» (Киев), «Ленинградская» (Ялта) и «Золотой Рог» (Владивосток). Затем намечалось строительство сети новых отелей: в Ленинграде – на 450 комнат, Москве – на 800, Нижнем Новгороде – на 140, Сталинграде – на 160, Ростове-на-Дону – на 100, Тифлисе – на 200, Орджоникидзе – на 100, Батуми – на 160, Эривани – на 60, Ялте – на 100, Севастополе – на 120, Одессе – на 200, Киеве – на 200, Харькове – на 150, Запорожье (Днепрострой) – на 100, Кисловодске – на 180, Баку – на 120, Сухуми – на 50, Гаграх – на 50, Сочи – на 100, Нальчике – на 50 и Владивостоке – на 100 комнат. Хотя часть объектов планировалось завершить уже в 1932 г., гостиницы в Москве, Ленинграде и Харькове должны были быть построены к маю 1933 г.

Правительства соответствующих союзных и автономных республик, краевые и областные исполнительные комитеты и горсоветы обязывались в течение месяца выделить «вполне подходящие участки» для гостиничного строительства «Интуриста» в перечисленных выше городах. В течение 1932–1933 гг. Госплан СССР обязан был контролировать выполнение этой строительной программы, для чего выделялись специальные фонды строительных материалов и оборудования. Таким образом строительство «Интуриста» по линии финансирования и снабжения стройматериалами приравняли к разряду ударных. ВСНХ обязал соответствующие объединения обеспечить строящиеся объекты всем необходимым оборудованием. И, наконец, НКФ СССР получил распоряжение о предоставлении средств как для строительной программы «Интуриста», так и для ремонта и переоборудования функционирующих отелей, передаваемых обществу¹³.

В конце 1931 г. «Интурист» развернул строительство собственных гостиниц в Кисловодске, Батуми, Баку и Тифлисе, а также совместно с горсоветами – в Харькове, Сталинграде и Нижнем Новгороде. Правда и здесь не обошлось без проблем: план выполнялся не более чем на 25%, а из выделенных обществу 7 млн руб. фактически было использовано не более 3 млн. Строительство нередко проводилось без увязки с туристскими маршрутами, в силу чего ряд объектов не использовался. В целом, согласно материалам Наркомата внешней торговли СССР, план по созданию объектов «Интуриста» на 1931 г. в Москве и Тифлисе остался не выполнен. В других городах был выполнен следующим образом: в Баку – на 5%, Сталинграде – на 6, Нижнем Новгороде – на 7, Батуми – на 10, Кисловодске – на 15 и только в Харькове – на 70%. Оправдания правления «Интуриста» по поводу того, что срыв строительства объяснялся отсутствием стройматериалов, не соответствовали действительности. Основной причиной перманентной «незавершенки» было, по мнению комиссии Наркомата внешней торговли СССР, «отсутствие необходимого руководства и контроля» со стороны правления общества.

В IV квартале 1931 г. «Интурист» получил на арендных началах ряд гостиниц в Киеве, Одессе, Ялте, Владивостоке и Москве, что создало базу для обслуживания интуристов. Однако здесь общество столкнулось с большим сопротивлением со стороны местных властей. Так, председатель Моссовета категорически отказался передать обществу гостиницу «Европа», а председатель Ленинградского облисполкома – гостиницу «Октябрьская». Местные горсоветы передавали отели крайне неохотно, а арендная плата за них рассчитывалась «исключительно из интересов городских бюджетов». Были проблемы и с получением необходимых строительных материалов для ремонта и оборудования передаваемых гостиниц¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что иногда развитие гостиничного комплекса тормозилось самим обществом. В сентябре 1931 г. СНК Крымской АССР принял решение о выделении земельных участков, денежных средств и стройматериалов для постройки в регионе нескольких гостиниц «Интуриста»¹⁵. Городские власти Ялты для возведения здания «интуристовской» гостиницы выделили участок земли в самом центре города, однако правление общества решило отложить строительство до 1936 г., а затем и вовсе перенесло его начало на более поздний срок. В итоге, до Великой Отечественной войны отель так и не был построен, а зарубежных гостей Ялты принимала гостиница «Ленинград», имевшая 50 номеров, ресторан, кафе, парикмахерскую, прачечную и т.п.¹⁶ До 1938 г. для приема гостей из-за рубежа «Интурист» арендовал также номера в доме отдыха «Ореанда»¹⁷. В Севастополе интуристов принимала гостиница «Северная», которая располагалась в трехэтажном здании дореволюционной постройки, имела 29 номеров, в которых одновременно размещались до 50 гостей. В здании находились небольшое кафе и ресторан на 80 мест. Сохранившиеся документы свидетельствуют и о том, что на протяжении 1930-х гг. в этой севастопольской гостинице отсутствовала горячая вода и были серьезные проблемы с отоплением помещений¹⁸.

В целом по стране, несмотря на значительный перерасход средств, к началу туристического сезона 1932 г. ни новое гостиничное строительство, ни даже ремонт

старых объектов не были завершены. Опыт «Интуриста» в строительном деле показал, что пусть и с опозданием, но сдавались только те объекты, возвведение которых велось горсоветами (Сталинград, Харьков, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород), тогда как самостоятельное строительство общества все время упиралось в тысячи неувязок технологического и организационного порядка¹⁹.

Но главным фактором, сдерживающим развитие туристической деятельности «Интуриста», стало создание в 1931 г. всесоюзного акционерного общества (ВАО) «Отель» для обслуживания иностранцев на время пребывания на территории СССР. Согласно уставу, утвержденному Секретариатом ЦИК СССР 26 апреля 1931 г., предприятия акционерного общества создавались по всей стране. Только в течение февраля–сентября того же года «Отель» получил в эксплуатацию гостиницы «Метрополь», «Националь», «Савой» (Москва), «Европейская» и «Астория» (Ленинград), «Лондонская» (Одесса), ресторан «Лондон» (Николаев), гостиницу «Версаль» (Владивосток).

В марте–апреле 1931 г. стало очевидно, что параллельные действия «Отеля» грозили полным срывом организационной работы «Интуриста». Ненужная конкуренция вела «к полному устраниению планового контроля и урегулирования в области въезда туристов в СССР» и подрывала «положение и авторитет „Интуриста“ на мировом рынке туризма». В ответ на один из судебных исков «Отеля» к «Интуристу» правление последнего даже решило использовать «тяжелую партийную артиллерию», т.е. «обратиться к Генеральному секретарю товарищу Сталину»²⁰.

Только за 1932 г. количество находившихся в ведении «Интуриста» гостиниц выросло до 21 (2 155 номеров), ресторанов – до 19 с 4 538 посадочными местами²¹. В то же время, переговоры с ВАО «Отель» о предоставлении «Интуристу» необходимого количества комнат и организации питания не увенчались успехом, так как «Отель» поставил условие платить ему в валюте больше, чем «Интурист» получал. В апреле того же года заместитель наркома внешней торговли СССР Ш.З. Элиава обратился в Президиум ЦИК СССР с просьбой отменить решение Секретариата ЦИК о передаче «Отелю» гостиницы «Интернационал» в Батуми, так как «Интурист» заключил договор о ее аренде с Батумским горсоветом, приступив к ремонту и обустройству здания еще в 1931 г. Президиум ЦИК удовлетворил эту просьбу²², однако отношения между двумя обществами остались напряженными.

Все изменилось только 7 февраля 1933 г. в связи с объединением двух обществ в единое ВАО «Иностранный турист» (далее – «Интурист») с уставным капиталом в 35 млн руб.²³ Начиная с 1933 г. были отстроены и введены в эксплуатацию 6 новых гостиниц (в Сталинграде, Горьком, Баку, Кисловодске и в районе Эльбруса). Все номера новых отелей имели холодную и горячую воду, телефоны, большинство из них – индивидуальные ванны, души и туалеты. В гостиницах открыли рестораны, парикмахерские, бильярдные и т.п. Вне сезона гостиничный комплекс «Интуриста» использовали и для обслуживания советских граждан²⁴. В связи со снижением расценок на номера в гостиницах с 1 марта 1934 г. отменили установленные правлением 10–15% скидки лицам, проживающим в них более двух месяцев. В августе пересмотрели цены и на курортный отдых. Иностранным управлению было рекомендовано продавать лицам путевки в Кисловодск, Сочи, Гагры, Ялту, Севастополь и Одессу на следующих условиях: для специального класса – 90 руб. в месяц, для туристического класса – 120 руб. и для первого класса – 210 руб. При этом туристы специального и туристического классов размещались по 2 человека в комнате и только первого – в отдельной комнате²⁵.

Свой 5-летний юбилей «Интурист» встретил, имея в 22 городах СССР 25 более или менее обустроенных гостиниц, часть которых была переделана из старых общежитий. В начале июня 1934 г. Секретариат ЦИК СССР решил передать обществу гостиницу «Красная» в Харькове при условии уплаты Хозяйственному управлению ВУЦИК 1.5 млн руб. тремя частями до 10 апреля 1935 г. Всего в июне «Интурист» открыл 3 не предусмотренных годовым планом объекта: гостиницу «Красная» и ресторан в Харькове, гостиницу и ресторан в Архангельске и гостиницу в Минске²⁶.

Однако вместимость интуристовских гостиниц оказалась незначительной: только 4 имели 200 номеров, 2 – от 100 до 200, 11 – от 50 до 100, а 13 – менее 50 номеров. Из общего количества номеров (2 523) в 1934 г. было оборудовано всего 147 новых, т.е. рост составил лишь 6.2%. В эксплуатации находился всего 1 891 номер (около 25% ремонтировались или использовались не по назначению), а ванные и полное водоснабжение имели только 718 номеров. В юбилейном году на балансе «Интуриста» числились 24 стройки, из которых 14 были новыми и 10 объектов находились на капитальном ремонте. В целом план по строительству в 1934 г. был выполнен ведомством на 80.3%²⁷. Конечно, такие показатели не соответствовали темпам роста туристической отрасли в СССР.

«Интурист», подготовивший к 1936 г. 36 туристических маршрутов, обслуживал иностранцев по 3 классам. Для первого предусматривалось размещение в отеле «Интуриста» (отдельная комната с ванной, где таковые имелись) и «кэзисканное питание в первоклассном ресторане» 4 раза в день по купонам. При этом вино и минеральная вода в стоимость обслуживания не входили. Дополнительное питание предоставлялось за наличные. Туристический класс предусматривал размещение в гостиничной комнате с душем или ванной (при их наличии) по 2 человека в комнате и «сытное питание» 3 раза в день. Туристов третьего класса селили по 3–4 человека в номере, причем не обязательно интуристовской гостиницы²⁸. Цены на курортах Кисловодска, Сочи, Гагр, Сухуми, Ялты, Севастополя и Одессы также зависели от сроков пребывания и класса обслуживания. До 10 дней туристическое обслуживание по первому классу (отдельная комната в гостинице) стоило 225 фр. в день, по второму (1 комната на двоих) – 125 фр., по третьему (2 и более человек в одной комнате) – 75 фр. Курортный отдых в течение 11–20 дней обходился соответственно в 164, 92 и 52.5 фр., а 21 и более дней – 123, 69 и 39.5 фр. [расчеты в документе – во франках. – Е.К.]²⁹.

На 1936 г. была впервые подготовлена генеральная инструкция правления ВАО «Интурист» по обслуживанию иностранных гостей, которая определяла функции и специфику работы Бюро обслуживания, располагавшихся в вестибюлях гостиниц или в ближайших к ним комнатах. Бюро должны были иметь набор рекламных и справочных материалов: альбом с видами и описанием объектов культурного показа, снимки театральных постановок, рекламные брошюры и листовки «Интуриста», карту Советского Союза и железнодорожных, водных и воздушных путей сообщения страны, железнодорожное, пароходное и аэропланное расписание, а также тарифные справочники по этим видам транспорта. Помимо этого, Бюро было обязано предоставить иностранному туристику расписание главных маршрутов заграничных железных дорог, рейсов заграничных теплоходных компаний, воздушных путей сообщения из СССР и основных заграничных линий с указанием цен на них. Инструкция требовала от сотрудников Бюро знания английского, французского и немецкого языков, так как в их обязанности входили организация и обслуживание иностранных клиентов: встреча и проводы, экскурсии, регистрация национального паспорта и т.д.³⁰

В 1937 г. «Интурист» получил от Хозяйственного управления ЦИК СССР гостиницу «Ореанда» в Ялте, вступил в эксплуатацию отель в Кисловодске. На 1 января 1938 г. на балансе общества находились 28 гостиниц и 27 ресторанов, 19 кафе и 10 кондитерских, 20 парикмахерских и 23 прачечных, 27 бюро обслуживания и путешествий, различные подсобные производства.

Однако с 1 октября того же года гостиницу «Ореанда» в Ялте передали Хозяйственному управлению НКВД, а арендованную гостиницу в Запорожье возвратили горсовету. В начале 1939 г. в системе «Интуриста» уже числились 24 гостиницы и 25 ресторанов, 14 кафе и 13 бильярдных, 20 парикмахерских и 11 прачечных, 24 бюро обслуживания иностранцев и 6 бюро путешествий (продажа заграничных проездных документов), дом отдыха и жилые дома, подсобные производства. 1 июля 1939 г. «Интурист» передал гостиницу бывшего севастопольского отделения Наркомату военно-морского флота СССР, с 1 августа Наркомздраву РСФСР отошло отделение в Нальчике с гостиницей в Адыл-Су, административно-хозяйственному управлению НКВТ – дом

отдыха в Болшеве. Кроме того, «Интурист» уступил харьковскому горсовету здание гостиницы «Астория». Открывшаяся в сентябре 1939 г. гостиница в Батуми не компенсировала эти потери³¹.

Все эти организационные и структурные изменения лишь ухудшали качество гостиничного обслуживания. Например, зарубежные гости, посещавшие Крымскую АССР, чаще всего жаловались на отсутствие в отелях горячей воды, скудную обстановку номеров и недостаточное внимание со стороны обслуживающего персонала³². Обоснованность претензий признавало и руководство «Интуриста». К примеру, обследование севастопольского отделения общества в 1937 г. показало, что оборудование гостиницы «Северная» «кубогое и недостаточное», настольные лампы отсутствовали, в матрацах – «сплошная труха», в номерах, занятых туристами, не было штор на окнах, а на всю гостиницу имелась только одна ванная, да и то не работавшая. Если сюда добавить и режим секретности в связи с частым проведением военных учений в городе, во время которых гостей держали в гостинице «чуть ли не взаперти»³³, а также указание секретаря ЦК партии А.А. Жданова не пускать в рестораны и гостиницы для иностранцев советских граждан³⁴, можно понять недовольство интуристов, не привыкших к такому отдыху.

Заметим, что многие сотрудники «Интуриста» с явным недовольством относились к непонятным для них претензиям иностранцев, считая их проявлениями буржуазности. Более того, в рекламных материалах общества уделялось больше внимания не бытовым условиям в гостиницах и качеству сервиса, а пропаганде «идей советской власти» и достижений нового строя³⁵. Тем самым из «техники гостеприимства» изымался существенный компонент «обхаживания визитера», а «выборочное представление реальности» путем показа «достижений социализма» не могло компенсировать зарубежным гостям психологический дискомфорт.

Примечания

¹ Богданов И.А. Старейшие гостиницы Петербурга. СПб., 2001. С. 99, 101.

² Новые гостиницы // Коммунальное хозяйство. 1923. № 14. С. 27.

³ ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 2, л. 1–2.

⁴ Там же, оп. 2, д. 1, л. 21–22, 24, 25–26, 28–29.

⁵ Там же, л. 14–16.

⁶ Там же, л. 3–10, 18–19, 30–31.

⁷ Там же, л. 6, 8–9; оп. 1, д. 3, л. 43.

⁸ Там же, оп. 1, д. 6, л. 1, 10.

⁹ Там же, оп. 2, д. 9, л. 35. об. – 36.

¹⁰ Там же, оп. 1, д. 8, л. 88, 90, 130, 132–133.

¹¹ Там же, л. 126.

¹² Там же, оп. 2, д. 2, л. 45–47; д. 37, д. 1–2 об.

¹³ Там же, д. 37, л. 3–6.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 6, л. 2 об., 8 об., 83; д. 8, л. 57–58, 126; д. 9, л. 1–1 об.; д. 10, л. 2 об. – 3; оп. 2, д. 37, л. 20–22; РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 19, л. 85–85 об.; д. 277, л. 84.

¹⁵ До 1931 г. в Крыму не было структурных подразделений «Интуриста». Посещавшие Ялту группы зарубежных гостей обслуживались Всесоюзным добровольным обществом пролетарского туризма и экскурсий.

¹⁶ Попов А.Д. Край древних развалин и новых санаториев: Деятельность «Интуриста» в Крымской АССР (1931–1941 гг.) // Вестник Московского университета. 2007. № 2(2). С. 113.

¹⁷ Курортные известия. 1937. 21 ноября. В августе 1941 г. в связи с ликвидацией крымского отделения все его имущество, включая гостиницу «Ленинград», было передано Ялтинскому горисполкому (ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 75, л. 8–9).

¹⁸ Попов А.Д. Указ. соч. С. 113.

¹⁹ РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 277, л. 103.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 2, д. 6, л. 5–6.

²¹ Там же, д. 52, л. 75.

²² РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 277, л. 96, 98–99.

²³ Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 7 февраля 1933 г. слияние этих двух структур было осуществлено по состоянию на 1 февраля, но затем по просьбе правления «Интуриста» специальным решением Президиума ЦИК от 7 апреля срок был перенесен на 1 января (ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 17, л. 1,3). Одновременно постановление Президиума ЦИК СССР от 7 февраля 1933 г. предусматривало изъятие ВАО «Интурист» из ведения Наркомата внешней торговли СССР и включение его в состав Хозяйственного управления ЦИК СССР (Там же, д. 100, л. 44).

²⁴ Там же, д. 52, л. 74; д. 110, л. 3.

²⁵ Там же, д. 20, л. 13–13 об., 32.

²⁶ Там же, д. 19, л. 15, 73; д. 20а, л. 14, 17, 34, 49–50.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 19, л. 2–2 об., 5–6 об., 9–9 об.

²⁸ Там же, оп. 1, д. 38, л. 9–12, 16, 30, 34–35, 40, 61.

²⁹ Там же, л. 23.

³⁰ Там же, л. 55–58.

³¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 16–18; д. 49, л. 4–5 об.; д. 56, л. 39–41; д. 110, л. 26; оп. 2, д. 100, л. 74 об.; РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 2432; л. 3, 4–6, 67–68.

³² Курортные известия. 1937. 21 ноября.

³³ Попов А.Д. Указ. соч. С. 113, 114.

³⁴ РГАСПИ, ф. 77, оп. 1, д. 817, л. 6.

³⁵ Доклад заместителя председателя, правления «Интуриста» А.М. Зайднера от 4 марта 1937 г. (ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 2, д. 58).

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

К ЮБИЛЕЮ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА САХАРОВА

Институт российской истории РАН поздравляет талантливого историка, директора Института члена-корреспондента РАН Андрея Николаевича Сахарова с 80-летием.

Юбилей – всегда заметная веха в жизни юбиляра, тем более если он значительная и творческая личность. Андрей Николаевич Сахаров – директор Института российской истории РАН уже 16 лет. Он был избран на эту должность в 1993 г., работая до этого заместителем директора в течение 10 лет. Избрание на должность директора было почти единогласным. В 2008 г., по прошествии 15 лет, на очередных выборах 90% сотрудников института безоговорочно поддержали его кандидатуру на этот пост. Очевидно, что в этом проявилось всеобщее признание лидерства и авторитета Андрея Николаевича.

В течение многих лет А.Н. Сахаров успешно руководит также Центром «Историческая наука России» и Научным советом РАН «История международных отношений и внешней политики России». Оба эти подразделения имеют давние научно-исследовательские традиции. У истоков изучения истории исторической науки в Институте стояла академик М.В. Нечкина. Заложенные ею основы исследования историографического наследия России развиваются в трудах А.Н. Сахарова и руководимого им Центра.

Изучение внешней политики России и международных отношений связано с деятельностью предшественника А.Н. Сахарова на этом посту известного историка внешней политики академика С.Л. Тихвинского. Его научные установки – многогранно, непредвзято, с опорой на исторические источники изучать поставленные проблемы – успешно реализуются в деятельности Совета. В последние годы на основе новых научных подходов и документальных материалов активно разрабатывается история российской дипломатии и войн XIX в. Сохранение и умножение научного потенциала Центра и Совета непосредственно связано с трудами их нынешнего руководителя.

Директор Института А.Н. Сахаров умело сочетает в своей деятельности редко соединимые качества: ученого, организатора науки и просветителя-пропагандиста научных исторических знаний. Сотрудники Института на многих собраниях неоднократно признавали эту далеко не часто встречающуюся и свойственную ему особенность. Объять все стороны директорской деятельности и сохранить на долгие годы признание коллективом его ведущей роли помогли А.Н. Сахарову профессионализм, эрудиция, организованность, а также сдержанность и корректность в общении.

Одну из главных задач Андрей Николаевич как директор Института видит в создании условий для творческой работы ученых. В Институте трудятся исследователи разных мировоззренческих убеждений. Известна его фраза: «Пишите то, что считаете нужным, но только аргументируйте свою точку зрения». Создание творческой свободы, свободы исследовательского поиска с обязательным соблюдением традиционных профессиональных приемов научного творчества – огромная заслуга руководителя научного коллектива. Научная политика Института связана с открытием новых направлений исследования, новых тем и подходов к историческому материалу, переосмысливанием догматических решений прошлого, введением новых источников и критическим пересмотром их старого толкования.

А.Н. Сахаров много сделал для раскрепощения исторической мысли, освобождения ее от скованности идеологией и для утверждения демократического мировоззрения. Его многочисленные публикации в периодической печати, основанные на профессиональных знаниях, выходят далеко за рамки собственно исторической науки. Их непре-

ходящая ценность состоит в том, что они содержат новый, свободный от заданности взгляд на историю России.

Много сил А.Н. Сахаров отдает делу реального воплощения научной продукции Института: изданию книг и организации издательской деятельности. В этом ему помог большой опыт прежней работы в качестве главного редактора издательства «Наука» и члена коллегии Госкомиздата СССР. Андрей Николаевич организовал целую систему публикации книг сотрудников Института. Их печатают разные издательства страны, выбранные по профессиональному принципу, а также созданный в Институте издательский центр. Каждый год Институт выпускает вдвое больше книг, чем в доперестроечное время. Книги разнообразны по содержанию и отличаются постановкой ранее не изучавшихся проблем и объективным освещением исторического материала.

Институт, руководимый А.Н. Сахаровым, живет напряженной научной жизнью. Успешно работают Ученые и Научные советы, проводятся научные конференции, «круглые столы», симпозиумы по актуальным проблемам отечественной истории. Андрей Николаевич – инициатор, постоянный и незаменимый участник этих многочисленных научных собраний. Он всегда «в форме», всегда видит в каждой научной проблеме ее глубинный смысл, зачастую сокрытый для исследователя. Его выступления, вопросы и комментарии, связанные с обсуждением научных проблем, вызывают большой интерес аудитории, стимулируют научную мысль, побуждают к научной дискуссии.

За годы пребывания А.Н. Сахарова в качестве директора значительно возрос статус Института. Из академического учреждения Институт превратился в ведущий центр изучения национальной истории. История как наука усилила тем самым свое общественное звучание. Его участие в телевизионных передачах, особенно в цикле «Имя России», «Исторических хрониках» телеканала «Россия», также как многочисленные статьи и интервью на исторические темы в газетах и журналах имеют большое просветительское и пропагандистское значение. Научная историческая мысль стала доступнее восприятию непрофессиональной массе людей и начала активно осуществлять свое предназначение – формировать государственно-патриотическое сознание общества.

Благодаря научному авторитету и активной гражданской позиции Андрея Николаевича Институт получает все большее признание и популярность как у нас в стране, так и за рубежом. Постоянные научные связи с Италией, проведение ежегодного семинара «Москва – Третий Рим», общие научные проекты с Финляндией, издание совместных трудов с французскими учеными подняли престиж Института и его ученых. Андрей Николаевич часто выступает с научными докладами в разных странах мира. Так, он успешно читал лекции в Канаде и Финляндии на английском языке по истории реформ в России конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., а также по ключевым проблемам российской истории; выступал в Парламенте Финляндии с докладом «1809 год в истории России и Финляндии», посвященным проблеме присоединения Финляндии к России, встретившим интерес и одобрение, участвовал в дискуссиях по истории русско-японской войны 1904–1905 гг. в Японии.

А.Н. Сахаров является ответственным редактором многих фундаментальных изданий, в частности первого тома «Очерков истории Министерства иностранных дел России 1860–1917 гг.» и автором ряда статей данного тома. Это 3-томное издание является фундаментальным вкладом в историю не только Министерства иностранных дел России, но и в историю отечественной дипломатии и внешней политики России, получившее высокую оценку историков. Он также является ответственным редактором 7-томника ЮНЕСКО «История Человечества» и ответственным редактором и автором дополнительного 8-го тома этого издания, посвященного истории России.

Научное творчество Андрея Николаевича – объемно и разнопланово по тематике. Он профессионал широкого профиля. А.Н. Сахаров свободно, со знанием и глубоким проникновением в сущность темы ориентируется в дореволюционной, советской и современной истории. Он обладает энциклопедическими знаниями и огромной исторической интуицией. Всякое историческое явление или факт Андрей Николаевич рассматривает не только в его сущностном выражении, но и видит его эволюцию, тен-

денции развития, соотнесенность с другими явлениями или фактами. Это позволяет распознать природу изучаемого предмета и понять перспективу его развития.

Труды А.Н. Сахарова отличает свой, присущий только ему, отличный от стереотипного подхода взгляд на рассматриваемую проблему. Его исследования содержат нестандартные оценки и прозрения, оригинальные решения и способствуют пробуждению научной мысли. Немаловажная особенность трудов Андрея Николаевича – чистый и образный русский язык. Писательское мастерство – особый дар Андрея Николаевича. Его работы всегда интересно читать.

История Древней Руси – особая тема в научном творчестве А.Н. Сахарова. Он отдал ей дань, создав ряд монографических исследований. «Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в.» (1980) – первая в отечественной науке обобщающая монография по этой проблеме. На огромном документальном материале Андрей Николаевич изучил организацию внешнеполитической деятельности, формы, методы и приемы дипломатической службы и воссоздал широкую картину дипломатических переговоров и сопровождающих их «обрядов», процедур, норм этикета. В монографии убедительно показан сложный процесс генезиса и эволюции дипломатического опыта раннефеодального государства, формирующегося как органическим путем, так и под влиянием дипломатии сопредельных государств.

Продолжением этой монографии служит книга «Дипломатия Святослава» (1982). В ней на сравнительно-историческом анализе источников греческого, латинского и арабского происхождения содержится довольно полное, существовавшее ранее в отдельных фрагментах, представление о внешнеполитической деятельности Руси в 60–70-х гг. X в. Святослав Игоревич, как показано в книге, в новых исторических условиях решал новые дипломатические задачи. Подчинение власти Руси многих восточнославянских племен, укрепление позиций Руси в Северном Причерноморье, Нижнем Поднепровье и Поднестровье Святослав осуществлял, используя свое дипломатическое искусство, обогащенное опытом предшественников и современных ему политических деятелей. Книга является опровержением существующего в отечественной и зарубежной историографии мнения о Святославе как любителе военных приключений, византийском наемнике, далеком от интересов государства.

Цикл монографий о Древней Руси продолжают монография «Мы от рода... русского. Рождение русской дипломатии» (1986) и исследование о Владимире Мономахе, опубликованное в книге «Полководцы Древней Руси» (1985) в серии «Жизнь замечательных людей». Первая из этих книг характеризует зарождение древнерусской дипломатии, приемы и методы дипломатической деятельности русских князей Олега, Игоря и Святослава. Главный вывод автора, следующий из анализа древнерусской дипломатии, – в X в. значительно возросла внешнеполитическая роль Руси, и она заняла прочное место на международной арене.

Обращение А.Н. Сахарова к теме Владимира Мономаха – государственного деятеля, политика и полководца – знаменует собой не только устойчивый интерес автора к древнерусской истории, но и стремление постичь роль личности в истории. Он реконструировал сложный образ Владимира Мономаха, сочетавшего в себе трезвый ум, энергию, властность, честолюбие, жестокость и в то же время тонкую проницательность и склонность к поэтичности. Владимир Мономах показан не только как «воитель за Русскую землю», при котором «вся Русь была собрана в единое и нераздельное целое», но и как первый социальный реформатор, для которого решение внешнеполитических и внутриполитических задач Русской земли было неразделимым и обязательным. Особая привлекательность этой книги – художественное повествование. Она читается с неослабевающим интересом, и создается впечатление, что писал ее не историк, а писатель. Умение художественно излагать свои мысли – сильная сторона историка А.Н. Сахарова, давнего члена Союза писателей России.

Жанр исторической биографии продолжает книга «Степан Разин (хроника XVII в.)» (1973). В ней вожак казацкой вольницы на большом документальном материале показан как сложная многоплановая фигура с ее положительными и отрицательными чертами.

Новым словом в науке стало исследование А.Н. Сахаровым экономической истории XVII в. в монографии «Русская деревня XVII в.» (1965). В противовес устоявшемуся в историографии представлению о поступательном процессе закрепощения крестьянства в XVII в. он предложил свое решение проблемы: анализ диалектического единства крестьянского хозяйства и хозяйства феодального собственника, взаимосвязь крепостнической и антикрепостнической тенденций в развитии феодализма. Генезис капиталистических отношений в русской деревне Андрей Николаевич, таким образом, впервые на основе огромного массива архивных материалов патриаршего хозяйства (особенно приходо-расходных книг) рассмотрел комплексно, изучая взаимодействие вотчины и крестьянского хозяйства, соотношения барщинных и оброчных отношений в деревне и процесса развития товарно-денежных отношений.

Яркой страницей творчества А.Н. Сахарова стали его работы об Александре I – «Человек на троне» (1992) и «Александр I» (1998). В них Андрей Николаевич преодолел штампы предшествующей историографии: дореволюционной, идеализирующей самодержца, советской, сосредоточенной на негативных и абсолютистских чертах характера императора, и эмигрантской, подчеркивающей его святость, религиозность и мистицизм. Воссоздавая сложный образ «человека на троне», А.Н. Сахаров обратился прежде всего к изучению личности Александра I, особенностей его психологии и мировоззрения. Автор сумел показать переплетение гуманистических и свободолюбивых черт Александра и его вынужденную всем ходом развития России приверженность системе крепостничества и абсолютизма. Определение «самодержавный либерал», примененное Андреем Николаевичем к Александру I, точно характеризует существо его жизнедеятельности. Эти исследования впервые в исторической науке представили характер и менталитет Александра I в сложном и противоречивом единстве и тем самым объяснили проявления его государственной и внешнеполитической деятельности.

Нестандартно трактует Андрей Николаевич и фигуру А.А. Аракчеева, верного сподвижника Александра I и признанного в литературе реакционером, жестким и косным государственным деятелем. Он видит в нем слепого, но талантливого исполнителя воли императора. Пересмотру подверглась и оценка военных поселений, организованных Аракчеевым, в которых имели место не только тяжелый труд, железная дисциплина, мелочная регламентация (что отмечалось в литературе), но и развитие промыслов, торговое предпринимательство, в итоге экономическая эффективность и повышение благосостояния поселенцев. А.Н. Сахаров внес коррективы и в оценку Священного Союза, международной организации, созданной по инициативе Александра I, и выступил против устоявшегося в историографии мнения об изначальной реакционности Союза. Замысел создания Священного Союза, по его мнению, состоял в необходимости ввести в международные дела регламентацию правовых и религиозных отношений.

Девяностые годы – чрезвычайно интенсивный период в научном творчестве А.Н. Сахарова. Он живо откликнулся на события времени, на перестройку с ее освобождением от идеологического пресса, на возможность свободно излагать свои мысли. Раскрепощенность от привычных стереотипов побудила Андрея Николаевича обратиться к переосмыслению многих проблем российской истории. Он написал значительное количество статей, многие из которых вошли в книгу «Россия: Народ. Правители. Цивилизация» (2004). Статьи посвящены как отдельным сюжетам, периодам русской истории, так и общему построению и подходам к российской истории. Закономерно в этой связи его обращение к теоретико-методологическим проблемам российской истории, которые он во многом трактует по-новому. Так, например, понятие прогресса Андрей Николаевич определяет как совершенствование качества жизни людей, их образа жизни, как совершенствование самой человеческой личности в ее индивидуальных и коллективных проявлениях. Осуществление подлинного прогресса возможно лишь в гражданском обществе, основу которого составляют труд, творчество, частная собственность, права и свободы человека. «Эти базовые понятия, – пишет Андрей Николаевич, – должны быть положены в основу наших представлений о про-

грессе общества, и именно на их основе должна создаваться история России как часть истории Человечества».

Важным методологическим принципом является примененный А.Н. Сахаровым в учебниках и научных трудах многофакторный подход к русской истории. Этот подход, основанный на исторической традиции русской науки, Андрей Николаевич считает научно актуальным и перспективным. Многофакторный подход, как справедливо подчеркивает Андрей Николаевич, вырабатывался в исторической науке постепенно. К географическому, климатическому, колонизационному факторам и признанию роли государственного начала, обозначенных в трудах Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, существенно влиявших на быт, облик и психологию народа, с течением времени добавлялись демографический, политический, личностно-психологический и др. В советское время определяющими факторами развития признавались социально-экономический и классовый при забвении многих других и, прежде всего, личностно-психологического. Статья А.Н. Сахарова «Исторические факторы развития России», впрочем, как и другие его статьи, нацеливает историков России на необходимость учитывать прежде всего эти принципиальные основы русской истории, определяющие путь цивилизационного развития будущей России.

Особого внимания заслуживает решаемая Андреем Николаевичем проблема альтернатив в истории. Он выдвигает свое, выходящее за рамки привычного, толкование этой проблемы. Рассматривая историографию вопроса, А.Н. Сахаров отмечает, что первые попытки разработки альтернативности относятся к 80-м гг. XX в. Однако эти новые подходы были политизированы и применялись в основном к революции и проблемам послереволюционного развития. В 1990-х гг. в разработке этой темы стала преодолеваться узко прагматическая и идеологическая трактовка.

Андрей Николаевич придал этой проблеме широкий, цивилизационный смысл. Альтернативность исторического процесса он ставит в центр реальной социально-экономической, политической, культурной и этнической жизни народов и рассматривает ее не как многовариантность, а как «драматическую комплексность, неразрывность со всем ходом исторического развития», находящегося под влиянием различных исторических факторов.

Выступая против утверждения, что история не имеет сослагательного наклонения, А.Н. Сахаров полагает, что она основывается именно на сослагательном наклонении, поскольку ее ход является результатом действия различных исторических сил. Не реализованная историческая альтернатива не исчезает, а «вплетается живой тканью в исторический процесс и во многом определяет его направление». Так, идеи Андрея Курбского об ограничении самодержавия, А. Ордина-Нащокина, Федора Ртищева, Василия Голицына о необходимости повернуть страну на путь общецивилизационного развития, конституционные планы М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева и др. постоянно присутствовали в общественной традиции, в менталитете передовых мыслителей России и позволяли, по словам А.Н. Сахарова, «ярче высветить всю политическую палитру» российского развития. Альтернативы и их реализация для Андрея Николаевича – конкретно-историческое понятие, вырастающее из реальной многослойной, многофакторной основы российской цивилизации.

Монография «Россия: Народ. Правители. Цивилизация» – комплексное исследование. Это уникальный труд, в котором впервые в отечественной науке представлена российская история в органическом единстве – народа и власти, политики, культуры и цивилизации. Подход историка к осмысливанию исторического процесса во взаимодействии его многообразных сторон – трудная задача, подвластная ученому, способному в своем исследовательском методе соединять анализ и синтез, талант и трудолюбие.

Характерная особенность этого труда – включение России в мировой цивилизационный процесс при учете территориально-хронологического, тематически-цивилизационного и асинхронного подходов. Только развитие экономической и социальной сфер, технологических условий, политической организации общества, рост уровня культуры и быта, совершенствование этнографического и религиозного факторов

будет способствовать повышению качества жизни людей, их материальных и духовных потребностей, совершенствованию личности и становлению гражданского общества.

А.Н. Сахаров, по существу, создал свою концепцию отечественной истории, опираясь при этом на достижения классической дореволюционной историографии и отказываясь от определяющей роли классового и социально-экономического факторов. Россия как часть мировой цивилизации развивается по законам мировой истории, обусловленной конкретно-историческими условиями. В своих построениях российской истории и ее отдельных периодов Андрей Николаевич применяет метод комплексного, цивилизационного изучения с учетом географического положения России, демографического, социально-экономического и колонизационного процессов, geopolитики, этнографических, религиозных особенностей, государственного и личностного начала. Большое место в этом исследовании отводится народу, который рассматривается не как жертва, а как творец и «делатель» истории, участник происходящих в стране перемен. На большом хронологическом этапе от древности до современности А.Н. Сахаров рассматривает социально-политический облик народа и его самосознание, определяемые историческим прошлым: крепостным правом, сословной замкнутостью, общинными традициями, психологией уравнительности, несовершенством законодательства, националистическими проявлениями и т.д.

Андрей Николаевич дает исторически обоснованные и проницательные характеристики народа и его действий в революционные эпохи и в мирные времена и отмечает, как трансформируются его взгляды. Он считает, что после 1917 г. вовлеченные в революционный процесс в значительной части монархически настроенные народные массы под влиянием объективных условий и большевистской агитации меняют свои идеологические ориентиры. Они проникаются идеями партийности, мессианскими идеалами мировой революции и сохраняют в своем менталитете образ врага в лице высших сословий и психологию социального реванша, проявляя это в насилии и погромах.

Строительство нового советского общества, как верно замечает А.Н. Сахаров, определялось уровнем гражданственности и цивилизованности народа, создавшего социализм по своему образу и подобию с неприятием всех, кто превосходил этот народ культурой и интеллектом. Народ, тесно связанный с партией, Сталиным и его административно-командным государственно-политическим аппаратом, принимал участие в строительстве тоталитарного государства. Андрей Николаевич предлагает свое понимание тоталитаризма. Идеология революционного тоталитаризма опиралась на ненависть человека из низов к его эксплуататорам. Он отмечает также, что Сталин превратил революционный тоталитаризм в личную диктатуру и умело использовал революционный порыв масс для достижения своих вождистских целей в управлении общественными процессами. Люди из народа активно участвовали в коллективизации, индустриализации, пятилетках, сталинских чистках, боролись с «врагами» народа. Сталин, замечает Андрей Николаевич, для многих являлся символом революционного народного волеизъявления, и сталинский режим был режимом народных масс с характерными для них формами самоутверждения.

А.Н. Сахаров предложил свой подход и к рассмотрению репрессивной сущности сталинизма. На основании обобщения значительного массива впервые введенных в научный оборот источников, опубликованных в многотомном издании «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране», он делает вывод о том, что начало «большого террора» в СССР приходится не на вторую половину 1930-х гг., а именно на 1930 год. Эта тема оставалась вне поля зрения исследователей, так как репрессии проходили в основном в сравнительно удаленных в территориальном и информационном смысле крестьянских регионах страны. Слияние же двух «репрессивных потоков – сельского и городского» в середине – второй половине 1930-х гг. обозначило проблему репрессий в стране в целом.

Об активном участии народа в общественно-политической жизни страны Андрей Николаевич пишет и применительно к 90-м гг. ХХ в. Он полагает, что и в трагических событиях 1991 г. большую роль сыграл народ и путь не удался не потому, что «Альфа»

не решилась арестовать тогдашнего президента (на чем настаивали писавшие об этом журналисты и политологи), а потому, что против путчистов поднялся народ.

Правители, власть, правящая элита рассматриваются А.Н. Сахаровым как неотъемлемая компонента истории России. Однако их освещение в литературе, по его мнению, требует существенных корректировок. Он считает необходимым рассматривать правителей России не с позиций лишь их личностных проявлений, а, прежде всего, как выразителей системы, системы самодержавной власти, сущность которой лишь подчеркивает личность того или иного правителя.

Одним из главных условий объективной оценки власти является также ее рассмотрение в эволюции. Цивилизационный подход, применяемый к изучению отдельных царствований, отражавших в своем восприятии весь спектр общественной жизни, раскрывает сущность деятельности российских монархов. Следуя принципу историзма, А.Н. Сахаров отмечает постепенность процесса усвоения Россией и ее правящими кругами цивилизационных ценностей. Андрей Николаевич подчеркивает, что многие правители России – Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II были выразителями прогрессивных цивилизационных устремлений, проектов и реформ. Однако эти благие намерения сурово корректировались российскими условиями, которые в значительной степени формировали облик правителей.

А.Н. Сахаров отмечает, что к началу XX в. в процессе эволюции меняется понятие самодержавия: его стержневой сутью становится не деспотизм, а централизация власти и авторитаризм. Иным выступает содержание и других составных частей уваровской формулы «православие, самодержавие, народность» – основы идеологии середины XIX в. Православие наполняется религиозно-философским содержанием и обогащается нравственными ценностями; народность все больше пронизывается идеями конфессиональной терпимости и консолидации народов России.

Со времен Александра I, как подчеркивает Андрей Николаевич, в рамках самодержавной системы под влиянием общих цивилизационных сдвигов в стране возникали понятия «закон» и «порядок», осуществлялось разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, все более утверждался принцип служения монарха Отечеству. Власти все четче осознавали необходимость конституционных преобразований в стране, не находя поддержки в обществе, не готовом в своем развитии к их восприятию. Суть этих конституционных проектов XIX – начала XX в. А.Н. Сахаров определяет как поиск равновесия между стремлением преодолеть цивилизационное отставание страны и сохранить самодержавие как основу государственной власти.

Ярким проявлением дисбаланса между властью и народом, как полагает Андрей Николаевич, является реформаторская деятельность П.А. Столыпина. Стремление Столыпина провести модернизацию всей социально-экономической системы в стране, ликвидировать архаическую общину и осуществить комплексную реформу в аграрной сфере со ставкой на «крепкого мужика» встретило сопротивление, прежде всего, крестьянской массы. Крестьянство, таким образом, делает вывод А.Н. Сахаров, оказалось более консервативным, чем власть, что объяснялось низким уровнем социально-экономического, культурного и гражданского развития русской деревни. Патриархальность и уравнительные тенденции русского крестьянства, проявившиеся во время столыпинской реформы, обозначились, как считает Андрей Николаевич, и при проведении сталинской коллективизации. С характером власти А.Н. Сахаров связывает и проводимую внешнюю политику, которая определяется цивилизационным уровнем, традициями самодержавия и geopolитическими интересами страны.

Помимо общей картины российской истории и оценки ее составляющих – характеристики народа, правителей и обусловленной их взаимодействием цивилизации, Андрей Николаевич делает много интересных наблюдений, выводов и замечаний по разным проблемам российской истории. Так, например, можно отметить новый взгляд на оценку русско-японской войны. А.Н. Сахаров выступает против устоявшегося в советской историографии представления о поражении России в этой войне как результата разложения и гнилости царизма. Он оспаривает мысль о том, что русско-японская

война явилась лишь катализатором российских революций. Анализ конкретно-исторической ситуации в период войны в обеих странах и самих военных действий утвердил А.Н. Сахарова во мнении, что война осталась незаконченной и была прекращена в период, когда только начали проявляться преимущества России, а Портсмутский мир вырос на почве общей заинтересованности не победившей Японии и не проигравшей войну России. Доклад на эту тему, прочитанный им на заседании Президиума РАН, вызвал большой интерес и одобрение ученых.

Перу Андрея Николаевича принадлежат многочисленные статьи, посвященные животрепещущим проблемам новейшей истории России. В них он дает квалифицированный ответ историка-профессионала на вопрос о судьбах российской государственности, о патриотизме и национализме, о причинах распада СССР, революционных событиях и реформах 1990-х гг., о становлении гражданского общества в России и новых экономических основах ее жизни.

Оценивая события современности, А.Н. Сахаров подчеркивает, что страна переживает закономерный, «ординарный» в контексте мировой истории переходный период от одной системы к другой. Он отмечает рост государственного сознания в российском обществе и ставит актуальную проблему соотношения патриотизма и национализма. Андрей Николаевич считает, что «животворящий, созидательный патриотизм» неотделим от гуманистических и демократических начал жизни человека и человечества. Такой патриотизм связан, прежде всего, с духовным и материальным совершенствованием человеческой личности, ее свободы и преференций, с качеством жизни человека и является «демократическим патриотизмом».

Главный вывод А.Н. Сахарова – историка и гражданина – патриотизм в таком восприятии сопряжен с гуманистическими и демократическими представлениями народа и противостоит национализму. Для него патриотизм определяет самосознание нации и имеет свои традиции. С этой точки зрения он раскрывает содержание нового российского праздника – Дня народного единства, отмечаемого 4 ноября. Созидаательное значение этой даты, по его мнению, знаменует соединение всех сословий, слоев и национальностей. Поэтому главное значение этого праздника – наполненность цивилизационным содержанием: социальным, экономическим, культурным, нравственным.

Освоение опыта социально-политических и экономических изменений в России на рубеже 1980–1990-х гг. в контексте истории нашей страны и мировой истории привело Андрея Николаевича к научно плодотворным выводам и историческим параллелям. Российские события 1989–1993 гг. он характеризует как демократическую революцию, имевшую все классически свойственные ей атрибуты. В этой революции смена формы собственности, смена строя и правящей элиты прошли без насилия и гражданской войны.

Обращение к истории исторической науки – естественное следствие особого интереса Андрея Николаевича к науке и осознания ее роли в общественной жизни. Историография помогает понять особенности развития науки на том или ином этапе ее развития, степень идеологизации и догматизма, уровень профессионального мастерства. Его работы по историографии посвящены дореволюционной, советской, зарубежной и современной отечественной исторической науке.

Полемической заостренностью проникнуты статьи А.Н. Сахарова, посвященные варяжской проблеме. Противостояние норманизма и антнорманизма – вопрос о разных версиях происхождения русской государственности, по которому и поныне не затихают споры. В историографической традиции давно определились 2 противоположных направления в трактовке варяжского вопроса. А.Н. Сахаров выступает сторонником антнорманистской теории, основывая свою позицию на изучении «Повести временных лет», археологических, лингвистических, антропологических, нумизматических данных и изучении обширной литературы. Он опровергает мысль о том, что варяги являлись скандинавами, отстаивая их южнобалтийское славянское этническое происхождение, и указывает на подготовленность всем предшествующим развитием почвы

для становления российской государственности и мощного восточнославянского государства, определившего цивилизационные судьбы России.

Андрей Николаевич сумел восстановить подлинный смысл творчества таких корифеев науки, как Н.М. Карамзин и И.Е. Забелин. Анализ трудов Карамзина привел его к мысли о том, что историк не был ярым консерватором и безоглядным монархистом, как утверждала историографическая традиция, а сторонником просвещенного абсолютизма, для которого главная обязанность монарха состояла в необходимости «блести народное счастье» и закон. А.Н. Сахаровым было опровергнуто мнение о Забелине как об историке царствующего дома. Изучение жизни царского двора составляло лишь часть «Домашнего быта русского народа». Андрей Николаевич документально подтвердил, что Забелин был народным историком и по происхождению, и по образу жизни, и по убеждениям.

Усилиями А.Н. Сахарова достоянием современной науки стало творчество известного богослова и церковного историка А.В. Карташева, обер-прокурора Синода, министра исповеданий при правительстве А.Ф. Керенского, в эмиграции – профессора Парижского Богословского института. Андрей Николаевич написал о Карташеве ряд статей и первым издал его 2-томную «Историю Русской Церкви», опубликованную в Париже еще в 1959 г., сделав тем самым этот труд доступным в России. Отличительную особенность и ценность труда Карташева в сравнении с аналогичными трудами по истории Церкви Андрей Николаевич видит в том, что автор создал «светскую» историю Церкви и органично вписал ее в историю государства, общества и народа.

Советскую историческую науку А.Н. Сахаров рассматривает как порождение советской политической системы и характеризует ее как «монолит», пропитанный идеологией и долгие годы изолированный от мировой науки. Идеологическое и политизированное освещение истории в советское время, полагает Андрей Николаевич, не исключает определенных достижений в разработке конкретных проблем русской истории и в расширении документальной источниковской базы.

Научное, профессионально-просветительское и особенно методическое значение для учителей школ, преподающих историю России, имеют статьи А.Н. Сахарова, посвященные постперестроечной науке, дающие общую картину изменений, которые произошли и происходят в отечественной науке, и намечают пути ее дальнейшего развития. В этих статьях отмечены новые, все более завоевывающие пространство в познавательном процессе черты современной исторической науки: освобождение от идеологических оценок, освоение наследия российской исторической науки, до сего времени во многом искаженного или замалчиваемого, обращение к эмигрантской и подлинно научной западной историографии. Вместе с тем, А.Н. Сахаров предостерегает от крайностей и предвзятости в оценках исторического прошлого России. «У нашего народа, как и у других, – пишет он, – нет “плохой” или “хорошей” истории. У него есть история. Ее надо честно и спокойно понять и сделать частью общенационального сознания».

Достижением современной науки А.Н. Сахаров признает возможность использовать новые методологические приемы, цивилизационный, многофакторный подход к истории и отказ от жестких социально-экономических и классовых критерий. Цивилизационное осмысливание истории, подчеркивает Андрей Николаевич, ведет к признанию нового смысла таких понятий, как феодализм, социализм, или к расширению содержания понятия аграрная история, альтернативность развития и т.д.

Огромное, можно сказать, определяющее значение А.Н. Сахаров придает утверждению в науке психологически-личностного подхода к анализу истории, связывая его с понятием «прогресс». В своих исследованиях и советского, и постсоветского времени Андрей Николаевич историческую личность всегда ставит в центр исследовательского внимания.

В переосмыслинении многих проблем российской истории – крепостное право, крестьянские войны, реформаторство, история либерализма и консерватизма, истории народов, а также в появлении новых тем и направлений исследования – представительные

учреждения, взаимоотношения власти и общества, предпринимательство, меценатство и др. – Андрей Николаевич видит ростки здоровой и жизнеспособной науки.

Научная и общественная деятельность Андрея Николаевича Сахарова является значительным вкладом в отечественную историческую науку, в формирование нового общественного сознания и служит всестороннему и свободному изучению исторического прошлого и настоящего России.

**В.В. Алексеев, академик РАН,
С.Л. Тихвинский, академик РАН,
М.Г. Вандалковская, доктор исторических наук,
Л.А. Сидорова, доктор исторических наук**

© 2010 г. И. М. ГАРСКОВА*

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ

Формирование новой информационной среды исторических исследований в последние годы показывает повышение интереса к теоретическим проблемам исторической информатики: осмыслению закономерностей и этапов ее развития, взаимодействию с другими областями научного знания, перспективам на будущее. Особенно важны вопросы взаимодействия исторической информатики с квантитативной историей¹. Несмотря на довольно значительное их «пересечение» и многоглетнее эффективное сотрудничество, оба междисциплинарных направления обладают явно выраженной спецификой. В данной статье рассматриваются источниковедческие проблемы исторической информатики, которые играют весьма значительную роль в понимании этой специфики.

Обращаясь к этим проблемам, необходимо анализировать не только нынешнее состояние этой междисциплинарной научной области, но и учитывать динамику ее становления и развития. Этот процесс был обусловлен как внутренними закономерностями развития исторической науки во второй половине XX в., так и сильным влиянием информационных и компьютерных технологий на все отрасли знания, ростом тенденций к интеграции научного познания². Не случайно 1960–1970-е гг. вызвали к жизни волну междисциплинарных исследований, проявившуюся в большинстве гуманитарных наук. Именно в эти годы складывались ведущие национальные школы квантитативной истории.

Процесс обращения историков к новым методам обработки и анализа источников, в первую очередь, массовых, к широкому привлечению методов и подходов других наук, использованию системного подхода, моделирования – словом, того, что объединялось в понятии «новые» методы, достаточно хорошо освещен в отечественной историографии³. Эти методы сформировали такие направления исследований, как «новая экономическая история», «новая социальная история», «новая политическая история» и другие.

В работах представителей этих направлений апробировались концепции, разработанные в различных областях социально-гуманитарного знания, постулировалось сходство информации исторических источников и материалов, с которыми работают экономисты, социологи, политологи, представители других гуманитарных наук, и доказывалась необходимость обращения к методам этих наук и через них – к математи-

* Гарскова Ирина Марковна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ческим методам. Квантитативная история объединяла разные области исторического исследования идеей междисциплинарности, сциентизма, перехода к точному, верифицируемому измерению информации и последующему (статистическому) анализу. Она ознаменовала качественный переход к пониманию истории как развитой науки (science), систематически применяющей не только методы и модели, но и теории смежных наук⁴.

Обращение к квантитативным подходам в историческом исследовании имело много положительных последствий: поиск закономерностей, внимание к четкости в оценках, проверке, верификации результатов. Наиболее успешными оказались исследования, в которых удавалось выйти на постановку новых проблем и более высокий уровень обобщения, что ознаменовало «переход от тематики, идущей от источника, к проблемно-ориентированным историческим исследованиям»⁵. Достаточно упомянуть коллективные монографии И.Д. Ковальченко и его соавторов по результатам изучения социально-экономического строя помещичьего и крестьянского хозяйства на рубеже веков, по изучению аграрного рынка России или цикл статей по изучению аграрной типологии и структуры губерний Европейской России⁶. Эти работы стали классическими не только с точки зрения значимости поставленных в них проблем, но и с точки зрения уровня работы с методами и данными. Многие из этих работ обращаются к сложным методам многомерного статистического анализа, применение которых в принципе возможно только с использованием компьютерных технологий⁷. С другой стороны, можно утверждать, что акцент на междисциплинарных количественных методах и компьютерных технологиях исследования, выдвижение на первый план аналитических задач в известной мере отодвигали на второй план изучение специфики исторического источника и ее влияния на выбор адекватных приемов обработки данных.

Следует отметить, что в отечественном источниковедении, благодаря наличию сильной школы квантитативной истории, сложившейся вокруг Ковальченко⁸, продолжалось изучение теоретических и прикладных проблем, связанных со спецификой исторической информации и представлением этой информации для обработки на компьютере⁹. К числу известных теоретических достижений этого периода относится разработка информационных аспектов источниковедения, в частности, с позиций семиотики¹⁰, концепций и методов анализа массовых источников¹¹. Теоретические проблемы квантитативной истории всесторонне проанализированы в обобщающей монографии Ковальченко¹².

К концу 1970-х гг. круг методов, используемых в квантитативной истории, значительно расширился: помимо статистических методов все более активно стали разрабатываться исследовательские подходы, ориентированные на работу с текстами. Особое место заняли методы и технологии создания архивов машиночитаемых (в современной терминологии электронных, или цифровых) данных, а затем – баз и банков данных¹³. Важной частью исследования становилось извлечение информации из исторических источников и перевод ее в электронный вид. В этот период были созданы многие специализированные электронные архивы для хранения оцифрованных источников. Немаловажную роль сыграло и появление принципиально новых источников, представляющих интерес для исторических исследований: с 1970-х гг. официальные учреждения во многих странах начали производить, хранить и передавать информацию в электронной форме.

В чем заключалась специфика электронных данных, создаваемых в этот период в процессе исторических исследований? Во-первых, доминировал прагматический аспект в оценке информации источников: такие коллекции данных являлись, безусловно, проблемно-ориентированными¹⁴, а их разработчики не ставили своей целью полный перевод используемых источников в электронный вид. Второй отличительной чертой являлся, как правило, комплексный характер создаваемых электронных источников. Это связано с тем, что для решения любой конкретно-исторической задачи не существует специального, идеального источника, который содержал бы всю необходимую информацию, поэтому исследователю приходится собирать материал

из целого комплекса источников, частично или фрагментарно содержащих нужные сведения. Кроме того, исходные данные при переводе источников в электронный вид обычно подвергались ряду трансформаций: текстовая информация кодировалась; информация, заданная на индивидуальном уровне, агрегировалась; исходные группы объектов реструктурировались; исходные признаки пересчитывались в относительные или сводные.

В результате проблемно-ориентированный источник не представлял собой «электронной копии» некоего традиционного бумажного источника в смысле полного переноса информации источника в электронный вид, а являлся либо авторской «электронной версией» исходного источника (или источников), либо по существу новым источником, продуцированным в процессе исторического исследования¹⁵. Его можно назвать источником следующего поколения по отношению к предшествующим исходным документам. Он мог представлять собой часть исходного документа или быть метаисточником, интегрирующим сведения нескольких исходных документов. Если создатель такого источника достаточно подробно и тщательно документировал процесс его создания, то можно проследить происхождение всех элементов данных. Более того, такой источник можно было дополнить, изменить, объединить с другими. При этом важно, что результаты компьютеризированного анализа, представленные в электронной форме, допускают вторичное использование. Следовательно, именно в этот период историки в своей профессиональной деятельности все более активно начали выступать в роли не только потребителей, но и создателей информации¹⁶. Таким образом, обращения историков-квантификаторов к сложным методам, применение которых невозможно без использования компьютеров, а также к технологиям баз данных явились предпосылками оформления исторической информатики в самостоятельное направление сначала внутри квантитативной истории, а затем и вне ее.

Поскольку историческая информатика до определенного этапа развивалась «внутри» квантитативной истории и, как правило, теми специалистами, которые являлись историками-квантификаторами, то между ними не существовало разногласий относительно роли и места квантитативных методов (в первую очередь, методов математической статистики) в историческом исследовании. Не было и противоречий в понимании целей и задач компьютеризированного анализа исторических источников, а информационные технологии в работе с источниками рассматривались как органическая составляющая квантитативного исследования¹⁷.

Однако ситуация изменилась, когда в процессе становления в 1980-х гг. нового направления – исторической информатики – началось обсуждение теоретических проблем, связанных с ее спецификой, предметом и методами. Именно в этот период известным немецким ученым, одним из основателей международной ассоциации «History and Computing», М. Таллером была разработана концепция, базирующаяся на утверждении о фундаментальном различии между «обычной» обработкой данных и обработкой *исторических* данных, и, соответственно, между методо-ориентированной и источнико-ориентированной методологиями использования компьютера в историческом исследовании¹⁸. Подчеркивалось наличие глубоких различий между исторической наукой и теми дисциплинами, которые широко используют статистические методы; ограниченность этих методов для обработки «размытых» исторических данных, содержащих неопределенность в суждениях и оценках; неэффективность существующих процедур формализации исторической информации. Фактически, в противоположность междисциплинарному тезису о сходстве и взаимопроникновении концепций, методов и подходов истории и других наук, был сформулирован антитезис о специфике исторических исследований и методов работы с данными, вытекающий из характера информации, заключенной в исторических источниках.

Углубленное внимание к историческому источнику и специфическим источниковедческим проблемам компьютеризированного исторического исследования ознаменовало 1980–1990-е гг. как источнико-ориентированный этап развития направления.

Источнико-ориентированная обработка данных, по М. Таллеру, представляет собой попытку смоделировать на компьютере все многообразие информации источника, чтобы впоследствии его можно было использовать для возможно широкого спектра задач. Предоставляя инструменты для различных типов анализа, этот подход не требует от историка на этапе создания базы данных принимать решение о том, какие методы будут использованы позднее.

Конкретной реализацией этой идеи стала источнико-ориентированная (историческая) система управления базами данных (СУБД) *клейш* (1980). Концепция *клейш* предполагала, что эта система должна стать гибридом классической структурной СУБД, полнотекстовой поисковой системы и документальной поисковой системы, иметь базу знаний и механизм логического вывода, для того, чтобы обеспечить семантический поиск и интерпретацию данных¹⁹. Помимо множества других функций она должна также обеспечивать все необходимые преобразования данных, например для целей статистического анализа.

Весьма важно подчеркнуть, что уже тогда впервые была поставлена задача формирования общеисторических электронных ресурсов, требующая разработки (международных) стандартов описания и классификации информации исторических источников. Направление, связанное с созданием баз знаний и обменом данными между различными исследовательскими программами, рассматривает семантику данных в качестве одного из базовых элементов, необходимых для описания типов и структур данных, а также для выполнения процедур преобразования данных и обмена данными²⁰. Тем самым концепция базы знаний позволяет не только более обоснованно подходить к критике источника, но и значительно расширить возможности источниковедческого синтеза.

Однако идея, заложенная в СУБД *клейш*, близка не только концепции базы знаний, но и концепции электронного издания источника («электронной публикации»), поскольку система оперирует с несколькими представлениями источника: его оцифрованным изображением, его транскрипцией и внеисточниковым (экспертным) знанием. В системе *клейш* работа с историческим источником осуществляется путем сопоставления фрагментов его текста с отдельными элементами базы данных. Оцифрованные страницы источника также хранятся в базе данных. При этом все знания о значении фрагментов текста обрабатываются отдельно – в том слое системы, который специально посвящен управлению знаниями. Любой запрос пользователя, любая команда доступа к данным интерпретируются в соответствии со знаниями об источнике, хранящимися в памяти компьютера. Таким образом, предложенный Таллером подход имел целью совместить публикацию источника с подготовкой его к компьютерной обработке. Очевидно, что источниковедческие приемы работы с источником, его внешняя и внутренняя критика, принципы включения внеисточникового (экспертного) знания при таком подходе выходят на первый план.

Многие идеи, заложенные в *клейш*, были по достоинству оценены и получили развитие только в начале ХХI в. Вместе с тем источнико-ориентированный подход подвергся критике со стороны тех исследователей, которые полагали, что чрезмерное увлечение вопросами создания машиночитаемых источников (в частности, баз данных), перенос акцента с прагматического аспекта оценки источника на семантический идет в ущерб аналитической стороне исследования²¹. Однако вполне закономерно, что интерес к источниковедческим аспектам разработки электронных копий (или версий) традиционных «бумажных» источников, а также к созданию синтетических или метаисточников превышает на этом этапе интерес к их анализу. В сущности, это характерно для складывающейся новой научной дисциплины. Более сложные методы анализа данных занимают подобающее место в лаборатории исследователя тем быстрее, чем быстрее будет накоплен достаточно большой объем электронных версий источников, надежных и достоверных. До этого идет нормальный процесс количественного роста источников нового вида. Таким образом, «источниковая ориентированность» многих работ по исторической информатике на определенном

этапе была явлением скорее положительным или, по крайней мере, закономерным²².

Заметим, что дискуссии по поводу предложенной Таллером концепции отчасти объясняются и терминологическими причинами. Правильнее говорить об источнико-ориентированной обработке данных и проблемно-ориентированном подходе к анализу. Таким образом, эти термины относятся к разным этапам работы историка и не противоречат друг другу, поскольку разделить источник и проблему можно только умозрительно. Даже постановка исследовательской задачи невозможна без источнико-ведческой критики того круга источников, которые могут быть привлечены для ее решения, точно так же, как и выбор источников для электронной публикации (с которой, по мысли Таллера, можно сравнить источнико-ориентированную обработку данных) немыслим без оценки их важности с точки зрения решения возможных исторических проблем.

Можно сформулировать вопрос несколько иначе: для каких источников предпочтителен тот или иной подход? Например, квантификаторы 1960–1970-х гг. работали в парадигме проблемно-ориентированного подхода, а исследовательские задачи были ориентированы в основном на проблемы в области социально-экономической истории и, соответственно, на источники статистического характера, обладающие достаточно четкой структурой. Когда же исследователи стали применять компьютерные методы и информационные технологии к слабоструктурированным текстовым источникам, возникла потребность в разработке иного, источнико-ориентированного подхода, который учитывал бы специфику исторических источников с их «нерегулярностями» и размытостью данных²³.

Наконец, можно сравнить оба подхода с учетом того, что традиционный (бумажный) источник отчужден от реальности, так как включает интерпретацию этой реальности, которая привносится его создателем. То же самое верно вдвойне, если речь идет о машиночитаемых источниках, созданных исследователями (проблемно-ориентированных базах данных): такой источник дважды отчужден от реальности – как сам исходный источник и как его вторичная копия, включающая новый уровень привнесенной исследователем интерпретации. Поэтому одним из достоинств источнико-ориентированного подхода является именно попытка снять проблему вторичной интерпретации источника, сохранив его полную копию и отдельно – его интерпретацию²⁴.

В отечественной историографии источнико-ориентированный подход привлекал внимание многих исследователей. В частности, в 1993 г. даже появился термин «компьютерное источниковедение» (не слишком удачный и достаточно спорный), который отражал тенденции развития исторической информатики на этом этапе. В многочисленных публикациях 1990-х гг. высказывались разные, зачастую противоположные, точки зрения в связи с источниковедческими проблемами исторической информатики – от полного отождествления последней с компьютерным источниковедением, понимаемым как комплекс методов и технологий создания машиночитаемых (электронных) источников²⁵, до включения исторической информатики в «новое» источниковедение²⁶ или трактовки компьютерного источниковедения как области «на стыке» исторической информатики и традиционного источниковедения, решающей источниковедческие задачи создания (и обработки) машиночитаемых источников с помощью компьютерных технологий²⁷. Наиболее взвешенная позиция нашла отражение в учебнике по исторической информатике 1996 г.²⁸, хотя не все терминологические проблемы были решены. Поиск более адекватной терминологии был связан с постановкой источниковедческих проблем, которые не сводятся к работе с машиночитаемыми копиями исторических источников. Еще в конце 1970-х гг. В.И. Бовыкин писал о том, что задачи изучения информации исторических источников выходят за рамки классического источниковедения и предлагал термин «информационное источниковедение» для подхода к историческим источникам как к остаткам некогда существовавших информационных систем²⁹, выделения в них различных информационных слоев, оценки достоверности выраженной и отраженной информации, зафиксированной в источнике

синхронно либо ретроспективно³⁰. Дискуссии по этим вопросам продолжаются и сегодня: «круглый стол» на XI конференции ассоциации «История и компьютер» (декабрь 2008 г.) был посвящен источниковедческим проблемам исторической информатики и перспективам их решения на уровне информационных технологий XXI в.

Необходимо упомянуть, что вопросы, связанные с природой электронных документов, их аутентичностью и экспертизой ценности, археографическими принципами электронной публикации исторических источников в сетевом информационном пространстве были подняты в публикациях конца 1990-х – начала 2000-х гг. и потребовали разработки архивоведческих, археографических и других проблем работы с новыми типами и видами исторических источников³¹.

Развитие исторической информатики на рубеже XX–XXI вв. привело к результату, который можно обозначить как синтез проблемно- и источнико-ориентированного подходов, аналитической и источниковой компонент. Перспективные направления развития исторической информатики на данном этапе связываются с моделированием данных, электронной публикацией источников и результатов исследований; совершенствованием процедур информационного поиска; а также с современными методами создания и анализа коллекций исторических источников поливидового состава³². Прежде всего этому способствовало усиление тенденций междисциплинарности, кооперации не только с коллегами, применяющими информационные и коммуникационные технологии в других гуманитарных науках, но и со специалистами в области информационных технологий, а также архивного, музеиного и библиотечного дела.

Важнейшей особенностью современного этапа развития исторической информатики является то, что на первый план выходят проблемы создания и использования исторических научно-образовательных (тематических) ресурсов³³, в том числе больших по объему коллекций источников широкого полitemатического и поливидового состава³⁴. По характеру теоретических, методических и технологических разработок этот этап развития можно назвать ресурсно-ориентированным: Интернет становится одним из важных источников информации, востребованной не только студентами или людьми, интересующимися историей, но и профессиональными историками, что существенно усиливает прагматический аспект исследований в русле исторической информатики.

На данном этапе интерес к специфическим источниковедческим проблемам исторической информатики не только не снизился, но приобрел новое наполнение: разработка общеисторических информационных ресурсов потребовала осмысления на новом уровне проблем, связанных с созданием тематических сайтов, обсуждением стандартов электронных публикаций и разработкой археографических принципов представления исторических источников в сетевом информационном пространстве³⁵.

Один из таких стандартов предложен на кафедре исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова – историко-ориентированный тематический сайт (ИОТС), контент (содержательное наполнение) которого разрабатывается на профессиональной основе для представления информации по определенной исторической тематике³⁶. Именно к таким профессиональным ресурсам можно подходить с источниковедческими критериями оценки их содержания. Специфика источниковедческой задачи заключается здесь прежде всего в обеспечении пользователя доступом к такому ресурсу, на базе которого можно реализовать комплексные, разносторонние исследования различных аспектов рассматриваемой исторической тематики, т.е. речь идет о формировании представительной виртуальной коллекции тематических материалов, собранных на одном сайте. Подобная задача не ставится в традиционном источниковедении.

Такой ресурс должен включать следующие разделы: наиболее важные источники по теме; историография, представленная наиболее значимыми работами по данной теме; массив тематической библиографии; тематические базы данных; презентативная выборка гиперссылок на релевантные ресурсы, представленные на других сайтах в сети. Эти принципы апробированы на кафедре исторической информатики МГУ при создании тематического ресурса «Эволюция трудовых отношений в российской про-

мышленности: от дореволюционной индустриализации к советской» (www.hist.msu.ru/Labour/). Этот ресурс является наиболее представительным в российском сегменте интернета по количеству и качеству информации о социальной истории рабочих российской промышленности второй половины XIX – первой трети XX в. и обеспечивает информационную базу исследований и образовательного процесса по широкому спектру вопросов социальной истории рабочих, эволюции трудовых отношений в России 1880–1930-х гг., включая материалы по трудовому законодательству, оплате труда, страхованию и социальному обеспечению рабочих, трудовым конфликтам. Создание такого многоцелевого информационного ресурса облегчает доступ исследователей к источникам, историографическим материалам и справочной информации по рабочей истории, а также к методическим материалам по учебным курсам, тематически связанным с проблематикой данного проекта.

Создание информационного контента подобного профессионального электронного ресурса опирается на выявление и отбор архивных и опубликованных документов, которые затем переводятся в электронный вид. Очевидно, что эта работа невозможна без решения таких центральных вопросов источниковедческого анализа, как оценка достоверности и репрезентативности содержащейся в источниках информации. Кроме того, коллекция источников может включать документы, уже существующие в электронном формате. Учитывая тот факт, что объем информации, доступной в электронном виде, стремительно растет, становится все более важным и требование полноты источникового комплекса.

При использовании в составе источниковой коллекции опубликованных документов и сборников документов проблемы аутентификации решаются достаточно просто, если ориентироваться на такие публикации, которые отвечают всем правилам издания исторических документов³⁷. В этом случае многие вопросы источниковедческого анализа уже решены публикаторами традиционного издания (происхождение источников, датировка, установление авторства, прочтение и интерпретация текста).

Как правило, при создании профессиональных тематических ресурсов в сети Интернет преобладают издания, которые можно назвать републикациями – это электронные переиздания существующих сборников документов или отдельных документов. Наиболее эффективна такая работа в случае законодательных актов, делопроизводственной документации, статистических источников. Важным отличием републикации является то, что создатели электронного издания могут самостоятельно комментировать тексты документов или же исправлять замеченные ошибки в оригинальной бумажной публикации³⁸. К сожалению, при этом иногда отсутствует информация, позволяющая идентифицировать уровень «вмешательства» издателя в текст документальной публикации.

Другим вариантом является первичная публикация, предполагающая выполнение непосредственной работы по отбору, систематизации, созданию научно-справочного аппарата – аналогичной работе по подготовке традиционного издания документов, относящейся к области архивного источниковедения. И в этом случае электронная публикация обладает определенными преимуществами, например, не требуется ограничений на объем публикации. Поэтому при наличии нескольких редакций проблема выбора текста обычно не ставится, так как появляется возможность электронной публикации всех имеющихся редакций, а это дает новые возможности для источниковедческого анализа и синтеза при установлении истории создания и публикации текста источника.

При подготовке электронной публикации письменного источника важен выбор методов и технологий презентации текста. В электронных изданиях преобладает научно-критический способ передачи текста, роль дипломатического способа передачи текста в Интернет-публикациях играет оцифровка. При формировании текста электронной публикации существует несколько возможностей презентации источника: факсимильное постраничное издание текста в специальном формате, допускающем его прочтение на экране компьютера и передающем внешние особенности источника; передача содержания в текстовом формате с утратой внешних особенностей текста –

транскрипция, наконец, параллельное представление текста в обоих форматах. Факсимильное воспроизведение страниц документа является несомненным достоинством электронной публикации: оно сохраняет внешние особенности источника и может даже улучшить качество представления документа на экране монитора. Технология его создания достаточно проста, он сохраняет постраничную нумерацию текста, что позволяет решить проблему цитирования при ссылке на Интернет-документ. Сложность передачи текстов старой орфографии, однако, иногда требует создания такого информационного ресурса, который включает разработку не только источниковедческих проблем, но также специальных алгоритмов и технологий презентации и интерпретации информации источника³⁹.

В целом, коллекция данных тематического электронного ресурса имеет такую принципиальную особенность как «многомерный», гипертекстовый характер, обусловленный множеством связей между различными информационными блоками и отдельными документами. Гипертекстовый характер электронного ресурса позволяет использовать все преимущества контекстного поиска информации в документах, свободно перемещаться между документами, семантически связывать их фрагменты, «видеть» не только электронные тексты, но и оцифрованные образы источников.

Синтетический характер ресурсного этапа развития исторической информатики проявляется и в той роли, которая отводится материалам, представляющим результаты научного исследования в качестве потенциальных источников для других исследований. Создание и вторичное использование таких информационных ресурсов особенно важно при работе с массовыми источниками, в первую очередь по новой и новейшей истории⁴⁰. Эти производные ресурсы не только аккумулируют информацию, содержащуюся в различных первичных источниках (как опубликованных, так и архивных) от делопроизводственной документации до источников личного происхождения, но и иллюстрируют методику работы с данными. Можно сказать, что публикации таких материалов возрождают на новом уровне традицию проблемно-ориентированной работы с источниками, характерную для методологии квантитативной истории и ведущую к формированию значительных по объему массивов вторичной информации, продуцируемой в процессе исторического исследования.

Наконец, важной информационной компонентой профессионального тематического ресурса является историографическая коллекция, которая в источниковедческом плане играет двойкую роль. Во-первых, подобно коллекции продуцированных данных, историографическая коллекция дает представление о методах обработки и анализа информации исторических источников, приемах наиболее рационального извлечения и интерпретации информации, а это одна из задач источниковедческого анализа, раскрывающего информационный потенциал источников. Во-вторых, историографическая коллекция служит компонентом экспертного знания, без которого невозможно решать многие вопросы научной критики источника. Разработка в будущем исторических баз знаний будет опираться, в частности, на историографические источники, наряду с метаданными, описывающими семантику источникового комплекса, тематическими справочниками-рубрикаторами и тезаурусами.

По сути, мы являемся свидетелями того, как изменяется информационная среда исторических исследований, инфраструктура исторической науки, и все более заметное место в этом процессе занимают разрабатываемые в русле исторической информатики концепции, методы и технологии создания профессиональных тематических ресурсов, способствующих, в конечном итоге, сохранению национального историко-культурного наследия.

Примечания

¹ В этой связи необходимо отметить небрежность многих авторов в терминологии. Например, неадекватность употребления такого понятия, как «клиометрика» (клиометрия), приводит к тому, что этот термин нередко используется применительно к исторической информатике, тогда как и его происхождение, и его корректное использование связаны с кван-

титативной историей и прежде всего – с (новой) экономической историей. Возможная причина этого заключается в том, что многие специалисты пришли в историческую информатику из квантитативной истории (это характерно именно для отечественной школы исторической информатики). Они продолжают работать в области экономической истории, расширив свой исследовательский инструментарий за счет технологий, характерных для исторической информатики (например, технологий баз данных), и продолжают использовать привычную терминологию, даже когда говорят об информационных технологиях. Помимо отождествления исторической информатики и квантитативной истории достаточно часто в литературе можно встретить представление об исторической информатике как части квантитативной истории или наоборот, о квантитативной истории как части исторической информатики. Более того, в некоторых работах можно обнаружить трактовку исторической информатики как современного источниковедения.

² Ковалченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 310–315.

³ Соколов А.К. О применении новых методов в исследованиях историков США // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981; Селунская Н.Б. «Количественная история» в США: итоги, проблемы, дискуссии // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. См. также: Бородкин Л.И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5; и др.

⁴ Это объясняет тот факт, что дискуссии сторонников и противников квантитативной истории велись в основном не по вопросам методов и технологий, но по теоретическим проблемам соотношения теорий и метода в историческом познании.

⁵ Соколов А.К. Указ. соч. С. 375.

⁶ Ковалченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковалченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв.: (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1; их же. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Там же. 1981. № 1; Ковалченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй поместичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковалченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы исследования). М., 1988.

⁷ Разумеется, можно провести квантитативное исследование и без обращения к компьютеру, но лишь на ограниченном наборе данных и с использованием относительно несложных методов. Тенденция привлечения более сложных методов (например, многомерного статистического анализа), особенно для обработки массовых данных, привела к тому, что компьютерные технологии в 1970-х гг. стали неотъемлемой частью квантитативного исследования.

⁸ См.: Бородкин Л.И. И.Д. Ковалченко и отечественная школа квантитативной истории // Мат-лы науч. чтений памяти академика И.Д. Ковалченко. М., 1997.

⁹ Напр.: Ковалченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969; Бессмертный Ю.Л. Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков // Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Кахк Ю.Ю., Ковалченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторических исследованиях // История СССР. 1974. № 5; и др.

¹⁰ Ковалченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах / Тез. докл. III Всесоюзной конф. М., 1979.

¹¹ Следует упомянуть серию коллективных монографий, посвященных массовым источникам: Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма. М., 1981; Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.

¹² Ковалченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

¹³ Практически параллельно с методическими новациями в практику гуманитарных исследований в 1960-х гг. пришли идеи создания коллекций и архивов машиночитаемых данных. Наиболее известными архивами являются созданный в 1962 г. Межуниверситетский консорциум по политическим и социальным исследованиям (ICPSR) в Анн-Арборе (США) и Центральный архив эмпирических социальных исследований (ZA) в Кёльне (Германия), основанный

в 1961 г. Подробнее см.: *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гётtingен, 1994.

¹⁴ Термин «проблемно-ориентированный» (или «методо-ориентированный») означает, что в соответствии с задачами исследования данные из источников отбирались направленно, для решения конкретной исследовательской проблемы с помощью определенного метода (методов). Этот термин противопоставляется термину «источнико-ориентированный», подразумевающему сохранение информации источника во всей полноте.

¹⁵ Следует специально подчеркнуть, что и «электронная копия», и «электронная версия» источника подразумеваются в данном контексте не сканирование страниц, а преобразование информации в формат, позволяющий проводить ее поиск и аналитическую обработку (например, в формат табличной или полнотекстовой базы данных).

¹⁶ Подробнее см.: *Гарскова И.М.* Базы данных и квантитативная история // Мат-лы науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997.

¹⁷ См., напр.: *Бородкин Л.И.* Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории // Новая и новейшая история. 1997. № 3, 5; *его же*. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5; *Гарскова И.М.* Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие // Анализ и моделирование социально-исторических процессов. М., 2006; *ее же*. К вопросу об истории исторической информатики // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2008. № 35.

¹⁸ *Thaller M.* The Need of a Theory of Historical Computing // History and Computing II. Manchester; New York, 1989; *Таллер М.* Что такое «источнико-ориентированная обработка данных»; что такое «историческая информационная наука»? // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. Гётtingен, 1993.

¹⁹ *Boonstra O., Berure L., Doorn P.* Past, Present and Future of Historical Information Science. Amsterdam, 2004.

²⁰ *Thaller M.* On the Conception, Training and Employment of Historical Data and Knowledge Daemons // Eden or Babylon? On Future Software for Highly Structured Historical Sources. St. Katharinen, 1992.

²¹ Так, на пленарном заседании IX международной конференции «History and Computing» в 1994 г. П. Доорн выступил с докладом «Я и моя база данных: движение к концу направления History and Computing», вызвавшем оживленную дискуссию как на конференции, так и после нее. Текст доклада и материалы дискуссии см.: Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер» 1995. № 13. Дискуссия продолжилась в 1996 г., см.: Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории // Новая и новейшая история. 1997. № 3, 5.

²² Концепция М. Таллера с ее вниманием к источниковедческим проблемам встретила наибольшее понимание среди отечественных специалистов, работающих в этой области, что можно объяснить наличием сильной источниковедческой составляющей в российском историческом образовании.

²³ *Гарскова И.М.* Историческая информатика и квантитативная история... С. 63–64.

²⁴ *Гарскова И.М.* Выступление на «круглом столе» «Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1996. № 19.

²⁵ *Моисеенко Т.Л., Свищев М.А.* Изучение аграрной истории России последних десятилетий: перспективы «компьютерного источниковедения» // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании. St. Katharinen, 1993.

²⁶ См., напр.: *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы источниковедения и архивоведения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999; *его же*. Источниковедение и проблемы исторического синтеза // Проблемы методологии и источниковедения. Мат-лы III науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2006; *Подгаечкий В.В.* «Историческая информатика» как источниковедение XX и/или XXI века? Pro et contra: Ad nominem // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М., 2001.

²⁷ *Тяжельникова В.С.* Компьютерное источниковедение: к постановке проблемы // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995; *Владимиров В.Н., Цыб С.В.* Источниковедение в век компьютера (вместо предисловия) // Источник, метод, компьютер. Барнаул, 1996; *Владимиров В.Н.* Историческая информатика: пути развития // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 1 (52).

²⁸ Историческая информатика. М., 1996; см. также: *Бородкин Л.И.* Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. 1997. № 1.

²⁹ Бовыкин В.И. Проблемы изучения исторической информации. (К вопросу об информационном источниковедении) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1998. № 23. 1998.

³⁰ Бовыкин В.И. К вопросу о закономерностях фиксирования исторической информации в письменных источниках // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. М., Чебоксары, 1999. Идеи информационного источниковедения не остались незамеченными, однако попытки развивать их в русле т.н. информационологии представляются бесперспективными (о сути информационологии см.: Кругляков Э.П. Лженаука. Чем она угрожает науке и обществу? Доклад на Президиуме РАН 27 мая 2003 г.) // www.atheismru.narod.ru/Pseudo_science/Officials/Krugljakov.htm.

³¹ См., напр.: Гельман-Виноградов К.Б. Глобальная трансформация документальных источников на рубеже тысячелетий // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1993; Киселев И.Н. Электронные документы: основные направления исследований // Вестник архивиста. 2000. № 3–4; Тихонов В.И. Когда наступит время «компьютерной палеографии»? // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе; его же. Аутентичность и целостность электронных документов при долговременном хранении // Вестник архивиста. 2002. № 4–5; Юшин И.Ф. Электронные документы как исторический источник // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. Барнаул; М., 2003. С. 37–51; Грум-Гржимайло Ю.В., Сабенникова И.В. Некоторые проблемы публикации архивных документов в электронных изданиях // Вестник архивиста. 2006. № 2–3; Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н. Виртуальный архив как перспективная система поддержки и сопровождения исторических исследований // Отечественная история. 2008. №2.

³² Бородкин Л.И. Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. М.; Барнаул, 2005; Boonstra O., Breure L., Doorn P. Past, Present and Future of Historical Information Science.

³³ Бородкин Л.И., Владимиров В.Н., Гарскова И.М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV международной конференции «История и компьютер» // Новая и новейшая история. 2003. № 1.

³⁴ В качестве примеров можно привести Интернет-проект «1812 год» (www.museum.ru/museum/1812/) – самое большое собрание материалов об Отечественной войне 1812 года на русском языке.

³⁵ Гарскова И.М. Некоторые источниковедческие проблемы создания тематических электронных ресурсов // Проблемы методологии и источниковедения. Мат-лы III науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко.

³⁶ Подробнее см.: Бородкин Л.И., Гарскова И.М. Трудовые отношения в период социалистической индустриализации // Экономическая история. Обозрение. 2006. Вып. 12.

³⁷ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1999.

³⁸ Боброва Е.В. Анализ археографического уровня подготовки документальных публикаций в российском сегменте Интернет // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2001. № 3.

³⁹ Можно привести примеры: полнотекстовая информационная система для хранения и электронной публикации уникального рукописного памятника XI в. – «Путятиной Минеи» (см.: Баранов В.А., Вотинцев А.А., Гнущиков Р.М. и др. Электронные издания древних письменных памятников и технология создания полнотекстовых баз данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики) или информационная система «Moscowitica–Ruthenica», включающая XML-документы как основу для источниковедческого изучения и публикации обширного многоязычного комплекса источников XII–XVIII вв. из Латвийского государственного исторического архива (см.: Варфоломеев А.Г., Иванов А.С. Технология XML: современная реализация источнико-ориентированного подхода в работе с комплексами исторических документов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34; Иванов А.С. Работа с XML-документом как воспроизведение основных этапов источниковедческой критики: новые технологии и возможность коррекции традиционных подходов // Там же).

⁴⁰ Соколов А.К., Бонюшкина Л.Е., Мякушев С.Л. БД как путь к источниковедческому синтезу // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1996. № 17. С. 18–20.

А.А. Селин. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб.: Издательство «Русско-балтийский информационный центр “Блиц”», 2008. 752 с.

В 2008 г. в Санкт-Петербурге была опубликована монография А.А. Селина, ученого, успевшего зарекомендовать себя как авторитетного и знающего специалиста по истории Новгородского края XVI–XVII вв. Главным объектом рассмотрения исследователя в данной книге стала жизнь служилого люда Новгородской земли в период Смуты, преимущественно – периода пребывания в Новгороде шведских войск (1611–1617 гг.). Работа эта, выполненная при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Российского гуманитарного научного фонда и Шведского института, сразу вызвала повышенное внимание специалистов по истории России начала XVII в. Причиной тому является в числе прочего то, что освещаемый в книге временной период, в силу ряда обстоятельств, привлекает в последние годы внимание как ученых, так и самых широких кругов российской общественности. В немалой степени интерес к исследованию Селина объясняется и тем, что оно лежит в русле новейшего подхода к истории прошлого – «истории повседневности». В редакцию «Российской истории» поступили две рецензии на монографию Селина, написанные, соответственно, российским и шведским исследователями. Нам представляется, что именно так – с двух сторон, российской и шведской, следует оценивать, насколько успешно автор сумел проанализировать вопросы взаимоотношений России и Швеции и судьбы Новгорода в эпоху Смуты.

**В.А. Аракчеев (Псковский государственный педагогический университет)
Археология Смуты**

Новая монография А.А. Селина¹ стала логическим продолжением прежних изысканий автора и тоже посвящена истории Новгородской земли². Перед нами очередная книга о первой гражданской войне в истории России, проблеме, которая привлекает современных историков связью с нашим недавним прошлым. Однако интерес исследователей к Смуте вызывается не только их рефлексией на темы актуальной политики; начиная с С.Ф. Платонова, Смута является тем оселком, на котором историки оттачивали свое мастерство в изображении социальной динамики на российских источниках.

Посему крайне интересно обозначить место новой книги в богатой и разнообразной историографии первой гражданской войны. Автор определяет свою книгу как просопографическое исследование, целью которого является «реконструкция социальной картины общества на основе изучения биографий его представителей» (с. 7). Однако Селин вводит в книгу и историко-географическую составляющую, подразумевающую описание Северо-Запада России как арены действия героев книги.

Вторая глава книги Селина посвящена историографии проблемы. Автор учел весь спектр исследований Смуты, истории Новгорода и конкретно материалов оккупационного архива. Глава третья посвящена исторической географии, и здесь читателя ожидает первый сюрприз. В насыщенной свежим материалом, феерически богатой точными наблюдениями главе, где имеются описания пригородов, острогов, дорог, нет описания самого Новгорода. Узнать о функционировании системы посадского самоуправления в городе, связи этой системы с административно-территориальным делением Новгорода в годы оккупации было бы крайне интересно, и отсутствие этих сведений представляет собой досадную лакуну исследования. Автор в полной мере отдает себе в этом отчет, когда, приступая к описанию социальной структуры оккупированной шведами территории, обозначает как «заведомый недостаток» своего труда то, что в нем не представлены такие активные социальные группы, как посадские люди и церковники (с. 482). Данный недостаток объясняется, конечно, не субъективным пристрастием автора к изучению служилого сословия, а двумя объективными обстоятельствами: корпусом источников и методом исследования.

Тема книги Селина, во-первых, определена основным источником для изучения истории Новгорода в период Смуты – фондом Новгородской приказной избы из Государственного архива Швеции. Более 500 делопроизводственных документов 1611–1616 гг., относящихся к одному региону, представляют собой большую редкость для российских архивов, чьи фонды содержат лишь разрозненные коллекции источников до 1626 г. Однако подавляющая часть документов шведского оккупационного архива относится непосредственно к Новгородской земле, а не к ее столице, что порождает значительные трудности для реконструкции жизни города Новгорода в период оккупации.

Между тем сведения о количестве дворов посадского населения на 1607 и 1623 гг. в научный оборот были введены еще четверть века назад³. Каковы были причины резкого уменьшения численности посадского населения между переписями 1607 и 1623 гг.? Когда произошел основной отток населения из Новгорода: в период оккупации или после? На эти вопросы в книге о новгородском обществе ответа нет, что частично объясняется методом, примененным автором к источникам. Этот метод родственен методам археологии, которые вынуждают исследователя довольствоваться наличным культурным слоем. Тот слой, который был «снят» Селиным в результате исследования документов новгородского оккупационного архива, несет богатую и разнообразную информацию об отношениях службы помещиков и приказных, фискальной политике, военных действиях в пятнах Новгородской земли. А та часть сохранившегося слоя источников, которая содержала сведения о положении посадского населения, в стратиграфии источникового массива отсутствует, и этот пласт жизни общества оказался недоступен исследователю.

Остановимся подробнее на содержании книги и на основных достижениях автора. Интереснейший материал представлен в параграфе третьей главы «Дороги», в которой Селин не только реконструировал систему путей Новгородской земли, но и предложил модель маршрутов передвижений стрельцов, как бежавших из плена, так и отправленных в разведку из Тихвина (с. 288–290). Несомненный интерес представляет и параграф «Географические представления новгородцев», из которого выясняется, что эти представления зачастую вполне соответствовали мировосприятию людей Нового времени. Весьма значимым является вывод о запустении целых погостов, например, Климентовского Тесовского, где за полным отсутствием крестьян население составляли исключительно помещики (с. 322).

Четвертая глава книги Селина названа «Политическая история и хронология». В ней содержится анализ политических событий в Новгородской земле, относящихся непосредственно к Новгороду (с. 336–395), некоторым историческим деятелям (с. 395–405) и соседним городам (с. 416–454). Селин констатирует, что переговоры новгородцев со шведами начались еще до прибытия в город представителей Первого ополчения, не позднее 23 марта 1611 г. Автор определяет даты различных этапов переговорного процесса по сборнику памятей о выдаче вина. В начале мая в Новгород прибыли посланцы П. Ляпунова и Д. Трубецкого – В. Бутурлин, кн. С. Звенигородский и Д. Софонов, которые вели переговоры с Делагарди вплоть до 8 июля, когда переговорный процесс был сорван нападением новгородцев на шведские войска (с. 350–356). Коль скоро взятие Новгорода 16–17 июля подробно рассматривалось Г.А. Замятином, П.В. Седовым и другими исследователями, автор ограничился констатацией этого факта и упоминанием договора от 25 июля между Новгородом и Делагарди.

С заключением этого договора многие исследователи связывают начало нового – шведского – этапа в истории Новгорода. В историографии предложены три концепции периода 1611–1617 гг. в истории Новгорода. Л.Е. Морозова полагает, что в это время «фактически» существовало «отдельное Новгородское государство во главе со шведским принцем Карлом Филиппом»⁴. С.Ф. Платонов считал, что Новгород был присоединен к Швеции «на условиях политической унии», однако реальное положение вещей в Новгороде контрастировало с условиями договора⁵. Определив период 1611–1617 гг. как время «оккупации», Платонов положил начало влиятельной исто-

риографической традиции, в русле которой находится современная исследовательница Е.И. Кобзарева⁶.

Селин в развитие примененного Платоновым к Новгороду определения «политическая уния» ввел в научный дискурс понятие «новгородско-шведский политический альянс». Этот альянс понимается им как образование, «порядок, в котором должны были поддерживать шведские военные гарнизоны, руководимые офицерами, а обеспечение этих войск должны были взять на себя новгородские дворяне». Автор далек от идеализации русско-шведских отношений этого времени и отмечает «кризис альянса» в 1614–1615 гг., сопровождавшийся увеличением численности войск, попытками аннексии новгородских земель и усилившимся фискальным давлением шведской военной администрации (с. 693).

Выясним, насколько применимо к новгородско-шведским отношениям понятие «политического альянса». Казалось бы, предмет спора отсутствует, коль скоро сами шведские историки называют коллекцию русских документов «Оккупационным архивом из Новгорода». Но теоретические проблемы не решаются на основании архивных ярлыков, поэтому попытаемся рассмотреть доступные анализу факты.

Некоторый материал для суждений предоставляет, во-первых, исследование административных практик на оккупированных территориях. Следует заметить, что ряд фактов свидетельствует в пользу концепции Селина. Шведская военная администрация не привнесла в систему управления Новгородской землей чего-то принципиально нового. Из наиболее тягостных видов повинностей в Новгородской земле сохранялась традиционная посошная, или помостная повинность, когда, например, летом 1613 г. «Карачионицкого и Болчинского погоста посошные люди» должны были мостить дорогу на Ивангород (с. 293). Традиционной повинностью была и сдача крестьянами дворцовых сел «пятиенного хлеба» в царские житницы, однако то, какой характер приобрела эта повинность под шведской властью, заставляет усомниться в равноправии русских и шведов. Проанализировав приходную книгу Бельского острожка 1612 г., Селин показал, что новгородские дети боярские были приставлены к сбору и молотьбе хлеба для шведских войск (с. 500–502). Использование дворян, пусть даже мелкопоместных, для сбора контрибуции выводило их за рамки союзнических отношений со шведами.

Во-вторых, зададимся вопросом о том, что означало шведское присутствие в Новгороде по статьям договора 25 июля 1611 г. Новгород признавал шведского короля Карла IX своим покровителем и предусматривал избрание одного из его сыновей великим князем Новгородского «государства», или даже Московского и Владимира «государств». Договор подтверждал права монастырей и поместиков на земли и населявших их крестьян. Судопроизводство должно было осуществляться «по старине», а позиции православной Церкви оставались непоколебимыми, но никаких ограничений власти шведского принца не предусматривалось. Если описанный порядок управления Новгородом определять как альянс, то уместно задаться вопросом, с кем шведская военная администрация его заключила, и против кого он был направлен? Как и русско-польский договор 17 августа 1610 г., соглашение 25 июля было заключено оккупационными властями с местным дворянством и бюрократией, занимавшими в Новгороде положение, аналогичное московскому боярству, а тяглое население, и, прежде всего, социально активное посадское, оказалось вне его рамок. Направлен же этот альянс был против Речи Посполитой и Сигизмунда III, о чем недвусмысленно утверждалось в первой же статье договора⁷.

По логике вещей, находящей себе опору в соответствующих формулировках договоров, можно было бы заключить, что если на Северо-Западе России существовал новгородско-шведский альянс 1611–1617 гг., то в центре страны сложился московско-польский альянс 1610–1612 гг., развалившийся под ударами Второго ополчения. Ведь нетрудно заметить, что по перечисленным параметрам новгородско-шведский договор 25 июля 1611 г. соответствует московскому соглашению с Польшей 17 августа 1610 г.

Не останавливаясь на констатации этого соответствия, сопоставим 2 важнейших для обсуждаемой проблемы статьи соглашений, касавшиеся порядка управления и

присутствия вооруженных сил. Русско-польским договором 1610 г. предусматривалось сосредоточение всех административных постов только у русских: «А польским и литовским людем на Москве ни у каких земских расправных дел, и по городам в воеводах и в приказных людех не быти, и в наместничество и в староство городов польским и литовским людем не давати». Новгородско-шведским договором предусматривалось паритетное присутствие русских и шведов в суде, и никаких гарантий на будущее о невключении шведов в состав местной администрации не давалось. Сам автор признает, что верховное руководство новгородскими приказами в период существования «альянса» осуществлял шведский уполномоченный М.М. Пальм (с. 560).

По соглашению 17 августа 1610 г. поляки обязывались «очистить» города, захваченные польско-литовскими войсками и «тушинским вором», не говоря уже о находившихся в тот момент в руках русских Москве и Смоленске. В договоре 25 июля 1611 г. декларировалась покорность населения городов и уездов одному из шведских престолонаследников и определялся порядок расквартирования шведских войск в пределах Новгородской земли, в особенности в Новгороде, откуда местным жителям запрещалось самовольно выезжать в деревни⁸. Несомненно, договор 1611 г.ставил Новгородскую землю в несравненно худшие условия, чем даже договор с поляками 17 августа 1610 г. Последнее соглашение, разработанное при непосредственном участии С. Жолкевского, если бы оно было выполнено, означало бы прекращение польской интервенции. Срыв переговоров под Смоленском, ввод польских войск в Москву в начале октября 1610 г. ознаменовали переход Польши к оккупационной политике. Заключившие договор с новгородцами спустя 9 месяцев после оккупации Москвы, шведы не могли не воспользоваться безысходным положением русских, хотя первоначально были готовы к компромиссу.

Рассмотрим предысторию договора 25 июля 1611 г. Г.М. Коваленко показал, что этому соглашению предшествовали переговоры со шведами в мае–июне 1611 г., результатом которых стал составленный в Новгородской приказной избе проект⁹. Согласно этому документу, Делагарди должен был очистить Ям, Ивангород, Копорье и Гдов от оставленных там Лисовским и подчиненных «псковскому вору» гарнизонов и вернуть города в состав Русского государства. Шведским войскам предписывалось «в Новгородской земле не стояти и пустошити ратным людем не велети». Наконец, в проекте не было сказано ни слова об избрании представителей шведской королевской династии на новгородский трон¹⁰. Если бы именно этот документ лег в основу будущего договора со Швецией, то образовавшуюся в результате его заключения конструкцию можно было бы с полным правом именовать «новгородско-шведским политическим альянсом». Именно первоначальный проект новгородско-шведского договора в некоторой степени сопоставим с русско-польским соглашением 17 августа 1610 г., коль скоро оба они предполагали вывод войск интервентов, и в обсуждении их условий участвовали выборные люди¹¹. Ввод польских войск в Москву, а также вооруженный захват Новгорода шведами 16–17 июля 1611 г. свели на нет намерения выборных людей. Существенное отличие ситуации на Северо-Западе России от положения дел в Москве состояло в том, что оккупация Новгородской земли шведскими войсками была обусловлена договором 25 июля, в то время как поляки перешли к оккупации центра страны в нарушение договора 17 августа.

Наконец, следует отметить резкое изменение отношения новгородцев к шведам после утверждения на московском троне Михаила Романова. Селин отмечает десятки фактов перехода новгородских помещиков на службу в Псков в 1613–1615 гг., тут же отмечая и продолжавшиеся переходы псковичей в Новгород (с. 437, 443). Существенно важным является социальный состав отъезжавших: если в Псков отъезжали преимущественно служилые люди, то в Новгород – казаки. Немаловажным фактором, свидетельствующим о новгородско-шведских коллизиях, является отношение новгородцев к про-возглашению своим государем представителей королевской династии в 1614–1615 гг. Отказ от присяги Густаву Адольфу Селин отмечает в контексте завязавшихся переговоров о заключении мира (с. 378–379), но этот отказ можно рассматривать и как одно

из проявлений отношения новгородцев к шведам как к оккупантам. Перечисленные аргументы, с моей точки зрения, делают предложенное Селиным определение «новгородско-шведский политический альянс» крайне уязвимым и заставляют вернуться к традиционной трактовке этого периода как времени оккупации, сопровождавшейся утверждением контрибуционных форм зависимости.

Из недостатков следует отметить некоторую фрагментарность в описании политических событий в стране. Слишком пунктиро и неточно отмечены события 1608–1609 гг. в Пскове. Псковские помещики и стрельцы прибыли в Псков в мае 1608 г. из-под Болхова, где войска Шуйского 30 апреля–1 мая были разбиты Лжедмитрием II, а не из Москвы (с. 417). Переход Пскова под власть тушинского воеводы Плещеева произошел не летом 1609 г. (с. 417), а 1 сентября 1608 г. Описывая захват Новгорода шведами летом 1611 г., синхронный гибели под Москвой Прокопия Ляпунова, Селин пишет: «Вскоре ополчение во главе с кн. Трубецким признало царем Псковского вора – т.н. Лжедмитрия III» (с. 358). Между тем, признание государем Лжедмитрия III Первым ополчением состоялось лишь в марте 1612 г., и между этими датами прошло 8 месяцев, наполненных множеством событий.

Одним из интереснейших и продуктивных разделов монографии Селина является исследование им важнейшего феномена Смуты – измены. Автор вполне резонно отказывается от буквального следования характеристикам того или иного деятеля Смутного времени как «изменника». Эрозия государства и понятия верной службы «без отъезду» оказалась настолько всеобъемлющей, что и понятие «измены» стало ярлыком, наклеивавшимся на человека в зависимости от межличностных взаимоотношений и очень часто в случае конфликтов из-за поместий. «Измена входила в повседневную практику», – пишет Селин, и этот вывод вполне правомерен в контексте девальвации понятия «правды» (с. 464). Принципиально важным является также то обстоятельство, что после Смуты в качестве «изменников» рассматривались лишь байоры Аминев, Калитин, Клементьев, Пересветов, Чеботеев (с. 465). Селину удалось зафиксировать явление, которое пышным цветом расцвело преимущественно в южных районах России. Речь идет о «Тесовском круге» – сходе служилых людей или всех жителей Тесовского острожка, где принимались, в том числе, решения о возвращении занятых «изменниками» поместий (с. 458). Феномен казачьего круга, таким образом, проявлялся даже в Новгородской земле, правда, еще до шведской оккупации.

В высшей степени интересной является пятая глава монографии «Общественные группы Новгорода начала XVII в.». Из ее материала вырисовываются серьезные изменения, происходившие в положении служилого сословия, такие, как прекращение денежных раздач детям боярским и самой практики верстания окладами (с. 492). Если поставить этот факт в связь с двумя другими отмеченными выше явлениями – участием служилых людей в надзоре за сбором и обмолотом хлеба для шведов, а также в появлении территорий, где вместо крестьян в деревнях живут одни помещики – то напрашивается вывод о преднамеренной политике шведских оккупационных властей в отношении новгородских детей боярских. Лишненые денежного оклада и соответствующего места в служилой иерархии, собиравшие для шведов хлеб, часть из которого они, видимо, получали в виде хлебных раздач, помещики Тесовского острожка напоминают крестьян и солдат аракчеевских военных поселений 1817–1857 гг., размещенных как раз на территории Новгородской губ. Осознавая всю произвольность данной аналогии, отметим явное умаление роли мелкопоместных служилых людей Новгородской земли в ее социальной структуре в период оккупации.

Важное научное значение имеет осуществленный Селиным анализ землевладения и социального положения своеzemцев. В науке было известно о том, что эти реликтовые группы землевладельцев сохранились в Новгородской земле до XVII в., но исследование их реального положения является несомненной заслугой автора рецензируемой монографии. Крайне интересным представляется изучение служб и судеб чиновников новгородских приказов. Новаторский характер носит исследование стратегий поведения и повседневной жизни новгородцев, а также взаимоотношений новгородцев и шве-

дов в период оккупации, в которых не было принципиального антагонизма. Пристальное внимание к таким феноменам, как брак и семья, вдовство, девиантное поведение обнаруживают еще одну важную составляющую книги Селина – антропологический подход со свойственным ему стремлением изучить не только контуры, но саму суть повседневности.

Вышесказанное позволяет определить рецензируемую монографию как труд, органично дополняющий наши знания о Смутном времени. Глубинное истолкование источников, относящихся к одному региону, позволило более выпукло и зримо представить эту эпоху как период государственной дезинтеграции и архаизации общества, которое на глазах утрачивало сложившийся иерархический порядок (оказывание на Юге страны, окрестьянивание дворянства на Северо-Западе). Примененный автором метод работы лишь с теми источниками, которые дают полный ответ на поставленные вопросы, принес весомые научные результаты.

Э. Лефстранд (Стокгольмский университет) Новая монография о Новгороде в эпоху Смуты

Смута в России в начале XVII в. явилась переломным пунктом в истории страны. Не одно поколение русских историков посвящало свои труды изучению этого периода. Одной из последних работ является монументальный труд Адриана Селина «Новгородское общество в эпоху Смуты». В книге рассматривается одна из наименее изученных исследователями областей – Новгород и Новгородская земля этого периода.

Новгород времен Смуты является точкой пересечения русской и шведской истории, поэтому книга представляет большой интерес и для шведских специалистов. К тому же большая часть источников хранится в Швеции в Государственном архиве – так называемом Новгородском оккупационном архиве. Как известно, Новгород был взят шведскими войсками под командованием 26-летнего генерал-лейтенанта Якова Делагарди 16 июля 1611 г., что послужило началом шестилетнего присутствия шведских войск в самом городе и Новгородской земле. В отличие от многих других исследователей, Селин не использует термин *оккупация*, а говорит о *политическом альянсе* между Новгородом и Швецией.

Главным источником материалов к монографии Селина является собрание документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции и получивших название Новгородский оккупационный архив. Оно является крупнейшим собранием архивных материалов, содержащим около 20 тыс. листов, и представляет типичный русский государственный архив. Архив был вывезен Яковом Делагарди после заключения Столбовского мира. В конце XVII в. документы попали в Государственный архив в Стокгольме. Уникальность архива заключается не столько в содержании документов, сколько в их значительном объеме и сложности. Когда осенью 1999 г. Селин впервые получил возможность ознакомиться с материалом, у него появилась идея создания большого текста, повествующего о людях, живших в Новгороде в начале XVII в.

Использование биографических, социологических и демографических методов дало бы возможность изучить дружеские и семейные связи и внутрисемейные отношения новгородцев, их политические взгляды, повседневную жизнь, стратегии выживания и возможности продвижения по службе. Возможно, удалось бы получить труднодоступную информацию и о морали и моральных нормах людей. С этой целью Селин создал базу данных, в которую вводились биографические данные служилых людей. В настоящий момент она включает описание около 4 600 лиц. Эта обширная подборка материалов была сделана за сравнительно короткий срок, труд автора заслуживает всяческого уважения. За 7 лет Селин собрал и проанализировал огромный материал, представленный в рецензируемой книге.

В шести главах монографии Селина рассматриваются различные аспекты Смутного времени и новгородского общества. Источники для исследования подробно описываются во вступительной главе монографии. Большой заслугой автора является то,

что, помимо Оккупационного архива, он пользуется источниками из многих других архивных коллекций, например, материалами РГАДА. Интересно отметить также, что материалы РГАДА изучались по микрофильмам, хранящимся в Государственном архиве в Стокгольме.

В монографии описываются разные типы документов Оккупационного архива. Это описание время от времени прерывается отступлениями о других исторических источниках, которые можно было бы собрать в другом месте. Иногда автор вставляет целые очерки, посвященные какому-тоциальному вопросу, в результате чего заголовок раздела не совсем совпадает с его содержанием. Так, например, делается подробное отступление об архивных документах о Старой Руссе. В конце этой первой главы монографии приводится ряд систематических и хорошо выработанных приложений, представляющих своего рода каталог Оккупационного архива.

Во второй главе дается подробный обзор историографии на русском языке. В обзор включена литература, в которой рассматриваются общие проблемы, связанные с данной тематикой, такие как события Смуты и их влияние на общество, а также работы, посвященные изучению Новгородской земли, ее различных социальных групп и повседневного быта. В главе говорится и о полемике историков по разным вопросам, интересно освещается столкновение различных мнений. Селин также вступает в полемику, иногда слишком обстоятельно, что несколько снижает высокий уровень работы.

Третья глава, «Историческая география», связана с предыдущим исследованием Селина о Новгороде. Она оказывается за пределами первоначального замысла книги. В то же время она является уместной в работе, поскольку культурно-географические отношения тесно связаны с жизнью людей и обществом, которое они создавали. В главе дается описание городов и крепостей, острожков и дорог, которое дополняется картами. Особый интерес представляет раздел о представлениях населения о географии и расстояниях в условиях, когда карты были большой редкостью, и людям оставалось полагаться на собственные наблюдения или опыт других.

Шведы жаловались на плохие дороги в России, что затрудняло продвижение войск. Жалкое состояние Ореховской дороги считалось главной причиной неудачи военного похода на Новгород в 1582 г. Селин приводит описание одного из участников похода, в котором говорится о передвижении войск в «Мартинов день». В сноске Селин поясняет, что, по всей видимости, имеется в виду день св. Мартина I, папы Римского, празднуемого 13 апреля. Скорее речь идет о святом Мартине Турском, память которого отмечается 11 ноября. Мартин Турский один из немногих католических святых, память которого и по сей день чтят в Швеции.

В четвертой главе Селин представляет политическую историю и хронологию Смуты. Он разделяет взгляды Х. Альмквиста и Г. Замятиной на кандидатуру Карла Филиппа, придерживающихся мнения, что антипольские силы рассматривали шведского принца как потенциальный объединяющий фактор. Имея шведского царя на престоле, Россия вряд ли была бы вынуждена уступать свои земли Швеции. Юный возраст принца – ему было всего 10 лет – не считался помехой, скорее наоборот. Вопрос о вере не был главным, как обычно считают. Требование о переходе в другую веру не выдвигалось, достаточно было гарантировать уважительного отношения к православной Церкви. Большинство русских историков считало, что кандидатура Карла Филиппа на русский престол явилась звеном в политической цепочке, направленной на навязывание России шведского правления, и что эта идея была полностью неприемлема для российского самосознания.

Селин последовательно пишет о новгородско-шведском *альянсе*, в то время как Замятин в этом случае использовал термин *уния*. По всей видимости, термин выбран намеренно: альянс означает менее устойчивую связь, чем уния. По мнению Селина, в 1611 г. большинство новгородцев не считали Делагарди и его армию завоевателями. Он отмечает, что обращение к Швеции за помощью не является чем-то недопустимым для новгородцев, это была соседняя страна, с которой был накоплен долгий опыт общения, пусть даже это общение носило в основном военный характер.

Особо следует выделить интересный раздел в четвертой главе, в котором рассматриваются 1610 и 1611 гг. – период осады Новгорода шведами, длившийся несколько месяцев и закончившийся взятием города и установлением совместного шведско-русского правления. В Оккупационном архиве хранится свиток, представляющий расходные списки новгородского винного погреба. Исходя из анализа списка лиц, получавших водку, и даты получения, Селин смог установить, какие ключевые фигуры находились в тот момент в городе. Сухие цифры открыли возможность новых толкований политических событий.

Только со с. 482 начинаются две главы, являющиеся, судя по заголовку книги, центральными в монографии: общественные группы Новгорода начала XVII в., стратегии поведения и повседневная жизнь. Как отмечается во введении, в работе не дается всеохватывающая картина общества. В описание не попадают такие социальные группы, как торговцы, а крестьяне, женщины и дети упоминаются скорее случайно. В центре описания – дворяне и дети боярские. Они несли военную и гражданскую службу, за которую были поверстаны земельным окладом. По окончании службы поместье возвращалось государству. В Новгородской земле была нехватка земельных участков, и часто служилые люди получали в пользование лишь часть земли, на которую они имели право. Селин пишет: «Смысл жизни служилого человека заключался в борьбе за землю (желательно населенную), это его поглощало целиком. Большие номинальные оклады поддерживали это стремление». Эта ситуация отражается во многих документах Оккупационного архива: в челобитных, расследованиях и приговорах, в отдельных и дачных книгах. Селин описывает множество типичных и нетипичных человеческих судеб и создает, таким образом, широкую картину различных слоев служилых людей и условий их жизни. Одновременно демонстрируется уровень компетентности, с которой решались различные дела.

В пятой главе показаны также работа и организация различных приказов и распределение обязанностей между дьяками и подьячими. Как и в остальных главах, здесь отражены постепенные изменения в развитии политических отношений – заключение альянса в 1611 г., избрание Михаила Романова на престол и отклонение кандидатуры Карла Филиппа в 1613 г., новгородское посольство в Москву в 1615 г., усилившее антишведские настроения, а также последние месяцы перед заключением Столбовского мира, в течение которых шведское давление на общество настолько усилилось, что появились основания говорить об оккупации. Новгородцы, о которых пишет Селин, реагируют на события по-разному. В документах архива часто говорится об «измене», под которой имеются в виду поступки людей, бежавших из Новгорода и перешедших на сторону политических противников альянса. В разные периоды количество таких перебежчиков было различное. Объем материала позволяет сделать выводы о причинах измены и степени риска, которому они были готовы подвергнуть себя и свои семьи.

В последней главе монографии дается описание повседневной жизни новгородцев, стратегии выживания и возможности продвижения по службе. Реконструкция образа мыслей людей, живших в XVII в., является чрезвычайно сложной задачей, еще сложнее судить об их этических ценностях. Селин отмечает, что «именно кризисные эпохи наиболее подходят для исследования повседневной жизни, являясь своего рода моментом истины для людей прошлого». В то же время исторические источники обычно дают информацию об экономических отношениях, а остальные выводы можно делать только косвенно. Селин рассказывает о взглядах новгородцев на такие проблемы, как жизнь и смерть, семья и брак, отношения между различными поколениями, любовь и гомосексуализм. Следует подчеркнуть, что его выводы всегда основываются на конкретном материале, а не на обобщениях и догадках.

В этой главе есть интересный раздел о распространении новостей. Власти посыпали своих лазутчиков в разные концы Новгородской земли для получения информации о том, что происходило в этих местах. Информацию и слухи получали и из допросов пленных, и от вернувшихся из поездок людей. В этих случаях, по всей видимости, пользовались неким «опросником», который настолько направлял информацию в

определенное русло, что в какой-то степени вредил сбору информации. Простые люди получали новости из распространявшихся слухов, которые обрастили все новыми подробностями.

Трудно перечислить всю интересную информацию, которую можно почерпнуть из этой замечательной книги. Самым большим достоинством работы является тщательный анализ огромного материала. Все утверждения основываются на конкретных документах. Желательно было бы перераспределить некоторый материал. Так, многие темы вплетаются в канву повествования нескольких глав. Было бы более целесообразно собрать их в одном месте.

Селин демонстрирует в работе прекрасное владение большим по объему и сложным материалом. Можно лишь сожалеть о том, что он не читает по-шведски. Сопоставление русских и шведских источников дало бы возможность получить много новой информации. В заключительной главе книги Селин отмечает, что «проблема новгородско-шведского политического альянса должна рассматриваться как проблема взаимоотношения двух соседских культур, имевших к 1611 г. значительный опыт взаимодействия». Конечно же, многолетние контакты со шведами оказали влияние на жизнь новгородцев. Здесь Селин показывает новые возможности для будущих исследований.

Шведу, читающему книгу Селина, небезынтересно узнать, что шведское присутствие в Новгороде способствовало усилению самоуважения среди дворян и детей боярских. Служилые люди стали относиться друг к другу с большим почтением. В заключение хочется отметить живой и яркий язык книги, которая читается с удовольствием.

Примечания

¹ Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. 752 с.

² Селин А.А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. СПб., 2003.

³ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в. Сб. документов. СПб., 2003. С. 59–60.

⁴ Морозова Л.Е. Смута в России в начале XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы. XVII век. М., 1999. С. 249–277.

⁵ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. М., 1995. С. 357.

⁶ Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

⁷ Памятники истории Смутного времени. М., 1909. № 23. С. 73–78.

⁸ Там же. № 16. С. 52–57; № 23. С. 73–78.

⁹ Коваленко Г.М. Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 134.

¹⁰ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссию. Т. XXXV. Пг., 1917. № 126.

¹¹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция и русское общество. М., 2005. С. 209.

Дискуссии и обсуждения

© 2010 г. Л.П. ГРОТ*

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Изучение некоторых аспектов сакральных традиций в древнерусской истории и их проявлений на Русском Севере заставили меня обратить внимание на группы северных топонимов, которые обнаружили родство с индоевропейской языковой средой, причем с ее очень архаичными пластами. Я провела анализ этой топонимики, привлекая данные исследований в области сакральной географии – части культурного ландшафтования¹, а также этнологические концепции, исследующие ритуалы пространственного перемещения первичного социума и освоения новых пространств², в результате чего пришла к предположению что, возможно, первой этнически верифицируемой общностью на севере Восточной Европы были носители индоевропейских языков. Изучение северных гидронимов с корнем *var-* дало импульс для реконструкции северной прародины летописных варягов – носителей северного индоевропейского субстрата. В настоящей статье изложена гипотеза о связи летописных варягов с праиндоевропейским населением Севера России. Данное исследование является частью работы, посвященной обоснованию до-славянского периода в русской истории, сложившегося в лоне архаичных индоевропейцев Восточной Европы и не ставшего объектом внимания исторической науки.

Начиная с XVIII в. тема варягов является краеугольным камнем дискуссий и концепций о происхождении и развитии русской государственности. Сущность варяжского вопроса сформулировал известный специалист по этой проблематике В.В. Фомин как «проблему этноса и родины варягов и варяжской Руси, проблему значимости их роли в складывании и развитии государственности у восточных славян... проблему происхождения имени русского народа. В нашей историографии мало найдется тем, сравнимых с варяжским вопросом по степени интереса, по количеству работ и накалу полемики»³.

Имя «варяг» как в русском летописании, так и в иностранных источниках выступает в значении этонима (варяги как потомки Иафета), а также является частью топонимов (Варяжское море). О варягах, как о народе, читаем, например, в Повести временных лет (далее – ПВЛ): «По сему же морю седять варяги семо ко въстоку до предела Симова, по тому же седять к западу до земле Агнински и до Волошьски. Афетово бо и то колено: варяги, свеи, урмане (готе), русь, агнине»⁴. О варягах как народе говорят восточные источники, в частности труд среднеазиатского ученого-энциклопедиста А.-Р. аль-Бируни (973–1048)⁵. Как отметил С.А. Гедеонов, «Абу-Рейхан Мухаммед эль-Бируни... в своем сочинении “Обучение началам астрономической науки”, изданном им на арабском и персидском языках, в 3-х местах говорит о варягах (варанг)»⁶. Описывая европейскую гидронимию, Бируни говорит о большом заливе «на севере у саклабов», который «простирается близко к земле булгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу»⁷. В некоторых источниках варяги выступают как собирательное имя для группы общностей. Гедеонов и А.Г. Кузьмин подчеркивали, что во всех арабских известиях Балтийское море явно под влиянием русской традиции также называлось «Море варанков» или «Море варенгов», т.е. «Варяжским»⁸. Сохранившиеся архаичные гидронимы наводят на мысль о древних корнях слова «варяг».

Каковы основные концептуальные подходы в отечественной науке относительно происхождения слова «варяг»? Приведу характеристики двух наиболее известных концепций – норманистской и концепции, разработанной А.Г. Кузьминым. В норманизме слово «варяг» рассматривается изначально не как этоним. Варяги – это группы военных наемников, т.е. их генезис – профессионально-отраслевой. Эта позиция восходит к Г.З. Байеру, который, стремясь доказать шведское происхождение варягов, утверждал, что «Скандия от некоторых называется Вергион и что

* Гrot Лидия Павловна, кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Статья печатается в авторской редакции.

Продолжение дискуссии по данной теме в следующих номерах.

оное значит остров волков ... что в древнем языке не всегда значит волка, но разбойника и неприятеля... Скандинавцы бои почти в беспрестанном морском разбою упражнялись, отчего варгами и отчество их Варгион, или Варггем, могло называться⁹. Этую бессмыслицу Байер позаимствовал у шведского писателя XVII в. Олофа Рудбека (1630–1702), прославившегося своим произведением «Атлантида» («Atland eller Manheim»), в которой он развел идеи шведских литераторов XVI–XVII вв. об античных мифах о гипербореях, а также об их стремлениях доказать, что Гиперборея находилась на территории современной Швеции. Под именем же гипербореев выступали прямые предки шведов, которые благодаря этому должны рассматриваться и как вдохновители древнегреческой цивилизации – фундамента общеевропейской культуры, и как основоположники крупнейшего восточноевропейского государства Руси¹⁰. О. Рудбек писал: «Ю. Магнус в своей “Истории” неоднократно говорит, что некоторые называли остров Швеция как Вергион... Шведское море Эстершен (“Östersjön”, т.е. “Восточное море”. – Л.Г.) русские называют Варгехавет (Wargehafvet), как видно из русских записок Герберштейна (?! – Л.Г.), а шведов – варьяр (Wargar), что показывает, что великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции, когда мы туда пришли. Почему Швеция получила это имя, хорошо разъясняется О. Величиусом в его примечании к Гервардовской саге: от великого разбоя на море, поскольку волки (Wargur) – это те, кто грабят и опустошают и на суше, и на море»¹¹. К несчастью, когда Байер в 1735 г. публиковал свою статью «О варягах», авторитет О. Рудбека был очень высок во многих европейских странах в силу моды на идеи о готско-германо-норманнских началах в западноевропейской истории. Прославлению Рудбека способствовали английский готицизм и французские просветители, т.е. первейшие авторитеты общественной мысли в Западной Европе XVII–XVIII вв.¹² Байер вырос с произведениями Рудбека и сформировался на его идеях, продолжавших свой победный путь вплоть до середины XVIII в. Так, под влиянием Рудбека, им было твердо заучено, что летописные варяги – это скандинавские волки или скандинавы, разбойники, что он и привел в своей нашумевшей статье «О варягах» («De Varagis»). Идея эта с течением времени претерпела значительную трансформацию, но по-прежнему узнаваема в работах многих современных авторов. Например, согласно М. Фасмеру, в слове «варяг» корень *var-* происходит от скандинавского *var* – «верность», «порука», «обет»¹³. Это толкование заимствовано М. Фасмером у А.А. Куника, трактовавшего *waring* (от древнешведского *wara* – обет, присяга) как ратник, соответственно, во множественном числе – как группы ратников¹⁴, что выступает явным перепевом вышеозначенного рудбекианского военно-разбойниччьего мотива. В русле этой же традиции развивают этимологический анализ термина «варяг» Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, утверждающие, что его первоначальное значение – от *var* (верность, обет, клятва) – «наемник, принесший клятву верности»¹⁵. Этимология слова «варяг» посвящена работа этих авторов «Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия “варяг”». Остановлюсь на этой работе подробно, поскольку изложенная в ней трактовка объективно оказывается в оппозиции к представляющей здесь концепции. В работе Мельниковой и Петрухина красной нитью проходит мысль о том, что в русских летописях совершенно бесспорны скандинавская этимология значения слова «варяг» как «скандинав на Руси», тот же, кто в этом смеет сомневаться, нарекается «историческим казусом»¹⁶. Но всякому, кто не занимается тенденциозным передергиванием сведений из русских летописей, совершенно очевиден тот факт, что в русских летописях нет никаких прямых указаний на то, что варяги это скандинавы.

После того, как мне удалось установить генетическую связь норманизма с «рудбекиазмом», взращенным фантазией об основоположничестве свеев в европейской истории, стало понятным, что приверженцы норманизма, действительно, не нуждаются в доказательствах «скандинавского» происхождения варягов, поскольку для них очевидность тождества варягов и скандинавов покоится на той же основе, на какой покоилась очевидность тождества свеев и гипербореев у Рудбека – на глубокой вере. Однако научные концепции требуют аргументированных обоснований, и в упомянутой статье авторами предпринимается попытка «обратиться к критическому рассмотрению происхождения, развития, содержания и функционирования слова “варяг” ... в византийских, скандинавских и в первую очередь древнерусских источниках»¹⁷. Приведя несколько летописных фрагментов, авторы заявляют: «Во всех рассмотренных контекстах наименование варяги недвусмысленно применяется к скандинавам»¹⁸. Ни малейшего намека нет об этом в приведенных летописях! Привлекая далее скандинавские и византийские источники, авторы указывают, что очевидным древнескандинавским соответствием слова «варяг» является слово «вэринг» – человек, находящийся на службе в Византии (но не побывавший на Руси) и сообщают, что этот термин впервые был упомянут в скандинавских источниках в связи с исландцем Кольсеггом вскоре после 989 г. Вэрингов из скандинавских источников авторы статьи соотносят с варангами из византийских источников, где этим словом обозначаются военные отряды

в составе императорской гвардии. Но в процессе сопоставлений обнаруживается ряд несовпадений. У византийских историков первое упоминание имени варангов встречается в 1034 г.¹⁹, т.е. более чем на 50 лет позднее упоминания вэрингов в скандинавских источниках. Таким образом, слово «вэринги» фиксируется источниками раньше, чем слово «варанги». Казалось бы, какая тут проблема: констатировать данный факт и выстраивать концепцию, следя источникам. Так, собственно, и пытались делать раньше. Но оказывается, что согласно модели вэлинг – варяг – варанг не удается доказать скандинавскую этимологию слова «варяг», поскольку, как говорится в статье, тут встречаются сложности фонетического характера. Для того чтобы обойти фонетическое препятствие, хронология отбрасывается авторами как пустяк, и цепочка терминов выстраивается в обратном порядке: варяг – варанг – вэринг. При этом приводятся следующие обоснования: скандинавское слово «варяг» было вызвано к жизни на Руси скандинавскими наемниками, которые прибыли на службу к русскому князю Игорю в 944 г. и решили придумать себе имя *varangar* от *var* (верность, обет, клятва), которое на Руси трансформировалось в «варяг». Почему почти через 90 лет это слово дошло до Византии, сохранив свою «исходную» форму варанг, не объясняется. Зато говорится о том, что высокий социальный статус возвращавшихся на родину из Византии скандинавов актуализировал название «варанг–варяг» в скандинавском обществе, но при этом древнескандинавская форма там трансформировалась и превратилась в «вэринг», поскольку «архаичный и малоупотребительный суффикс *-ang* заменяется продуктивным и близким по смыслу суффиксом *-ing*»²⁰. Не обращая внимания на то, что в их рассуждениях страдает не только хронология, но и элементарный здравый смысл, Мельникова и Петрухин с удовлетворением отмечают, что предложенная ими реконструкция объясняет все несоответствия источников. Полагаю, что за приведенными примерами явно угадывается не столько убедительная научная концепция, сколько попытки приладить источники к исходной догме: варяги – это скандинавы по тому же принципу, как Рудбек прилаживал мифы о гипербореях к шведской истории.

Но дело в том, что творчество самого Рудбека давно уже получило негативную оценку в шведской историографии, а его имя породило особое понятие «рудбекианизм», которое стало синонимом баснословства в истории. Как сказал исследователь готицизма Ю. Свеннунг, Олаус Рудбек довел шовинистические причуды фантазии до вершин нелепости²¹. Правда, эти негативные оценки охватывали до сих пор ту часть работы Рудбека, где он пытался доказать основоположничество шведов в создании основ древнегреческой культуры. Рудбековские же «причуды фантазии» относительно древнерусской истории продолжают существовать в исторической науке под академической мантией норманизма.

Концепция, которая в соответствии с источниками, исходно рассматривает варягов как этническую общность или ряд этнических общностей с одним этнонимом, наиболее полно была разработана в работах А.Г. Кузьмина²², а сейчас продолжает разрабатываться в работах его учеников и последователей²³. Концепция исходит из положений о варягах как исконно южнобалтийском населении и о Южной Балтии как родине варягов, а этимология имени варягов толкуется через анализ древнеиндоевропейского значения корня *var-* как вода, водная стихия, что свидетельствует о более древней, дославянской природе варягов.

Доказывая, что варяги – дославянское субстратное южнобалтийское население, Кузьмин рассмотрел все возможные варианты использования этого этнического наименования в источниках и показал, что данный этноним мог менять форму написания (например, варины, варны и др.), эволюционируя во времени и пространстве, переходя из одной языковой среды в другую, но всегда сохранял имяобразующий корень *var-*. В работах Кузьмина показано, что распространение варинов по Европе засвидетельствовано многими примерами из европейской томонимики, куда *var-* входило как основа, свидетельствуя о рассеивании отдельных групп варинов в иноязычной среде – связь этнонимов и топонимов хорошо известна. Кузьмин называет реку Вар и ее притоки на границе Италии и Галлии, реку Вар в Прикарпатье, реку Варту в Польше, старинное название Восточной Пруссии – Вармия и т.д.²⁴ Вместе с бургундами часть варинов осела на территории современной Франции, где от них остался такой топоним как «*Villa Varangus*» в Бургундии. С IV–V вв. варины вместе с англами, саксами, фризами, ругами и ютами участвовали в нападениях на Британские острова. Эта роль варинов привлекла к ним внимание английского историка Т. Шора, и он уделил варинам существенное внимание в своем труде «Происхождение англо-саксонского народа»²⁵.

Эта работа (я познакомилась с ней также благодаря трудам Кузьмина) чрезвычайно интересна как в контексте данной статьи, так и в плане общей оценки норманистской концепции о варягах. Шор был далек от дискуссий норманистов и антинорманистов, его интересовала история всех народов, которые заложили основы Англии, и прежде всего история англов. Шор рассказывает, что англы (the Angles), начиная с Тацита, всегда упоминались вместе с другим

народом – варинами (the Varini). Шор всегда пишет этноним «варины» с вариантом «вэринги» (Varini or Warings), поскольку такую варианность он увидел в источниках. Так Шор пишет, что англы должны были находиться с вэрингами или варинами Тацита в тесных союзнических отношениях, причем длительное время. Эти вэринги жили на юго-западном побережье Балтики и, согласно Шору, с ранних времен вели торговлю с Византией. Последнее упоминание о них относится к 1030 г. Варины/вэринги и их страна Варингия (Waringia), были известны в ранних русских источниках. По имени этого народа было названо Вэрингское море. Имя «вэрингов» было известно в Византии. В XI–XII столетиях большей частью из этого народа набиралась византийская императорская гвардия варангов (Varangion guard), в этот же корпус входили лица и староанглийского корня, что было естественно при древности связей между народами. Вэринги с ранних времен были связующим звеном в торговле между Балтикой и различными регионами (dominions), подчиненными греческим императорам. Нестор-летописец упоминал Новгород как город варинов/варангов (Varangian city)²⁶. Я привела пространный отрывок из книги Шора по двум причинам. Во-первых, его работа объективно демонстрирует, что этноним «варины» или летописные варяги (книга Шора явно свидетельствует об их тождестве), адаптируясь к германским языкам, принимает форму «вэринги». Во-вторых, она подкрепляет мой вывод о том, что мифы сознания норманизма живут за счет заимствований из истории других народов: лоскучность вышеприведенной концепции Мельниковой и Петрухина о происхождении слова «варяг» логично объясняет тем, что под свою «скандинавскую» историю они подложили часть истории народа варинов – рудбекианизм в действии!

Но вернемся к основному сюжету статьи. Из вышеприведенного видно, что западноевропейские источники хорошо знают этническую общность, именуемую варинами/варнами/вэрингами, тождество которых с летописными варягами в российской науке было хорошо обосновано Кузьминым. Благодаря этому Кузьмин смог ввести в отечественную науку материал, накопленный при изучении южнобалтийских варинов, и развел на этой основе этимологию имени «варяг», учитываяющую, в соответствии с источниками, связь как с гидронимикой, так и с этненимикой. Собственно варинам/варнам была посвящена значительная литература, прежде всего, немецкоязычная. В ней уделялось большое внимание этимологии имени «варины» и других форм этого этнонаима через анализ корня *var-*. Кузьмин приводит, в частности, работы Е. Шварца, В. Штайнхаузера и др. В этих работах, с привлечением более широких исследований по индоевропеистике, было выявлено, что корень *var-* означает «вода», принадлежит к архаичным пластам ряда индоевропейских языков и служит в них для обозначения водных феноменов. В работах крупнейшего индоевропеиста прошлого века Ю. Покорного подобным образом разъясняется этимология придунайского племени варисты²⁷. У В. Штайнхаузера приводится тохарская параллель *varg* как «море»²⁸. Известно, что в рамках индоевропейской языковой семьи тохарские языки относятся к отдельной реликтовой группе, многие особенности которой говорят о ее близости с древнеиндоевропейской ветвью языков, от которой они отделились не позже первых веков I тыс. до н.э., мигрировав в Среднюю Азию и Восточный Туркестан, в силу чего, вероятно, и законсервировали очень архаичный лексический слой²⁹. Благодаря консультациям индолингвиста Т.И. Оранской мне удалось уточнить, что в санскрите есть слово *vār/vāri* (вода) (с долгим гласным корнем); кроме того *var-* (с кратким «а» в корне) имеется в основе теонима «*vārashpa*» – бога луны и вод, в том числе океанических. Отметила Оранская и наличие в санскрите глагольного корня *vṛṣ-* (r – слоговой, s – церебральный, последний можно при желании считать расширителем) – в значении «дождит» и прочим, вытекающим из этого значения комплексом понятий, также связанных с водой.

Выявив этимологию слова варяг от *var-* (вода) из древней индоевропейской традиции, Кузьмин пришел к выводу о том, что варины/варяги – в прямом переводе «народы моря» или «поморяне» – относились к дославянскому и догерманскому населению Южной Балтики. В определенный период они ославлялись вместе со многими другими народами данного ареала, а затем были поглощены в лоне немецкой Ливонии. Таким образом, согласно Кузьмину, этноним варины/варяги объясняется как «поморяне», но будучи «географическим обозначением... непосредственно этническую природу этих племен не раскрывает... варяги русских источников – это в узком смысле славянанизированные варины, в более широком – племена южного берега Балтики»³⁰.

Рассмотрев основные положения концепции Кузьмина, поясню, что из его теоретического наследия я приняла при разработке моей гипотезы о праиндоевропейском субстрате на севере России, а с чем несогласна. Принципиально важным явилось введение Кузьминым в исследования по древнерусской истории данных индоевропеистами о корне *var-* как древнейшем индоевропейском обозначении воды или водной стихии вообще, в силу чего он и входит как основа в наиболее архаичные гидронимы, такие, например, как Варяжское море. Не менее важным стал

показ родства имени варинов с именем варягов из русских летописей (что перекликается с работой Т. Шора) и показ той известной роли, которую играли варини в этнической и политической истории Западной Европы.

Но с мыслью Кузьмина о южнобалтийском Поморье как исконной родине варягов я не согласна. В обоснование этого представляю первые результаты моих исследований о варягах Русского Севера и Северного Поволжья. Из этнографического введения ПВЛ, приведенного в начале статьи, видно, что варяги – европейский народ: «Афетово бо и то колено»³¹ и занимают в Европе 2 области: все южнобалтийское побережье с востока на запад до земель англов, т.е. до Южной Ютландии³², от восточной оконечности Балтийского моря до границы Европы и Азии, т.е. до Поволжья и Предуралья.

Относительно расселения варягов по южнобалтийскому побережью написано уже немало. Представленные выше работы Кузьмина продолжают традицию В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, С.А. Гедеонова. В наше время большой вклад в разработку варяжской проблематики, а также в развитие вопроса о многовековых связях Северо-Западной Руси с южнобалтийскими славянами внесли работы М.Н. Тихомирова, А.Н. Сахарова, С.Н. Азбелева, В.Л. Янина, В.Б. Вильинбахова, В.В. Фомина и др.³³ Об обширном ареале расселения варягов в Восточной Европе никаких концепций в науке не предлагалось, поскольку локализация «варягов к востоку от чуди “до предела Симова” обычно воспринималась как недоразумение, как свидетельство нечетких представлений летописца»³⁴. Кузьмин полагал, что «варяги, локализуемые между чудью и “Симовым пределом”, это города и земли, занятые в свое время мужами Рюрика»³⁵.

В чем же здесь дело и на основании чего летописца в очередной раз обвиняют в некомпетентности? Основанием для подобных обвинений служит созданная в науке и общепризнанная сейчас этническая картина Восточной Европы в древности, согласно которой варягам не положено было находиться там, куда их помещал летописец. Данная общепризнанность покоятся на сложившемся некогда убеждении, что древнейшей, этнически верифицируемой языковой общностью северных и центральных областей Восточной Европы являлись народы уральской языковой семьи, т.е. носители финно-угорских и самодийских языков, мигрировавших со своей прародины близ Северного Урала в пределы Восточной Европы не позднее эпохи неолита (с рубежа IV и III тыс. до н.э.)³⁶. Наука совершенно уверена в том, что: «тысячелетиями финны прочно удерживали за собой некогда освоенные территории от Урала до Ботнического залива»³⁷. Соседями финно-угорской общности с юга (их размещают в южных регионах Восточной Европы) выступали носители индоевропейской языковой общности: индоиранцы (арии) где-то с III тыс. до н.э., затем с начала II тыс. до н.э. – представители так называемого древнеевропейского единства, характеризуемого как нерасчлененная славяно-балто-германская общность, из которой в I тыс. до н.э. выделяются носители балтских языков, которые в Подвинье, Поднепровье и Поочье становятся непосредственными соседями финно-угорского мира³⁸.

Не углубляясь далее в эти сюжеты, отмечу что представленная картина «отсекает» от русской истории всю Восточную Европу, начиная с древности и вплоть до второй половины I тыс. н.э., т.е. до расселения в этих пределах восточноевропейского славянства, которое единственно связывается с генезисом русской истории. Естественно, варягам, как они трактуются в современной науке, на этой картине нет места до конца I тыс. н.э.

Многое из вышеприведенных научных концепций по этнической истории Восточной Европы в древности вызвало мои сомнения. Во-первых, согласно имеющимся данным, носители финно-угорских и индоевропейских языков (индоиранских, затем балтских) жили бок о бок друг с другом на протяжении почти 4 тыс. лет, не смешиваясь и только с расселением в лоне обоих этнокультурных массивов восточноевропейского славянства, т.е. с VII–X вв., началось взаимопроникновение индоевропейского и финно-угорского миров друг в друга и формирование полизтической общности в рамках Восточной Европы. При всем уважении к гигантской работе, проделанной археологами и лингвистами, подобная реконструкция прошлого Восточной Европы в древности представляется нежизненной. Во-вторых, сам процесс взаимодействия финно-угров и славян выглядит странно, если отметить бытующий в науке взгляд на мирный, бесконфликтный характер славянского расселения на землях, занятых финноязычными народами. При этом с одной стороны отмечается, что «финское население при продвижении на территорию их расселения славян постепенно отступало на свободные и окраинные земли без каких-либо столкновений»³⁹, а с другой, что пришли славяне проявляли полную готовность «к восприятию местных названий рек, образов духовной и элементов материальной культуры», что сопровождалось, в свою очередь, «неуклонной тенденцией к поглощению и культурной ассимиляции финского населения, к постепенному забвению многих самобытных черт автохтонов»⁴⁰.

Что-то очень важное, какой-то существенный компонент выпал из поля зрения нашей науки, оттого и не воссоздается живое историческое полотно древнего прошлого нашей страны, и этноисторическая картина России в древности выглядит явно схематизированной и оскудевшей. В своих размышлениях над данными вопросами я исхожу из того, что ошибся, возможно, не летописец, а современная наука, т.е. что ПВЛ правильно освещает картину одновременного расселения варягов в двух областях: на южнобалтийском побережье и в Восточной Европе. Но как и когда они расселились на этих довольно обширных территориях? И как шло расселение, т.е. какая территория была для них исконнее? За точку отсчета в своих рассуждениях я принял данные об этнообразующем корне *var-* как древнейшем индоевропейском обозначении для водной стихии. И здесь сразу хотелось бы обратить внимание на то, что *var-* как основа в значении «вода», «море» сохранилась не во всех индоевропейских языках, а только у более архаичных представителей этой языковой семьи: от санскрита и тохарского до иллирийских и кельтских языков, оставив реликтовые гидронимы и связанные с ними этонимы в областях распространения этих языков. Сохранился корень *var-* и в древнем слое русского языка, также образовав этоним и гидроним. Напомню, что одним из важнейших выводов Кузьмина при исследовании древнеиндоевропейского корня *var-* был вывод о дославянском и догерманском происхождении образованной на его основе топонимии и этонимии.

Но тогда дославянским может быть и происхождение гидронима Варяжское море. А исходя из этого, логично предположить, что часть носителей русского языка в какой-то древний период, оставаясь в лоне индоевропейских языков, не входили в состав славянской группы языков, а имели контакт с носителями более древних индоевропейских языков, конкретно, учитывая сохранность *var-* в санскрите и тохарском, с языками индоиранцев (ариев) до их расселения с восточноевропейской прародины⁴¹. Имя этих прапародов в современной науке утеряно. ПВЛ называет их варягами. Другим убедительным образом объяснить наличие в древнерусской традиции гидронима Варяжское море и этонима варяги невозможно, поскольку оно никак не может быть объяснено посредничеством носителей финно-угорских языков, сохранивших *var-* до прихода славян, благодаря чему оно вошло в русский язык. В качестве пояснения скажу, что у саамов Севера, например, название Варангер-фьорда существует в форме Варьяг-вуда⁴², т.е. является явным заимствованием из русского, а не наоборот. Кроме того, море в современном саамском языке – миэрр, миарр, мер, мерр⁴³ – тоже заимствовано от индоевропейского море/mare. Индоевропейское «море» вошло и в другие финские языки как *meri*⁴⁴.

Но идея о дославянском слое в древнерусском языке также наталкивается на существенное препятствие – на господствующее в науке убеждение о том, что древнерусский и славянский языки – синонимы. Однако так ли уж научно безупречна эта мысль и так ли уж невероятна идея о двухслойности древнерусского языка? Например, сегодня понятия English language и British language используются как синонимы, но вряд ли кому-нибудь покажется абсурдным утверждение о том, что British language имел в истории своего развития догерманский период. У Константина Багрянородного приводятся 2 ряда наименований для днепровских порогов – «славянские» и «русские», из чего яствует, что еще в середине X в. русский язык и славянский язык не были идентичны. М.Ю. Брайчевский, например, обосновывал скифо-сарматскую этимологию русских названий порогов с конкретными аналогиями из осетинского языка, т.е. дославянское восточноевропейское происхождение части русских топонимов⁴⁵. О связи имени «русь» и индоарийского субстрата в Северном Причерноморье писал О.Н. Трубачев⁴⁶.

Напомню еще раз выводы Кузьмина о южнобалтийских дославянских племенах, явившихся субстратом для славян, но очень долго сохранявших свои языковые особенности: «В XVI в. известный географ Меркатор записал, что язык рутенов с острова Рюген был “славенский, да виндельский”, т.е. они какое-то время были двуязычными»⁴⁷. Этот пример хорошо иллюстрирует наличие дославянского индоевропейского субстрата на южнобалтийском побережье, на который накладывались славянские языки при расселении там славянских народов. Почему же совершенно невероятным должно казаться предположение о наличии древнеиндоевропейской субстратной языковой среды, в лоне которой расселялось восточноевропейское славянство? Только потому, что наука потеряла его носителей, особенно на севере Восточной Европы? Но так уж непоколебима аргументация в рамках господствующих концепций?

Общеизвестна многолетняя дискуссия об особенностях древненовгородского и древнескского диалектов, не встречающихся в других восточнославянских языках, но находящих соответствия на южнобалтийском побережье. Для ряда ученых это стало подтверждением гипотезы о влиянии южнобалтийских славян на этногенез и культурогенез древней новгородчины (В.Б. Вилинбахов, В.В. Седов и др.). Но все особенности древненовгородского диалекта не разъяснялись на основе параллелей с южнобалтийскими славянскими языками. Крупнейший

российский специалист в области исследования берестяных грамот А.А. Зализняк пришел к выводу о том, что истоки архаики новгородско-псковского диалекта должны отыскиваться на праславянском уровне⁴⁸. Однако и этот важный вывод о северных диалектах древнерусского языка как более сложном феномене, чем это предполагалось ранее, не решает всех проблем. Зализняк называет такую особенность древне-новгородского диалекта как окончание *-e* в и. ед. муж. представленное в новгородских-псковских памятниках. Рассматривая основные вехи более чем столетней дискуссии славистов о происхождении древне-новгородской формы на *-e*, Зализняк называет гипотезу В.В. Иванова, который предположил, что «др[евне]-новг[ородские] формы на *-e* восходят к праиндоевропейскому *casus indefinitus*, следы которого сохранились в хеттском, тохарском и некоторых других языках. Существенная трудность, – замечает при этом Зализняк, – состоит в том, что «необходимо признать сохранение праиндоевропейского архаизма лишь в одной узкой ветви славянских языков»⁴⁹. Трудность эта, действительно, непреодолима, но только в том случае, если рассматривать древне-новгородский диалект как узкую ветвь славянских языков. Однако если предположить, что часть индоевропейских носителей древнерусского языка существовала на севере Восточной Европы в период, хронологически совпадающий с присутствием в Восточной Европе индоиранских языков, и явилась субстратной языковой средой для восточноевропейского славянства, то следы праиндоевропейского *casus indefinitus* в древне-новгородском диалекте получают свое логичное и естественное объяснение. Вопрос о праиндоевропейском языке в центре и на севере Восточной Европы не совсем неизвестен в науке. Помимо упомянутой Зализняком гипотезы Иванова, необходимо напомнить, что Б.А. Себренников высказывал предположение о том, что в районе Волго-Клязьминского междуречья до появления в этих местах славян наличествовал какой-то реликтовый индоевропейский язык⁵⁰. Г.М. Керт и Н.Н. Мамонтова, ссылаясь на работы лингвистов А. Соболевского и А. Матвеева, писали о родстве гидронимов Кемь, широко распространенных в Карелии, на Беломорье, а также в Сибири и на Алтае, с древнеиндийским «кам» (вода)⁵¹.

Вышеуказанные рассуждения поставили меня перед необходимостью ответить на вопрос о том, как мое предположение о наличии носителей древнего индоевропейского языка – варягов – увязывается с финно-угорским миром северных и центральных областей Восточной Европы. Понятно, что в рамках статьи ответить на вопрос такого масштаба можно только эскизно. Представляется, что картина гомогенного финно-угорского мира на севере Восточной Европы в древности, существующая в науке, является искусственной и не раскрывающей полностью живой ход исторического процесса. Полагаю, что носители индоевропейских языков распространялись среди палеоевропейского населения Восточной Европы еще до миграций сюда народов уральской языковой семьи. Тогда можно предположить, что различные финно-угорские народы, волна за волной, расселялись уже среди этого субстрата, что и обеспечило этническое многообразие этих народов в Восточной Европе, а также их форму национальных меньшинств. Среди этого реликтового индоевропейского субстрата должны были происходить и вторичные («возвратные») миграции разных индоевропейских групп: протобалтов с запада, ираноязычных племен с юга. В этой полиглазничной среде, образованной симбиозом реликтовых индоевропейцев и урало-алтайских народов, расселялись позднее и восточноевропейские славяне.

Во избежание недоразумения, подчеркну, что я не веду здесь речь об индоевропейской прародине, поскольку в науке пока не выработано единой концепции о локализации прародины индоевропейцев. Но ученые согласны с тем, что индоевропейцы (индоиранцы или арии) присутствовали в Восточной Европе в III тыс. до н.э., что я и принимаю за отправную хронологическую точку и переходу к представлению того материала, который мне удалось собрать для рабочей гипотезы о варягах Восточной Европы.

Как уже упоминалось, при реконструкции древней дописменной истории ученые обратили внимание на то, что определенные указания на языки, бытовавшие в данной области в древности, содержит топонимия, поскольку такие феномены как отдельные гидронимы или оронимы обладают удивительным консерватизмом. «Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре», – написал один из русских исследователей XIX в. Н.И. Надеждин⁵². Однако расшифровывая эту географическую номенклатуру, современная наука не принимает в расчет особенностей мифоэпического мышления первобытного общества и его отношения к природе как земле своих или чужих предков, что проявлялось в наречении именами природных феноменов. Если пришельцы усваивали топонимы, уже бывшие до них, то в этом следует видеть и идеологический аспект, в частности, принятие местных культов предков, местной сакральной традиции. И наоборот, если пришельцы утверждали свои феномены культуры (топонимы, этнополитонимы и проч.), то это отражало процесс внедрения новых ценностей «пришлой» сакральной системы. Показателен в этом смысле феномен, отмеченный исследова-

телями в области этнологии при изучении африканского материала о ритуалах перехода небольшого поселения на новое место как примере акта пространственного перемещения первичного социума. В этом акте важнейшее место занимает так называемое сакральное освоение нового места жительства, в рамках которого «устанавливается» контакт с предками людей, жившими некогда в этих местах, а затем воссоздается и новый ритуальный центр для общения с предками данного социума⁵³. Если спроектировать приведенные суждения на названные летописью 2 области, связанные с именем летописных варягов, можно отметить следующее. Присутствие летописных варягов на южнобалтийском побережье верифицируется наличием топонимов, содержащих корень *var-*, но количество их не так уж велико. Область же варягов «до предела Симова», особенно северные области Восточной Европы, буквально пестрит топонимами с основой на *var-*, при этом заметное количество из них принадлежит гидронимам, которые обладают особой способностью сохранять глубоко архаичные названия⁵⁴. По моим наблюдениям, наиболее плотное скопление гидронимов с корнем *var-* очерчивает определенную территорию на севере Восточной Европы, а именно север Вологодской обл., Архангельскую и Мурманскую области, т.е. Северное Поморье, что сразу же возвращает к мыслям Кузьмина о варягах как «поморянах». Но Кузьмин полагал, что варяги – это только географические обозначения жителей приречной или приморской полосы. Однако мы видим, что и Северное Поморье или земля поморов, и Балтийское Поморье или Померания в немецкоязычной традиции – это название конкретных исторических областей и этнических общностей. Балтийское Поморье – это полития, существовавшая в течение нескольких столетий в исторически верифицируемое время, в память о чем долго сохранялся титул ее правителей – сначала князей, а потом герцогов Поморских. Последний мужской отпрыск этого старейшего герцогского дома Поморья Богуслав XIV скончался в 1937 г.⁵⁵ Тогда можно предположить, что был в истории этих областей тот момент, когда название «Поморье» с основой море/таге скрыло или отеснило здесь архаичные топонимы с более древней индоевропейской основой *var-*, служившие до этого для обозначения водных феноменов. На Балтийском Поморье топонимы с основой *var-* (река Варна, область Вармия) стали сосуществовать с такими топонимами как Поморье/Померания и Mare Balticum. Сохранились здесь и этненимы, производные от *var-*. Кроме варнов и варинов хочется напомнить, что немецкий гуманист С. Мюнстер (1488–1552 гг.) отмечал, что народ варгов (во времена Мюнстера Вагрия входила как историческая область в герцогство Гольштейнское) носил также имя варягов (*aus dem Folckern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck*)⁵⁶. Но вот поморы как общий надлокальный этноним, насколько мне известно, на Балтике не сложился. Жителей в области балтийского Поморья называли не поморами, а вендами⁵⁷. Поморы как особое имя, практически эквивалентное этнониму, известно только на Русском Севере. Было ли у поморов Русского Севера более древнее имя, которое погрузилось на дно времени? Посмотрим, что нам даст анализ топонимами Северного Поморья и других северных областей Восточной Европы.

Начну с самой западной точки области, окаймленной гидронимами с корнем *var-*. Это известный Варангер-фьорд (Varangerfjord)/Варяжский залив/Варенгская губа в Баренцевом море. Большая часть этого залива находится на территории Норвегии⁵⁸. Идя к востоку от него, можно назвать реку Варз в бывшем Мурманском уезде Архангельской губ., реку Варзугу там же, реку Варзугу в бывшем Пинежском уезде Архангельской губ., реку Варзенка в бывшем Сольвычегодском уезде Архангельской губ., озеро Вара в бывшей Олонецкой губ., реку Варду в Пинежском уезде Архангельской губ., реку Вариду в бывшем Вельском уезде Вологодской губ., реку Варжу в бывшем Усть-Сысольском уезде Вологодской губ.⁵⁹ В книге А. Орлова отмечены гидронимы с интересующим нас корнем *var-* не только на Севере, но и в Новгородской губ., а так же в бассейне Оки. Он сообщает, что с запада в озеро Ильмень впадает река Варенга (Варяжа). В Гороховецком уезде есть озеро Варягское. Существуют две речки Варенги, впадающие в Северную Двину с правой стороны в Шенкурском уезде: Верхняя Варенга и Нижняя Варенга (Варяга, Варяжа). Этот автор зафиксировал также такой вариант названия Варангер-фьорда как Варяга⁶⁰.

Как толкуются гидронимы Русского Севера с корнем *var-* в современных топонимических исследованиях? Исходим из финно-угорских языков, поскольку «общепризнано, что... субстратная топонимия Русского Севера принадлежит финно-угорскому языковому континууму»⁶¹, где исходным языковым слоем считается саамский⁶². Посмотрим, что получается при анализе интересующих нас гидронимов Русского Севера с корнем *var-*, исходя из аксиомы об их финно-угорском происхождении.

Начнем рассмотрение с самого западного гидронима Варангер-фьорд. Это тем более показательно, что его норвежская часть также находится на исконно саамской территории – в фюльке (области) Финмарк. В одной из последних публикаций по этому вопросу – краеведческой энциклопедии «Печенга» – находим следующее разъяснение со ссылкой на работу председателя Топо-

нимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР Е.М. Постполова: «Варангер-фьорд... Название из древненорв[ежского] „ver” – ловля и „angr” – залив... Фонетическая близость к исходной форме „Verangr” русского этонима “варяг” (из древнесканд[инавского] „Varingr”, „voeringr” – “союзники”) обусловила переосмысление поморами названия фьорда в Варяжский залив, в XVI в. в Варенгской губе»⁶³. При всем уважении к заслуженному автору, данная справка не выдерживает никакой критики. Даже на древнем норвежском языке вряд ли стали бы к уже оформленному топониму Варангер, что якобы означает «Ловчий залив», добавлять еще «фьорд», что тоже значит «залив» – получается некая калька с норвежского на норвежский. Кузьмин напоминает, что Варангер-фьорд был сначала не в чести у норманистов, хотя со временем в норманистской литературе и стала допускаться связь этого топонима с варягами⁶⁴. Для примера сошлись на статью Мельниковой и Петрухина, где Варангер-фьорд упоминается в связи с попытками определить исходную форму для слова «варяг» и предложением Г. Якобсона считать за исходную *wärangr*, которая, по его мнению, отразилась в названии Варангер-фьорд⁶⁵. Только как у авторов статьи, так и у Г. Якобсона основой слова варангер является *varg* (верность, обет, клятва). Получается, что в норманистских «этимологиях» бытует изрядный разнобой. Идея расчленения топонима «Варангер» на *ver-* и *anger-*, принадлежала еще А. Кунику и была явно призвана для спасения его же толкования «*waring*» как «ратник». При этом творец идеи не задавался вопросом, кого ловили в «Ловчем» заливе норвежские «ратники» или «наемники, принесшие клятву верности»? Здесь уместно напомнить, что постепенное освоение норвежской короной и норвежскими поселенцами Финмаркена и других северных областей Скандинавского полуострова относилось к более позднему периоду, чем викингская эпоха (IX–XI вв.). Следовательно, если верить тому, что Варангер-фьорд получил имя от древних норвежцев, то они должны были регулярно совершать сюда морские экспедиции с юга, сопряженные с огромными трудностями и затратами. Зачем? Для лова рыбы? Но ее вполне хватало и в Атлантике. Таким образом, Варангер-фьорд от *ver-* (лов) – это типичная «народная» этимология, хоть и рожденная в академических кругах. Не менее нелепо предположение о «переосмыслении» поморами названия «Ловчего фьорда» в Варяжский залив. На севере поморы, саамы, норвежцы жили бок о бок друг с другом на протяжении многих столетий, имели постоянные контакты, в результате чего развился даже особый язык общения – руссенорск. Поэтому с какой стати было поморам вдруг вспоминать о варягах в связи с названием фьорда, если для этого не было реальных оснований? Примеры саамского Варья-вуода (форма *varjag* сохранилась также в саамском названии полуострова Варангер как *Varjag-Njargga*) и пример из С. Мюнстера, писавшего «*Wagrii oder Waregi*», явно свидетельствуют о том, что Варяжский залив/Варяга первично относительно *Varangerfjord*. Однако вышеприведенная выдержка из краеведческой энциклопедии лишний раз подтверждает идею В.В. Фомина о псевдоантропоморфизме в советской исторической науке, в результате чего сложившаяся на рубеже 1980–1990-х гг. ситуация в науке «логично привела к возрождению в ней норманизма в той его крайности, от которого под воздействием критики оппонентов и прежде всего С.А. Гедеонова отказалось в свое время профессионалы высочайшего класса – историки и лингвисты, представлявшие собой цвет российской и европейской науки»⁶⁶.

Но для данной статьи в рассуждениях об этимологии Варангер-фьорда интересен другой аспект, а именно то, что саамский субстрат в них совершенно отсутствует. Получается так, что в названии одного из крупнейших северных гидронимов ученые смогли выделить только индоевропейские языковые пласти – поморский и, согласно норманистам, старонорвежский, хотя известно, что саамы издревле занимались здесь ловом морского зверя, а если верить другому распространенному в науке взгляду, то именно хозяйственная деятельность являлась первичным побудительным мотивом для создания человеком топонимов. Более того, саамское название «Варья-вуода» явно заимствовано из поморской традиции. Таким образом, в Варангер-фьорде «тонут» общепринятые концептуальные подходы: его название совершенно выпадает из ареала финской гидронимии.

Посмотрим, как обстоит дело с другими крупными гидронимами, содержащими корень *var-*. В северной топонимике имеется много топонимов, происхождение которых не может быть объяснено из финно-угорских языков. Крупнейший российский исследователь саамского языка Г.М. Керт пришел к выводу о том, что значительный процент топонимии восточноевропейского Севера не этимологизируется из саамского языка (и из финно-угорских языков вообще) и выскаживает предположение, что часть из них – наследие каменного века⁶⁷. Интересная мысль, которая напоминает нам о том, что Восточная Европа не была незаселенной пустыней до миграций сюда носителей уральских языков. Люди там жили, и вопрос только в том, следует ли их относить к этнически неверифицируемому палеоевропейскому населению, или все-таки их верификация возможна через индоевропейские языки.

Керт и Н. Мамонтова в книге о топонимии Карелии пишут, что она – «сплав различных в хронологическом и языковом отношении пластов. Зона распространения самого древнего пласта довольно обширна, собственно, четко очерченные границы ее установить трудно. Этот пласт отличается от других тем, что пока невозможно выяснить значение составляющих его топонимов, исходя из данных известных языков. Около 2500 лет до н.э. ... началось движение в Карелию племен из Волго-Окского бассейна... Трудно сказать, на каком языке говорили те, от кого остались неясные для нас названия. Не исключено, что эти загадочные топонимы так и останутся неразгаданными»⁶⁸. Позволю себе еще раз заметить: а со всеми ли известными языками проводили сравнительный анализ вышеупомянутой топонимики? Разве так уж невероятно, что они могут восходить к праиндоевропейским языкам? Например, в работе В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева я обратила внимание на примеры, связанные с определением северной границы распространения иранских гидронимов. Эта граница, со ссылкой на Фасмера, проводится в пределах бывших Курской и Орловской губерний: Апака, приток Сейма (ср. с др.-иранск. *apaka*, др.-перс. и авест. *ap-вода*). Параллели с древне-прусским – *ape-* (река), лит. *upre* – река, что отразилось в гидронимах Вопь/Опь⁶⁹. Но в саамском языке для обозначения океана или открытого моря используется очень созвучное слово «*Appi-миарр*»⁷⁰. *Appi-миарр*, похоже, является калькой древнерусского Окиян-Море, где *миерр*. *миарр*, мер, мерр от море/*mare*. А как быть с *аппь-*, которое в данной паре должно означать «океан»? Есть ли тут параллель с авестийским *ap-* (вода)? Тогда какой языковой слой сыграл здесь посредническую роль переносчика от авестийского в саамский? Жаль, что лингвисты, связанные существующей концепцией этнических контактов в древности, проходят мимо таких лингвистических фактов. Приведу еще один, достаточно любопытный пример. Правда, он имеет отношение к антропонимике, но антропонимы также хранят архаичные пласти языковой традиции. Пример связан с фамилией Г.М. Керта. Этимологию этой фамилии стремятся вывести из эстонского, где сохранились антропонимы и даже топонимы соответствующего звучания и написания: *Kert*, *Kört*, *Kärt*. Круг возможных значений оказывается достаточно широк: от «горностая» до «карги, конного фуража, юбки» и проч.⁷¹ Но в одной из работ о древних божествах солнечного культа я обратила внимание на варианты написания теонима «Хорс» вкупе со следующими рассуждениями: «Древнерусский Хорс или Хрос имеет сходство, а может быть вполне тождествен с Вацерадовым, Къртом, дедом Радигоста (Радагаста), хорутанским “К’рт’ – ом”⁷². Так что фамилия Керт может быть связана с древними индоевропейскими солярными теонимами и, соответственно, с индоевропейским субстратом на севере Восточной Европы. В развитие этой мысли продолжу рассмотрение северных топонимов, содержащих корень *var-*.

На Севере есть географические объекты, в обозначениях которых присутствует *var-* как часть лексемы в многокомпонентных топонимах. Например, на картах и в грамотах XVI–XVII вв. упоминаются река Кие-варака, впадающая в Кольский залив у тони (части залива), с таким же названием Кие-варака. В книге А.А. Минкина о топонимии Кольского полуострова разъясняется, что слово «варака» означает скалу или гору у русских (не выделяя, что это слово поморское, согласно словарю В. Даля) и происходит от саамского «*varppъ*», «*varppэ*», «*varppъ*» с уменьшительной формой «*varpencъ*», «*varai*», «*varyshi*»; у финнов это же слово существует в форме «*vaara*»⁷³. Я отобрала из монографии Минкина несколько топонимов, которые содержат поморскую «варака» и саамские «*varpъ*», «*varpэ*», «*varpencъ*». Это сопка Пораваракой, где первый компонент, согласно автору, саамский и означает «овод», а второй – вариант поморской «вараки». Далее, на берегу реки Чун указана сопка Куайвесьварь, название которой Минкин переводит как «Варака, где олени копали ягель из-под снега», где компонент «варь» принадлежит саамскому языку. На левом берегу реки Туломы есть гора Соколья варака – русское название с сохранением поморского обозначения для второй части топонима. Около Кислой губы озера Имандра стоит гора Лайтраптенваренч, название которой у Минкина звучит как «Гора, где делали доски для лодок». На берегу губы Кислой озера Большая Имандра стоит гора Пяссваренч, что толкуется с саамского как «Березовая варака». У подножия этой вараки в реку Курковую впадает ручей Пяссварьвуй, который переводится на русский язык как «ручей Берестяной вараки» или «ручей Березовой вараки». Из приведенных примеров видно, что поморская «варака» и саамские «*varpъ/варенчъ*» на равных участвуют в образовании топонимов, относимых к саамскому языку. Любопытно, что это «равенство» касается и топонимов, в которых отразились саамские языческие верования. Так, у Колвицкого озера есть гора Гангас-варака, название которой толкуют от саамского «*gangi/ganu*» (носители колдовских чар из саамской мифологии). В системе реки Уры есть две горы с названием Кеттель-варака, которые, согласно Минкину, образованы от саамского слова «*Kuettienalle*» (домовой)⁷⁴.

Смущает здесь следующий момент. В системе мифопоэтического мышления, как известно, к основным сакральным объектам относятся водные феномены и горы. Гора (или исток реки)

как центр своего организованного пространства, соотносится с верхним миром, а вода – с нижним миром. И все в совокупности составляет сакральное пространство определенной этнической общности, где единство системы маркируется единством имени для оронима, гидронима, ойконима. Традиция эта передается из поколения в поколение, что и объясняет устойчивость и архаичность топонимики отдельных мест. В соответствии с логикой данной традиции можно предположить, что использование поморского «варака» в саамских топонимах говорит о том, что слово «варака» должно было быть более древним, первичным по отношению к саамскому языку, иначе его присутствие сложно объяснить в означенном топонимическом комплексе.

В саамской традиции слово «варрэ» означает «лесная гора, лес», а «варака» у поморов (словарь Даля) – «крутый каменистый берег, береговая скала», т.е. горный элемент ландшафта, существующий в симбиозе с водной стихией. Это очень важный нюанс, поскольку для первобытного сознания ландшафт был одушевлен и соотносился отдельными частями с различными параметрами мира. Отсюда и детальное распределение по разрядам различных типов ландшафта в традиционной культуре разных народов. Так, специалистами отмечается, что, например, в саамском языке ландшафт характеризуется очень детально и тонко, в частности, горы, и приводится около десятка наименований для определения гор, пригорков, круч, обрывов и проч.⁷⁵

Приведенные выше саамские оронимы Кольского полуострова «привязаны» к водной среде: Куайвесъварь на берегу р. Чун, Лайтратенваренч около Кислой губы оз. Имандра, там же и Пяссваренч, Гангас-варака у Колвицкого озера, Кеттель-варака в системе р. Уры (можно привести больше примеров, но и эти вполне представительны). Разумеется, на основе этих примеров сложно делать какие-то обобщающие выводы. Но вопрос тем не менее напрашивается. Действительно ли поморское слово «варака» (каменистый берег) является производным от финно-угорского «ваара» (гора) и его аналогов? Нет ли здесь простого созвучия между «ваара» – одним из названий для горы в уральской языковой среде и «варака», восходящего к индоевропейскому «вар», связанному с водной стихией, и сохранившегося в поморской языковой традиции как след дославянского праиндоевропейского периода в истории поморов? В процессе длительного взаимодействия носителей этих языковых семей могли создаться сходные по созвучию и близкие по семантике, но различные по этимологии группы терминов для обозначения ландшафта, где каждой группе отводилась особая роль в системе традиционного мировоззрения. Следовательно, саамские «варенч», «варь», обозначающие горы, связанные с водной стихией, и тождественные поморскому «варака» (крутыму каменистому берегу), могут составлять особую группу саамских оронимов, заимствованных из древней индоевропейской языковой традиции также, как и выше-приведенный гидроним Варяг-вуода – традиции, где водной стихии отводится особое, доминирующее место. А другая часть сходных оронимов типа «варрэ, варра» может быть действительна связана с «сухопутной» уральской языковой средой и быть сродни финскому и карельскому «ваара».

Пытаясь разобраться в генезисе гидронимии с корнем *var-* на севере Восточной Европы, я обратила внимание на то, что данной группе гидронимов противостоит аналогичная группа с корнем *var-* в центральной части Восточной Европы, как бы отмечая южную границу этой территории. Столь важный для меня материал я обнаружила в уже упоминавшейся работе В.Н. Топорова и О.А. Трубачева, посвященной лингвистическому анализу гидронимов Верхнего Поднепровья. Основную задачу этой работы авторы видели в том, чтобы на основе лингвистического анализа топонимических данных реконструировать картину этнических контактов в древний период восточноевропейской истории. «В тех случаях, – подчеркивали авторы, – когда интересы исследователя сосредоточены на древнейших периодах, целесообразнее выделить ту часть топонимии, которая представляет названия вод, поскольку эти названия, как известно, обладают наибольшей устойчивостью»⁷⁶. Материал, представленный в указанной работе Топорова и Трубачева, позволяет обнаружить, что южная граница более плотного распространения гидронимов с корнем *var-* в восточноевропейской гидронимии проходит в Верхнем Поднепровье. По жребию судьбы, это балтийский гидронимический ареал. Согласно выводам Топорова и Трубачева, приводимые ниже гидронимы с корнем *var-* (как вариант *vor-*) относятся к балтийским названиям. Авторы не сравнивали корень *var-* в данных гидронимах с древнеиндоевропейским *var-* и его значением воды, но их этимологическая связь с водной стихией прослежена через древнепрусскую, литовскую, латышскую языковые традиции.

Вот примеры интересующих нас гидронимов с корнем *var-*: р. Варежка (варианты – Вережка, Варка, бассейн Днепра; Варик, бассейн Десны), ср. с жемайтским Вара, с литовским Vare, Varene и др., с древнепрussian Wore, Woria и особенно Woricke, Worken; р. Варлынка – бассейн Березины, ср. Ворлинка, Ворлянка на Другти, из балтийских ср. Varlinis река, Варлупя, древнепрussian Worflyne), ср. литовский varle – лягушка; р. Варсоха, бассейн Днепра (варианты Вор-

соха, Ворсиха), ср. с балтийским *vers*, *versm* (источник), отраженное в гидронимии – Версмупя; р. Варя – бассейн Десны⁷⁷.

В этой же работе приводится еще немалое количество гидронимов с корневым *var-*, некоторые из которых напрямую рассматриваются как варианты с вышеуказанными гидронимами с корнем *var-*, часть – через свои аналоги в литовской и прусской гидронимии. Вот часть из них; р. Вора, бассейн Десны (варианты Воронок, Варик, Варка); р. Воржанка, бассейн Ипути (вариант Вержа); р. Воркынец, бассейн Сейма, из балтийских Varkunas, ср. Варик, Варка (выше); р. Ворлинка, бассейн Днепра (варианты Ворлянка, Орлянка, см. Варлынка); р. Ворминка, бассейн Ипути, Сожи (вариант Вормина), ср. древнепрусский Wormen или wortyan (красный) (Геруллис, Apr. ON, 208), жемайтский Вормя, Вормяны (Спрогис, 62), см. также Веремейка. В центральноевропейской гидронимии отмечены случаи с корнем *uer-m-* (Waremtte, Werna, Viemme < Vermia 1242 г. в Бельгии), которому приписываются значение «течь» (см. Карнуда, RJO том.8, 1956, 105); р. Вородка, бассейн Десны (вариант Воровуха), ср. древнепрусский Wardo, литовский Varduva, Вардава (Спрогис, 35–36); р. Ворожейка, бассейн Днепра, ср. Вержа, Воржанка; р. Ворок, бассейн Березины (см. Буга, TiZ, I; 1923, 42, а также выше – Варик, Варка, Вора); Воролочи, болото между истоками Птичи, Лоши и Немана, из балтийских Varlkiai от varle (лягушка) (Буга, TiZ, I, 1923, 42)⁷⁸. К гидронимам с корнем *var-/vor-* можно было бы добавить еще ряд гидронимов с корнем *ver-*, которые рассматриваются авторами как семантически родственные первым, но я опускаю их и отсылаю к работе⁷⁹.

Как уже отмечено выше, исследуя гидронимы Верхнего Поднепровья, Топоров и Трубачев исходили из факта соответствий корню *var-* в литовском, латышском или древнепрussком языках, не привлекая к сравнительному анализу более древние индоевропейские языковые пласти, например санскрит. Ведь согласно общепринятому взгляду, древнее балтское население проникло в Восточную Европу в I тыс. до н.э. с запада, вклинившись в финно-угорский массив в лесной зоне Восточной Европы. Но в рамках этой концепции не находят объяснения такой известный в науке феномен как сходство между литовским языком и санскритом. Если литовский язык и санскрит рассматривать как лингвистические полюса, между которыми располагаются все индоевропейские языки, то между ними надо разместить и субстратную древнюю индоевропейскую языковую среду, которая обусловила усвоение балтами (предками литовцев) архаичной индоевропейской лексики в период их расселения в Восточной Европе, прежде всего в форме прежних названий рек, для которых часть аналогов может найтись в санскрите. Но так вопрос до сих пор не ставился. Вернее, он ставился (см. приведенные выше точки зрения В.А. Серебренникова и В.В. Иванова), но не получил должного развития.

В начале статьи я высказала предположение, что носители уральской языковой семьи расселялись в Восточной Европе среди праиндоевропейского населения, следовательно, спецификой этногенеза восточноевропейских регионов является его исходная полигенетичность, т.е. здесь с очень глубокой древности проживали носители и праиндоевропейского языка, и уральской семьи языков. Подтверждением этому могут служить свидетельства археологии по району верхнего Прикамья и Приуралья – восточного региона территории, окаймляемой с севера и юга плотным скоплением гидронимов с корнем *var-*. Археологические исследования Прикамья и Приуралья показывают, что этот регион с древнейших времен вел международную торговлю впечатляющих масштабов. Согласно данным археологов Приуралья, начало связей этого края с югом лежит в глубокой древности, прослеживается с энеолита и бронзы. Но более документированы торговые связи для раннего железного века, когда в VIII–VI вв. до н.э. посредством товарного обмена в Прикамье с Северного Кавказа (реже из Закавказья) поступали готовые модели оружия и орудий труда, а также металлы⁸⁰. В бассейне Камы вплоть до Урала найдены памятники греческой культуры, т.е. этот регион, также как побережье Балтийского моря того же периода, находился в сфере греческой торговли⁸¹. Во второй половине VI–IV вв. до н.э. прикамское население (ананынская культура) имело интенсивные контакты с савроматским миром, саками, народами Казахстана и Средней Азии⁸². Ананынский железоделательный очаг функционировал в VIII–VI до н.э. наряду с северокавказским, среднеднепровским, скифскими⁸³. На рубеже эпох вещи из южных земель в Прикамье пополнились многочисленными стеклянными бусами, а также плакетками из голубого египетского фаянса в виде скарабеев, львов, медными римскими кастрюлями⁸⁴. В первой половине I тыс. н.э. в Прикамье наблюдался массовый приток близневосточных бус, множество вариантов римских провинциальных фибул из мастерских Северного Причерноморья, а также изготавляемых поздними скифами Поднепровья и сарматами Нижнего Поволжья. В могильниках III–V вв. Среднего Прикамья обнаружены десятки раковин моллюсков, добытых в тропических частях Тихого и Индийского океанов. Распространение прикамских вещей на запад

в Среднее Поволжье, в район Сурского-Окского междуречья, свидетельствует о развитии контактов в западном направлении⁸⁵. В V–VIII вв. южный импорт в Прикамье продолжал нарастать: это, по-прежнему, были стеклянные и каменные бусы, серебряные ожерелья, поясная гарнитура, парадное оружие и другие предметы причерноморского, ближневосточного, среднеазиатского происхождения. Привлекают внимание многочисленные находки парадной серебряной посуды и монет. Время притока сасанидского серебра в Прикамье датируется по-разному, с III в. по VII в.⁸⁶ Особой интенсивностью был отмечен приток драгоценностей в Прикамье с юга в VI–VII вв.⁸⁷ Приведенные выше материалы дают основание археологам говорить о том, что торговля южных областей с Прикамьем в I тыс. н.э. являлась одним из важных и хорошо освоенных торговых направлений и была настолько организована, что «из весьма отдаленных областей купцами поставлялись сюда крупные партии дорогих товаров»⁸⁸.

Кроме юга, Прикамье имело торговые контакты и с прибалтийскими землями. В качестве примера указываются, обычно, находки так называемых поясов неволинского типа, хорошо известных по памятникам Верхнего и Среднего Прикамья и характерных для женских захоронений, датируемых концом VII–VIII вв. Археолог Р.Д. Голдина отмечает, что судя «по многочисленности поясов (не менее 72. – Л.Г.), разнообразию их вариантов, находкам полных, со всеми привесками экземпляров, эти предметы изготавливались именно здесь – в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях, в частности, на р. Чусовой... . Довольно много их в... Верхнем Прикамье»⁸⁹. Проследена и динамика развития производства этих поясов: «Пояса неволинского типа развились из поясов, украшенных накладками местных вариантов геральдических форм, получивших в науке название агафоновских... и распространенных здесь в VII в. ... Неволинские пояса в конце VIII–IX в. сменились в Прикамье многочисленными и разнообразными поясами салтовского типа»⁹⁰. Интересен тот факт, что значительное скопление поясов неволинского типа было выявлено на финском побережье Балтийского моря, где в нескольких захоронениях было обнаружено 19 поясов. Пояса этого типа датируются в Финляндии началом VIII в. Появление здесь поясов неволинского типа объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII–VIII вв. В результате этого в финском языке могло появиться слово «рергти» для обозначения странствующих торговцев⁹¹. Доказательством же того, что товары из Прикамья, действительно, «странствовали» на большие расстояния, служит обнаружение небольшого количества неволинских поясов в Сибири, в могильниках близ Томска⁹². Распространение поясов неволинского типа далеко за пределы места их изготовления говорит о том, что они рассматривались как признанный предмет роскоши. Об их престижности говорит тот факт, что один такой пояс был обнаружен в Швеции, в королевском кургане в Уппсале⁹³. Археологические находки вроде поясов неволинского типа красноречиво свидетельствуют о том, что развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении изначально шло с востока на запад, а не наоборот. Подтверждается данный вывод и анализом такого археологического материала, как бусы. Шведский археолог Ю. Каллмер, исследовавший происхождение бусинного материала памятников на территории Скандинавских стран, выделил разновидности восточных бус, поступавших в Скандинавию из Восточной Европы⁹⁴. Каллмер сопоставлял некоторые варианты восточных бус с находками поясов неволинского типа и пришел к выводу, что приток в Скандинавию указанных типов восточных бус, а также неволинских поясов был связан с торговой деятельностью купцов из Восточной Европы, из Волго-Окского междуречья или Камского бассейна⁹⁵. Российские археологи Р.Д. и Е.В. Голдины в результате тщательного изучения бус неволинской культуры в Приуралье определили, что все вышеупомянутые типы ранних восточных бус, обнаруженные в Скандинавии, не только хорошо известны в могильниках неволинской культуры, но и появились в Приуралье значительно раньше (VI в.), чем на Балтике⁹⁶.

Вышеупомянутые материалы археологических исследований убедительно показывают, что торговый путь из Восточной Европы в регион Балтийского моря шел от «предела Симова» к Варяжскому морю: сначала на финское побережье Балтийского моря на рубеже VII–VIII вв., затем далее, на Скандинавский полуостров. Транспортными артериями в Восточной Европе служили речные системы. Предполагаемый путь движения торговцев из Приуралья шел по Каме, Волге, Мологе, Мсте, Волхову и другим рекам до Ладоги, а затем до Финского залива⁹⁷. Только местные народы, жившие по этим рекам из поколения в поколение и накопившие благодаря этому знания о восточноевропейской гидросистеме, об особенностях режима рек, об оптимальных маршрутах, могли быть пользователями речных систем в качестве транспортных магистралей. Дальнейший анализ археологических материалов северо-востока и северо-запада Восточной Европы, причем в комплексе с топонимикой этого ареала, совершенно необходим для реконструкции древней истории этих земель.

Привлечение таких материалов особенно важно, поскольку тема Волжского или Балтийско-Волжского пути занимает важное место в норманистской концепции, но картина там перевернута с ног на голову. Подчеркивая большое значение контактов между Восточной Европой и регионом Балтийского моря и справедливо определяя, что «Великий Волжский путь... в эпоху раннего Средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение»⁹⁸, ведущие норманисты уверяют, что этот путь развивался с Балтики на Волгу, а не с Волги на Балтику: «Балтийско-Волжский путь возник как *продолжение на восток* [выделено мною. – Л.Г.] сложившейся к середине I тысячелетия системы торговых коммуникаций, которая связывала центральноевропейский, североморский и балтийский регионы»⁹⁹. Роль же восточноевропейских торговцев в процессе развития Балтийско-Волжского пути сводится к некоему абсолютному минимуму: «Естественную почву для пролонгации этого пути в восточном направлении создавали эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья, зародившиеся еще в эпоху бронзы... Движимые естественным стремлением... к достижению новых рынков сбыта для своих товаров (? – Л.Г.) скандинавы стали первооткрывателями [неувядаемая идея рудбекианского основоположничества! – Л.Г.] пути на восток»¹⁰⁰. Представлять в виде эпизодических контактов восточноевропейскую торговлю, на протяжении более полутора тысяч лет развивавшую международные торговые связи гигантского масштаба – от Приуралья до Египта, Византии, Тихого и Индийского океанов, а с начала второй половины I тысячелетия появившейся на Балтике (пояса неволинского типа и восточный бусинный материал), значит «не замечать слона». А говорить о скандинавах как первооткрывателях торговли в Восточной Европе – это утверждать прямо противоположное тому, что показывают археологические исследования в Приуралье. Однако вопрос о том, кто реально участвовал в восточноевропейской торговле, очень актуален для данной статьи. Ведь чтобы поддерживать торговлю такого грандиозного масштаба, причем развивать ее на протяжении тысячелетий, требовалось наличие высокоразвитого судоходства – речного и морского. Кто, какой народ обладал в этом регионе такой судоходной традицией, идущей из глубины времен? И какова глубина этих времен?

Традиции освоения морских просторов в Восточной Европе прослеживаются вплоть до глубокой древности. Свидетельством тому являются, например, изображения больших, пригодных для морских плаваний лодок, среди мезолитических наскальных петроглифов Кобыстана (Гобустана) у берегов Каспийского моря в Азербайджане, а также среди беломорских петроглифов близ г. Беломорска на берегу Залавруга и онежских петроглифов при устье р. Водлы¹⁰¹. Петроглифы Карелии, в частности, запечатели выразительные картины столкновений между различными группами людей: одни из них изображены на лыжах, другие сидящими в морских лодьях или выходящими из них на берег. Ведущий специалист в области исследования наскальных памятников Карелии Ю.А. Савватеев, обобщая опыт прочтения петроглифов в работах предшественников (А.Я. Брюсова, А.М. Линевского, В.И. Равдоникаса), обращал внимание на то, что лыжи в этих изображениях не характеризуют зимний период года (иначе, откуда же лодьи, явно пришедшие по воде), а являются отличительным признаком определенной этнической группы, в которой принято видеть местное население, сражающееся с пришельцами в лодках («мореходами»). Мысль о том, что петроглифы изображают различные этнические группы, представляется убедительной. Но категоричное разделение «лыжников» и «мореходов» на «местных» и «пришлых» вызывает сомнения. Противоречия между изображенными группами – жителями одной местности – могли быть связаны, например, с их принадлежностью к различным культурно-хозяйственным типам, что включало, в том числе, и различия в культурах, а это, в свою очередь, создавало сложносоставную этносистему. Чтобы вычленить нужную нам этносоставляющую в такой системе, проще всего посмотреть на то, у какого восточноевропейского народа традиции древнего морского и речного судоходства сохранялись дольше всего, и мы снова придем к поморам. Но прямыми наследниками чьей древней традиции морского и речного судоходства являются поморы Русского Севера, земля которых отмечена топонимией с корнем *вар-*, воплощающим связь с водной стихией? В рамках рабочей гипотезы я предлагаю свой вариант ответа: поморы Русского Севера являются потомками древних варягов, в которых следует видеть и часть древнерусских дославянских предков, издревле владевших речным и морским судоходством в Восточной Европе.

Есть еще один аспект, который мне хотелось бы затронуть в связи с размышлениями о праиндоевропейских корнях населения северной части Восточной Европы – это мифопоэтическое сознание первобытных времен, которое выражает себя, в частности, в образах сакральной географии, где создаются культурные архетипы и символы, отражающие специфику этногенеза того или иного народа и потому содержащие чрезвычайно важную информацию для этноисториче-

ской идентификации прежде всего в дописьменные периоды. Изучению сакральной географии Русского Севера уделялось в последнее время большое внимание¹⁰². Одним из направлений этих исследований стало выявление наиболее типичных символов, выраженных в географических образах определенной местности или страны. «Этническая идея каждого народа для своего свершения, воплощения нуждается в особой географии, в исключительно ей одной присущем и предначертанном природно-ландшафтом локусе»¹⁰³.

В мифологической картине, созданной древнерусской традицией, важное место занимает особый географический образ – остров. Этот образ сохранился в таком древнем памятнике устной традиции, как древнерусские заговоры, в основе своей восходящие к космогоническим мифам или представляющие одну из форм их проявления, причем образ острова находится в центре всей заговорной космогонии и является точкой отсчета и началом начал. Поскольку остров выступал как устойчивый топос русского фольклора в виде острова Буяна, то разгадкой его символики занимались многие видные исследователи русского фольклора, начиная с А.Н. Афанасьева; изучение его продолжается и в наши дни¹⁰⁴. Но попытки истолковать этот культурный архетип древнерусской геософской традиции наталкиваются на определенные трудности. Дело в том, что остров и лежащий на нем загадочный Алатырь (камень) именовались «пупом морским» (в некоторых вариантах «пупом земным»): «В Окиян-море пуп морской, на том морском пупу – белый камень Олатырь»¹⁰⁵. «Пуп морской» наряду с пупом земным – это эквиваленты центра мироздания, т.е. отождествления с центром мира или мировой осью (*axis mundi*) – одной из важнейших категорий моделирования пространства в архаической модели мира, которая присутствует во всех мифологических системах¹⁰⁶. Самыми распространенными воплощениями идеи мировой оси или середины мира являлись вертикально ориентированные предметы: мировое дерево и мировая гора, но эта идея могла быть также представлена и в виде других объектов, например, камня или груды камней, а также возвышения из глины или земли, столба (и как архитектурной конструкции, и как столба дыма, восходящего от алтаря/жертвенного костра к небу), в виде очага, а в более развитых культурах – в виде храмового алтаря, царского трона и ряда других сакрализованных предметов. Помимо этого понятие центра мира связывалось с идеей зародыша мира, начальной точки отсчета в этногенетической истории. Совокупность этих представлений оформилась в понятие сакрального центра как легендарного священного места рождения народа и места вечного пребывания предков всех живущих его представителей, как «точка отсчета для осознания временной (циклической) перспективы»¹⁰⁷. Идея сакрального центра эволюционировала и во времени, и в пространстве, что могло выражаться в переносе сакрального центра в силу подвижности социумов, а также в смене уровня значимости сакрализованного объекта, через который проходила мировая ось, т.е. сакральный центр небольшого коллектива (рода) мог выдвинуться и стать центром страны (например, Дельфийский храм, где камень Аполлона Омфал олицетворял мировую ось, стал культовым центром Эллады). Но традиция сохраняла память обо всех наиболее важных воплощениях сакральных центров и связанных с ними сакрализованных образов, даже если их актуальность менялась в процессе этносоциальной истории. Эти образы ложились в основу мифологических рассказов, переходящих из поколения в поколение, принимали форму первообразов или архетипов, в которой нашли выражение и закрепились специфические ценности, характеризующие определенную этническую общность как культурную целостность.

Почему истолкование образа острова из древнерусских заговоров вызывает затруднения исследователей и чем этот образ интересен для данной статьи? Остров как сакральный объект тесно связан с Русским Севером, причем с глубокой древности. Вспомним островные мезо- и неолитические Олениостровские могильники в Онежском озере и Баренцевом море. Представления об острове как сакрализованном пространстве сохранились в культуре некоторых народов Севера, в частности у поморов, у саамов, у карел, в какой-то степени у ижор, у ненцев, т.е. у представителей различных этноязыковых общностей, этнические территории которых группировались вокруг ареала упомянутых Олениостровских могильников. Но реальное отражение островной культуры имело у этих народов свою специфику. У саамов и карел эта культура сохранилась в традиции островных кладбищ¹⁰⁸. В мифологии ижор видны следы влияния древнерусского концепта острова: земля как остров, образовавшийся при падении священного объекта с неба (ср. выпадение с неба «Голубиной книги» к Алатырь (камню))¹⁰⁹. Как особо сакрализованное пространство воспринимался остров у поморов. Поморские сказания сохранили связь острова с началом космогенеза, когда земная твердь стала отделяться от воды. Хтонические мотивы в беломорских и онежских преданиях о связи острова с змееподобным божеством, мотивы плавающего острова, мотивы связи вещей птицы (например, петуха) с островом вылились в традицию островопоклонства у поморов, которая в христианское время приняла форму установления обетных

крестов на островах (или на берегу) и восприятия острова как наиболее благоприятного места воздвижения церквей и монастырей¹¹⁰. Таким образом, в поморской культуре мы видим наиболее полный концепт острова как священного пространства: это и островные погосты, как у саамов и карел, и островная церковно-монастырская традиция, т.е. остров как «мир усопших» и остров как место общения с Богом. Однако только в более общей, выходящей за пределы региональной поморской, северорусской традиции мы видим представление об острове как олицетворении мировой оси (*axis mundi*) или центра мироздания. И вот этот феномен исследователи уже не одно столетие затрудняются объяснить, поскольку не могут определить, откуда этот феномен явился в древнерусскую традицию – мы ведь живем в убеждении, что в древнерусской традиции все либо пришлое, либо заимствованное. Исходные основания пытаются отыскивать во влиянии финно-угорской островной культуры на поморскую, но у финно-угров нет понятия острова как мировой оси. Второй путь поисков связан с влиянием общеславянских традиций, по славяне расселялись в Европе с юга, а островная культура связана с Севером. Опору в этих поисках пытаются находить в связи преданий об острове Буйне с Рюгеном и южнобалтийской славянской традицией. Связь эта безусловно есть, но во-первых, южнобалтийская традиция складывалась не только на основе славянской, а имела и более древний индоевропейский субстрат; во-вторых, Море-Окиян, где заклинания и космогонические мифы помещали таинственный остров с Алатырь-камнем, мог быть связан как с Балтийским морем (Балтийское море под именем Венедского залива считалось частью Океана), так и с Белым морем – так называли его поморы, как явствует из жалованной грамоты Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкие и другие острова 1459–1469 гг. Исследование означенной проблематики – задача монографии, а не статьи. Но все же хочется подчеркнуть ее важность еще одним примером. Когда, согласно мифам, легендарные гипербореи принесли культ Аполлона грекам, то первое святилище они воздвигли на острове Делос. Островная культура была, очевидно, чужда эллинам, поэтому священный камень Аполлона Омфал был перенесен на материк в Дельфы, где был установлен в храме и провозглашен центром Эллады и, соответственно, мироздания. Таким образом, камень как атрибут мировой оси (не смешивать с общим культом камнепоклонства), запечатлелся только в эллинской и древнерусской традиции, а остров как олицетворение центра мира – только в северорусской традиции. Для меня – это еще одно указание на наличие индоевропейского субстрата на восточноевропейском Севере, носители которого должны быть связаны с древнерусской традицией предковой связью. Именно к праиндоевропейским корням населения Севера Восточной Европы уводят нас выше-приведенные древние сакральные традиции, составившие наиболее архаичный пласт древнерусской дославянской культуры.

Так выстраивается историческая ось моих поисков: мезолитические островные усыпальницы Севера, где обретали вечный покой древние предки-покровители, с одной стороны, и остров как сакральный центр – уникальное воплощение мировой оси в древнерусской традиции, с другой стороны. Присовокуплю к этому таинственный «остров русов», который, наверняка, являлся не просто географическим объектом, а архетипом древнего центра мира – «пупа морского» и легендарным местом «рождения» одного из пращуров русов (географически таких островов могло быть много). Между этими двумя точками следует предположить наличие связующего звена, обеспечившего передачу преемственности уникальных сакральных первоначал древнейшего Севера для Древней Руси и в силу этого выступившего прямым предком последней. Таким связующим звеном, полагаю, было праиндоевропейское население Севера, в числе которых выделяются предки северных поморов – древние варяги Севера, сменившие здесь мезолитические племена и унаследовавшие северные священные традиции, связанные с островом как наиболее сакрализованным пространством, закрепив свое главенство в полиглоссической среде многочисленными топонимами с корнем *var-*, тиражировавшими как имя народа, так и, возможно, имя божественного первопредка. Над дальнейшим обоснованием высказанных предположений я и буду продолжать работать. Но работа – в самом начале. Предстоит многое сделать. Однако сам метод предлагаемой более комплексной реконструкции, когда к лингвистическим и археологическим свидетельствам добавляются и этнологические, представляется перспективным и мало-востребованным.

Примечания

¹ Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского Севера / Сборник научных статей. Архангельск, 2006; Теребихин Н.М. Лукоморье: Очерки религиозной геософии и маринистики Северной России. Архангельск, 1999; *его же*. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

² См., напр.: Гиренко Н.М. Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб., 2004. С. 110–151. Библиографию по вопросу см.: Там же. С. 303–315.

³ Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 4.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 4.

⁵ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005. С. 156, 165, 404; Кузьмин А.Г. Начало Руси... М., 2003. С. 222.

⁶ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 404.

⁷ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 222.

⁸ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 156; Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 222.

⁹ Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: гений русской истории. М., 2006. С. 353–354.

¹⁰ Nordström J. De Yverbornes Ö. Stockholm, 1934; Latvakangas A. Riksgrundarna. St., 1995. С. 167–175.

¹¹ Rudbek O. Atland etller Manheim. I. Uppsala, 1937. S. 324–325.

¹² Подробнее о рудбекианisme и влиянии других утопий на концепции по варяжскому вопросу см.: Гром Л.П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006: Историографический вестник. М., 2007. С. 72–118; *ее же*. Начальный период российской истории и западноевропейские утопии // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научных конференций 2006–2007 гг. Великий Новгород, 2007. С. 12–22; *ее же*. Гносеологические корни норманизма // Вопросы истории. 2008. № 8. С. 111–117.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 276.

¹⁴ Гедеонов С.А. Указ. соч. С. 157.

¹⁵ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: К истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 67; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 263.

¹⁶ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 56.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 60.

¹⁹ Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI и XII вв. // Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. СПб., 1908. С. 210–211.

²⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 63–67.

²¹ Svennung J. Zur Geschichte des Goticismus. Stockholm, 1967. S. 91.

²² Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10; *его же*. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 11; *его же*. Об этнониме «варяги» // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 7–9; *его же*. Одоакр и Теодорих // Дорогами тысячелетий. М., 1987. С. 123–124; Откуда есть пошла Русская земля: Века VI–X / Сост., предисл., введение к документам. А.Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986; *его же*. История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003; *его же*. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003; С. 187–242; Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Российский каганат и остров русов // Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1999. С. 463–464; Иванов В.Д. Русь изначальная // Сост., предисл., коммент. А.Г. Кузьмина. Т. 1. М., 1986. С. 25–27.

²³ Колиненко Ю.В. К публикации рукописи Ю.И. Венелина «О происхождении славян» // Сборник Российского исторического общества (далее – РИО). Т. 8. М., 2003. С. 18–20; Фомин В.В. Запад и западноевропейцы в русской письменной традиции (Х–XVIII) // Копелевские чтения 1999. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2000. С. 85–92; *его же*. Наменование западноевропейцев в ранних русских источниках // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета ЛГПУ. Вып. 2. Липецк, 2000. С. 214–227; Фомин В.В. Варяжский вопрос: его состояние и пути разрешения на современном этапе // Сб. РИО. Т. 8. С. 264–265; *его же*. Варяги и Варяжская Русь. С. 422–473; *его же*. Южнобалтийское происхождение варяжской Руси //

Вопросы истории. 2004. № 8. С. 149 – 163; Гедеонов С.А. Варяги и Русь // Предисл. comment., биографич. очерк В.В. Фомина. М., 2005. С. 535–545.

²⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 240–241.

²⁵ Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon Race: A Study of the settlement of England and the tribal origin of the Old English. London, 1906.

²⁶ Shore T.W. Указ. соч. Р. 24, 34–36, 46.

²⁷ Pokorný J. Urgeschichte der Kelten und Illirer. Halle, 1938. S. 11.

²⁸ Steinhauser W. Das Illiretum der Naristen // Schwarz E. Zur germanischen Stammeskunde. Darmstadt, 1972. S. 55–58.

²⁹ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 47–48.

³⁰ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 239–242.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 4.

³² Летописные названия «земля Агнянска» и «англияне» как явствует из текста летописи, призывают к побережью Балтийского моря и локализуются как его западный предел. В силу этого они закономерно и отождествляются с именем англов и их страной на юге Ютландского полуострова «Ангулус» или «Ангелн». Это имя было перенесено в ходе переселения англо-саксов на Британские острова (Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь. С. 422; библиографию см. на с. 462). Но в науке получило распространение мнение о том, что летописная «земля Агнянска» – это Англия Британских островов, а «англияне» – англичане, что, к сожалению, встречается даже у таких крупных ученых как М.Н. Тихомиров (Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 30), хотя летопись дает конкретное адресование. Отождествление летописных англотов и англов характеризуется В.Я. Петрухиным как «старая догадка антиформалистов XIX в.» (Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и Балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2(32). С. 42). Но англы и варяги/вэринги у Т. Шора – соседи и близкие союзники на протяжении многих веков, а это ведь явный аргумент в пользу отождествления летописных англотов и англов.

³³ См., напр.: Тихомиров М.Н. Русское летописание; Вилинбахов В.Б. Современная историография по проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. М., 1980. № 1; Азбелев С.Н. К вопросу о происхождении Рюрика // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 2. М., 1994; Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб. РИО. Т. 8; Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь.

³⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 205.

³⁵ Там же.

³⁶ Минкин А.А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 5–8; Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986. С. 6–9; Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000; Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 17–30; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 58–59; Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии / Авт.-сост. В.А. Мацак. Мурманск, 2005.

³⁷ Очерки исторической географии... С. 25–27.

³⁸ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966; Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987; Голдина Р.Д. Силуэты растающих веков. Ижевск, 1996. С. 14–15; Очерки исторической географии. С. 25–30; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 40–59.

³⁹ Прибалтийско-финские народы России. С. 6.

⁴⁰ Очерки исторической географии... С. 25.

⁴¹ Дьяконов И.М., Ильин Г.Ф. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н.э. // История Древнего мира. М., 1989. С. 382–387.

⁴² Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 227.

⁴³ Минкин А.А. Указ. соч. С. 23.

⁴⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 241.

⁴⁵ Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного: (Земли южной Руси в IX–XIV вв. Киев, 1985) // Славяне и Русь: проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М., 1999. С. 398–401.

⁴⁶ Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993. С. 3–61.

⁴⁷ Кузьмин А.Г. Из статьи В.В. Бартольда «Арабские известия о русах» // Славяне и Русь... С. 316–317.

⁴⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 56–57.

⁴⁹ Там же. С. 146–149.

⁵⁰ Серебренников Б.А. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // Труды Академии наук Литовской ССР. Сер. А, 1. Вильнюс, 1957. С. 69–70.

⁵¹ Керт Г.М., Мамонтова Н.Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 2007. С. 49–50.

⁵² Надеждин Н.И. Опыт исторической географии русского мира. СПб., 1837.

⁵³ См., напр.: Гиренко Н.М. Социология племени. СПб., 2004. С. 116–132, литературу по данному вопросу см. на с. 303–315.

⁵⁴ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 3.

⁵⁵ Wehrmann M. Genealogi des pommerschen Gerzogshauses. Stettin, 1937. S. 1–3.

⁵⁶ Münster S. Cosmographia. Basel, 1628. Faksimile-Druck nach dem Original von 1628. Lindau, 1978. S. 1420. Традиция, которая была известна Мюнстеру, находит косвенное подтверждение и у Т. Шора, соединявшего варягов с варинами/вэрингами населявшими юго-западный район Балтии.

⁵⁷ Nordisk familjebok. В. 17. Malmö, 1954. S. 383.

⁵⁸ Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. С. 77.

⁵⁹ Опыт расшифровки через санскрит названий водоемов Русского Севера / Сост. С.В. Жарникова // Гусева Н.Р. Славяне и арии: Путь богов и слов. М., 2002. С. 313–314.

⁶⁰ Орлов А. Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907. С. 375–376.

⁶¹ Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // Вопросы языкоznания. 1998. № 5. С. 91.

⁶² См., напр.: Минкин А.А. Указ. соч. С. 7; Прибалтийско-финские народы России. С. 55 и др.

⁶³ Печенга: Опыт краеведческой энциклопедии. С. 77.

⁶⁴ Кузьмин А.Г. Начало Руси... С. 227.

⁶⁵ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 66.

⁶⁶ Фомин В.В. Варяги и Варяжская Русь. С. 170.

⁶⁷ Керт Г.М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002. С. 88, 150.

⁶⁸ Керт Г.М., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики. С. 10–11.

⁶⁹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ... С. 8.

⁷⁰ Минкин А.А. Указ. соч. С. 189.

⁷¹ Йоалайд М. Об этимологии фамилии Керта // Прибалтийско-финское языкоznание / Сборник статей, посвященный 80-летию Г.М. Керта. Петрозаводск, 2003. С. 24–29.

⁷² Соколов М. Старорусские солнечные боги и богини: Историко-этнографическое исследование. Симбирск, 1887. С. 86.

⁷³ Минкин А.А. Указ. соч. С. 189.

⁷⁴ Там же. С. 62, 66, 70, 96, 111, 139, 140–141.

⁷⁵ Прибалтийско-финские народы России. С. 54.

⁷⁶ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 3.

⁷⁷ Там же. С. 178.

⁷⁸ Там же. С. 181.

⁷⁹ Там же. С. 179.

⁸⁰ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 5–11; Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.

⁸¹ Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 138.

⁸² Кузьминых С.В. Указ. соч. С. 178–179.

⁸³ Солницев Л.А., Фомин Л.Д., Шрамко Б.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // Советская археология. 1977. № 1. С. 57–74.

⁸⁴ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 7.

⁸⁵ Там же. С. 7–8.

⁸⁶ Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро Закамского» первых веков н. э. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 13. М., 1954; Вощинина А.И. О связях Приуралья с Востоком в VI–VII вв. н. э. // Советская археология. 1953. Т. 17. С. 183–196; Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967; Мухаммадиев А.Г. Древние монеты Поволжья.

Казань, 1990; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.

⁸⁷ Бадер О.Н. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура // Вестник древней истории. 1948. № 3. С. 166–169; *его же*. О восточном серебре и его использовании в древнем Прикамье: (К последним находкам) // На Западном Урале. Молотов, 1952. С. 182–200.

⁸⁸ Казаманова Л.Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII в. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 26. Ч. 2. М., 1957. С. 70–76.

⁸⁹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 8–9.

⁹⁰ Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего Средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института, археологии. 1979. Вып. 158. С. 79–90.

⁹¹ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 10–11.

⁹² Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 35–40.

⁹³ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 10.

⁹⁴ Callmer J. The beginning of the Easteuropen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz über das Frühmittelalter. Szekszard, 1989. S. 25.

⁹⁵ Op. cit. S. 22–35; Trade beads and bead Trade in Scandinavia ca 800–1000 A.D. / Acta Archaeologia Lundensia. S. 4. Nr 11. Bonn, Lund, 1977.

⁹⁶ Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Указ. соч. С. 12–13.

⁹⁷ Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989.

⁹⁸ Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002. С. 7.

⁹⁹ Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X вв. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997. С. 132.

¹⁰⁰ Там же. С. 132–133.

¹⁰¹ Джасафарадзаде И.М. Наскальные изображения Кобыстана // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965; Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1–2. М.; Л., 1936–1938; Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

¹⁰² См. об этом: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Сборник научных статей. Архангельск, 2006; Теребихин Н.М. Лукоморье. Архангельск, 1999; *его же*. Метафизика Севера. Архангельск, 2004.

¹⁰³ Теребихин Н.М. Геософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 70.

¹⁰⁴ Афанасьев А.Н. Языческие предания об острове Буйне // Временник Императорского Московского общества истории древностей российских. М., 1851. С. 1–24; *его же*. Поэтические возвретия славян на природу. Т. 1–3. Т. 2. М., 1995. С. 69–78; Байбурин А.К. Некоторые аспекты мифологии острова и «Остров Борнгольм» Н.М. Карамзина // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 38–46; Теребихин Н.М. Священный остров: (Мифология островной культуры Русского Севера) // Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 20–39; Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 108–127.

¹⁰⁵ Виноградов В. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 1. СПб., 1908. С. 29.

¹⁰⁶ О «мировой оси» см.: Рабинович Е.Г. «Золотая середина»: к генезису одного из понятий античной культуры // Вестник древней истории. 1976. № 3; Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982; Шиндин С.Г. Указ. соч. С. 111–120.

¹⁰⁷ Гиренко Н.М. Основные динамические структуры социального прогресса в рамках племени // Социология племени. СПб., 2004. С. 132–151; Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

¹⁰⁸ Теребихин Н.М. Священный остров.... С. 20.

¹⁰⁹ Конькова О.И. Ижорский миф: формирование и конструкция: Пространство и время // Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты. С. 57.

¹¹⁰ Теребихин Н.М. Священный остров... С. 21–32.

Критика и библиография

Н.В. Андреев. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003. 318 с.; Н.В. Андреев. История пермского городского самоуправления (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в.) Екатеринбург; Пермь, 2003. 368 с.

Две книги Н.В. Андреева объединены единством замысла. При этом ему удается учесть и «органическую связь исторического и историографических процессов», и наряду со степенью изученности темы представить концептуальные подходы к ее исследованию. Обширный историографический экскурс помог автору выявить дискуссионные вопросы и узловые понятия, на которых он сосредоточил внимание при анализе городского самоуправления Перми: связь с исследованием сословий, процессом правообразования в России, с механизмом действия всей системы государственности. Обращение к историографии показало необходимость переноса акцентов с социально-экономического развития города на изучение его административно-управленческих механизмов, на тенденции либерализации городской жизни, формирование гражданских общественных традиций русского города, в целом на начинания Екатерины II даже при отсутствии в провинции необходимых предпосылок для их полной реализации. Историографический анализ позволил Андрееву прийти к выводу о том, что «на региональном уровне история городов и городского хозяйства по-прежнему остается слабо изученной темой», что рассматривать ее нужно с позиций модернизационного и цивилизационного подходов, с учетом условий для перехода к гражданскому обществу.

Избранный им период следует признать ключевым для изучения темы, поскольку именно тогда начало расти доверие центральной власти к местной «самодеятельности» и «мощные экономические и социальные ресурсы Урала» получили региональные (губернские, уездные и городские) административно-политические и судебные структуры, результатом чего и стало возникновение Перми, в которой новое городское самоуправление начинали «с чистого листа». Его изучению посвящены четыре главы второй книги. В первой главе рассматривается формирование органов городского самоуправления (магистрата и го-

родского головы, а с 1787 г. – дум) в контексте становления и развития городского общества. Детально описана громоздкая процедура перехода в городские сословия и выхода из него, порядок выборов в органы самоуправления, их персональный состав, время действия различных «городовых служб» с учетом имущественного, социального и даже возрастного и семейного цензов. В 22 таблицах приложения представлены: динамика численности пермского купечества и мещанства за 1782–1795 гг. и за 1800–1825 гг., а также населения города в конце XVIII в.; списки баллотирующихся, избранных и проведение перевыборов; состав магистрата городской думы (в том числе и 6-ти гласной), список городских голов на протяжении всего изучаемого периода; общественные должности, занимаемые пермским купечеством в конце XVIII в.; регистр купцов на 1811 г., а также выборные должности в первой половине XIX в.

Во второй главе освещается «разнообразная и многофункциональная» деятельность городской думы: вопросы противопожарной безопасности, работа полиции, эпопея возведения городского гостиного двора, «приключения» при строительстве зданий для органов самоуправления, обзаведение городом торговой банией, архивом, культовыми сооружениями, организация ярмарочной, розничной, и мелочной торговли и превращение тем самым Перми в крупный торговый центр, деятельность в социальной сфере (борьба с нищенством, помощь Приказу общественного призрения и народному образованию). Городской бюджет и финансовая деятельность рассмотрены в третьей главе. Важность данного сюжета никем не оспаривается, однако предметом изучения городские финансы становятся чрезвычайно редко. Андреев не только реконструировал динамику расходной и приходной частей бюджета на протяжении всего исследуемого периода, выявив источники финансовых поступлений и статьи расходов. Он также сделал вполне удач-

ную попытку перейти к детальному изучению работы бюджетного механизма, а именно: показать из каких денежных пополнений происходили выплаты опять же по различным статьям расходов (примером может служить связка: поземельный сбор – траты на полицию). Наряду с этим анализируются регулярные и разовые сборы в доходную часть бюджета, а также «черновые ведомости», разбор которых позволяет поставить и изучить вопрос о недоимках. Собранный материал представлен в 13 таблицах приложения. В работе рассмотрены также деятельность «Комитета по уравнению городских и земских повинностей» 1807 г., введение дифференцированного поземельного налога 1810 г., появление среднесрочного планирования (3-летних смет). Все это свидетельствовало о хозяйственной самостоятельности городского общества, появившейся в результате четкого определения бюджетной компетенции («автономных финансовых полномочий») городов в российском законодательстве, обособленности городского хозяйства как имущественного комплекса и «относительной» финансовой самостоятельности городского общества как юридического лица, а также заинтересованности купцов, мещан, цеховых «в приумножении не только личного, но и общегородского благополучия».

В четвертой главе речь идет о городском магистрате, который состоял из уголовного, гражданского и разрядного повытей. Рассмотрена роль этого органа как суда первой инстанции членов городского общества, под началом которого находились также Словесный и Сиротский суды. Данна исчерпывающая характеристика функциям разрядного повытей: осуществление межсословного перехода и смены места жительства, проведение ревизского учета, соблюдение паспортного режима, оценка недвижимого имущества, контроль за процедурой бракосочетания, решение дел по долговым векселям и распискам. Показан механизм формирования обывательской книги «как важнейшего инструмента определения членства в городском обществе». Анализируя действия должностных лиц и процедурные вопросы, автор приходит к заключению о жесткой исполнительской дисциплине в данном учреждении и о его эволюции к исполнению главным образом надзорных функций.

Основополагающим источником достоверной и комплексной информации для исследования Андреева стали документы делопроизводства изучаемых органов (в том числе журналы заседаний думы, счета, свидетельства для залога, обывательские книги и т.п.). В центре его внимания – компетенция, полномочия, методы работы учреждений и лиц,

определявшие внутренние и внешние связи органов самоуправления (их вертикальные и горизонтальные отношения с другими структурами). Автор показывает нежизнеспособность в условиях молодого провинциального города Общей думы, хотя идея закрепления за ней законодательных, а за 6-ти гласной думой исполнительных функций самоуправления оценена положительно: по мнению автора, она была одобрена в Перми и доказала свою «практическую целесообразность». Он прослеживает процесс перераспределения полномочий между магистратом и городской думой, при котором первый все более превращался в судебный и контрольный орган, а вторая, соответственно, – в административно-хозяйственный. Благодаря «тесной взаимосвязи различных видов и уровней ответственности» в конце изучаемого периода происходило усиление взаимодействия всех городских структур, и возникали органы их совместной компетенции: «Градские дела», общие присутствия.

Отношение губернских и наместнических органов к пермскому самоуправлению сводилось к невмешательству вышестоящих органов в избирательную и финансовую политику последнего, когда административный контроль сводился к исполнению буквы закона: губернатор утверждал запланированные расходы и, к примеру, отказался увеличить поземельный налог в 1807 г. «Без излишнего администрирования, преимущественно путем диалога» губернские органы решали с городским самоуправлением вопросы, не вмененные тому прямо, например, обеспечение общественной безопасности или социально значимые задачи. О росте полномочий пермского самоуправления свидетельствует и возложение на него «обязанности обеспечить взимание земских повинностей». «Мы еще раз утверждаем, – пишет автор, – что система городского самоуправления полноценно функционировала уже в тот период». В другом месте он также отмечает активное стремление городского общества «к выражению собственного мнения, своей самостоятельности, общественных интересов». Особенно ярко данная тенденция проявилась в «постоянно возраставшей правовой и фактической самостоятельности» мещанства, вплоть до достижения «равноценной значимости купца и мещанина», что свидетельствовало о необратимой «либерализации избирательного процесса», «приобретавшего всесословный характер» и подключавшего к управлению широкие слои горожан.

И хотя речь в работе идет об учреждениях, их создание и функционирование персонализированы. Текст «пестрят» именами и фамилиями. В дискуссию о восприятии общественной службы (как повинности и даже

наказания) монография вносит вклад наблюдениями о создании «костяка» управленцев, о прохождении ими ступеней своеобразной «служебной лестницы», о магистрате как школе городского управления и в связи с этим – об отсутствии «случайных людей на выборных должностях» и об управленческом опыте как критерии занятия высокого поста. Описание функциональных обязанностей ратмана-«расходчика» вообще ставит вопрос о профессионализации верхушки самоуправления.

Единственным, на наш взгляд, недостатком работы является отсутствие определения понятия «городское хозяйство». Однако это не

умалляет достоинств исследований Андреева, благодаря которым историческая наука обогатилась тремя полноценными исследованиями: историей пермского городского самоуправления, историографией проблем изучения российского города и размышлениями зреющего профессионала-практика о значении данной темы в историографическом процессе с методологической точки зрения.

**С.В. Голикова,
доктор исторических наук,
Л.А. Дашкевич, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН)**

Е.Ю. Тихонова. Русские мыслители о В.Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М.: Совпадение, 2009. 327 с.

Настоящая книга безвременно скончавшейся Е.Ю. Тихоновой (1953–2008) – замечательное исследование, замыкающее целый ряд ее монографий, посвященных характеристике личности и творчества В.Г. Белинского¹. Особенностью всех этих работ стал отход от неисторичного, но за многие десятилетия ставшего, увы, привычным образа «революционного демократа» и «одного из великих предпоследников русской социал-демократии»². В своих книгах и статьях Тихонова вернула Белинского из вневременного пантеона непрекаемых авторитетов в круг людей 1830–1840-х гг., с их спорами, надеждами, разочарованиями, бесконечными личными столкновениями и драмами. И как ни странно, от этого он оказался лишь ближе современному читателю. Благодаря блестящему знанию и глубокому анализу источников в работах Тихоновой голос «человека без маски» зазвучал со страниц его писем и статей более внятно, живо, а иногда и неожиданно, он уже ничем не напоминал монотонную речь хрестоматийного классика. Разумеется, это вовсе не означало какого-либо «разоблачения» критика или «причины» его значения в истории русской общественной мысли. Напротив, для Тихоновой всегда было характерно внимательное и сочувственное отношение кисканиям Белинского, никогда не переходившее, однако, в апологетическое восхваление. Оставаясь критичной и подчеркнуто корректной в освещении исторических событий и лиц, она сумела выразить и передать чувство симпатии к своему герою.

Тщательно было изучено Е.Ю. Тихоновой и осмысление современниками и потомками «роли Белинского в общественной мысли 1830–1840-х гг.». В изданной уже посмертно ее монографии творчество Белинского пред-

стает как предмет бесчисленных интерпретаций публицистов, историков, литературоведов, философов различных поколений и взглядов. Хронологически книга охватывает целое столетие – со второй половины 1850-х гг. до середины 1950-х гг., причем, кажется, ни одно значимое суждение о Белинском, сделанное в это время, не осталось вне поля зрения автора.

Справедливо отмечая, что «в западничестве 1840-х гг. не сложилось революционного и либерального течений» (с. 218), Тихонова пишет: «Белинский, подобно Пушкину в литературе, заложил в общественной мысли основу многих теорий» (с. 36). Неудивительно, что его наследие в 1850–1860-х гг. оказалось по-своему близким публицистам и критикам самых разных «направлений» и взглядов. Так, с А.В. Дружининым его сближали «отказ считать личность орудием мирового прогресса» и «пафос любви к искусству», с А.А. Григорьевым – утверждение «интуитивности художественного творчества» и «права личности на полнокровность», а также отрицание «предустановленной прогрессивности истории», «разрушитель эстетики» Д.И. Писарев «довел до предела просветительские элементы мировоззрения Белинского и вместе с тем подхватил пафос его борьбы с традиционностью во всех сферах жизни» и т.д. При этом никто из них не являлся прямым последователем и продолжателем Белинского, хотя они не раз апеллировали к его идеям и мнениям. Как показала Тихонова, слишком уж велики и существенны были расхождения в позициях и устремлениях между ним и журналистами 1850–1860-х гг. По мнению Тихоновой, «надежды деятелей 1860-х гг. увидеть Белинского безраздельно захваченным своей «правдой» оказались бы обманутыми живым критиком» (с. 23).

В полной мере это относится и к радикальным публицистам пореформенного времени. И если «в советской историографии концепции «революционных демократов» рассматривались как прямое продолжение социальных и эстетических принципов Белинского», то «на самом деле их соотношение было сложным»: сближаясь с Белинским «в стремлении к созданию моральных ориентиров внутренне свободного человека», Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и другие резко расходились с ним в понимании эстетики, культуры, роли личности в истории и искусстве (с. 36). Тонко подмечено Тихоновой и отсутствие у русских радикалов второй половины XIX в. той цельности миросозерцания и того единства убеждений и чувств, которые были столь характерны для Белинского, хотя и ему не раз приходилось мучительно преодолевать «разлад между внутренним состоянием и избранной идеальной позицией» (с. 43). По-видимому, этим объяснялось и то, что понимание опасных и даже катастрофических последствий социального взрыва в России, также сближавшее Белинского с Чернышевским (с. 45), отнюдь не препятствовало активной революционной деятельности последнего. Политические же замыслы радикалов 1860-х гг. имели мало общего с теми преобразованиями, которых желал для России Белинский (с. 72, 212–217).

Весьма характеричен и проведенный Тихоновой сравнительный анализ взглядов Белинского и Н.К. Михайловского. Отставая от значимость личностного начала в истории и принцип «гуманной субъективности» в искусстве, Белинский, по словам исследовательницы, «являлся прямым предшественником субъективного метода в социологии» (с. 81–82, 186). «Однако, – указывает Тихонова, – народническое возвышение крестьянства как ведущей нравственной и культурной силы над образованной частью нации, скепсис к за воеваниям цивилизации, признание вины интеллигента перед трудящимися классами, вера в жизнеспособность общины не находят истоков в миросозерцании Белинского» (с. 186). В эстетике несовпадение их установок было еще более резким: «От литературного произведения Михайловский требовал тенденции, тогда как Белинский – возможно более полного отображения жизни» (с. 80). Не случайно, видимо, Михайловский, «с уважением упоминая имя Белинского как зачинателя демократической мысли в России и неизменно защищая его от нападок консервативных и славянофильских публицистов», не только «не числил его все же своим учителем», но и «не проявил активного интереса к его философии» (с. 186). Таким об

разом, уже в пореформенное время Белинский начал восприниматься не столько как критик, чьи статьи заставляют размышлять и спорить, но скорее как символ определенного («западнического» или «демократического») направления. Не с этим ли, кстати, было связано и известное изменение в 1860-х гг. отзывов о Белинском Ф.М. Достоевского?

Значительные различия в мировоззрении Белинского и радикалов 1860–1870-х гг., на которые указала Тихонова, невольно заставляют задуматься о том, какой была бы его идеальная эволюция в пореформенные годы? Не обходя стороной этот вопрос, по-разному решавшийся в историографии, исследовательница дала на него несколько уклончивый, но в то же время едва ли не единственно возможный, со строго научной точки зрения, ответ. «Личность Белинского, – полагала она, – слишком своеобразна, непредсказуема и подвижна, чтобы безоговорочно вписаться в рамки какого-либо из общественных течений последующего времени» (с. 23). Характеризуя затем предположение Р.В. Иванова-Разумника о том, что «не оборвясь столь рано жизнь критика, он присоединился бы к общинному социализму Герцена», Тихонова отметила: «Это, однако, не более вероятно, чем виртуальное размещение Белинского в каком-либо ином идеальном стане» (с. 179).

Видя в полемике А.И. Герцена и И.С. Тургенева «о русском варианте социализма» в 1860-х гг. своеобразное продолжение споров Белинского как со славянофилами, так и с друзьями-западниками, исследовательница констатировала, что в ней «ближе к Белинскому оказался Тургенев, который при понимании пороков цивилизации выступил в защиту ее общечеловеческих принципов и усомнился в коллективистских свойствах русского крестьянства, ставших объектом веры славянофилов и народников» (с. 54–57, 185). Но признавая, что «возражения, сделанные Герцену Тургеневым, в целом можно считать соответствующими духу общественных взглядов Белинского», невозможно, конечно, даже попытаться «угадать», как отнесся бы к ним сам Виссарион Григорьевич. Трудно допустить, что, пережив не один мировоззренческий кризис, испытав влияние философских систем Фихте и Гегеля, пройдя увлечение социализмом и сумев к концу 1840-х гг. его преодолеть, он вдруг прервал бы свои идеальные искания в условиях бурных перемен эпохи Великих реформ. И этот поиск, при свойственной его характеру решительности и искренности, естественно мог принять самые неожиданные и причудливые формы.

Показателен в этом отношении путь, пройденный в 1860–1870-х гг. учеником Белинско-

го профессором К.Д. Кавелиным. В своей монографии Тихонова подробно рассматривает влияние учителя и критика на его взгляды, находя, что «либерализм Кавелина родственен общественным стремлениям Белинского по пониманию особенности русского развития “сверху вниз”, по опоре на государственность», хотя «реформаторство Белинского более демократично» и больше тяготеет к «новациям», тогда как «умеренность Кавелина исторически не столь вынуждена, она более органична его натуре» (с. 74–75). «В политической теории, в этике, – пишет Тихонова, – его “диалог” с бывшим соратником по западническому кружку порой превращался в отстаивание традиции перед последовательным антитрадиционализмом Белинского» (с. 75). Между тем «для Кавелина самодержавие из исторически обусловленной реалии превращалось с течением времени в общественный идеал» (с. 73). Схожую эволюцию в пореформенное время проделал и другой активный участник преобразований 1860-х гг. Н.А. Милотин, в молодости также испытавший сильное влияние публицистики Белинского. Нельзя полностью исключить (как нельзя, конечно же, это и утверждать), что к подобным взглядам пришел бы в 1860-х гг. и сам критик, в 1840-х гг. придерживавшийся республиканских убеждений. Во всяком случае, его слова о том, что «для России нужен новый Петр Великий» и высокая оценка реформаторских возможностей, «мудрости и твердой воли» Николая I (данная в декабре 1847 г. за границей в частной переписке), делали подобный поворот вполне возможным.

В своей монографии Тихонова обстоятельно освещает начало научного изучения творчества Белинского, пристально всматривается в подходы автора «первой документальной его биографии» А.Н. Пыпина, а также А.Н. Веселовского, И.Н. Жданова, Н.А. Котляревского, С.А. Венгерова, М.М. Филиппова, Е.А. Соловьева, Ю.И. Айхенвальда, П.Н. Сакулина, Д.Н. Овсянко-Куликовского, Р.В. Иванова-Разумника и многих других. При этом ею характеризуются не только монографии и статьи, но и рефераты, лекции и даже пособия для гимназистов. Высокую оценку исследовательница дает и воспоминаниям П.В. Анненкова, которые, по ее словам, «тяготеют более к научному исследованию, чем к художественному повествованию», а по значению «стоят в одном ряду с “Бытым и думами” Герцена» (с. 64). Особенности этого «мемуарного исследования» – «спокойный тон, предельная точность, ненавязчивость характеристик при их проникновенности, идеологическая нейтральность» – сделали «Замечательное десятилетие» «надежным звеном в передаче информации о

Белинском деятелям следующих поколений» (с. 66–67). Мемуары Анненкова, учитывая его контакты с Пыпиным, представляют собою также любопытный пример взаимовлияния свидетельств современников и первых исследовательских работ. Так, если отдельные положения книги Пыпина были «подсказаны» Анненковым или восходили к нему (с. 62), то и сам Анненков в своих воспоминаниях, опубликованных уже после выхода пыпинского труда, развивал некоторые его утверждения (с. 63). Отчасти это взаимовлияние прослеживается и в «Заметках о личности Белинского» И.А. Гончарова, написанных по просьбе Пыпина (с. 67).

Большое внимание уделено Тихоновой преломлению идей Белинского в спорах конца XIX – начала XX в. Ею представлены суждения философов и публицистов едва ли не всех течений и «направлений» того времени – гегельянцев и позитивистов, народников и марксистов, символистов, «веховцев» и их оппонентов и т.д. Ярко написаны разделы, посвященные размышлениям А.Л. Волынского, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, Г.В. Плеханова, Г.Г. Шпета³, «религиозных философов» (В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, М.О. Гершензона, Д.С. Мережковского), не менее содержательны более краткие характеристики работ А.А. Корнилова, М.М. Ковалевского, В.Я. Яковлева (Богучарского), П.А. Берлина, В.И. Ульянова (Н. Ленина), П.А. Кропоткина и др. Довольно неожиданным, хотя и весьма интересным, является сопоставление взглядов Белинского и В.В. Стасова (с. 85–91).

В целом, исследование Тихоновой выходит далеко за рамки собственно «белинсковедения», это книга о русской общественной мысли, которая раскрывается через опыт осмыслиения наследия одного из ее творцов. На страницах монографии воссоздан многосторонний, «полифонический» диалог, в котором выявляются позиции Белинского, его современников, позднейших интерпретаторов, наконец, самой исследовательницы. Голоса крупнейших русских мыслителей XIX–XX вв. перекликаются в нем с замечаниями малоизвестных авторов, что создает ощущение полноты и детальной проработанности богатейшего материала.

Столь же значима и вторая часть книги Е.Ю. Тихоновой. Но если первая ее часть – «Оценка трудов Белинского в русской литературе (1850-е гг. – 1918 г.)» – была, по-видимому, полностью подготовлена автором (об этом, в частности, свидетельствует наличие у нее собственного «введения» и «заключения»), то вторая – «Оценка трудов Белинского в советской литературе (1920-е гг. – первая половина

1950-х гг.)) – осталась незавершенной. Она состоит из двух глав- очерков – «Классовый подх од к наследию Белинского (1920-е гг. – первая половина 1930-х гг.)» и «Миф о Белинском (вторая половина 1930-х гг. – первая половина 1950-х гг.)», однако, судя по опубликованному в качестве приложения «Списку литературы о Белинском (1956 г. – 1980-е гг.)», исследование должно было охватить весь период существования советской историографии. К сожалению, исследовательница не успела полностью осуществить свой замысел.

Впрочем, быть может, именно в этой, неоконченной, части книги с особой силой проявился профессионализм историка. Тихонова прямо указывает на то, что «миф о Белинском, созданный в сталинскую эпоху, оказал тормозящее влияние на изучение русской демократической мысли», поскольку, «закрепившись в обывательском сознании через школьные учебники, популярную литературу, он до сегодняшнего дня отвращает интерес общества от творчества Белинского, вызывая ассоциацию с чем-то плоско-прямолинейным, с псевдореволюционной фразой и идеологией авторитаризма», (с. 252). Однако, раскрывая механизм и мотивы создания «мифа о Белинском», явившегося «одной из составляющих правительственный идеологии», и показывая несоответствие мифологизированного образа имеющимся источникам, Тихонова была все же бесконечно далека от «обличения» или умаления действительных заслуг ее предшественников, писавших в тяжелое для исследователей время.

Напротив, данная книга может служить образцом бережного и вместе с тем честного отношения к историографической традиции во всей ее противоречивой сложности. Несмотря на то, что с середины 1930-х гг. «научный поиск, подразумевающий раскованность мысли, возможность выдвижения любых гипотез, был фактически под запретом», как отмечает Тихонова, «не стоит относиться к мифу о Белинском как к порождению халтуры и невежества»: «В его создании участвовали знающие философы и литературоведы, порой не чуждые стремления к объективности, не выходящей, однако, за рамки дозволенных установок. В отдельных аспектах мифологизированных представлений о Белинском есть и верные наблюдения. Если самому непредвзятоому исследователю исторической «природы» не удается достичь истины в полном объеме, то, равным образом, самая недобросовестная теория не может исключить из себя всякое соответствие с познаваемым предметом. Абсолютная ложь, как абсолютная истина, недоступны человеческому уму» (с. 208). Такая исходная установка позволила

автору не только демифологизировать образ критика, но и увидеть в созданном вокруг него мифе явление исторического самосознания советской эпохи.

В основе мифа о Белинском лежала потребность определить прежде всего «социальные ориентиры» и «классовую сущность» его творчества. «Вульгарно-классовый подход к изучению общественной мысли» вообще и наследия Белинского в частности восходил еще к народнической публицистике – к «Отечественным запискам» 1870–1880-х гг. и работам А.М. Скабичевского (с. 77). В 1920-х гг. «право голоса» уже «имели в основном марксистские авторы», и хотя «это был “пестрый” марксизм, на представление которого претендовали и большевики разной степени ортодоксальности, и бывшие меньшевики, и даже либералы», тем не менее «это влекло агрессивное неприятие чужих платформ и подозрительное отношение к таким интеллектуалам марксизма, как Плеханов» (с. 193, 207–208). «Вместе с тем, – отмечает Тихонова, – парадокс изучения творчества Белинского состоял в том, что авторы, настаивавшие на “чистоте” социалистической идеологии и недопущении в нее “мелкобуржуазных” уклонов, разглядели в Белинском не столько социалиста, сколько демократа-либерала» (с. 207). Только на рубеже 1930–1940-х гг. на критика была окончательно надета «маска революционного демократа», предшественника русской социал-демократии и одного из «гигантов художественного творчества и научной мысли», пропагандировавшего будто бы крестьянскую революцию и чуть ли не сформулировавшего принцип «партийности» в литературе (с. 212–213, 239, 248). В дальнейшем, «в 1940–1950-х гг. внимание исследователей переключилось на анализ сочинений Белинского в источниковедческом плане», а «в 1960–1980-х гг. появились ценные исследования литературных взглядов и методических приемов критики художественных произведений». В результате, «поступательное развитие “белинковедения” во второй половине XX в. заключалось в преодолении старых схем, прежде всего в области литературоведения» (с. 252).

«Был ли Белинский в действительности “революционером-демократом”?, – ставит вопрос Тихонова. – Демократом – безусловно, если учесть, что демократизм его носил личностный характер. Его заботил не народ, а человек из народа, равный в своих возможностях человеку из “общества”, что требовало открыть пути для их реализации. Говоря о другой составляющей термина, важно помнить, что, приветствуя революцию как европейское явление, Белинский не примеривал ее к рус-

ской действительности. Для интеллигента в России есть два средства – «кафедра и журнал – все остальное вздор»... Вопрос о революции в России для него не стоял: ее прогресс – в реформах правительства» (с. 212–213). Монографии Тихоновой, основанные на глубоком анализе всех дошедших до нас источников, отразивших взгляды Белинского, не позволяют усомниться в точности этого заключения.

Конечно, не со всем можно согласиться и в книге Е.Ю. Тихоновой. Так, несколько не-последовательно причисление А.А. Григорьева одновременно и к почвенничеству (с. 21, 183–184), и к славянофильству (с. 33, 35). Последнее к тому же более чем спорно. Весьма неудачна и характеристика славянофильства «как разновидности религиозного социализма» (с. 180) и тем более «феодального социализма» (с. 44). Между тем тезис о «патриархально-социалистическом» характере взглядов славянофилов – одно из принципиальных положений концепции Тихоновой, основанное на некотором преувеличении «общинной» составляющей их мировоззрения⁴. Нельзя без оговорок принять и утверждение о том, что «философско-этическое учение» А.И. Герцена «и сейчас не вполне освоено общественным сознанием как непокоренная вершина мировой философии» (с. 53). Уж очень неприглядно воплотилось это учение и в личной жизни, и в общественной деятельности своего создателя.

Сомнительно также, что именно религиозно индифферентный позитивист П.Н. Милюков сумел дать верную характеристику духовных исканий Белинского и его современников. Все же представления Милюкова о религиозности народа и церковной жизни России первой половины XIX в. были по меньшей мере узки и поверхностны. Только этим и можно объяснить то, что, по его мнению, во времена преп. Серафима Саровского, оптинских старцев, святителей Филарета (Дроздова) и Игнатия (Брянчанинова) «живых религиозных переживаний вовсе не имелось налицо» (с. 117–118). Вообще же религиозные взгляды молившегося «атеиста» Белинского, которому мерещился «хвост дьявола» (с. 23), освещены в работах Тихоновой, пожалуй, наиболее скучно, и еще ждут специального исследования. Во всяком случае, приведенные ею в книге цитаты из писем Белинского не могут не привлечь внимание к этой теме. Тогда, возможно, удастся скорректировать те замечания историка, которые пока могут вызвать только недоумение: «Белинский, отрицая Бога в онтологическом отношении, видел в религии область оправдания индивида, омовения его грехов, за которые он ответствен в реальном бытии. Диалектика христианской философии вовсе не была недо-

ступна Белинскому, но он сознавал и легкость ее перехода в софистику при восприятии Бога как существующей силы, а не как чисто субъективной величины, действительной лишь в духовно-психологическом смысле» (с. 158).

Как бы то ни было, можно только скорбеть о том, что Е.Ю. Тихонова, с присущим ей блестящим знанием источников и эпохи, их породившей, не сможет уже вернуться к этим вопросам. И все же ею заложено солидное основание для дальнейших исследований. А ее книги относятся к числу тех, которые не могут не вдохновлять как читателей, так и последователей. И тех, и других безусловно заинтересуют и включенные в книгу приложения – «Список литературы о Белинском (1956 г. – 1980-х гг.)», «Список опубликованных работ Е.Ю. Тихоновой» (составленный О.А. Прудковой), а также небольшое, но оригинальное и очень важное для понимания терминологии русской публицистики середины XIX в. исследование Тихоновой «Понятие о личности в сочинениях Белинского» (с. 255–264). Живой интерес вызовут и открывающие монографию вступительные статьи Е.Л. Рудницкой и С.В. Тютюкина, рассказывающие о творческом пути Елены Юрьевны и высоко оценивающие ее вклад в отечественную историографию. «Тому, что она сделала в науке, – пишет С.В. Тютюкин, – несомненно суждена долгая, долгая жизнь» (с. 14). С этим, конечно же, согласятся все, кто знаком с работами Е.Ю. Тихоновой.

А.В. Мамонов,
кандидат исторических наук
(журнал «Российская история»)

Примечания

¹ Тихонова Е.Ю. Мировоззрение молодого Белинского. М., 1993, изд. 2, доп. М., 1998; ее же. В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М., 1999; ее же. Человек без маски: личность В.Г. Белинского в его переписке. М., ее же. Человек без маски: В.Г. Белинский. Границы творчества. М., 2006. См. также рецензию В.С. Румянцевой и В.А. Твардовской: Отечественная история. 2003. № 6. С. 193–195.

² См., напр.: Баскаков В.Г. Социологические взгляды В.Г. Белинского. М., 1948.

³ Хотя «этюд» Г.Г. Шпета «К вопросу о гегельянстве Белинского» был создан в начале 1920-х гг. и поэтому рассматривается Тихоновой уже во второй части ее книги (с. 193–196), однако, конечно, по своему духу и проблематике он гораздо органичнее вписывается в контекст полемики конца XIX – начала XX в., нежели в дискуссии советского времени. Сама

исследовательница подчеркивает, что «доклад Шпета оказался по сути лишь повтором правогегельянской критики Белинского А. Волынским и “декадентского” страха запачкать и затупить драгоценный инструментарий фи-

лософии, коснувшись жизненных отношений» (с. 196).

⁴ Подробнее см.: Тихонова Е.Ю. Человек без маски: В.Г. Белинский. Грани творчества. С. 224–241.

Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М.: РОССПЭН, 2008. 879 с.

29–30 сентября 2004 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась международная конференция, посвященная столетию со дня рождения выдающегося отечественного историка, профессора Петра Андреевича Зайончковского, 35 лет преподававшего на историческом факультете МГУ (1948–1983 гг.)¹. Рецензируемый сборник, изданный по материалам этой конференции – значимое явление в современной историографии. Пожалуй, это один из наиболее содержательных «фестифитов», изданных в честь и в память русских историков XX в.² Его составителями стали ученики покойного профессора Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс, придерживающиеся классических традиций данного жанра, сложившихся в отечественной науке.

Как и большинство изданий подобного типа, данный сборник включает персонологические материалы (воспоминания учеников и коллег, историографические статьи о некоторых направлениях научных поисков ученого), публикацию неизвестных еще его рукописей, исследования по истории России XVIII–XX вв., источниковедению и библиографии, прямо или опосредованно связанные с изучавшейся им тематикой (правительственный аппарат и внутренняя политика самодержавия в XIX в., судьбы государственных и общественных деятелей, подготовка и проведение крестьянской реформы, социально-экономические отношения пореформенного периода, военные реформы и офицерский корпус Русской армии второй половины XIX – начала XX в., справочники по истории дореволюционной России). В качестве приложений в книге помещены краткий перечень основных трудов Зайончковского и работ о нем³; а также, что очень важно, список монографий и наиболее важных статей его учеников – библиографический абрис созданной им научной (научно-педагогической) школы⁴.

В сборнике впервые публикуются письма Зайончковского к Ю.Г. Оксману и Л.Р. Горланову (с. 96–120) и незавершенная работа «К вопросу завоевания Средней Азии», написанная, по-видимому, на рубеже 1940-х и 1950-х гг.

(с. 36–95). Осенью 1965 г. Зайончковский на несколько дней передал ее машинописный текст своему американскому стажеру В. Бруксу, прозрачно намекнув, что было бы желательно снять с нее копию. В своем предисловии к публикации, символически озаглавленном «Не только завоевание Средней Азии», Брукс рассуждает «о природе советской историографии» и отмечает, что сосредоточившись на geopolитических мотивах продвижения России в Туркестан и неявно полемизируя с официальной точкой зрения, сводившей все к экономическим факторам, Зайончковский, тем самым, обратился к «более широкому и более проблематичному вопросу о причинах и природе российского империализма» (с. 30–35).

Пока сделаны только первые шаги на пути к объективной аналитической реконструкции исследовательской программы научной школы П.А. Зайончковского – тех идей и подходов, которые развивались в его работах и служили их основанием, не получив, однако, по понятным причинам необходимой концептуализации⁵. В частности, О.В. Большаковой, Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко, Л.Ф. Писарьковой и рядом других авторов были высказаны важные соображения о характере «позитивизма» Зайончковского и о его «позитивистской вере в источник», об отрицательном отношении ученика к «идеологизации» исторической науки, о понимании им роли личности в истории, о влиянии на него взглядов Ю.В. Готье и шире – концепций «государственной школы», о том значении, которое Зайончковский придавал изучению политической истории Российской империи и ее учреждений.

Персонологическая тематика представлена в сборнике, прежде всего, в разделах «Выступления на пленарном заседании юбилейной конференции» (речи Ю.С. Кукушкина, С.В. Мироненко, Б.В. Ананьича и Л.Г. Захаровой) и «Вспоминая Петра Андреевича», где собраны воспоминания покойных Л.Р. Горланова, В.И. Канатова и А.П. Серцовой, а также Л.В. Беловинского, И.Л. Волгина, Н.В. Зейфман, Г.Д. Карпова, З.И. Перегудовой, А.П. Шевырева и А.Д. Яновского о том, что означали в их жизни встречи с Зайончковским, общение

с ним, учеба и работа под его руководством, духовный и нравственный строй личности профессора, проявленная им забота о судьбах учеников. «Это была старая университетская школа, — пишет Беловинский, — которой давно нет, которой не было уже и в 1960-х гг. Это был реликт настоящей школы российских императорских университетов» (с. 124). Неудивительно, что он порою придерживался позиций, по меньшей мере не характерных для советских исследователей. Как свидетельствует тот же Беловинский, «Петр Андреевич был убежден, что нельзя быть русским историком, не зная всего обихода Русской Православной Церкви» (с. 126). По словам Волгина, «он, как некогда Карамзин, спасал Отечество от *нашествия забвения*» (с. 135).

Особый интерес представляют мемуары ближайшего друга Зайончковского С.С. Гудкова и его сына Б.С. Гудкова, далеких по своей профессиональной деятельности от мира исторической науки (отец — инженер-строитель, сын — химик). Будущий биограф историка обязательно обратится к ним при изучении трансформации его мировосприятия. В 1978–1979 гг. С.С. Гудков вспоминал о том, как в конце 1930-х гг. он вновь встретил своего друга молодости, в 1920-х гг. придерживавшегося «крайне левых взглядов, согласно которым часть человечества подлежала истреблению ради жизни прогрессивно и революционно мыслящей части». С Зайончковским, который, несмотря на свое дворянское происхождение, ранее «не мог равнодушно видеть где-либо на улице человека, прилично одетого, в шляпе и при галстуке или в инженерской фуражке, или священника в рясе», к этому времени «произошла разительная метаморфоза, с ним уже тогда начался процесс обратного превращения, который не закончился и по сей день». «Ныне, — с добродушной иронией (и не без доли преувеличения) констатировал в конце 1970-х гг. Гудков, — это Петр Андреевич Зайончковский, доктор исторических наук, профессор Московского университета, автор многотомных трудов по истории, семидесятичетырехлетний старец, оппозиционно настроенный ко всему происходящему в стране, фанатически прилежный и глубоко религиозный посетитель церкви, аккуратно совершающий все религиозные обряды и гордящийся тем, что у него общий духовник с Солженицыным, ныне высланным за границу» (с. 136–138).

Личность ученого освещают и некоторые статьи, помещенные в завершающем сборник разделе «Источниковедение, историография, библиография». Так, А.К. Афанасьев отметил вклад Зайончковского в изучение русской музыкалистики, Г.А. Главатских рассказала о под-

готовке указателя «Справочники по истории дореволюционной России», Т. Эммонс о том, как учениками Зайончковского был реализован поистине грандиозный замысел учителя — создать аннотированный библиографический указатель дневников и воспоминаний русских эмигрантов XX в.

Открывающая раздел «Власть, идеология, общество в императорской России» статья Л.Ф. Писарьковой суммирует результаты ее многолетнего исследования процессов формирования российской бюрократии в XVII–XVIII вв. Основные этапы становления и развития обер-прокуратуры Святейшего Синода и ее влияние на характер церковно-государственных отношений в XVIII – первой половине XIX в. рассмотрены А.Ю. Полуновым. А.Н. Долгих проследил ход обсуждения в Непременном совете в 1801–1802 гг. проекта указа о запрещении продажи крестьян и дворовых людей без земли, внесенного по распоряжению Александра I, отклоненного в мае 1801 г. большинством членов Совета, затем в марте 1802 г. одобренного Советом (состав которого к тому времени заметно изменился), но так и не утвержденного императором. Исследователь приходит к выводу, что Александр I, встретив в 1801 г. сопротивление со стороны высших сановников, сам охладел к данной мере, реально ограничивавшей права помещиков. Крестьянской реформе в Курляндии, где эманципация крестьян не затрагивала интересы русского дворянства, посвящена статья Т. Судзуки (Япония).

Статья М.М. Шевченко «С.С. Уваров в борьбе за внутренний курс политики России в 1826–1832 гг.» принадлежит к тем пока еще немногочисленным исследованиям политики Николая I, в которых понимание ее самодержавной природы, исключавшей возвращение к либерализму начала столетия, неразрывно соединяется с признанием того, что, по словам А.С. Пушкина, «правительство у нас единственный европеец». Отметив, «что зайти в тупик либеральная политика может и не столько из-за сопротивления консерваторов, сколько по причине собственной несостоятельности», Шевченко указывает на разочарование Уварова в политических идеалахalexандровского царствования и подробно анализирует его записи по политическим, правовым и экономическим вопросам, составленные во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг.

Деятельность С.С. Уварова на посту попечителя Петербургского учебного округа в 1810–1821 гг. освещена в статье А.Ю. Андреева. «В рамках “голицынского министерства” — утверждает исследователь, — ему удалось, казалось бы, невозможное: при распространявшемся неприятии немецких университе-

тов, доходившем до отрицания пользы университетов для России вообще, Уваров сумел дать жизнь новому Петербургскому университету, открытому в 1819 г. на базе существовавшего с 1816 г. Главного педагогического института. Более того, занимаясь организацией университета в российской столице, Уваров попытался провести в нем некоторые принципы, воплощенные при создании Берлинского университета и отражающие идеи “немецкого классического университета”, сформулированные выдающимся немецким государственным и общественным деятелем Вильгельмом фон Гумбольдтом» (с. 284). При этом автор статьи критически оценивает состояние российских университетов во второй половине 1810–1820-х гг. и итоги реализации университетского устава 1804 г. Здесь неявно присутствует тот же тезис, который звучит и в статье Шевченко: либеральная политика заходит в тупик по причине собственной несостоятельности. Пристальное внимание к процессу возникновения этоса университетской науки – одна из отличительных черт статьи Ф.А. Петрова «Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX в.», как бы обобщающей основные положения его фундаментальной 5-томной монографии⁶.

Л.Г. Захарова в статье «Александр II и место России в мире» очертила основные этапы и направления политики императора на всем протяжении его царствования. Различные аспекты управления западными окраинами империи в XIX в. показаны в исследованиях Л.Е. Горизонтова, А.А. Загорнова (Беларусь), А.А. Комзоловой. Работы Х. Вады (Япония), Б.С. Итенберга и А.В. Мамонова посвящены анализу программы гр. М.Т. Лорис-Меликова. «Особенности теоретической позиции “Вестника Европы”» в 1870–1880-х гг. подробно раскрываются В.А. Китаевым, по мнению которого, «историческая справедливость требует поставить “Вестник Европы” в самое начало истории социального либерализма в России» (с. 548–549). В статьях Г.М. Кропоткина и Ф.А. Гайды описываются взаимоотношения и взаимовосприятие радикально-либеральной оппозиции (kadетов) и правящей бюрократии в 1905–1907 и 1911–1917 гг.

В интереснейшей статье М.Д. Долбилова концептуально поставлена значимая для понимания русского самодержавия и проводимого им политического курса проблема взаимодействия представлений об идеальной «царской воле» как «чистой, изначальной субстанции верховной власти» с реальным процессом принятия императором политических решений, которые «конфигурировались ожиданиями и запросами приближенной к нему высшей бю-

рократии». Чрезвычайно важен тезис автора, что «традиционный политico-правовой подход, фиксирующий внимание на отсутствии юридических ограничений императорской власти, уводит в сторону от осмысления этого феномена» (с. 404). В этом контексте представляет интерес и анализ Е.Л. Стадеровой либерального стиля управления, практиковавшегося А.В. Головиным в бытность его министром народного просвещения. Р. Уортман (США) выявляет в своей статье символические проекции поведения императора и его приближенных в лубочных изданиях середины XIX в. и в празднествах по случаю 1000-летия России. Н. Киценко (США) рассматривает ценностные смыслы и символические проекции национальных и православно-имперских традиций в русской церковной архитектуре за границей.

Естественно, в книге, посвященной памяти П.А. Зайончковского, особое внимание уделено социально-экономическим преобразованиям, обусловленным крестьянской реформой 1861 г. Статей, касающихся данной тематики немного, но в них раскрываются такие ключевые проблемы, как методика изучения реализации реформы 19 февраля 1861 г. (С.Г. Кащенко), эволюция политики в отношении крестьянства и споры в правительственные сферах и в обществе о путях развития русской деревни в 1860–1870-х гг. (И.А. Христофоров), имущественные отношения в крестьянской семье на рубеже XIX–XX вв. (В.А. Федоров), выработка юридических норм, определявших правовое положение крестьян в преформенную эпоху, процесс кодификации обычного права и его соотношение с правом гражданским (Х. Йосида, Япония), инфраструктурная реконструкция деревни в годы столыпинской реформы и Первой мировой войны (Т.М. Китанина). Об эволюции экономического курса правительства в преформенное время пишет В.Л. Степанов, анализирующий соотношение либеральных тенденций и установок на государственное регулирование народного хозяйства во второй половине 1850-х – первой половине 1870-х гг. Создание рабочей инспекции и ее деятельность в 1882–1905 гг. показаны А.Ю. Володиным в контексте межведомственных конфликтов Министерства финансов и МВД. Общественное самоуправление в малых провинциальных городах России на рубеже XIX–XX вв. характеризуется А.А. Зайцевой на материалах Дмитрова и Сергиева Посада.

Весьма представителен раздел «Войны империи: от Отечественной к Первой мировой», где собраны работы О.Р. Айрапетова, Н.Н. Ауровой, Д. Байрау (Германия), В.М. Безотосного, Р. Баумана (США), Б. Менningera (США), Д. Схиммельпэннинка ван дер Ойе

(Канада). Тематика их разнообразна и в целом соответствует кругу научных интересов Зайончковского, который на протяжении всей своей исследовательской деятельности уделял истории Русской армии самое пристальное внимание (именно ей посвящались его первая и последняя, оставшаяся незаконченной, монографии). Несколько особняком стоит, пожалуй, лишь содержательная статья О.В. Будницкого о зарубежных займах России в годы Первой мировой войны. В разделе «Источниковедение, историография, библиография» органично смотрятся исследования М.В. Сидоровой и М.А. Волхонского, также относящиеся к одной из излюбленных тем Зайончковского – изучению воспоминаний русских государственных деятелей (в частности, мемуаров А.Х. Бенкендорфа и М.А. Таубе).

Таково содержание этого замечательного сборника, отразившего и завороженность об разом Зайончковского, сохраняющуюся в среде его ближайших учеников (завороженность, неизбежно творящую биографический миф⁷), и существующее далеко не только в рамках созданной им школы отношение к его трудам как к одной из важнейших предпосылок современного видения социально-политической истории России XIX – начала XX в. В целом, эта книга – не только еще одно выражение памяти о Зайончковском и признательности ему, но и свидетельство плодотворного развития идей и исследовательских подходов его школы, неисчерпанные ее творческого потенциала. Сегодня есть основания говорить об этой школе не только как о научно-педагогической (это является общепризнанным), но и как о собственно научной школе, «школе» проблемного типа. Во всяком случае, неоспоримо, что выдвинутая Зайончковским исследовательская программа (пусть и не получившая в его работах целостного концептуального выражения, невозможного при тех ограничениях, которые диктовались условиями времени) была в той или иной форме воспринята не только его университетскими учениками и слушателями, но и более широким кругом историков. Сохраняет эта программа свою научную значимость и в наши дни, несмотря на все, произошедшее в науке в последние десятилетия.

К сожалению, в сборнике отсутствует столь желательный в этом издании цикл статей на тему «П.А. Зайончковский и отечественная историческая наука второй половины XX – начала XXI в.». Содержащиеся в отдельных статьях соображения и суждения на этот счет

не могут все же заменить целостного анализа. Остается лишь надеяться на то, что подобные работы еще появятся в будущем. Время же для создания подробной, безусловно необходимой научной биографии историка придет, очевидно, только тогда, когда будет открыт его архив.

И.Л. Беленький
(Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Примечания

¹ Отчет о конференции см.: *Отечественная история*. 2005. № 5. С. 210–215.

² По материалам аналогичной конференции, прошедшей на историческом факультете МГУ 29–30 сентября 1994 г. в связи с 90-летием со дня рождения ученого, Л.Г. Захарова, Ю.С. Кукушкин и Т. Эмmons подготовили сборник «П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем» (М., 1998). Ранее под редакцией Л.Г. Захаровой, Дж. Бушнелла и Б. Эклофа вышел в свет с посвящением Зайончковскому том исследований американских и русских историков об эпохе реформ Александра II. См.: *Великие реформы в России. 1856–1874*. М., 1992.

³ Подробную библиографию см.: *Петр Андреевич Зайончковский: Библиографический указатель* / Под ред. Л.Г. Захаровой. Изд. 2, перераб. и доп. М., 1995.

⁴ См. также список кандидатских и докторских диссертаций учеников П.А. Зайончковского: Там же. С. 45–62.

⁵ См.: *Захарова Л.Г. Зайончковский Петр Андреевич (1904–1983)* // *Историки России: Биографии*. М., 2001. С. 755; *Мамонов А.В. П.А. Зайончковский и его Школа в Московском университете* // *Вестник Московского университета*. Сер. 8: История. 2005. № 1. С. 85–93; *Яновский А.Д. Традиции научной школы П.А. Зайончковского в Государственном Историческом музее* // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.)... С. 162–166.

⁶ См.: *Петров Ф.Ф. Формирование системы университетского образования в России*. Т. 1–2. М., 2002; Т. 3. М., 2003; Т. 4. Ч. 1–2. М., 2003.

⁷ Видимо, это характерно вообще для фестивиала, посвященного памяти выдающегося ученого. Он всегда одновременно и зеркало, и медиатор биографического мифа о нем.

Большевизм сквозь призму биографии: Н.Я. Янчевский

Известно, что биографическая история за последние годы уверенно вошла в число наиболее приоритетных направлений развития отечественного историописания. Однако если прежде в центре внимания оказывались «герои большого исторического масштаба», то теперь взоры историков привлекают и те, кого ранее следовало бы отнести к персонам малозаметным или вовсе к антигероям в привычном понимании. Фигуры «маленьких» людей из глубины исторической «гримерки» сегодня все решительней выдвигаются на авансцену истории. К тому же их судьбы куда более адекватно и полно, чем биографии выдающихся личностей, отражают контекст прошедших времен, а историческая контекстуальность позволяет лучше ощутить и почувствовать личностный колорит изучаемой эпохи.

Возможности такого подхода наглядно продемонстрированы в монографии Н.А. Мининкова на примере «историка, писателя, революционера» Николая Леонардовича Янчевского*. Сюжет книги во многом навеян и характером научных конференций ежегодно проводимых Ростовским отделением Российского общества интеллектуальной истории – «Человек второго плана в истории». Среди организаторов этих конференций и автор рецензируемой книги, а также ряда других фундаментальных и новаторских исследований по истории Донской земли¹.

В его новой работе использовано много архивных материалов, в том числе из ранее закрытых фондов Архива УФСБ РФ по Ростовской области, большая часть сведений из которых впервые вводится в научный оборот. Это очень важное, но далеко не единственное достоинство книги. Монография имеет едва ли не оптимальное композиционное построение с точки зрения поставленных автором цели и задач: краткий биографический очерк (с. 13–42), анализ литературного творчества героя (с. 43–121), Янчевский в роли исследователя революции и гражданской войны на Северном Кавказе (с. 122–164), Янчевский как историк донского казачества (с. 165–232) и «конструктор нового исторического сознания» (с. 233–244). Каждая глава, словно под микроскопом, тщательно и выверено демонстрирует тот или иной срез творческой судьбы героя. А вместе они образуют столь необходимый исторической науке симбиоз, который позволяет увидеть Янчевского как многогранную, разностороннюю личность в единстве и борьбе ее противоположностей.

Предваряет монографию раздел «вместо введения», где автор описывает путь, пройденный им в поисках своего героя, путь, на котором научное оказалось тесно переплетенным с личным. Эти рассуждения словно создают впечатление непреднамеренности авторского выбора. Одна тонкая нить тянется еще из его студенческого прошлого, другая связана с педагогической деятельностью историка, сюда добавляются обрывки родительских воспоминаний и встречи с Инной Николаевной Янчевской. Как будто бы капризная Клио всякий раз заигрывает с ученым, провоцируя его исследовательский поиск. Не зря, все же, утверждают, что случай – это «разменная монета» закономерности.

В биографическом очерке Мининков по редким свидетельствам документов восстанавливает основные вехи жизненного пути Янчевского не просто в виде последовательно-хронологического нарратива, но именно как историко-культурную проблему, раскрывая взаимодействие и взаимозависимость конкретного человека и его времени. Биография героя развивается на фоне революционных процессов в России с их сложными коллизиями, которые, как убедительно показал автор, травматически отразились на формирующейся в этих условиях личности: «Заревившись харakterной для своей эпохи безгра ничной верой в коммунистическую идею, он полностью подчинил ей всего себя и все свое творчество» (с. 36). Не удивительно, что судьба Янчевского оказалась вполне типичной для большевиков-романтиков той поры. Непримиримый борец за революционные идеалы оказался одной из жертв сталинского террора. Симптоматично, что данный раздел книги так и называется «Жизнь ради революции». Следующие 2 главы посвящены изучению художественного творчества Янчевского. Он показан здесь как поэт, писатель, драматург и литературный критик, посвятивший свою «лирику» делу торжества социализма, и революционным «глаголом» звавший современников на строительство молодого советского государства. Литературное поприще для него это не просто средство революционной пропаганды, но и форма передачи собственных чувств. Очень точно Мининков называет его выразителем поэтических и литературных вкусов победившей пролетарской диктатуры. При этом автор монографии аргументировано утверждает, что Янчевскому вполне «хва-

* Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 272 с.

тило богатства и разносторонности таланта удерживать свои позиции в русской литературе в течение 20-х годов и быть заметной фигурой в литературных кругах Ростова» (с. 43). Читатель имеет возможность самостоятельно убедиться в справедливости сказанного, познакомившись с публикуемыми в приложении стихотворениями и рассказом «Весной (из записной книжки бродяги)».

Наибольший интерес для нас представляют те разделы монографии, в которых рассматриваются исторические взгляды Янчевского. Здесь книга приобретает характер обстоятельный историографического исследования. Даётся содержательная оценка научных построений историка-революционера не только в контексте веяний современного историописания с его акцентированной казуальностью прошлого, но и с точки зрения интеллектуальных запросов первых десятилетий существования советской власти. Такой комбинированный подход позволяет Мининкову обнаружить не одни лишь уязвимые места в исторических конструкциях Янчевского, но и весомый вклад ученого в развитие соответствующей проблематики. Как показано в монографии, исторические представления Янчевского в полной мере отразили сущностные противоречия ранней советской историографии, вызванные стремлением овладеть марксистско-ленинской методологией истории и применить ее в конкретно-исторических исследованиях. Однако, по наблюдению Мининкова, Янчевскому удалось усвоить преимущественно не дух, а букву марксистского анализа исторических ситуаций. Отсюда вытекали нередкие для его научных рассуждений догматизация марксизма, модернизация истории, экономический редукционизм и стремление «втиснуть» живую реальность прошлого в жесткие теоретические схемы. Впрочем, эти особенности, как подчеркивает Мининков, не столько отражали позицию советских историков 1920-х – начала 1930-х гг., сколько соответствовали будущим установкам времен «Краткого курса» истории ВКП(б). Для Янчевского, как и для многих его современников, была свойственна зачастую огульная критика взглядов дореволюционных историков при непосредственном заимствовании некоторых их концептуальных положений (например, теории колонизации В.О. Ключевского и др.). В то же время он, подобно своим собратьям по историческому цеху, в основном следовал в фарватере научных построений М.Н. Покровского, в частности, разделяя его теорию «торгового капитализма». Через признание Янчевским закономерного и объективного характера исторического развития революция и гражданская война на Северном

Кавказе в его творчестве оказываются неразрывно связанными с ранней историей донского казачества. При всей противоречивости и переменчивости суждений историка, оно для него с самых ранних пор неизменно оставалось носителем глубоко консервативных начал. В духе расхожей идеи Покровского (самодержавие – это торговый капитал в шапке Мономаха) Янчевский пришел к выводу, что казачество было порождением торгового капитала и изначально стояло на страже торговых интересов Московского государства.

Характеризуя методологические установки ученого, автор акцентированно проводит мысль о неразрывной связи истории и современности в научных построениях Янчевского, которые оказывались созвучными мыслям Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое. Мининков приводит убедительные свидетельства тому, что «в исторической науке сами советские историки видели выражение идеологии и существенную часть фронта идеологической борьбы» (с. 138). Аналогичным образом и Янчевский полагал, что историческая наука отражает идеологию господствующих классов. Аксиоматично, что связь истории и идеологии носит имманентный характер, поскольку в ней заключена потребность любого общества в самопознании. Вследствие чего историческая наука связана с идеологией этого общества, подпитывается ею и питает ее сама. Историк ищет в прошлом ответы только на те вопросы, которые ставит перед ним его собственная эпоха. Каждый ученый – дитя своего времени, и Янчевский, разумеется, не был исключением.

Предпринятый в монографии анализ теоретико-познавательных принципов Янчевского позволяет с их помощью и благодаря им объяснить характер и направленность его научного поиска. Отсюда становится ясен выбор Янчевским объекта своих конкретно-исторических изысканий – история донских казаков как закономерная предпосылка массового предприятия ими революционных идей большевизма. И в такой познавательной проекции имеется своя логика. Опыт прошлого является, и всегда будет являться необходимым фактором понимания современности. Историческая наука выводит из опыта прошлого уроки, которые понимались в разное время по-разному. Следовательно, исторический опыт и уроки истории – понятия не тождественные. Исторический опыт является объективной категорией. Это прошлое в его наиболее существенных проявлениях. Уроки же истории – категория субъективная. Это истолкование опыта прошлого в интересах и с позиций кого-либо или

чего-либо, в данном случае с позиций интересов пролетарской революции. Хотя Минников, ссылаясь на мнение основоположника школы «Анналов» об «идолах истоков», указывает на условность и ограниченность подобной интерпретации, но вполне диалектически отмечает, что «эта совершенно справедливая мысль М. Блока нисколько не исключала признания немаловажного значения углубленного исследования “истоков” для понимания сущности и характера позднейших исторических процессов» (с. 166). В завершающей главе монографии автор показывает, как научные построения Янчевского становились способом воздействия на умы современников. «Историческое сознание казачества, выстроенное за длительный исторический период отчасти стихийно, а отчасти под активным воздействием монархической пропаганды, советскую власть не устраивало. Его необходимо было коренным образом менять» (с. 236). Попыткой конструирования нового исторического сознания в условиях строительства социализма в одной отдельно взятой стране и были книги Янчевского о революции и гражданской войне на Северном Кавказе, о ранних страницах и новой истории донского казачества. Потому-то Минников считает правомочным рассматривать своего героя в роли своеобразного политтехнолога. Однако во времена, когда объективность научных исследований оценивалась их соответствием генеральной линии партии, Янчевский, не принявший формирующийся культа Сталина, априорно был обречен. Итоговый вывод монографии исполнен подлинного трагизма: «Будучи историком и партийным пропагандистом, выступая в роли политтехнолога, Янчевский пропустил исторический поворот на рубеже 20–30-х годов и оказался на обочине советской политики, идеологии и историографии» (с. 243).

Казалось бы, вполне типичная судьба типичного революционера-большевика. Но нельзя не согласиться с Минниковым в том, что Янчевский при всех своих противоречиях и недостатках «был сильной личностью и характерным выражением своей эпохи. И в этом отношении он представляет для нас очевидный интерес» (с. 248). Настоятельно рекомендую прочитать эту познавательную и во многом поучительную книгу о трагической судьбе историка в стране, где творческая личность неизбежно гибнет в столкновении с тоталитарной системой либо интеллектуально, либо физически, как это произошло и с Николаем Леонардовичем Янчевским.

**В.Я. Мауль, доктор исторических наук
(Нижневартовский филиал Тюменского
государственного нефтегазового университета)**

Примечание

¹ См., напр.: Проништейн А.П., Минников Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983; их же. Кондратий Афанасьевич Булавин. М., 1988; Минников Н.А. Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д, 1992; его же. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1988.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; comment. В.Г. Макарова. М.: МФД, 2009. 576 с.

За шесть с половиной десятилетий, минувших после окончания Второй мировой войны, в нашей стране и за рубежом опубликовано огромное количество документальных материалов о ней. Сегодня даже трудно указать такой эпизод или аспект истории войны, который еще не получил освещения, благодаря публикации документов. Именно поэтому настоящим событием в этой области может считаться новое издание серии «Россия XX век. Документы», в котором впервые представлены хранящиеся в фондах Центрального архива ФСБ России материалы из следственных дел германских военачальников, находившихся в советском плену. Среди них протоколы допросов и собст-

веноручные показания генерал-фельдмаршалов Э. фон Клейста и Ф. Шёренера, генералов Р. Шмидта, Г. Вейдлинга, Э. Ганзена, Э. Йенеке и ряда других высших офицеров. Наряду с ними в сборник включены и ранее публиковавшиеся записи опросов рейхсмаршала Г. Геринга и генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, которые с согласия союзного командования провели советские представители летом 1945 г.

Анализируя историографию проблемы, авторы вступительной статьи справедливо отмечают, что при наличии работ отечественных историков, посвященных пребыванию генералов вермахта в плену¹, материалы их след-

ственных дел никогда ранее не являлись предметом столь масштабного издания и не могли стать доступными широкому кругу читателей и специалистов. Протоколы допросов и собственноручные показания представляют собой источник, близкий по характеру к мемуарам. Однако их своеобразие обусловлено тем, что авторы излагали эти воспоминания не по собственному желанию, и круг отраженных в них вопросов определялся интересами следствия, целью которого, в частности, было изобличить допрашиваемых в преступлениях совершивших на оккупированной территории Советского Союза. От ответов подследственных зависело то, будут ли их деяния квалифицированы как преступные, что в значительной степени могло влиять на оценки и достоверность сообщаемых сведений. По этой причине верификация публикуемых материалов является предметом особого внимания составителей. Для уточнения их достоверности привлечены как мемуары и известные высказывания авторов, сделанные впоследствии, так и различные документы, непосредственно касающиеся поднимаемых вопросов. На это же направлены помещенные в сборнике фрагменты допросов, на которых пленные генералы дают показания друг на друга, что, бесспорно, является удачным приемом составителей.

Первый круг вопросов, интересующий следствие и соответственно освещаемый бывшими немецкими военачальниками, общий, он связан с отношением подследственных к нацистскому режиму и его лидерам, к подготовке войны против СССР, к военным преступлениям и их личной ответственности за них. Ответы на вопрос о виновности за преступления совершенные германской армией на территории СССР и других стран показывают, что и в пленау далеко не все генералы раскаялись и переосмыслили прошлое. Отказываясь признать себя виновным, Клейст ссылался на свое положение военнослужащего, приказы вышестоящего командования и невозможность отвечать за преступные деяния отдельных подчиненных. Кейтель же вовсе заявлял об оборонительном и превентивном характере войны Германии против Советского Союза. На этом фоне покаянными выглядят признания последнего коменданта Берлина генерала Вейдлинга, который считал себя непосредственно виновным в том, что, будучи германским офицером на практике осуществлял идеи Гитлера, участвуя в захватнических войнах. Фельдмаршал Шёрнер признавал, что он лично проводил политику и практику национал-социализма в германской армии, а своим оперативным руководством способствовал затягиванию войны и умножению ее жертв. Специальное собствен-

норучное показание он посвятил обличению национал-социализма как политической и государственной доктрины, направленной на реванши и войну с захватническими целями и разбойническими методами. Впрочем, большинство генералов не отрицали, что курс гитлеровского руководства на восстановление вооруженных сил Германии с первых своих шагов и неизменно вызывал симпатии военных.

Вторая сфера вопросов имеет более индивидуальный характер и призвана уточнить обстоятельства служебной деятельности подследственных, их участия в военных операциях и акциях, мероприятиях нацистских властей. Подробное освещение в их показаниях получили подготовка Германией планов войны против СССР (Кейтель, Шмидт), боевые действия вермахта на центральном участке (Вейдлинг, Шмидт, Шёрнер), южном (Клейст, Йенеке) и северном (Шмидт) флангах советско-германского фронта. Структуру и деятельность германской военной разведки раскрывал служивший в органах абвера генерал Ф. фон Бентивенни. Неизменно следствие стремилось вскрыть участие допрашиваемых в военных преступлениях. Перед лицом доказательств свою ответственность за организацию карательных операций против советских партизан и движения сопротивления в Европе признали генералы Йенеке, Шмидт, О. фон Нидермайер, Р. Штагель. Генералы Шмидт и К. фон Остеррайх оказались виновными в массовом уничтожении советских военнопленных.

Особым аспектом, интересовавшим следствие, являлось военное и военно-техническое сотрудничество Германии с другими странами. Так, деятельность германской военной миссии в Румынии описывают генералы Ганзен и А. Герстенберг. Подробные сведения о вооруженных силах Турции приводит подполковник М. Браун. О роли германских инструкторов в создании армии и организации шюцкора – военизированной организации, объявленной вспомогательной частью национальной обороны и существовавшей в Финляндии в 1921–1944 гг., – сообщает генерал Штагель. Служившие в Москве в конце 1920-х – начале 1930-х гг. генералы Герстенберг, Э. Гофмайстер, Нидермайер рассказывают о советско-германском военном сотрудничестве. Ряд показаний касается малоизвестных сюжетов. Большой интерес представляют свидетельства Герстенберга о его военно-дипломатической работе накануне и во время Второй мировой войны, связях с иностранными дипломатами и разведчиками, в частности, о дипломатической подготовке гитлеровской агрессии против Польши, Югославии, СССР, о вовлечении Румынии в военный союз с Германией, планах Гитлера привлечь в

1943–1944 г. силы югославского сопротивления во главе с И.Б. Тито на сторону Германии. Генерал Штагель, бывший в 1943 г. военным комендантом Рима, раскрывает связи германского командования с властями Ватикана и католическим духовенством и то содействие, которое оказывалось ими в борьбе с партизанским движением.

Весьма любопытны судьбы и служебные биографии некоторых офицеров, которые обусловили их высокую осведомленность и разнообразие затрагиваемых в показаниях вопросов. Известный ученый-востоковед генерал Нидермайер еще в начале 1920-х гг. стоял у истоков военного сотрудничества Веймарской Германии и Советской России, а затем длительное время возглавлял работу Центрального представительства рейхсвера в Москве и поэтому был в курсе различных направлений деятельности командования рейхсвера по воссозданию военной мощи Германии еще до прихода нацистов к власти. В 1930-х гг. он возглавлял ряд научных институтов, непосредственно участвовавших в идеологической подготовке войны. Во время Второй мировой войны Нидермайер выполнял особую миссию по организации прогерманского повстанческого движения на Ближнем Востоке, а после ее неудачи командовал 162-й пехотной дивизией, сформированной из военнопленных восточных национальностей СССР, которая участвовала в карательных акциях на территории Югославии и Северной Италии. Тем не менее в конце войны генерал был арестован гестапо «за высказывание пораженческих настроений». Не менее интересна фигура подполковника М. Брауна. Именно он, будучи в чине обер-лейтенанта, во время Мюнхенского путча 9 ноября 1923 г. во главе своей роты вел бой с фашистами и лично арестовал их вожака капитана Э. Рема. С приходом нацистов к власти Браун вынужден был оставить военную службу и, переехав на

жительство в Турцию, преподавал в военной академии Генерального штаба в Стамбуле. В его показаниях нашли отражение не только оборонный потенциал Турции, но и сведения о ее внутренней и внешней политике и месте в военных планах Германии.

Неотъемлемой частью сборника является обширный справочный аппарат, значительно расширяющий возможности работы с публикуемыми документами. Высоким качеством отличается научный комментарий, который не только поясняет основной материал, но исследует его, полемизирует с ним, а когда это необходимо, и разоблачает его. Таким образом, рецензируемое издание не только открывает новые источники для изучения. Благодаря внутренней логике и компетентности авторов-составителей, оно приобретает ценность самостоятельного научного исследования по истории межвоенного периода и Второй мировой войны. Думается, что подобные материалы, находящиеся в отечественных архивах, могут стать предметом для целой серии публикаций, которые получат не только большое научно-историческое, но общественно-политическое звучание.

**И.Н. Гребенкин, кандидат исторических наук
(Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина)**

Примечание

¹ См., напр.: *Безыменский Л.А. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1961; Безбородова И.В. Военнопленные Второй мировой войны: генералы верхмакта в плену. М., 1998; Хавкин Б.Л. Фельдмаршал Паульс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004.*

Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (ХХ–ХХI вв.) / Отв. ред. член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2009. 406 с.

Истории и современной ситуации в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе посвящено немало работ, что обусловлено как сложностью и противоречивостью данной проблематики, так и тем, что нарастание межэтнической напряженности на Юге России угрожает целостности и безопасности всей страны. Новый взгляд на указанные вопросы предлагается в рецензируемой работе, изданной в серии «Россия и страны СНГ: про-

блемы истории на постсоветском пространстве» (ответственный редактор А.Н. Сахаров, руководитель проекта Н.Ф. Бугай). Авторский коллектив включает в себя научных сотрудников академических институтов (Института российской истории РАН, Института социально-политических исследований РАН, Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Южного научного центра РАН, Института гуманитарных исследований

при правительстве Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН), преподавателей вузов региона, а также специалистов-практиков. Несмотря на различия во взглядах отдельных авторов, рецензируемая работа содержит достаточно целостный и непротиворечивый анализ рассматриваемой проблемы.

В первых разделах книги рассматривается эволюция российской национальной политики на Северном Кавказе. Процесс становления и развития кавказской политики самодержавия В.В. Трепавлов и Л.С. Гатагова разделили на 3 основных этапа. На первом этапе (последняя треть XVIII в. – первая треть XIX в.) действия российского правительства в отношении местных народов не выходили за рамки внешнего контроля и поощрения торгово-хозяйственных связей с переселенцами. На втором этапе, во время Кавказской войны (1830–1850-е гг.), возросла роль военного ведомства, а контроль над жизнью местных социумов становился все более организованным и всеохватным. После войны, на третьем этапе, власть последовательно выстраивала целостную административную систему, приспособливая ее к существующим моделям управления кавказскими народами и пытаясь максимально сблизить с общероссийской. Авторы характеризуют кавказскую политику самодержавия как «сплошную чересполосицу директив, циркуляров и практических действий, зачастую весьма противоречивых», отражавших столкновение интересов гражданских и военного ведомств, «регионалистов» и «централистов», сторонников жестких мер и их оппонентов (с. 47).

Обращаясь к анализу национальной политики советского государства в 1917–1985 гг., А.И. Тетуев отмечает, что в рассматриваемый период многие народы региона обрели свою национальную государственность в различных формах, сумев преодолеть социально-экономическую отсталость. В то же время он полагает, что достигнутые в решении национального вопроса успехи долгое время абсолютизировались, а допущенные ошибки замалчивались.

Совершенствование федеративных отношений на Северном Кавказе на современном этапе Т.П. Хлынина обоснованно связывает с общей проблемой обеспечения устойчивого развития российских регионов. Она показывает, как несмотря на наличие организационно-правовых особенностей, субъекты Федерации на Северном Кавказе вырабатывают и реализуют различные стратегии межнационального согласия и предупреждения межэтнических конфликтов. Обращается внимание и на такие непростые проблемы, как этнический этатизм, механизм взаимодействия центра и северокав-

казских республик и его эффективность, состояние и качество региональной власти.

Выявляя противоречивые тенденции в развитии межнациональных отношений в регионе, В.Д. Дзидзоев не только раскрывает причины возникших межэтнических конфликтов и их последствия, но и предлагает широкую программу административных, социально-экономических и научно-образовательных мероприятий, нацеленных на стабилизацию межнациональной напряженности. Соглашаясь с автором в необходимости проведения «глубоких научных исследований» многообразных проблем региона, следует в то же время отметить, что его предложение создать «научно-исследовательский Институт Кавказа в системе РАН» (с. 161) недостаточно учитывает возможности существующих академических структур на Юге России¹.

Положение национальных меньшинств в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе на примере турок-месхетинцев исследует М.И. Мамаев. Выбор объекта изучения представляется далеко не случайным, поскольку адаптация данной этнической общности к новым социально-политическим реалиям проходила особенно сложно и привела в конечном итоге к эмиграции турок-месхетинцев в США. Однако автору удалось избежать политизации вопроса, уйти от однозначности в оценках, рассмотрев указанные события как результат взаимодействия различных факторов.

Анализируя специфику демографической и миграционной ситуации в Южном федеральном округе, С.В. Рязанцев прослеживает динамику численности населения округа, выделяя на основе данного показателя отдельные типы регионов, раскрывает особенности занятости и безработицы, концептуальные основы демографической и миграционной политики на Юге России.

Изменения административных границ на Северном Кавказе и их значение характеризует Н.Ф. Бугай. Исходя из опыта прошлого и современности, он считает, что границы между субъектами Федерации выполняют разъединительную функцию в системе межнациональных отношений, тогда как «они должны иметь чисто условный характер, не должны быть определяющими в политике взаимоотношений и взаимодействия субъектов» (с. 257). В связи с этим исследователь полагает излишним и существование института президентства в республиках как составных частях Российского государства.

Рассматривая противоречия в развитии гражданской активности на Северном Кавказе М.А. Аствацатурова связывает их истоки с традициями взаимодействия и внутренней саморегуляции местных сообществ, религиозным консерватизмом, проявлениями этнической пра-

восубъектности и возрождением архаических форм этнической самоорганизации, ростом терроризма и насилия. Автор анализирует содержание и формы гражданского ассоциирования, создание и деятельность некоммерческих организаций и неправительственных объединений в регионе, обосновывает этнокультурную модель гражданского общества.

Обращаясь к проблемам социальной ответственности молодежи в условиях обострения межнациональных отношений, С.И. Акклиева выражает серьезную озабоченность вовлечением молодых людей в межэтнические конфликты, видя в этом не только социально-экономические причины, но и недостатки системы воспитания. Свои выводы она подкрепляет результатами социологического исследования, проведенного под ее руководством в 1997 г. в Кабардино-Балкарской Республике. К сожалению, представленный материал не позволяет выяснить, изменились ли за прошедшие годы настроения северокавказской молодежи. Подвергая справедливой критике недостатки современной системы высшего образования, автор связывает их с ростом числа коммерческих вузов (с. 336, 338). Однако на самом деле речь должна идти об использовании платной формы обучения, распространенной не только в частных, но и в государственных вузах.

Рассматривая соотношение этнических и религиозных составляющих в сознании мусульман Северного Кавказа, А.А. Ярлыкапов показывает, что в основе противоречий между сторонниками традиционного или народного ислама (представленного, по крайней мере, в двух локальных формах – на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе) и приверженцами «арабизации» лежит конфронтация молодежи и представителей старшего поколения мусульман. Тем не менее опыт собственных полевых исследований позволяет автору считать, что несмотря на различия в обрядовой сфере, после первоначальных конфликтов этим двум направлениям удалось достичь мирного сосуществования (с. 378).

В завершении работы рассматривается формирование системы воспитания культуры межнационального общения в северокавказском обществе. А.А. Эбзеев разделяет данный процесс на 3 этапа (доимперский, имперский и постимперский), что представляется достаточно условным, особенно объединение в 1 этап периодов «пребывания кавказских народов сначала в составе Российской империи, а затем и Советского Союза», значительно различавшихся в своем идеологическом обрамлении. Вряд ли можно согласиться и со следующим утверждением: «Каждый советский человек жил и работал исключительно во благо советского народа и советского государ-

ства» (с. 381). В то же время автор приводит немало сведений об институтах общественно-го взаимодействия северокавказских народов, роли школы и семьи в формировании системы нравственных ценностей, культуры межнационального общения и толерантности современного человека.

В целом рецензируемая работа содержит комплексный анализ межэтнических отношений на Северном Кавказе, их эволюции и современного состояния. Предлагаемая характеристика сложных и противоречивых проблем развития региона выступает необходимой основой для внесения соответствующих корректиров в государственную национальную политику, для повышения эффективности деятельности органов власти и управления на Северном Кавказе. В то же время в исследовании достаточно фрагментарно представлены такие болезненные вопросы, как, например, роль федеральной и региональной элиты, а также национальной интеллигенции в происходивших и происходящих на Северном Кавказе процессах, их ответственность за негативные тенденции в развитии межэтнических отношений в 1990–2000-х гг. Однако вести речь о тех или иных наущных сюжетах, которые не вошли в книгу, вряд ли целесообразно. Во-первых, их количество постоянно растет; во-вторых, наличие или отсутствие тех или иных вопросов, как правило, определяется общим авторским замыслом. В данной связи, вероятно, следовало более подробно изложить авторскую концепцию межэтнических отношений во вступительной статье, охарактеризовав методологию работы, источники и историографию рассматриваемой темы. В этом случае рецензируемая работа больше соответствовала бы жанру коллективной монографии, чем сборнику отдельных статей. Необходимо отметить и то, что в тексте существует немало опечаток и описок, встречаются различия в оформлении научно-справочного аппарата, что несколько снижает впечатление от в целом добротного и интересного исследования, которое, безусловно, привлечет внимание широких кругов читателей.

Е.Ф. Кринко, доктор исторических наук

**(Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН)**

Примечание

¹ См., напр.: Батиев Л.В., Кринко Е.Ф. Проблемы интеграции социальных и гуманитарных наук на Юге России // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар, 2008. С. 188–194 и др.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Гл. ред. В.Я. Бутанаев; науч. ред. В.И. Молодин. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2008. 672 с.

Важным событием в истории отечественного востоковедения явился выход в свет первой монографии по истории и культуре хакасского народа, подготовленной коллективом кафедры археологии, этнографии и исторического краеведения Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, а также ведущими исследователями: хакасоведами из Томска и Новосибирска. В книге рассматривается история хакасского народа, начиная с древнекаменного века до наших дней. Детально изучен этногенез хакасов, этнокультурные процессы во времена Кыргызского каганата и государства Хонгорай, события, происходившие в Хакасии после вхождения в состав Российской империи до начала ХХI в. В работе нашли отражение многие стороны социально значимой истории хакасов, в чем, в первую очередь, несомненная заслуга ответственного редактора, д.и.н., проф. В.Я. Бутанаева.

В книге рассматривается уникальный культурно-исторический ландшафт древнего археологического наследия Хакасии. Согласно приведенным в ней данным, неолитическое палеомонголоидное население приблизительно во III тыс. до н.э. сменилось в Хакасии чистыми европеоидами, носителями афанасьевской археологической культуры, проникшими сюда со стороны Северо-Западного Китая. При этом не зафиксировано ни одного случая смешения этого населения, что свидетельствует о наличии эндогамии в афанасьевском обществе. Подробно освещены карасукская культура и скифская эпоха, представленная на территории Хакасско-Минусинской котловины тагарской культурой. Особенно интересны разделы, посвященные атипичной культурной традиции в рамках карасукской культуры, скифо-сибирскому звериному стилю или «скифскому барокко», распространившемуся на обширном степном пространстве от Днестра на западе до Тихого океана на востоке. Отдельные вопросы, связанные с появлением носителей карасукской культуры, соотношением двух культурных традиций в карасукской культуре, еще ждут своего дальнейшего разрешения и вполне справедливо обойдены исследователями во избежание непродуманных, рискованных гипотез. Рассмотрена также таштыкская культура, на которую, как свидетельствуют антропологические данные, большое влияние оказали монголоидные группы населения, пришедшие в Хакасско-Минусинскую котловину со своими сложившимися традициями. Авторы пред-

полагают, что они были тюркоязычными и в культурном отношении стояли близко к гуннам. Авторы пришли к выводу, что для археологических культур данного региона характерна особая форма культурного наследования, выразившаяся в выработке и закреплении в сознании коренного населения под влиянием привычного культурного окружения (археологические памятники, писаницы) определенных стереотипов поведения, черт этнического характера и этнической психологии.

Разделы книги, посвященные Средневековью, Кыргызскому государству и кыргызам в составе Монгольской империи содержат богатый фактологический материал по археологическим памятникам енисейских кыргызов, их военной организации и вооружению, религиозным верованиям. В монографии приводятся интересные параллели, связывающие миф о происхождении кыргызов с родословной монголов из «Сокровенного сказания монголов». Возможно, широкое обсуждение в среде историков, занимающихся этногенезом бурят, вызовет сообщение о прямой генетической связи бурятского рода хурхуд с этнонимом кыргыз. Как показывают ученые-хакасоведы, этот род сохранился со времен кыргызской эпохи. Особое внимание уделено архаическим сюжетам фольклора, в которых говорится о мифологическом рождении первопредков хакасских сеоков в пещерах родовых гор, что позволяет авторам достаточно определенно говорить о связях хакасов с древним автохтонным населением региона. Обращаясь к загадочному этониму «аз» или «ач», авторы предлагают новую трактовку, согласно которой хакасский сеок «ажыг» исторически связан с древним народом «ач» и кыргызским правящим домом «ажэ». В книге подчеркивается генетическая и культурная связь современного коренного населения Минусинской котловины с енисейскими кыргызами, отмечается, что, несмотря на многие сведения о занятиях земледелием, основа средневековой кыргызской культуры оставалась скотоводческой, а земледелие играло подсобную роль в их хозяйстве. Характеризуя одежду кыргызов, исследователи делают предположение о кыргызских истоках хакасской национальной одежды.

Авторы монографии достаточно смело, как нам представляется, предлагают научную дискуссию о мало исследованном в литературе вопросе о существовании государственного образования Хонгорай. Согласно Бутанаеву, на

раннем этапе термином «Хонгорай» обозначался союз племен, различных по происхождению, но единых по совместному проживанию, возглавлявшийся кыргызской элитарной группой. Свой тезис он подкрепляет сведениями хакасского фольклора, сообщениями русских, монгольских и китайских источников, которые подтверждают существование этнополитического союза Хонгорай, в дальнейшем оформившегося в феодальное государство со слабой центральной властью. Оно неоднократно теряло свою государственность и находилось в зависимости от соседних монгольских и ойратских ханств. В книге приведены материалы, подтверждающие соответствие понятий «Кыргызская земля» с тюрко-монгольским названием «Конгурай» (Хонгорай), сведения по административному устройству и родоплеменному составу хонгорского общества.

Основу данной работы, на наш взгляд, составила четвертая глава, включающая изучение особенностей колониальной политики Российской империи в Хакасско-Минусинском крае в 1727–1917 гг. и интереснейшие в этнографическом отношении разделы, посвященные хозяйству хакасского аала, социально-экономическим отношениям, обществу и семье, культуре и религии. Согласно приведенным фактам, в этот период русские стали употреблять термин «татары» (на хакасском – тадар) для обозначения коренного населения Минусинской котловины, как и многих тюркских народов, вошедших в состав Российской империи. Исследователи выделяют 4 этапа вхождения Хонгорая (Хакасии) в состав Российской империи, наполненные драматическими событиями (угон населения в Джунгарию, военное противостояние с русскими казаками). По их подсчетам, погибли в битвах с русскими, монголами, казахами и маньчжурами более 10 тыс. человек. Численность населения сократилась до критического предела, и над хакасами нахлынула угроза исчезновения как этноса. Только, после подписания Кяхтинского соглашения между Российской и Цинской империями наступила относительная стабильность. Авторы справедливо замечают, что в целом вхождение Хакасии в состав России имело прогрессивное значение. Аргументирован достаточно вескими научными данными и вывод, согласно которому в начале XIX в. хакасы уже представляли собой единый этнос с общими чертами культуры и быта, общим разговорным языком и самоназванием «тадар».

В заключительных разделах рассмотрена история хакасов в советский период и современная история Республики Хакасия с 1991 по 2008 г. Благодаря архивным документам воссоздана целостная картина административного

переустройства Хакасии, реальные события, предшествовавшие изменениям. Исследователям удалось детально осветить деятельность первых хакасских съездов и конференций, на которых решался вопрос о выделении региона в особую административную единицу. Как констатируют авторы, в период советской власти искусственный термин «хакасы» не стал самоназванием народа, несмотря на влияние литературного языка, национальной газеты и радио, давление паспортного режима. Исследователи дают свое понимание термина «хакас», восходящего к одной из китайских транскрипций этнонима «кыргыз» и использовавшегося в начале XX в. в сибирской областнической публицистике. Рассмотрена деятельность правительства Республики Хакасия по национально-культурному развитию хакасского народа, актуальным социально-экономическим и этнокультурным проблемам населения. Приведены данные социологических исследований середины 1990 – начала 2000-х гг., касающиеся миграции хакасского населения, степени его общественно-политической активности по сравнению с русским. Авторы объективно и детально характеризуют неблагоприятную социально-демографическую ситуацию в республике, недостаточное представительство хакасов в местных органах власти и сфере управления, проблемы возрождения духовной культуры. Отмечается весомый вклад в развитие современной хакасской этнической культуры представителей научной и творческой интеллигенции.

Монография дополнена приложениями, прежде всего исторических документов, охватывающих период с VIII по начало XX в. Особую ценность среди них представляют письма китайского императора кыргызскому кагану (843–846 гг.), документы Кызыльской и Сагайской степных дум, архивные материалы начала XX в. Обширна и библиография, насчитывающая более 500 наименований работ отечественных и зарубежных авторов. Источниковая база также объемна, авторами обработаны документы 26 отечественных архивов.

К небольшим замечаниям можно отнести отсутствие в работе вопросов, связанных с появлением и развитием русского населения на территории Хакасско-Минусинского края. Слабо разработана тема влияния Второй мировой войны на хакасский этнос. На эти слабые моменты указывают и сами ученые-хакасоведы, ссылаясь на рамки научного исследования, не позволяющие осветить все разнообразные стороны исторических процессов.

Б.Д. Цыбенов
(Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН)

Научная жизнь

Русская эмиграция и Вторая мировая война. III Международная научная конференция «Нансеновские чтения»

В 2009 г. исполнилось 70 лет со дня начала Второй мировой войны, а в 2010 г. отмечается 65-я годовщина победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Война отразилась на судьбах народов всего мира, включая российских эмигрантов. Под ее влиянием начала формироваться новая, вторая «волна» эмиграции, которая была тесно связана с оккупацией советской территории нацистами, плениением миллионов военнослужащих Красной армии, насилиственным угоном в Германию оstarбайтеров, коллаборационизмом и репатриацией. Предпосылки, процесс формирования и специфика второй волны эмиграции стали предметом III Международной научной конференции «Нансеновские чтения», прошедшей в Санкт-Петербурге 17–19 ноября 2009 г. Форум был организован Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга, государственным учреждением «Санкт-Петербургский Дом национальностей», Информационно-культурным центром «Русская эмиграция», Санкт-Петербургским Институтом истории РАН. Как всегда, достаточно представительным был состав участников конференции: более 40 научных из научно-исследовательских центров, высших учебных заведений, архивов и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Архангельска, Владивостока, Барнаула, Воронежа, Омска, Ярославля, Калининграда, зарубежные коллеги из США, Бельгии, Италии, Польши, Чехии, Белоруссии. Проблематика основных докладов определялась тремя темами: «Вторая мировая война и политическое размежевание русской эмиграции»; «Вторая волна эмиграции: причины и особенности ее формирования»; «Последствия войны и судьба военнопленных, интернированных, беженцев, эмигрантов и перемещенных лиц».

В докладах участников конференции был показан процесс размежевания в эмигрантской среде по мере эскалации войны в конце 1930-х – начале 1940-х гг. К.и.н. *Т.М. Симонова* (Институт военной истории МО РФ) раскрыла отношение военной эмиграции к фашизму и войне, подробно остановившись на позиции генералов А.А. фон Лампе, А.И. Деникина, А.П. Архангельского, капитана В.В. Орехова (главного редактора журнала «Часовой»). Активизация нацизма и военная угроза, нависшая над СССР к концу 1930-х гг., возродили в среде значительной части военных эмигрантов надежды на изменение политического строя в Советской России с помощью гитлеровской Германии. В результате с началом войны против СССР они сочли своим долгом принять участие в боевых действиях на стороне Германии под лозунгом борьбы против большевизма ради освобождения России. Деятельности Совета послов русского зарубежья накануне Второй мировой войны посвятила свое выступление к.и.н. *Е.М. Миронова* (Институт всеобщей истории РАН), отметившая, что для дипломатов, хотя и не признавших большевистскую Россию, не существовало вопроса, с кем быть в случае войны против СССР. В этой среде данная проблема решалась в пользу неучастия в иноземном вторжении в Россию. В качестве характерного примера был приведена позиция Е.В. Саблина, который сотрудничал в годы войны с советским посольством в Лондоне.

Отношение патриотически настроенной эмиграции к появлению фашистских настроений среди молодежи еще в 1920-е гг., в частности, в Китае, осветила в своем докладе к.и.н. *В.Ю. Волошина* (Омский государственный университет). К.и.н. *Т.П. Тетеревлева* (Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова) на материалах Северной Европы раскрыла тему конфликта поколений в среде русской эмиграции накануне и в начальный период Второй мировой войны, остановившись на проблеме нравственного выбора, вставшей перед эмигрантами в тот период. Дискуссиям об оборончестве и участии в них партии «Крестьянская Россия» в конце 1930-х гг. и в период войны был посвящен доклад *М.В. Соколова* (Радио «Свобода», Москва). Различная оценка социально-экономической и политической ситуации в мире и методов борьбы с большевиками, как было показано в докладе, явились причинами кризиса в партии.

К.и.н. *М.Г. Шендерюк* (Российский государственный университет им. Канта, Калининград) в своем докладе попыталась проанализировать позицию «патриотов» и коллаборационистов в годы войны. Бельгийский коллаборационизм и отношение к нему русской правой эмиграции получили освещение в выступлении *С.А. Манькова* (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). К биографии начальника личной охраны генерала Власова полковника К.Г. Кромиади обратился в своем докладе *А.С. Кручинин* (Дом Русского зарубежья им. А.И. Солженицына).

Специальное внимание на конференции было уделено российской эмиграции в разных странах в период Второй мировой войны, ее отношению к СССР, помощи соотечественников из Нового Света Красной армии и русскому народу, участию в движении Сопротивления. К.и.н. *Л.Н. Семенова* (Институт парламентаризма и предпринимательства, Белоруссия) в своем выступлении раскрыла роль представителей славянской эмиграции Канады в движении помощи СССР в годы войны. Эта тема была развита также в докладах д.и.н. *Г.Н. Каневской* (Владивостокский институт международных отношений), посвятившей свое выступление русским в Австралии накануне и в годы войны, и к.и.н. *М.Н. Мосейкиной* (Российский университет дружбы народов), исследовавшей деятельность русской колонии города Сан-Пауло по оказанию помощи соотечественникам на основе воспоминаний участника Русского комитета помощи жертвам войны И.Ф. Лихоманова. О концентрационном лагере Компьене во Франции, узниками которого были русские участники Сопротивления – люди разных политических убеждений (И.А. Кривошein, И.И. Бунаков-Фондаминский и другие), рассказал в своем докладе к.и.н. *В.Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН).

Историография российской эмиграции в Маньчжуо-Ди-Го в 1931–1945 гг. была проанализирована в докладе д.и.н. *Н.Е. Абловой* (Белорусский государственный экономический университет). К.и.н. *Е.Н. Наземцева* (Барнаульский государственный педагогический университет) подробно остановилась на судьбе русской эмиграции в Синьцзане накануне и в годы войны. Как следовало из докладов, дальневосточная эмиграция, как и европейская, разделилась после окончания войны на 2 лагеря. Один объединял людей, считавших СССР своей Родиной и решивших туда вернуться (хотя, как известно, далеко не все из репатриантов возвратились в СССР по своему желанию), другой составляли так и не смирившиеся с советской властью эмигранты, большинству из которых удалось благополучно выехать летом–осенью 1945 г. за пределы Китая – в США, Австралию, Латинскую Америку. На конференции получила освещение и судьба отдельных представителей известных российских фамилий в годы войны – князей Мещерских (*И.В. Сахаров* (РНБ)), Голицыных (*Е.В. Конюхова* (Санкт-Петербург)), адмирала Ю.К. Старка (*В.П. Старк*, ИРЛИ РАН). Не остался без внимания и такой важный научный аспект как религиозная жизнь русской эмиграции и проблема взаимодействия Церквей. В докладе д.и.н. *М.В. Шкаровского* (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств) была проанализирована деятельность в годы Второй мировой войны русской церковной эмиграции в Италии.

Восприятие эмигрантами «зимней войны» с Финляндией и последующих событий, связанных с нападением гитлеровской Германии на СССР получило освещение в выступлениях *А.В. Урядовой* (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова), к.и.н. *Е.И. Беловой* (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов), к.и.н. *Ю.В. Бельчич* (РГАЭ). Докладчики выявляли реакцию эмигрантского сообщества на состояние Красной армии, ее боевого духа, а также на участие гражданского населения СССР в борьбе с фашизмом. Большой интерес вызвало выступление к.и.н. *М.В. Кротовой* (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов), посвященное восприятию эмигрантами прихода советских войск в Маньчжурию в 1945 г. Еще одна проблема, которая оказалась в центре внимания участников конференции – история формирования второй волны эмиграции. Д.и.н. *З.С. Бочарова* (Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова) обратилась к самой постановке проблемы, выделив такие ее аспекты, как численность, социальный состав второй волны эмиграции, проблема коллаборационизма. В выступлении *К.М. Александрова* (Институт филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета), вызвавшем оживленную дискуссию, был дан анализ состава второй волны эмиграции и предложен довольно спорный подход к определению ее хронологических рамок (с упором на этапы антисоветского сопротивления – в годы нэпа, сопротивления крестьянства сталинской коллективизации, «большого террора»). В рамках подобного подхода докладчик оценивает и позицию генерала Власова и его офицеров, которым посвящен изданный им и представленный на конференции биографический справочник.

После войны русское зарубежье пополнялось военнопленными, интернированными, беженцами, эмигрантами и перемещенными лицами. Свое видение судеб военнопленных, частью пополнивших состав второй волны эмиграции, эмоционально представили библиограф и литературовед, директор Вашингтонского отделения Конгресса русских американцев *Л.А. Фостер* (США), а также д.и.н. *П.Н. Баранов* (Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Особое внимание в ходе конференции было уделено лагерям перемещенных лиц и жизни их обитателей. На основе новых архивных источников и личных воспоминаний в

докладах *А.В. Шмелева* (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфорд, США), *к.и.н. Н.А. Родионовой* (Государственный университет – Высшая школа экономики) была показана жизнь людей, оказавшихся после войны в лагерях перемещенных лиц в Германии – Шляйсхайм и Менхегоф. *А.В. Антошин* (Уральский государственный университет им. А.М. Горького) также остановился на повседневной жизни послевоенной эмиграции. Как было показано в докладах, взаимное отчуждение первой и второй «волны» эмиграции постепенно преодолевалось. Подтверждением тому служат материалы личного фонда Д.Н. Федотова-Уайта (1889–1950) в Бахметевском архиве, с которыми ознакомил участников конференции санкт-петербургский исследователь д.и.н. *Е.В. Петров*.

Культурной жизни эмиграции в военное и послевоенное время было посвящено специальное заседание. На примере деятельности Беженского университета и Толстовского фонда д. биол. н. *Т.Н. Ульянкина* (Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова) показала деятельность эмиграции по спасению европейских ученых от нацизма. К.и.н. *Е.Е. Седова* (Воронежский государственный педагогический университет) подробно остановилась на деятельности русских учебных заведений в Европе в военное и послевоенное время. Выступление *Л.И. Петрушевой* (ГА РФ) было посвящено важной проблеме сохранения Русского заграничного исторического архива в Праге в 1938–1945 гг. В докладе к. искусств. *Н.А. Авдюшевой-Лекомт* (Бельгия) получили освещение жизнь и судьбы художников Русского зарубежья, проживавших в годы Второй мировой войны в Бельгии, их деятельность по сохранению своей национальной идентичности и культуры в условиях нацистской оккупации. С фондами и перспективами публикации художественной литературы второй волны эмиграции в Российской государственной библиотеке ознакомила присутствующих к.фил.н. *М.Е. Бабичева* (РГБ). Докладчик представила подробное описание изданий, в разные годы выходивших в странах русского рассеяния и имеющихся в наличии в РГБ. Стендовый доклад на тему «Русский “книжный бум” в Германии в 1945–1948 гг.» представил *Р.В. Полчанинов* (США, Нью-Йорк). *И.Н. Толстой* (русская служба «Радио Свобода», Чехия) на примере участия представителей второй волны эмиграции в работе на «Радио Свобода» проиллюстрировал их вовлеченность в противостояние между Востоком и Западом с началом холодной войны.

В рамках конференции прошли презентации новых изданий. Так, Председатель правления Информационно-культурного центра «Русская эмиграция» *М.Д. Чернышова* представила альманах «Берега» (№ 11–12 за 2009 г.), посвященный русской эмиграции в Латвии и Эстонии, и сборник «Нансеновские чтения-2008», изданный на основе материалов чтений, проведенных в 2008 г. и посвященных проблемам взаимодействия русской эмиграции и СССР. Участникам конференции была также представлена публикация ««Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931. № 1–34): указатель содержания», составленная сотрудником отдела Русского зарубежья РГБ *Е.В. Кротовой* по заказу Информационно-культурного центра «Русская эмиграция». Новое издание монографии «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции. 1917–1988» представил участникам конференции ее автор д.и.н. *П.Н. Базанов*. К.и.н. *Т.М. Симонова* презентовала свою монографию «Советская Россия (СССР) и Польша. Военно-пленные Красной армии в польских лагерях (1919–1924). Часть I» и коллективную монографию «Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г.». Состоялись также презентации тетралогии писателя-репатрианта Юрия Слепухина об эмигрантах второй волны и перемещенных лицах и компакт-диска «Архивные документы РГАЛИ и архив кинофотодокументов», выполненного фирмой «Альт-софт».

III Международная научная конференция «Нансеновские чтения» убедительно показала, сколь интересна и разнообразна тематика проблем, связанных со второй волной российской эмиграции, которые еще более актуализируются в свете тех дискуссий, которые развернулись в нашем обществе вокруг истории Второй мировой войны.

**М.Н. Мосейкина, кандидат исторических наук
(Российский университет дружбы народов)**

Всероссийская научная конференция «Диффузия европейских инноваций в Российской империи»

10–11 ноября 2009 г. в Екатеринбурге состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Диффузия европейских инноваций в Российской империи», организованная Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН. В обсуждении проблем проникновения и распространения опыта инновационного развития в традиционном обществе (в данном случае европейских нововведений в дореволюционной России) приняли участие около 50 человек, в том числе академик В.В. Алексеев, 17 докторов и 20 кандидатов наук из Екатеринбурга, Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Челябинска, Тюмени, Астрахани, Чернигова, Эбердина (Шотландия). Активное участие в конференции ученых из разных научных центров свидетельствовало об актуальности и значимости ее тематики. В свою очередь, их встреча создала возможность для плодотворных профессиональных дискуссий, позволила определить состояние разработки и перспективы дальнейшего изучения темы. В ходе работы конференции происходило многостороннее осмысление взаимоотношений России и европейских стран, была рассмотрена роль диффузии европейских инноваций в российской модернизации, анализировались основные каналы, факторы и механизмы внешних влияний, выявлялись закономерности, особенности и результаты их воздействия на социальные институты и культуру России XVIII – начала XX в.

Конференция открылась вступительным словом председателя оргкомитета академика В.В. Алексеева, поставившего проблему межцивилизационных диффузий и осветившего причины, препятствующие восприятию базовых ценностей западной цивилизации в России. На пленарном заседании речь шла преимущественно о теоретико-методологических аспектах концепции диффузионизма, которые активно разрабатываются сотрудниками сектора историографии и методологии ИИиА УрО РАН. Заведующий сектором к.и.н. И.В. Побережников показал взаимосвязь понятий «диффузия», «цивилизация» и «модернизация», отметив, что использование диффузионной модели раскрывает широкие возможности для изучения распространения технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптации, влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность. Ведущий научный сотрудник д.и.н. Е.В. Алексеева, резюмируя суть концепции диффузионизма, раскрыла ее эвристический потенциал для исследования развития России, сосредоточив особое внимание на цене и результатах интродукции европейских инноваций в разных сферах жизни российского общества, а также на значении этого процесса для отечественной истории. Ведущий научный сотрудник д.и.н. С.А. Нефедов указал на то, что история России XVII–XIX вв. в значительной мере формировалась под воздействием диффузионных волн, исходивших от различных стран Западной Европы и вызванных масштабными техническими и экономическими инновациями. Пленарное заседание продолжило выступление главного редактора журнала «Российская история» д.филос.н., профессора А.Н. Медушевского, в котором он изложил принципы конструирования национальной правовой системы в России, сложившиеся под влиянием идей И. Бентама. Завершил эту часть конференции доклад доцента кафедры истории дореволюционной России исторического факультета Челябинского государственного университета к.и.н. Д.В. Тимофеева, посвященный «истории понятий» как методу исследования процесса адаптации европейских социально-политических идей в России в первой четверти XIX в.

Затем работа конференции продолжилась в 4-х секциях: «Перенос инноваций: агенты, каналы, механизмы», «Распространение и адаптация европейских идей и институтов в России», «Западные экономические идеи и практики в Российской империи», «Европеизация российского общества и культуры».

Докладчиками были охвачены проблемы европейских инноваций и их адаптации в практике государственного управления России первой трети XVIII в. (д.и.н. Д.А. Редин), в том числе при организации местных органов Берг-коллегии (М.А. Киселев) и в ходе реализации на местах судебной реформы 1717–1727 гг. (к.и.н. Е.В. Бородина). К.и.н. С.В. Куликов провел сравнительный анализ института монархической власти в Российской империи и странах Европы и Азии в начале XX в. К.и.н. М.В. Жолудов охарактеризовал влияние британского парламентаризма на общественно-политическую мысль дореволюционной России. В выступлении д.и.н. В.Л. Степанова анализировалось восприятие в России в XIX – начале XX в. идей германской экономической науки. Рецепция западноевропейского опыта в законодательстве и деловой практике рассматривалась выступавшими применительно к таким институтам российского экономического развития XVIII – начала XX в., как биржи (д.и.н. П.В. Лизунов), банки (д.и.н. В.В. Морозан), кредитная система (д.и.н. В.Н. Захаров). Показаны масштабы и специфика применения иностранной тех-

ники и технологий в военной (к.и.н. *В.А. Ляпин*, к.и.н. *Г.Н. Шумкин*), золотодобывающей (к.и.н. *Е.Ю. Рукосуев*), мукомольной промышленности Урала XIX – начала XX в. (*В.П. Микитюк*), в промышленности и сельском хозяйстве Приуралья (к.и.н. *Н.А. Родионов*).

Проблемы роли и соотношения внутренних и внешних факторов в обеспечении формирования своеобразной российской модели модернизации были представлены комплексно, включая геополитику (к.и.н. *К.И. Зубков*), законодательство (д.и.н. *Л.А. Дашкевич*), организацию вооруженных сил в XVIII в. (профессор *П. Дьюкс* и к.и.н. *А.В. Кутащев*) и во время войны 1812 г. (д.и.н. *В.Н. Земцов*), хозяйственную жизнь военных поселений в XIX в. (д.и.н. *К.М. Ячменихин*), а также сферы образования (к.и.н. *Т.Н. Кандаурова*) и культуры: от топосов русских садов и парков (к.ю.н. *Е.С. Соколова*) до ежегодных праздников (д.и.н. *О.Г. Агеева*), балов (к.и.н. *Л.Г. Литвинова*), моды (к.и.н. *О.Н. Яхно*) и щегольства (д.и.н. *С.В. Голикова*) как феноменов адаптации инноваций в культуре. Направления, каналы, агенты, механизмы и результаты проникновения зарубежного опыта в Россию (д.и.н. *Е.Г. Неклюдов*, к.и.н. *Е.А. Курлаев*, к.и.н. *С.А. Корепанова*, к.и.н. *И.В. Шильникова*, *О.К. Ермакова*), типы реакции общества на импорт нововведений (д.и.н. *С.В. Литвинов*, д.и.н. *А.С. Сенявский*, к.и.н. *М.А. Павленко*), а также результаты их адаптации в институционально-политической, хозяйственно-экономической и социокультурной сферах рассматривались докладчиками применительно к особенностям разных российских регионов. Внедрению европейских инноваций в повседневную жизнь российской провинции были посвящены доклады д.и.н. *П.В. Акульшина* и к.и.н. *Е.Ю. Казаковой-Анкаримовой*.

Конференция показала, что необходимо дальнейшее исследование теоретико-методологических проблем диффузионаизма, механизмов, каналов, агентов распространения западноевропейских инноваций в российском социуме нового времени. Всестороннего анализа требует реакция российского общества на проникновение европейских заимствований в традиционный уклад жизни, проблемы отторжения, адаптации, аккультурации и рутинизации инноваций. Коренным, и в то же время дискуссионным, остается вопрос о цене и целесообразности привнесения и внедрения в российском цивилизационном пространстве западных инноваций. На заключительном заседании было высказано предложение сделать конференцию регулярной и расширить хронологические рамки ее тематики.

После подведения итогов работы конференции состоялась встреча читателей с главным редактором журнала «Российская история» А.Н. Медушевским. В содружественном и емком выступлении он высказал свое понимание исторического процесса и современной историографической ситуации, обозначил новые, перспективные направления для развития исторического знания, остановился на нерешенных проблемах. Заданные вопросы и последовавшая дискуссия, в которой приняли участие В.В. Алексеев, В.Н. Земцов, К.И. Зубков, Д.А. Редин и профессор Эбердинского университета П. Дьюкс, свидетельствовали о живом интересе научной общественности к судьбе главного исторического журнала страны.

Доклады участников конференции опубликованы под редакцией Е.В. Алексеевой в сборнике «Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г.» (Екатеринбург, 2009). Собранные в нем материалы скомпонованы таким образом, что книга воспринимается целым исследованием, отражающим современное состояние разработки проблем проникновения и распространения западноевропейских новаций в российское общество периода империи. Несмотря на то, что главное внимание авторов книги фокусировалось на прошлом, ее проблематика неизменно актуальна для развития нашего государства и как никогда насыщна теперь, когда идет поиск оптимальных путей национального развития в условиях нового глобального миропорядка.

**Е.В. Алексеева, доктор исторических наук
(Институт истории и археологии УрО РАН)**

Российско-германский проект «Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и человек»

22 сентября 2009 г. во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ) был представлен российско-германский историко-просветительский проект «Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944). Дипломат и человек», приуроченный к 70-летию начала Второй мировой войны, 75-летию с начала дипломатической миссии Шуленбурга в СССР и 65-летию его трагической гибели. Шуленбург – посол Германии в СССР в 1934–1941 гг., был последовательным сторонником идеи сотрудничества и достижения

взаимопонимания между Германией и Советским Союзом. Шулленбург принял участие в заговоре против Гитлера, был арестован, приговорен к смерти и казнен 10 ноября 1944 г. в тюрьме Плещензее в Берлине.

Проект был реализован при участии и поддержке Министерства культуры РФ, Архива внешней политики Министерства иностранных дел РФ, Российского государственного архива новейшей истории, Государственной публичной Исторической библиотеки России, Государственного архива РФ, Посольства ФРГ в Москве, Министерства иностранных дел ФРГ, Политического архива и Исторической службы Министерства иностранных дел ФРГ, германского Института Гёте (Москва), московского представительства фонда им. К. Аденауэра (ФРГ), Мемориала немецкого Сопротивления (ФРГ), Культурного фонда земель (ФРГ), Фонда «20 июля 1944 г.» (ФРГ). Проект включал в себя проведение международного «круглого стола», открытие выставки «Немецкое Сопротивление в годы Второй мировой войны. Посол Шулленбург» и презентацию издания «Каталог книг из частного собрания графа Шулленбурга в московских библиотеках».

На открытии «круглого стола» с приветственным словом выступили специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству *М.Е. Швыдкой*, посол Германии в России *В.Ю. Шмид*, представитель Фонда им. К. Аденауэра в Москве *Л.П. Шмидт*, генеральный директор ВГБИЛ *Е.Ю. Гениева*. Для участия в работе «круглого стола» из ФРГ приехали представители семьи Шулленбург: *граф П.-В. фон дер Шулленбург, граф В. фон дер Шулленбург, граф Ш. фон дер Шулленбург, графиня А. Харденберг*, а также мэр г. Фалькенберга (Бавария) *Г. Бауэр*. Выступая с приветствием по поручению семьи Шулленбург, посол в отставке, представитель Фонда «20 июля 1944 г.» (ФРГ) *В. фон дер Шулленбург*, поблагодарив организаторов за идею и воплощение проекта в Москве, отметил, что для него и членов семьи очень важно было узнать, что в России не только помнят, но и находят новые материалы о жизни и деятельности Фридриха Вернера фон дер Шулленбурга.

Доклады участников «круглого стола» были объединены в несколько тематических групп. В блоке «Международный кризис 1939–1941 гг.» основной доклад сделал директор Института всеобщей истории РАН *А.О. Чубарьян*, который подробно рассмотрел роль посла Шулленбурга в интенсивных и напряженных германо-советских отношениях предвоенного времени. Чубарьян отметил, что существовал дуализм между политическими пристрастиями Шулленбурга и его служебным долгом. Шулленбург, сторонник мирного взаимовыгодного сотрудничества между Германией и СССР, работал в высшей степени профессионально; он старался снимать растущее напряжение в германо-советских отношениях. У германского посла в Москве не было желания содействовать дипломатической подготовке нападения на СССР: он предостерегал Гитлера от этого шага, но делал это очень осторожно. Шулленбург стремился если не предотвратить, то максимально отсрочить войну, до 22 июня 1941 г. являясь «средством сообщения» между германской и советской верхушкой. Профессор *А.Б. Зубов* (МГИМО-Университет) рассказал о международной обстановке 1939 г., подписании советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему и роли Шулленбурга в кризисе 1939 г.

В блоке «Профессиональная деятельность графа Фридриха Вернера фон дер Шулленбурга. Посол Германии в СССР (1934–1941 г.)» было сделано 3 доклада. Д-р *Х.-Г. Вик*, посол ФРГ в СССР в 1977–1980 гг., осветил основные пункты политики, которую Шулленбург проводил на своем посту в Москве. Докладчик отметил, что Шулленбург, «прекрасно отдавая себе отчет в том, что Гитлер не заинтересован в развитии отношений с СССР на основе принципов договора в Рапалло, от начала до конца своей деятельности пытался находить точки соприкосновения между Германией и СССР – сначала в экономической, а в 1939–1940 гг. также и в политической области». Вик подчеркнул, что Шулленбург не имел ничего общего с захватнической политикой Гитлера и всеми силами пытался предотвратить гибельное для Германии нападение на СССР. В то же время Гитлер и Риббентроп скрывали от посла в Москве действительные планы нацистского руководства. Д-р *К. Дитрих ван Веринг* сообщила неизвестные ранее подробности, касающиеся личности Шулленбурга. Она обратилась с просьбой к присутствовавшим на «круглом столе» представителям российских архивов найти сведения о семье Аллы Дуберг (Шубиной), чья судьба многие годы была тесно связана с жизнью Шулленбурга. Эксперт Министерства иностранных дел РФ *В.В. Соколов* представил подробный доклад о деятельности Шулленбурга на посту посла Германии в СССР, рассказал, в частности, о попытках Шулленбурга в мае 1941 г. пойти на конфиденциальные контакты с советским руководством через полпреда СССР в Берлине *В.Г. Деканозова*. К сожалению, попытки Шулленбурга предупредить советскую сторону о подготовке германского нападения на СССР не дали результата из-за недоверия Сталина.

Блок «История немецкого Сопротивления и участие Шулленбурга в заговоре против Гитлера в июле 1944 г.» включал 2 доклада. Посол в отставке, председатель правления Германо-российской

ского форума д-р Э.-Й. фон Штудниц рассказал, как логика дипломатической деятельности и личные убеждения привели Шулленбурга в ряды участников заговора против Гитлера, а также о планах Шулленбурга пойти на контакт с советским руководством во время войны. Редактор отдела журнала «Новая и новейшая история» Б.Л. Хавкин дал научное определение понятию «Сопротивление» и рассмотрел антигитлеровский заговор 20 июля 1944 г. как часть общеевропейского движения Сопротивления. Докладчик на основе изучения новых документов пришел к выводу о том, что Шулленбург, как и некоторые участники заговора против Гитлера из числа военных, был сторонником ориентации на Восток – заключения мира с СССР и возобновления взаимовыгодных германо-советских отношений.

В рамках третьего тематического блока «Частная библиотека графа Ф.В. фон дер Шулленбурга в российских собраниях: книговедческие и архивные исследования» выступили генеральный директор Культурного фонда земель (ФРГ) И. Пфайффер-Пёнцген, заведующая отделом редкой книги ВГБИЛ К.А. Дмитриева, заведующая отделом редкой книги зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета (ЗНБ ВГУ) Г.С. Ланцузская. Обсуждалась проблема книговедческого описания сохранившихся фрагментов частной библиотеки Шулленбурга, книги из которой в настоящее время рассеяны по фондам разных российских библиотек. Известно о сохранившихся 153 томах в ВГБИЛ, ГПИБ и ЗНБ ВГУ. По итогам исследований при финансовой поддержке Культурного фонда земель (ФРГ) был издан каталог «Книги из частной библиотеки графа Фридриха Вернера фон дер Шулленбурга в московских библиотеках», презентация которого прошла в рамках «круглого стола». Представляя каталог, г-жа И. Пфайффер-Пёнцген подчеркнула, что это «результат успешного сотрудничества российских и германских коллег, что позволяет надеяться на развитие и продолжение совместных исследований, связанных с поиском, изучением и сохранением книжных собраний, разрозненных в связи с трагическими событиями Второй мировой войны».

В дискуссии приняли участие: Е.Ю. Гениева, А.О. Чубарьян, И.Ф. Максимычев (Институт Европы РАН), Б. Бонвич (директор Германского исторического института в Москве), Э.-Й. фон Штудниц, Б.Л. Хавкин, И. Монок (директор Национальной библиотеки им. Сечении, Венгрия) и другие.

В заключительном слове П.В. фон дер Шулленбург высказал пожелание опубликовать материалы «круглого стола» на немецком и русском языках. Этому изданию обещана финансовая поддержка со стороны семьи Шулленбург и Фонда «20 июля 1944 г.». В главном здании ВГБИЛ в торжественной обстановке была открыта выставка «Граф Фридрих Вернер фон дер Шулленбург. Дипломат и человек».

К.А. Дмитриева,
Н.Н. Зубков, кандидат филологических наук
(Всероссийская государственная
библиотека иностранной
литературы им. М.И. Рудомино)

«Круглый стол» по истории политической карикатуры

1 декабря 2009 г. в рамках постоянного междисциплинарного семинара по истории взаимовосприятия культур в Институте российской истории РАН (ИРИ РАН) прошел «круглый стол» «Мир в зеркале политической карикатуры», организованный Центром по изучению отечественной культуры. В нем приняли участие представители ИРИ РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ и других научных учреждений Москвы.

Во вступительном докладе «Политическая карикатура как исторический источник: постановка проблемы» к.и.н., руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН А.В. Голубев отметил, что в российской историографии политическая карикатура лишь недавно стала объектом для исследований в качестве самостоятельного исторического источника. Он подчеркнул, что карикатура может быть использована не только для изучения истории пропаганды, журналистики или политической истории. В широком смысле карикатура – это источник познания мира, формирования его визуальных образов. Как и фотография, карикатура формирует образ Другого (в данном случае неважно, союзника или противника). Но отличие карикатуры заключается в том, что она предоставляет своему зрителю уже готовый образ.

Д.и.н. И.С. Рыбаченок (ИРИ РАН) рассмотрела основные особенности карикатуры рубежа XIX–XX вв. на примере коллекции карикатур и гравюр, собранной выдающимся французским коллекционером и журналистом Д. Гран-Картере. Особенный интерес для коллекционера представляли карикатуры на немецкого канцлера О. Бисмарка. Любопытно, что российская карикатура того времени была почти неизвестна западному читателю – в коллекции Картере можно найти всего лишь несколько экземпляров, взятых из журнала «Стрекоза».

К.и.н. Л.В. Жукова (МГУ) рассмотрела тематические и сюжетные особенности русских лубочных картин времен русско-японской войны 1904–1905 гг. Она отметила, что начало XX в. стало золотым временем для русского лубка, периодом его становления как массового культурного инструмента. Основные проблемы, отраженные в лубке, – проблема российской самоидентификации, противостояние европейского и азиатского миров, борьба «большого» (России) и «малого» (Японии). При этом образы не оставались неизменными – так, например, в 1904 г. японец изображался немного звероподобным и нецивилизованным, но уже в 1905 г. в лубке появился европеизированный японец.

Доклад д.филос.н. И.В. Кондакова (РГГУ) был посвящен советской карикатуре в журнале «Огонек» в 1920–1930-х гг. Советская поэтическая сатира в это время развивалась в жанре фельтона, очерка, фотографии и фотоколлажа. Карикатурные рисунки предстают в образе иллюстраций, сопровождающих художественные произведения (повести и рассказы), очерки, фельетоны. Первоначально на международные темы в «Огоньке» публиковались работы иностранных карикатуристов, редко – работы Б. Ефимова, Ю. Ганфа, Л. Сойфертиса. По мнению исследователя, причина малого интереса к карикатуре в «Огоньке» заключалась в том, что его главный редактор М. Кольцов считал журнал строгим, аналитическим изданием, опирающимся на факты, а не на их интерпретации.

В докладе А.В. Голубева «Советская политическая карикатура межвоенного периода» было охарактеризовано отличие советской карикатуры от зарубежной. Советские работы были ориентированы на массового читателя, а не только на образованный класс. Основными достоинствами карикатуры были злободневность и острота. Так, например, в 1926 г. карикатура стала поводом для дипломатической ноты, посланной правительством Великобритании советскому полпреду в этой стране.

В сообщении аспиранта ИРИ РАН Т.А. Мухаматулина «Гражданская война в Испании глазами советской карикатуры» рассматривался прикладной аспект изучения карикатуры как одного из источников по истории восприятия. На основе статистики было подчеркнуто важное место, которое занимала испанская тематика в карикатуре 1936–1939 гг. В докладе д.и.н. В.А. Невежис-на (ИРИ РАН) «Польша в советской карикатуре 1939–1941 гг.» было показано значимое место Польши в ряду других стран, отображаемых в советской политической карикатуре. Автор обратил внимание на интересное совпадение образов советской и немецкой национал-социалистической пропаганды в отношении Польши и констатировал неуважение советских карикатуристов по отношению к традиционным польским символам.

В завершение «круглого стола» его участники констатировали: накоплен опыт, достаточный для проведения двухстороннего исследования советской и западноевропейской карикатуры с выявлением общих образов, сюжетов, противоречий (подобное исследование недавно вышло применительно к российской и польской карикатуре¹). Интерес участников обсуждения вызвала проблема «обратной связи» – мало известно, как воспринималась карикатура. Подчеркивалось, что практически не была затронута тема соотношения рисунка и текста на карикатуре, что необходимы исследования в области «декодирования» тех смыслов, которые вкладывались в карикатуру. Был затронут также вопрос о том, почему для политической карикатуры, пережившей период расцвета в течение почти всего XX в., сейчас наступили не лучшие времена. По мнению исследователей, это связано как с появлением новых каналов массовой коммуникации (телевидение, Интернет и др.), так и с изменением форм и методов политической пропаганды. По материалам «круглого стола» будет подготовлен сборник статей.

Т.А. Мухаматулин, аспирант
(Институт российской истории РАН)

Примечание

¹ Де Лазари А., Рябов О.В. Русские и поляки глазами друг друга: сатирическая графика. Иваново, 2007; De Lazari A., Riabow O. Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze. Warszawa, 2008.

Всероссийская научная конференция «Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные»

21–22 декабря в Институте истории и археологии УрО РАН состоялась Всероссийская научная конференция «Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные». Клиодинамика – это новая ветвь исторической науки, задачей которой является построение сначала вербальных, а затем и математических моделей исторических процессов. Цель конференции состояла в том, чтобы объединить исследователей, работающих в области исторической макросоциологии, математического моделирования, статистического анализа динамических процессов в истории, социального развития, экономической истории, исторической демографии и смежных дисциплин. Конференция в Екатеринбурге стала третьей конференцией, посвященной клиодинамике, первые две проходили в Москве и в Элиманаре (на Алтае). На этот раз конференция проводилась Институтом истории и археологии, Институтом математики и механики УрО РАН, Уральским институтом экономики, управления и права и Волгоградским центром социальных исследований при поддержке междисциплинарной программы УрО РАН «Историческая динамика России: факторы, модели, прогнозы».

Екатеринбургская конференция стала более представительной, чем предыдущие: среди ее участников были два американских профессора, доктора наук из Москвы, Пущино, Санкт-Петербурга, Киева, Киприана, Новосибирска, Владивостока, Оренбурга, Пензы, Екатеринбурга. Открыло конференцию выступление ее главного организатора, директора Института истории и археологии, академика РАН *В.В. Алексеева*. Его доклад был посвящен программе Уральского отделения РАН, которая объединила специалистов из Института истории и археологии и Института математики и механики в работе над созданием масштабной модели экономического развития России в конце XIX – начале XX в. Эта модель, по замыслам ее разработчиков, должна отслеживать динамику около двухсот различных экономических параметров; по своей идеологии и масштабам она аналогична модели экономики XIX в. построенной нобелевским лауреатом Р. Фогелем. Методам и подходам, используемым при построении этой модели, были посвящены и доклады д.ф.-м.н. *В.Д. Мазурова, Ю.М. Хачая, к.ф.-м.н. А.И. Смирнова, К.С. Кобылкина* и др.

Тематика большей части докладов конференции была связана с моделированием экономической и социальной динамики промышленных и развивающихся стран. Выступление одного из лидеров нового направления (и автора термина «клиодинамика») профессора Коннектикутского университета *Питера Турчина* было посвящено анализу взаимосвязи между динамикой потребления и волнами социально-политической неустойчивости в индустриальных обществах. Исследователь рассмотрел 3 возможных объяснения этой взаимосвязи и с помощью корреляционного анализа доказал, что наилучшее совпадение теоретического прогноза и реальной динамики наблюдается в случае использования в качестве объяснительной модели демографически-структурной теории Дж. Гольдстоуна.

Большой интерес вызвал доклад директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования д.ф.-м.н., д.п.н. *С.С. Сулакшина*, посвященный обоснованию метода сетевого интеллекта для получения (и пополнения) эмпирических рядов, описывающих причинно-следственные связи между факторами управления системой и ее состояниями. С помощью этого метода был получен исторический ряд качества государственного управления и коэффициента жизнеспособности российской государственности. Было показано, что ошибочность управления в России выходит за рамки обычных ошибок и предложена модель количественного политического спектра, на основе которой прогнозируется системный кризис в России на рубеже 2020 и 2021 гг.

В совместных докладах группы московских исследователей, д.и.н. *А.В. Коротаева*, д.ф.н. *Л.Е. Гринина* и д.т.н. *Ю.С. Малкова* было показано, что в модернизирующихся обществах уровень урбанизации может служить критерием вероятности возникновения политической нестабильности. Особенно велик риск нестабильности в интервале урбанизированности от 7.5 до 22.5%. Также на основе модели среднесрочного (7–11 лет) экономического цикла было дано объяснение особенностей современного кризиса, связанных со стихийностью развития глобальной экономики, повышенной роли финансовой составляющей. Д.ф.н. *Н.С. Розов* представил доклады о циклах российской истории и о дивергенции постсоветских обществ. Доклад *А.В. Коротаева* и д.т.н. *С.В. Циреля* был посвящен выявлению кондратьевских волн в динамике мирового ВВП в 1871–2007 гг. Профессор Национальной академии государственного управления при

Президенте Украины Э.А. Афонин раскрыл авторскую концепцию «универсального эпохального цикла» и количественно-качественные методики диагностики психосоциальной культуры, направленность изменений последней в условиях постмодерна.

Ряд докладов был связан с попытками модельного описания обществ примитивных земледельцев и кочевников. Вступление директора Центра комплексных социальных исследований университета Джорджа Мэйсона *Клаудио Чиоффи-Ревилла* был посвящен компьютерному моделированию образования кочевых государств во внутренней Азии. Д.и.н. Н.Н. Крадин представил доклад о моделировании численности населения кочевников-скотоводов. Первичные и вторичные пути образования ранних государств проанализировал С.В. Цирель.

Принципиальному вопросу о степени применимости математических моделей для анализа исторических процессов были посвящены доклады д.и.н. Л.Н. Мазур и Е.Т. Артемова. Этот вопрос приобрел особое звучание в свете совместного доклада д.ф.-м.н. А.Б. Медвинского и его коллег А.В. Русакова, В. Раи и Б. Ли. В этом докладе, в частности, была показана возможность возникновения хаоса в некоторых моделях типа «потребитель/производитель – сельскохозяйственный продукт». Этот феномен вызвал оживленную дискуссию, которая нашла свое продолжение в докладе д.и.н. С.А. Нефедова, посвященном проблеме моделирования неустойчивой динамики населения. Было показано, в частности, что характерные для кочевых обществ колебания численности населения стабилизируются в земледельческих обществах путем создания запасов зерна.

В общей сложности на конференции прозвучало около 40 докладов, тезисы которых опубликованы в брошюре «Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные» (Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2009). Предполагается, что развернутые тексты наиболее интересных докладов будут опубликованы в альманахе «История и математика».

**С.А. Нефедов,
доктор исторических наук
(Институт истории и археологии УрО РАН)**

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории Великой Отечественной войны

Минц М.М. – «Стратегия сокрушения»: Стратегическая и военно-техническая концепции будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х – начала 1940-х гг.	3
Басюк И.А. (Республика Белоруссия) – «Гнать немцев на мороз!»: Приказ Ставки № 0428 .	19
Ермолов И.Г. (Орел) – Деятельность правоохранительных, судебных и юридических органов на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг.	27
Васильева С.И. – Деревня и государственная заготовительная политика в 1941–1945 гг. (на материалах Марийской АССР)	37
Кузьминых А.Л., Старостин С.И. (Вологда) – Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника	48
Пушкарев Л.Н. – Победный 1945 год во фронтовом фольклоре	53

Российское зарубежье

Сабенникова И.В. – Российская эмиграция 1917–1939 гг.: Структура, география, сравнительный анализ	58
Мосейкина М.Н. – Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х гг.	80
Пронин А.А. (Екатеринбург) – Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.	101

Статьи

Сахаров А.Н. – 1809 год в истории России и Финляндии	110
Гришкина М.В. (Ижевск) – Удмурты: Присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве	119
Корнеева Е.И. – Организация иностранного туризма в СССР в 1920–1930-х гг.	134

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Академик РАН Алексеев В.В., академик РАН Тихвинский С.Л., Вандалковская М.Г., Сидорова Л.А – К юбилею А.Н. Сахарова.	142
Гарскова И.М. – Источниковедческие проблемы исторической информатики	151
Аракчеев В.А. (Псков); Лефстранд Э. (Швеция) – А.А. Селин. Новгородское общество в эпоху Смуты	162

Дискуссии и обсуждения

Грот Л.П. (Швеция) – Праиндоевропейские корни населения на Севере России	171
--	-----

Критика и библиография

Голикова С.В., Дашкевич Л.А. (Екатеринбург) – Н.В. Андреев. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в.; Н.В. Андреев. История пермского городского самоуправления (последняя четверть XVIII – первая четверть XIX в.)	191
Мамонов А.В. – Е.Ю. Тихонова. Русские мыслители о В.Г. Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.)	193
Беленский И.Л. – П.А. Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка	198
Мауль В.Я. (Нижневартовск) – Большевизм сквозь призму биографии: Н.Я. Янчевский ...	202
Гребенкин И.Н. (Рязань) – Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951	204
Кринко Е.Ф. (Ростов-на-Дону) – Проблемы истории народов Северного Кавказа: Межнациональные отношения (XX–XXI вв.)	206

Цыбенов Б.Д. (Новосибирск) – Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности)	209
--	-----

Научная жизнь

Мосейкина М.Н. – Русская эмиграция и Вторая мировая война. III Международная научная конференция «Нансеновские чтения»	211
Алексеева Е.В. (Екатеринбург) – Всероссийская научная конференция «Диффузия европейских инноваций в Российской империи»	214
Дмитриева К.А., Зубков Н.Н. – Российско-германский проект «Граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Дипломат и человек»	215
Мухаматулин Т.А. – «Круглый стол» по истории политической карикатуры	217
Нефедов С.А. (Екатеринбург) – Всероссийская научная конференция «Математическая история и клиодинамика: теории, модели, данные»	219

CONTENTS

From the history of the Great Patriotic War

Mints M.M. – «Crushing strategy»: strategic and technical conceptions of the future war in Soviet military doctrine, the 1930s – early 1940s	3
Basyuk I.A. (Republic of Belarus) – «Turn the Germans out to the cold!» The Commander-in-Chief order № 0428	19
Ermolov I.G. (Orel) – The law enforcement and judicial systems on the occupied territory of the Russian Federation, 1941–1944	27
Vasil'eva S.I. – Countryside and the state's policy of supply in 1941–1945 (the case of Mari republic)	37
Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. (Vologda) – Special camps for the former Red Army soldiers and officers who had been imprisoned or surrounded	48
Pushkariov L.N. – The victorious year 1945 in the front-line folklore	53

Russia abroad

Sabennikova I.V. – Russian emigration in 1917–1939: structure, geography, comparative analysis	58
Moseikina M.N. – Russian emigration to Latin America in the 1920s–1930s.	80
Pronin A.A. (Ekaterinburg) – Russian emigration and the émigrés in Russian PhD dissertations, 1980–2005	101

Articles

Sakharov A.N. – The year 1809 in the history of Russia and Finland	110
Grishkina M.V. (Izhevsk) – The Udmurts: incorporation and the mechanisms of adaptation in the Russian state	119
Korneeva E.I. – Organizing international tourism to the USSR, the 1920s–1930s	134

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

RAS Academician Alekseev V.V., RAS Academician Tikhvinsky S.L., Vandalkovskaia M.G., Sidorova L.A. – Towards the anniversary of A.N. Sakharov	142
Garskova I.M. – Historical informatics from the source studies prospective	151
Arakcheev V.A. (Pskov); Loefstrand E. (Sweden) – Selin A.A. Novgorod society during the Time of Troubles	162

Discussions

Grot L.P. (Sweden) – Pre-Indo-European roots of the population of the Russia's North	171
--	-----

Book reviews

Golikova S.V., Dashkevich L.A. (Ekaterinburg) – N.V. Andreev. Methodology and history of the homeland historiography of the development of Russian cities and their economy, the last quarter of 18 th – first half of 19 th centuries; idem. History of the urban self-government of Perm', the last quarter of 18 th – first quarter of 19 th centuries	191
Mamonov A.V. – E.Yu. Tikhonova. Russian thinkers about V.G. Belinsky, the last half of the 19 th – the first half of the 20 th centuries	193
Belen'kiy I.L. – P.A. Zaionchkovsky. A collections of articles and memoirs to the historian's centenary	198
Maul' V.A. (Nizhnevartovsk) – Bolshevism in the light of biography: N.Ya. Yanchevskiy	202
Grebenkin I.N. (Riazan') – Generals and officers of Wehrmacht recount... Documents from the investigation cases of the German prisoners-of-war, 1944–1951	204
Krinko E.F. (Rostov on Don) – Issues of the history of the peoples of the Northern Caucasus: the relations between nationalities, 20 th –21 st centuries	206
Tsybenov B.D. (Novosibirsk) – Studies in the history of Khakassia (from the ancient time to the present)	209

Academic life

Moseikina M.N. – Russian emigration and the WWII. The 3d international research conference «Nansen readings»	211
Alekseeva E.V. (Ekaterinburg) – Research conference «Transfer of the European innovations to Russian Empire»	214
Dmitrieva K.A., Zubkov N.N. – Russian-German research project «Friedrich-Werner Count von der Schulenburg. A Diplomat and a Man»	215
Mukhamatulin T.A. – «Round table» on the history of political cartoon	217
Nefedov S.A. (Yekaterinburg) – The All-Russian scientific conference: «Mathematic history and cliodynamics: Theories, Models, Facts»	219

Редакция

Секиринский С.С. – Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В. – Отдел Новой истории
Мельникова Л.В. – Отдел Древней и Средневековой истории
Лиссейцев Д.В. – Отдел истории народов
Добычина Е.В. – Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Христофоров И.А. – Заведующая редакцией
Шамина И.Н. – Литературный редактор
Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 04.02.2010

Печать офсетная

Подписано в печать 19.04.2010

Усл. печ.л. 18,2   Усл.кр.-отт. 19,3 тыс.

Тираж 1046 экз.   Зак. 188

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Уч. изд.л. 25,2   Бум.л. 7,0

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.

в Министерстве печати и информации РФ

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6